

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ:
ОТ ДОУНИВЕРСИТЕТСКОЙ МОДЕЛИ
К УНИВЕРСИТЕТАМ**

Сборник статей

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2018

ББК 74.03+76.10
Е24

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **М. Б. Бессуднова**
доктор филологических наук, доцент **А. В. Кошелев** (ГАНУ)

Европейские традиции в истории высшей школы в России: от
Е24 доуниверситетской модели к университетам: сборник статей / сост.
В. В. Грохотова, Н. В. Салоников; отв. ред. Н. В. Салоников; НовГУ
им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2018. – 354 с.
ISBN 978-5-89896-698-0

В сборник статей включены исследования учёных разного профиля, посвящённые общим проблемам духовного просвещения и образования, истории книги и библиотек, европейским традициям образования. Особое место уделено деятельности братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, создателей системы высшей школы в России.

Для историков, филологов, философов, книговедов, библиотекарей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, интересующихся историей образования и книги в России и за рубежом.

ББК 74.03+76.10

На лицевой стороне обложки: В. Ларин «Лихудов корпус» (2003 г., акварель, темпера).

ISBN 978-5-89896-698-0

© Новгородский государственный
университет, 2018
© В. В. Грохотова, Н. В. Салоников,
составление, 2018
© Авторы статей, 2018

От составителей

В сборнике статей «Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам» публикуются материалы научной конференции «Третьи Лихудовские чтения»*, а также отдельные доклады «Малых Лихудовских чтений». Организатором научных форумов выступал Научно-исследовательский музейный центр «Лихудовский музей» при кафедре всеобщей истории исторического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого. В них принимали участие учёные из Великого Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Набережных Челнов, Томска, Тюмени, а также из Украины (Харьков, Одесса), Эстонии (Тарту), Швеции (Люлео). На конференциях прозвучало около 40 докладов, большая часть которых была посвящена традициям образования в России, Западной Европе и на христианском Востоке от Античности до Новейшего времени. Особое внимание было уделено деятельности братьев Иоанникия и Софрония Лихудов и истории созданных ими в Москве и Новгороде учебных заведений. Важное место на конференциях заняли также проблемы истории книги и библиотек.

Материалы, публикуемые в сборнике, разбиты на три тематических раздела: «Традиции высшей школы в России», «Европейские традиции образования», «История книги и библиотек». В первый раздел включены статьи историко-образовательной тематики, охватывающие значительный хронологический период, начиная от истории средневекового Новгорода и заканчивая началом XXI столетия. Авторы – историки, филологи, философы – рассматривают широкий круг вопросов, связанных с историей духовного и светского образования в России и влиянием на него византийских и западноевропейских традиций.

Различные эпохи в истории европейского образования представлены в исследованиях, включённых во второй раздел сборника. Ряд статей посвящён средневековым образовательным моделям Византии, христианского Востока и Западной Европы доуниверситетского периода. Много внимания авторы уделили вопросам изучения средневековой университетской идеи и её трансформации в Европе XVIII–XX вв.

Третий раздел сборника посвящён изучению истории книги и библиотек. В него включены статьи, рассматривающие различные вопросы: искусство украшения рукописной книги, история комплектования библиотек учебных заведений и частных книжных собраний, источники изучения регионального книгоиздания в России, судьбы российских библиотек и др.

В Приложение включены статьи Л. Грот, посвящённые проблемам изучения российского политогенеза.

* О конференции см.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородское отделение РОИИ // Вестник РОИИ. 2010. № 21. С. 8–9.

ТРАДИЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

Т. Ю. Фомина*
(НГПИ, Набережные Челны)

К вопросу о подготовке приходских священников в Великом Новгороде (XII в.)

В истории новгородской епископии XII век наполнен чередой важных и значимых событий – это установление традиции избрания новгородского владыки из числа местного духовенства, присвоение владыкам Великого Новгорода архиепископского сана, строительство храмов и монастырских обителей в городе и новгородской округе, рост земельных владений Святой Софии и др. В данной работе мы попытаемся рассмотреть вопрос о подготовке приходских священников в Великом Новгороде XII в., затронув такие аспекты, как рукоположение в сан, выполнение священнических обязанностей, взаимоотношения с паствой, повседневный семейный быт новгородских священников.

В числе наиболее значимых исторических источников, сохранившихся до наших дней и содержащих материалы по данной проблеме, необходимо отметить летописные своды, памятники церковного права, назидания и поучения новгородских иерархов, берестяные грамоты. Если не считать берестяные грамоты, то авторами почти всех дошедших до нас письменных произведений этого времени было духовенство. Среди летописных источников необходимо выделить древнейшую по времени создания Новгородскую первую летопись¹. Новгородская третья летопись² наиболее полно отражает церковную историю Великого Новгорода, сообщая сведения о строительстве храмов и монастырей, деятельности владык и т. д.

Особым видом исторических источников являются назидания и поучения новгородских владык. В рассматриваемый нами период были созданы «Почтение архиепископа Луки к братии»³ и «Вопрошание

* Места жительства, работы и учебы авторов указаны по состоянию на момент проведения конференций.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / изд. подгот. А. И. Цепковым // Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 10.

² Новгородская третья летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.

³ Почтение архиепископа Луки к братии // *Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.* История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (Обзор письменных источников). М., 2009. С. 177.

Кирика»⁴, которые нельзя отнести к рядовой переписке иерархов с клириками, их содержание выходит далеко за рамки обычных частных писем и, вполне вероятно, могло предназначаться для публичного чтения, так как затрагивало ряд принципиальных практических вопросов, имевших большое значение в жизни молодой церковной организации. Отчасти именно этим можно объяснить факт сохранения этих посланий в более поздних списках.

Поучение архиепископа Луки призывает к соблюдению элементарных христианских норм и сохранению верности Церкви. Вопросание Кирика, как и большинство древнерусских памятников, представляет собой многоплановое произведение, содержащее обращения трёх новгородских духовников: иеромонаха Кирика (Кирилла), доместика Антониева монастыря в Новгороде, белого священника Саввы и священника Ильи из храма св. мученика Власия на Волосове улице. По мнению А. С. Павлова, упоминаемый последним священник Илья впоследствии становится первым архиепископом Новгорода и именно благодаря ему «Вопрошание» получило известность в Новгороде как «устав блаженного Нифонта»⁵.

Значительный интерес вызывают бытовавшие в Древней Руси послания к князьям, такие как «Послание о неделе. Вопрошение князя Изяслава, сына Ярослава, внука Владимира, к игумену Печерского монастыря Феодосию», «Послание о вере латинской. Того же Феодосия к тому же Изяславу», «Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху. Другое послание о повинных», «Послание Владимиру Мономаху о посте. Послание Никифора, митрополита киевского, к великому князю Владимиру, сыну Всеволодову, внуку Ярослава», «Послание Владимиру Мономаху о вере латинской. Послание Никифора, митрополита Киевского, князю всея Руси Владимиру, сыну Всеволодову, внуку Ярослава». Актуальна в тот период и антилатинская полемика «Послания о вере латинской. Послание Георгия митрополита киевскаго стязанье съ латиною винь числомъ», «К архиепископу римскому от Иоанна, митрополита русского, об опресноках», «Слово некоего христороубца – ревнителя по правой вере», «Сеже изложено от многословесных книгъ. некимъ христороубцемъ. ревнителемъ по правеи вере. на раздроушение лсти неприязнине. на укорь творящимъ таковая. на поучение правовернымъ. и на причастье боудоущаго века. послоушающимъ книгъ сихъ. святыхъ. и творящихъ деломъ повеленая въ оставление греховъ», «Послание князю Ярославу Святополчичу о вере латинской. Послание митрополита всей русской земли Никифора князю на латынян», «Послание

⁴ Вопрошание Кириково // Там же. С. 187–194.

⁵ Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права. М., 1892. С. 64–66.

Климента, митрополита русского, написанное к пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афонасием», «Послание Георгия, Черноризца Зарубской пещеры, к своему духовному сыну»⁶.

Рассмотрению затронутой нами проблемы посвящены десятки работ церковной и светской историографии. Как гражданская, так и духовная традиции рассматривают проблему подготовки приходских священников в контексте церковно-политических реалий того времени. В числе наиболее значимых исследований церковной науки необходимо назвать труды митрополита Макария Булгакова⁷, Е. Е. Голубинского⁸, иеромонаха Августина⁹ и иных авторов, светская наука представлена работами А. С. Павлова¹⁰, А. В. Назаренко¹¹, Р. Г. Пихоя¹² и др.

В церковной и светской историографии прочно утвердилось мнение, что в домонгольской Руси священнослужители занимали в обществе ту ступеньку социальной лестницы, которая соответствовала их статусу по рождению или занимаемому прежде месту в социальной структуре. Однако к началу XII в. происходит всё более отчётливое выделение духовенства и церковных людей в самостоятельное сословие, но новгородская приходская практика, вероятно, имеет свою специфику.

Если в отношении монастырского клира правило сохранения прежнего социального статуса подтверждается на примере монастырских обителей XII в., строящихся на средства крупнейших боярских родов, то среди приходских священников ситуация несколько иная.

В XII в. Новгород переживает расцвет монастырского и храмового строительства, получает распространение традиция возведения уличанских церквей, например, жителями Лукиной улицы, корпоративных храмов, прежде всего, купеческих корпораций, появляются родовые, семейные церкви. Таким образом, в Новгороде ощущается нехватка приходских священников. В этой ситуации нам представляется достаточно

⁶ Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. Указ. соч. С. 178–186; 195–217.

⁷ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / науч. ред. А. В. Назаренко. М., 1995. Кн. 2.

⁸ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Период первый, киевский или домонгольский / под ред. прот. В. Чаплина. М., 1997. Т. 1. Ч. 1.

⁹ Августин, иером. Poleмические сочинения против латинян, писанные в русской церкви в XI и XII в. – в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью // Труды Киевской Духовной Академии. 1867. Т. 2. С. 352–381.

¹⁰ Павлов А. С. Указ. соч.

¹¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

¹² Пихоя Р. Г. Опыт изучения ранних новгородских памятников церковного права // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Сб. 1.

обоснованным мнение Р. Г. Пихоя о возведении в сан «лучших из мирян», тех, кто более всего соответствовал строгим требованиям христианской морали и был склонен к пасторской деятельности¹³.

Рукоположение в сан, согласно канону, осуществлял владыка. Это подтверждают и летописные известия¹⁴. Требования к претендентам были достаточно строги, актуальна была проблема правильного осуществления священнических обязанностей и чёткое соблюдение установленной обрядовости. Анализ имеющегося корпуса исторических источников позволяет сделать вывод, что специальной подготовки кадров приходских священников в тот период не существовало. Изученные нами материалы не позволяют однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии наиболее востребованных в церковном обиходе книг: Библии, Часослова, Псалтири, но источники позволяют утверждать, что новгородские приходские священники не имели в своём распоряжении сборника, на основе которого бы регулировались отношения духовника и исповедника. Ярким подтверждением этого являются «вопрошания» Кирика, Саввы и Ильи – священнослужителей, которые вынуждены были искать разъяснений и наставлений в применении канонических норм на самом высоком уровне духовной иерархии, обращаясь к новгородскому владыке. А это позволяет поставить вопрос об уровне канонической культуры в древнерусской Церкви этого периода. На наш взгляд, это связано с незнанием большей частью паствы, да и самих пастырей норм церковного законодательства, либо их игнорирование. В противном случае, зачем спрашивать о том, что широко известно и при этом письменно фиксировать ответы владыки. Значит, мы можем предположить, что канонические нормы были плохо знакомы духовенству. В этой ситуации вопросно-ответная форма позволяла руководствоваться принципом прецедента и таким образом обосновывать принимаемое духовником решение. Впрочем, Кирика интересовал ряд богословских вопросов: о некоторых иконописных символах, где находится Честной Крест, о непонятных терминах как, например, «горчичное зерно»¹⁵.

Но Кириком оговариваются не только канонические нормы и богословские проблемы. Интересен тот факт, что в «Вопрошании» оговаривается наложение епитимьи на жену попа, если она в священническое облачение мужа вшивает свои «порты». Возникает резонный вопрос, как был одет новгородский священник во время церковной службы?

Анализируя реалии пасторской деятельности новгородских приходских священников, можно сделать вывод о достаточно жёсткой

¹³ Пихоя Р. Г. Церковь в Древней Руси: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1974. С. 48.

¹⁴ Гайденоко П. И., Фомина Т. Ю. Указ. соч. С. 80.

¹⁵ Вопрошание Кириково. С. 187–194.

конкуренции со стороны волхвов и фряжских попов: «Аще жены детеи деля творят что любо. а еже возболят или волхвом несут. а не к попови на млтву» или «Аще носили къ фряскому попу. дети на млтву». Духовенству также приходилось мириться с широким распространением языческих обрядов: «Аще роду и рожедници. крають хлебы. и сыры. и мед. браняш велми и негде реч молвят. горе пиющим рожедницам». Подобное поведение прихожан «акы двоеверец сут», наказывалось наложением ептимьи, но и здесь присутствовал избирательный подход, дабы не отвратить от себя паству строгим наказанием: «ептимьи 6 недель или 3 аще будут молоди»¹⁶.

Использование в практике необходимого корпуса богослужебной литературы тесно связано с проблемой грамотности приходских священников. Археологические материалы, главным образом берестяные грамоты, свидетельствуют о наличии в Великом Новгороде значительного процента грамотного населения. Современные исследования А. А. Зализняка и Е. А. Рыбиной¹⁷ позволяют говорить о существовании двух систем письма. Первым этапом обучения было знакомство с бытовой системой, так называемое книжное письмо было высшим уровнем образования. На сегодняшний день фиксируется около 30 отличий книжной графики от бытовой системы письма¹⁸. Также известно, что совершенствование навыка осуществлялось путём переписывания отрывков церковных поучений и молитв, взятых из традиционно используемых для этой цели Псалтири и Часослова¹⁹. Использование книжного письма тесно связывают с деятельностью книгописных мастерских и в целом людьми духовного звания. Как свидетельствует летописец, именно для обучения книжному письму в 1030 г. Ярослав Мудрый велел собрать в Новгороде 300 детей от старост и попов. Следовательно, на этапе становления новгородской епископии требовалось значительное число профессионально грамотных писцов для создания корпуса богослужебной литературы, нехватку которой испытывало новгородское духовенство в изучаемый нами период. Не менее важной была и проблема перевода богослужебных книг. Однако для освещения данного вопроса необходима кропотливая работа по выявлению корпуса церковной литературы данного периода и её сличения с сохранившимися болгарскими, византийскими и западноевропейскими источниками. Что будет сделано в рамках самостоятельного исследования.

¹⁶ Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1956. Вып. 65. С. 8–19.

¹⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995; Рыбина Е. А. Образование в средневековом Новгороде // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000.

¹⁸ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 323.

¹⁹ Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 40.

Но необходимо обратить внимание на ряд источников новгородского происхождения. Весьма интересна находка единственной берестяной книжки. Она содержит краткую запись чина службы на Фоминой неделе, вероятно, сделанную попом для памяти с указанием очерёдности возгласов «попа» и «людей»²⁰. Также примечательна своим содержанием берестяная грамота № 734²¹. Она представляет собой небольшой тонкий лист бересты, туго скрученный в трубочку. Грамота содержит заговор против болезни, в ней трижды повторено имя Сихаил и слово «ангел». Приём тройного повторения хорошо известен в этнографии и применяется для усиления магической силы заговора, а упоминаемый Сихаил – ангел (или архангел) демоноборец, к которому обращались в заговорах против лихорадки. Слева от текста стоит восьмиконечный крест с типичной церковной формулой «Иисус Христос побеждает». Если учесть, что грамота написана книжной графикой, распространённой главным образом в духовной среде, то налицо использование христианской символики для языческого заговора – оберега от болезни. Следовательно, представители духовенства сами принимали участие в изготовлении языческих оберегов либо для собственных нужд, как защиты от лихорадки, либо по просьбе горожан.

Другим важным вопросом является проблема обучения новгородцев письму. Письменные источники не проливают свет на этот факт, в ходе археологических исследований также не были выявлены усадьбы, которые можно было бы связать со школьным обучением. Однако нам представляется маловероятным, что обучением новгородцев письму занимались приходские священники. На наш взгляд, более справедливо соотнести этот процесс с монашеским клиром, так как создание богослужебной литературы в Великом Новгороде происходило либо при дворе владыки, либо в монастырских книжных центрах. Конечно, этим вряд ли занимались профессиональные писцы, выполнявшие владычные и княжеские заказы, вероятно, это рядовые монашеские, освоившие азы бытового письма. Возможно, дальнейшее изучение источникового материала и результатов археологических исследований позволит разрешить данную проблему.

Но вернёмся к приходским священникам, их взаимоотношения с паствой были весьма неоднозначны и в XII в. им предстояло ещё очень много сделать, чтобы изменить положение, когда «церкви стоят» и «егда же бывает год [время положенное для молитвы], мало их [людей] обращается к церкви»²². Предметом особой заботы Церкви было крещение иноверцев и язычников, поэтому эта проблема затрагивается во всех дошедших до нас памятниках церковного права того времени. Например, Кирик спрашивает: «Оже будеть какой человек и крещен в латинскую

²⁰ Грамота № 727. См.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1998. С. 120.

²¹ Грамота № 734. См.: Зализняк А. А. Указ. соч. С. 293.

²² Новгородская третья летопись. С. 188.

веру, и восхищется приступити к нам», и Нифонт ему отвечает, что после необходимых церемоний, эти лица достойны даже причастия²³.

Отправление священнических обязанностей требовало от попа грамотности в канонических вопросах. Не всегда отношения между священником и исповедником складывались гладко. Кириком оговариваются случаи перехода прихожанина в другой приход, при этом отпускнуку обязательно представлялась особая отпускная грамота, эта древняя христианская норма в западной Церкви продолжает сохраняться до сих пор.

Согласно «Вопрошанию Кирика» для новгородских священников требовались разъяснения для выполнения рядовых, повседневных обязанностей. Так например, «аще случится служити на обедне а на заоутренеи. и на вечерни не служивше. ци измолвити рех владыко млтвы. вечерни. и заоутренние. нету греха рече и не молвившее служити. аще ли бы измолвил то лучше. А оже бы на заоутреннюю не встал канона деля. закон не пеше не достоинь служит. а служившее рече достоинь плеват и не ядше. ци не яль есть рече доры и оукроп пиль. аще неколи поспать. Аще годит стоати чрес ношь. или пети. или чтене чести. Обедавшее в днь и оужинавше достоинь ли служит не поспавшее, и рече, ци лкче спат а не лучше Бга молити. достоинь рече не спавши служит. [А]ще мывше израния вставше. а служит любо поспав. любо не поспав. бороняш велми того. лихо рече. вечер измывшес. а заоутра служити»²⁴. В приходской практике возникали вопросы и при отправлении таких церковных таинств и обрядов, как причащение²⁵, отпевание²⁶, а также более бытовые – «проскуры какои жене подобаетъ пеши».

На протяжении XII в. с целью урегулирования проблем, возникающих в процессе общения священника с прихожанами, духовенством были выработаны канонические правила по широкому кругу вопросов, – это вступление в брак и его расторжение, нарушение супружеской верности, ответственность за воспитание детей, соответствие христианских праздников и постов реалиям быта новгородцев и т. д.²⁷ Таким образом, Церковь пыталась утвердить новые традиции и обряды в среде мирян и в целом ряде аспектов ей это удается. Например, традиция церковного поминания и почитание иконных образов прочно входят в жизнь новгородцев, что подтверждают многочисленные заказы на изготовление икон, найденные в берестяных грамотах²⁸. Но при этом паломничество к святым местам

²³ Вопрошание Кириково. С. 194.

²⁴ Там же. С. 192.

²⁵ Там же. С. 187, 192, 194.

²⁶ Там же. С. 192.

²⁷ Пихоя Р. Г. Опыт изучения ранних новгородских памятников церковного права. С. 10.

²⁸ См., например: Зализняк А. А. Указ. соч. Гр. № 504.

Церковью категорически осуждалось. «А оже се рех идут в страну во Иерусалим къ святымъ. а други хазь бороню. Не велю ити zde. велю добро ему быти. ныне другаго уставих. ци ли есть ми владыко в том грех. велми рече добро твориши. да того деля идет. абы порозну ходячи ести, и питии. а ту ино зле борони рече. А се ходили бяху роте хотя во Иерслмъ. повеле епитемю дати. та бо рече рота губит землю сию»²⁹.

В рассматриваемый период становится традиционным построение храма, посвящённого покровителю данной корпорации. Так, новгородскими «заморскими гостями» была возведена ц. Параскевы Пятницы на Торгу, «Ивановским ста» – ц. Иоанна Предтечи на Опоках, для жителей Ильиной улицы уличанской стала ц. Спаса Преображения, а для лукиничей (жителей Лукиной улицы) – ц. Петра и Павла на Синичей горе. Аристократия тоже начинает возводить родовые храмы. Церковь Ильи на Славне построена на средства Еревши, а братьями Константином и Дмитрием – ц. Кирилла в Кирилловом монастыре³⁰. Расцвет корпоративного строительства приходится на вторую половину XII в.

Оказывая влияние на семейный быт новгородцев, Церковь особое внимание уделяла новорожденным, дабы привлечь новгородцев к христианским основам как можно раньше. Сами роды Церковь считала делом нечистым: «Мати рожши (после родов), 4-дний да не входит в церковь». В храм (помещение), где «мать детя родит, не достоин влазити (входить) въ нь (него) по три дни, потомъ помыють всюде и молитву сотворят (какую над сосудом осквернившимся творят) и тако влазять (и тогда только входят)». При этом крещение новорожденного для Церкви было жизненно важным обрядом, так как некрещёный не имел права даже на погребение по христианскому канону. Ребенка крестили, как правило, на восьмые сутки после рождения. Священник мог даже оставить службу и идти крестить младенца к горожанину на дом: «Любо си и службу церковную оставити, нетуть в том греха»³¹. Брак, заключённый с благословения духовника, и дальше оставался под его покровительством³².

Были у Церкви и свои более или менее твёрдые представления о пищевом режиме, которого надлежало придерживаться доброму христианину, дабы отречься от греха. Ему разрешалось кушать мясо только в среду, пятницу и господские праздники, но следовало воздерживаться от употребления «удавленины» (животных или птиц, удавившихся в силке)³³.

²⁹ Вопрошание Кириково. С. 190.

³⁰ *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 78.

³¹ Вопрошание Кириково. С. 188–189.

³² *Пихоя Р. Г.* Церковь в Древней Руси. С. 68.

³³ *Пихоя Р. Г.* Возникновение памятников покаянной дисциплины Древней Руси в XI в. // Античная древность и средние века. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 78.

Памятники церковного права рассматривают широкий круг вопросов о семейной жизни новгородцев: о супружеской неверности, невоздержании молодых отроков, наложницах и их детях, супружеских отношениях после рождения ребенка, «достоит ли жене мужу своему помоч терпети опитемьи» и многое др. Оговариваются и условия развода, как гласит источник, роспуска супругов. «Прошах сего а иж которой распустится с женою или жена с мужемъ что им опитемя. не даи рече причщения тому котории распускается или умирати начнет тожде даи. аще велми зло будет яко не мочи мужу дръжати жены. или жене мужа. или долгъ многу мужа застанет. а порты се грабит. или пропиваетъ. или ино зло. да. 4. лета. аще ли жена от мужа съ инемъ то муж не виноват отпускаа ю»³⁴.

Источники содержат ссылки на канон св. Василия, заповеди Иоанна Постника, а также авторитетные суждения владык Нифонта, Аркадия, Иоанна, «також и Марина игуменя молвяш». Однако соответствуют ли указанные нормы требованиям Номоканона или отражают специфику применения этих норм в новгородской практике, ещё предстоит выяснить.

Особое внимание уделялось семейному быту приходского священника, ведь он должен был найти путь к сердцу каждого из прихожан, служить для них примером нравственности и благочестия, его неблаговидные поступки могли стать дурным примером. Повседневная жизнь и поведение попа также регламентировались ептими́йниками и находились под строгим контролем духовника и самого епископа. В вопросах семьи и брака священнослужитель обязан был стать непререкаемым авторитетом, поэтому нарушение установленных норм в его доме попу не прощалось.

Священники обсуждали множество ситуаций из быта поповских семей. Действительность заставляла их обращаться к епископу за разрешением спорных вопросов. «Достоит ли попу своей жене молитву творити, или в селе или где, – спрашивал приходской священник Кирик епископа, – по всей греческой земле не дают своим женам попове...». И он отвечал: «Аже не будет иного попа близ, сотворите»³⁵. Исходя из местных условий, новгородскому духовенству приходилось отступать от строгих канонов. Церковь запрещала священнослужителям «том дни лезть в алтарь, когда своею женой был», но епископ Нифонт отменил это правило для новгородских священников. «Рассмотревши аже молод и не воздержлив, – поучал владыка, – не бронити: а лучше не запрещати, или более грех»³⁶. Однако возведение в сан тех лиц, которые в мирской жизни запятнали себя блудом, было невозможно.

Церковные иерархи были непререкаемы, если в семье священника начинали грешить против норм христианской нравственности. В том

³⁴ Вопрошание Кириково. С. 189.

³⁵ Там же. С. 193.

³⁶ Там же. С. 192–193.

случае, если дьяк уразумеет о своей жене «оже есть не девка», и если от попа или от дьякона попадья «сотворит прелюбы», священнослужители подвергались извержению из сана³⁷. Если будущий поп уличался в краже, то предпочитали не выносить сор из избы. В случае, когда кража была невелика и удалось «удадити отаи» (т. е. без огласки), претендент был достоин стать дьяконом³⁸.

Глубоко осуждал архиепископ Илья пьянство приходского попа: «вюжую бо ислышу, оже до обеда пиете и в вечерю упившиися, а заутра службу сотворяете» и обращался к новгородскому духовенству: «Оже бо простец грех сотворит, то до себя ему вина токма, а оже мы, то не нам единым пагуба, но и всем людем, хотят бо рещи: а попы чего творят?»³⁹. К XII в. относится наибольшее количество найденных долговых списков, писем с требованием возврата долга и угрозой разбирательства через суд. В этой ситуации Церковь предельно чётко указывает одобряемые размеры ссудного процента для мирян. Величина «реза» в «Вопрошании» – 12–16%. «Аще ли епискуп или поп или дьякон взимают лихву, да извергнутся сана, воспримут епитемью на 5 лет, а поклонов на 200 на день»⁴⁰.

Таким образом, приходской священник должен был стать примером благочестия в повседневной жизни, быть образцовым семьянином, живущим согласно основам христианского вероучения. Анализ имеющихся исторических источников позволяет сделать вывод, что планомерной подготовки церковных кадров в Великом Новгороде XII в. не существовало, практиковалось рукоположение «лучших из мирян», отсутствовали необходимое церковное облачение и «авторитетный» набор богослужебных книг, позволявших священнослужителю овладеть установленными каноническими и правовыми нормами. Вероятно, подбор этих книг зависел исключительно от самого духовника, его интеллектуальных способностей, материальных возможностей и личного духовного опыта. Однако в научных исследованиях утвердилось мнение, что значительная часть богослужебной литературы того времени представляла собой «сомнительного происхождения епитийники, перешедшие на Русь большею частию из Болгарии», впоследствии получившие название «худых номоканунцев»⁴¹. Следовательно, данный вопрос требует дальнейшего обстоятельного исследования.

³⁷ Пихоя Р. Г. Церковь в Древней Руси. С. 119.

³⁸ Вопрошание Кириково. С. 193.

³⁹ Поучение архиепископа Ильи // РИБ. Т. 6. С. 351–352.

⁴⁰ Пихоя Р. Г. Документы покаянного права о положении трудящихся в Древней Руси (XI – первая половина XIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Сб. 2. С. 16.

⁴¹ Смирнов С. Древнерусский духовник: очерк. Сергиев Посад, 1899. С. 68.

В. Н. Варнаев (НГОМЗ)

Образование в средневековом Новгороде (XI–XV вв.): проблемы изучения

В НГОМЗ в исторической экспозиции достаточно много внимания уделяется вопросам образования в средневековом Новгороде. Там представлены церы, писала, берестяные грамоты, копии граффити и другие экспонаты. Последние годы в Детском музейном центре НГОМЗ идёт активная работа над экспозицией, рассчитанной на детскую и семейную аудиторию, под названием «Город мальчика Онфима». Первоначально планировались следующие части экспозиции: 1. Средневековая усадьба; 2. Средневековая школа; 3. Новгородский Торг; 4. Детинец. Но мы столкнулись с недостатком информации по теме «Школа» и вскоре вывели её из экспозиции в так называемую «Историческую лабораторию». В ходе дальнейшей работы над экспозицией тема «Школа» фактически исчезла. В Лаборатории мы представляем для посетителей лишь материалы по древнерусской палеографии и обучаем техническому процессу письма на церах и бересте. Нам стало понятно, что в изучении образования в средневековом Новгороде существуют определённые трудности и проблемы.

Интерес к данному вопросу возник ещё в середине XIX в. К началу XX столетия сложилось почти всеобщее мнение о том, что народное образование велось через систему достаточно многочисленных церковно-приходских школ. Наиболее полно его высказал профессор С. И. Миропольский¹. Оживление интереса к проблеме в последние годы связано с результатами археологических раскопок в Новгороде. В настоящее время накопленная информация наиболее чётко представлена академиком В. Л. Яниным². В определённой мере итоги изучения вопроса были изложены в книге «Великий Новгород – колыбель российского образования»³. Большой интерес представляют и последние историко-филологические исследования. В 2009 г. вышла серия статей доктора филологических наук В. М. Кириллина «Русская образованность в X–XVII вв.»⁴.

В результате всех исследований достоверно доказано широчайшее распространение грамотности в Новгороде. Об этом говорят и многочисленные граффити на стенах церквей, на обычных бытовых предметах и, конечно же, берестяные грамоты. Их тексты написаны

¹ *Миропольский С. И.* Очерк истории церковно-приходской школы от её возникновения на Руси до настоящего времени. М., 2006. С. 15–130.

² *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. 3-е изд. М., 1998. С. 53–70.

³ Великий Новгород – колыбель российского образования. Великий Новгород, 2000. С. 3–10.

⁴ См.: *Кириллин В. М.* Русская образованность в X–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 22–33.

людьми (или обращены) к людям различных профессий и различных слоёв средневекового общества. Это ремесленники, купцы, посадники, воины, мужчины и женщины и даже рабы. Многочисленность и разнообразие берестяных грамот ясно показывают уровень народной грамотности. Дополнительное и очень важное доказательство массовой грамотности – железные, бронзовые, костяные писала. Их найдено сотни экземпляров. На одном только Неревском раскопе на улице Великой их найдено свыше 70. И это значит, что писали не отдельные профессиональные писцы, а просто горожане. Да и разнообразие почерков говорит само за себя⁵.

Что же нам известно об обучении грамоте? Софийская первая летопись старшего извода по списку Оболенского под 1030 г. сообщает: «Того ж[е] лета иде великий князь Ярослав на чюдь и победи я, и постави градъ Юриевъ. И прииде къ Новугороду, собра от старосты и поповыи дечи 300 учити книгамъ»⁶. Сохранилось достоверное свидетельство об обучении в Новгороде в 1341 г. грамоте тверского княжича Михаила Александровича, которому тогда было около восьми лет: приехал «ко владыце грамоте учиться»⁷. В берестяной грамоте № 687, написанной в 60–80-е гг. XIV в., говорится: «...вологуу соби коупи а дитьмо порт[т]и к ... [д]аи грамоти оуцити а кони [б]...». В переводе: «...масло себе купи, а детям одежду [купи], [того-то – очевидно, сына или дочь] отдай грамоте учить, а коней...». Видно, что отдать ребенка в обучение грамоте было для новгородца делом достаточно заурядным: указание (видимо, жене от мужа) об этом стоит в общем ряду обычных домашних дел⁸. В житиях некоторых новгородских святых упоминаются, как обычное явление, школы, где они учились⁹. На Стоглавом соборе 1551 г. было заявлено: «А прежде сего училища бывали в российском царствии на Москве и в Великом Новгороде, и по иным градам многие училища бывали, грамоте, писати и пети и чести учили»¹⁰. Широко известны берестяные грамоты, написанные детьми. Это начало азбуки (грамота № 74, найденная в 1952 г.¹¹), позже были найдены ещё 5 азбук и одно упражнение в слоговом письме, упражнения в цифровом письме и счёте (№№ 287, 342, 376, 686, 759¹²), знаменитые грамоты мальчика Онфима (№№ 199, 200, 202, 203,

⁵ Янин В. Л. Указ. соч. С. 54.

⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стлб. 176.

⁷ Янин В. Л. Указ. соч. С. 63.; Великий Новгород – колыбель российского образования... С. 9.

⁸ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 482.

⁹ См. например: Где святая София, там и Новгород. СПб., 1997. С. 70 (епископ Нифонт); С. 86 (архиепископ Евфимий); С. 93 (архиепископ Иона Отенский).

¹⁰ Великий Новгород – колыбель российского образования... С. 12.

¹¹ Янин В. Л. Указ. соч. С. 55.

¹² Там же. С. 67–68. Грамота № 686. См. также: Зализняк А. А. Указ. соч. С. 322.

204, 205, 206, 207, 208, 210¹³), грамота, возможно, его друга Данилы (№ 201¹⁴), диктант церковно-литературного содержания (№ 331¹⁵), школьная шутка (№ 46¹⁶). Всего В. Л. Янин зафиксировал 25 грамот с учебным или детским содержанием. Найдены были несколько цер, на одной из них (XIV в.) на обратной стороне была вырезана азбука. Анализируя эти материалы, В. Л. Янин выделяет три этапа обучения маленьких новгородцев: 1. Письмо на церах; 2. Письмо на бересте; 3. Обучение счёту.

В основном из материалов конца XV–XVI вв. нам известно, что обучение чтению велось по Псалтири и Часослову. Точных данных по учебной литературе на более ранний период у нас нет. Хотя в одной из грамот Онфима (№ 207) опознаются изуродованные фразы из следованной Псалтири.

В. Л. Янин упоминает две ступени обучения. Первая – это облегчённая, бытовая грамотность. Вторая требовала более полных знаний и предназначалась первоначально профессиональным переписчикам книг. Люди, выказавшие способности к учению, продолжали развивать своё образование, но судя по всему, индивидуально, с наставником или самостоятельно. Это какой-то прообраз высшего или околывысшего образования. О подобном обучении упоминается, в частности, в житиях святых и в сообщениях о княжеских детях. Но подобные упоминания вовсе не характеризуют уровень массового народного образования. Исследователями отмечалось, что в Новгороде учительская профессия была делом отдельных лиц. Имена некоторых наставников-новгородцев известны. В XI в. – это Михаил Бялына, Городен, Демка-Яков; в XII в. – Илья Попин, Лаврентий, Ефрем, Матвей, Угринец; в XV в. – Давид Дьяк, Федор Пресвитер, Фома, дьякон Василь, Гридя, Климент¹⁷.

Архиепископ Геннадий в конце XV в. говорит о чрезвычайной малограмотности новгородских священнослужителей. Но количество берестяных грамот XV в., по сравнению с XIV в., не уменьшается. Отчасти жалобы Геннадия можно объяснить тем, что значительное число собственно новгородцев после присоединения к Москве была выселена с новгородских земель на земли, подвластные великому князю. А на новгородские земли и в сам Новгород были помещены люди, угодные великокняжеской власти. В основном это были московские служилые люди, отличившиеся в военных действиях при завоевании Новгорода. Видимо, их уровень грамотности был несколько ниже общеновгородского. А набор в священнослужители шёл из числа верных власти людей.

¹³ Янин В. Л. Указ. соч. С. 56–61; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 386–387.

¹⁴ Янин В. Л. Указ. соч. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Там же. С. 68–69; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 445–446.

¹⁷ Великий Новгород – колыбель российского образования... С. 8.

Массовое обучение народа, как уже отмечалось выше, традиционно связывается с церковными приходами и монастырями. Но здесь предположения, ставшие устоявшимся мнением, вступают в противоречие с накопленными к настоящему моменту научными данными. Во время археологических исследований уличанских и монастырских храмов и околохрамовой территории практически не находят предметов ученического круга. Можно предположить, что священник проводил обучение у себя дома, принимая учеников. Но тогда на усадьбах священников должны быть выявлены комплексы учебных предметов различных людей. Никакой концентрации предметов, относящихся к учёбе различных людей, ни на одной из исследованных усадеб не зафиксировано.

Одним из показателей массовой грамотности представителей всех слоёв новгородского общества часто представляются граффити на стенах храмов. Но во многих храмах граффити нет. А в тех, где они присутствуют, ученических надписей мало. Исключение, пожалуй, представляет комплекс граффити XIII–XIV вв. церкви Спаса на Нередице. Там достаточно много ученических и детских надписей и рисунков. Но никакого сопутствующего археологического ученического комплекса не обнаружено¹⁸. В целом, в Новгороде и новгородской округе не выявлено ни одной территориальной единицы, которую можно было бы трактовать как центр обучения.

В ходе археологических раскопок в Новгороде выявлено громадное количество предметов, характеризующих массовость распространения грамотности. Но на настоящий момент нет методик, позволяющих выделять предметы, использовавшиеся в обучении, из общего количества предметов, использовавшихся в быту. Например, мы не можем сказать, какие писала использовались в ходе обучения. Или все ли церы – только предмет для обучения? Например, знаменитая Новгородская Псалтирь, древнейшая книга в славянском мире, найденная в 2000 г. на Троицком раскопе. Она написана на церах. Это обычная для того времени практика существования книжной культуры или же это учебное пособие?

К настоящему времени накоплен громадный вещевой материал, свидетельствующий о массовой грамотности средневековых новгородцев. Мы представляем, как и на чём они писали. Мы можем реконструировать методику процесса обучения (без детальной конкретизации). Нам известно, как проходило индивидуальное обучение отдельных выдающихся людей. Но мы не знаем, как был организован процесс народного обучения, кем он проводился и где.

Сейчас мы точно знаем о высочайшем уровне грамотности в средневековом Новгороде, но как был достигнут этот уровень, мы можем только предполагать.

¹⁸ См. например: *Концевий В. Я.* Археологические памятники Нередицкого холма: итоги и перспективы изучения // НИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 20–29.

Древнерусский памфлет на Михаила Палеолога

История восприятий («rezeptions-geschichte») является весьма перспективным направлением в современной исторической науке. Например, на древнерусском летописном материале, в рамках данного направления, значительные достижения продемонстрированы И. Н. Данилевским¹. Восприятие Византии, её истории, культурного и политического наследия в странах «византийского содружества» ещё нуждается в многочисленных исследованиях. Поэтому вполне справедливо замечание И. Шевченко о том, что «история различных рецепций подходит и к византинистике ... она даёт возможность освоить области, ещё не вполне освоенные нашей дисциплиной, такие, как, – восприятие Византии в Московии XVII в.»². Среди памятников древнерусской литературы, отражающих представление русских книжников о Византии, следует выделить группу текстов полемического характера. Наше внимание приковано к одному из таких памятников древнерусской словесности, так называемому «Прению Панагиота с Азимитом». Это довольно широко известный в славянских странах и на Руси XIV–XVII вв., благодаря имеющимся переводам с греческого языка, антилатинский полемический трактат.

Данное сочинение уже давно обращает на себя внимание исследователей. Так, например, Ф. И. Буслаевым были отмечены поэтические особенности «Прения»³, а А. Н. Поповым оно было впервые издано в нескольких известных автору славянских списках⁴, значительно дополненных А. С. Павловым⁵. Оригинальный текст «Прения» на греческом языке был издан Н. Ф. Красносельским⁶.

По мнению учёных, обращавшихся к изучению истории создания текста, его сюжетной линии, композиции, стилистике, это сочинение

¹ Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001.

² Шевченко И. И. Восприятие Византии // Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. Т. 1. С. 481–494.

³ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 501.

⁴ Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 238–286.

⁵ Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 81–85.

⁶ Красносельский Н. Ф. «Прение» Панагиота с Азимитом по новым греческим спискам. Одесса, 1896.

представляет собой полемическую сатиру на византийского императора Михаила VIII Палеолога (1261–1282) и на латинян⁷.

Восприятию русскими книжниками Михаила Палеолога и посвящено данное исследование. Несмотря на то, что о самом Михаиле Палеологе в «Прении» говорится очень кратко, и то во вводной части трактата, наша цель является чрезвычайно важной – показать всю сложность символической интерпретации и толкования одного, казалось бы довольно малоинформативного фрагмента текста. Актуализации в Московской Руси событий времён Лионской унии могли способствовать два основных фактора, среди которых выделим особую интеллектуальную атмосферу, возникшую вследствие более тесных контактов с греческой культурой, и наблюдавшиеся дискуссии о путях реформирования русской Церкви. Соответственно, нельзя не обратить внимания и на имеющийся параллелизм описываемых событий с русским церковным расколом. В глазах ревнителей «древнего благочестия» император, начавший нововведения в Церкви, словно бы предвосхищает «еретическую традицию», продолженную московскими реформаторами во главе с патриархом Никоном.

Основная часть сочинения – это полемика между православным Панагиотом-Константином и Азимитом-латинянином, окончившаяся полным поражением латинянина. Согласно А. Н. Попову этот спор о вере – фантастическое событие времён Лионской унии 1274 г., хотя некоторые упомянутые в «Прении» деятели являются реальными историческими лицами. Сочинение появилось вскоре после принятия Византией Лионской унии и признания главенства папы в делах Церкви. Оно было написано с единственной целью дискредитации политики императора. Очевидно, что поражение латинян в дискуссии с православными поставило инициатора унии, Михаила Палеолога, в очень неловкое положение. На первый взгляд, анонимный автор трактата стремится показать Михаила Палеолога (и его протее, Азимита) глупцом, смешным неудачником, пригласившим в Константинополь неучей и еретиков латинян, от которых греки должны были принять «учение», а на самом деле, в ходе «прения» показавших невежество. Уже описание самой встречи императором папских послов показывает нам то «унизительное положение, в какое поставил себя по отношению к легатам император Михаил Палеолог»⁸.

Теперь обратимся непосредственно к тексту. Здесь будет уместным начать с небольшого просопографического наблюдения. Дело в том, что имеющиеся в нашем распоряжении списки «Прения» несколько затрудняют идентификацию личности императора.

⁷ Попов А. Н. Указ. соч. С. 238; Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Рукописные и печатные книги кириллической традиции XVI–XX веков из собрания Аркадия Григорьевича Елфимова. 2006. С. 18–19.

⁸ Попов А. Н. Указ. соч. С. 246.

Во всех трёх списках, приведённых А. Н. Поповым, организатором «прения» выступает император. В 1 и 2 списках он не имеет имени собственного и значится как **царь палеологъ**⁹. И только в заглавии 3 списка (так как вводная часть «Прения» здесь отсутствует, начинаясь сразу полемикой Панагиота с латинянином), взятого А. Н. Поповым из одного Кирилловского издания 1644 г., он выступает под настоящим именем собственным, а именно как **царь миханлъ палеологъ**¹⁰.

В Кирилловой книге, внесённой в каталог старопечатных и рукописных изданий коллекции А. Г. Елфимова, имеется ещё один список «Прения», где вместо Михаила Палеолога фигурирует его сын и будущий император Андроник II Палеолог (**царь андроникъ палеологъ**)¹¹. Затруднительно выяснение этой довольно странной метаморфозы. Скорее всего, можно предположить, что здесь мы сталкиваемся либо с намеренным искажением фактов византийской истории, либо со случайно закравшейся ошибкой печатников Кирилловой книги. Малопонятным является также тот факт, почему указанное издание Кирилловой книги и очевидные расхождения в содержании «Прения» не были известны А. Н. Попову. Похоже, что эта деталь ускользнула от внимания издателей упомянутого каталога.

Действие разворачивается в Константинополе и императорском дворце¹². В 2 и 3 списках говорится, что **пришася в константинь граде**¹³.

Несомненно, что вся процедура встречи императором папского посольства в «Прении» (1 и 2 списки) глубоко символична. Прежде, чем перейдём к истолкованию сюжета, попытаемся вычленить поочерёдное развертывание событий. Церемонию торжественной встречи послов можно условно представить в виде нескольких этапов:

1) В 1 и 2 списках идёт описание собственно посольства, где вместе с послами, прибывшими от Папы (**Ѡ папы со гардинари**)¹⁴, вернулся в Византию один из адептов унии, будущий константинопольский патриарх Иоанн Векк, – **Векко іванъ Ѡ папы пришъ съ нѣми**¹⁵.

2) Послы ведут с собой мула (**мьскоѹ оседланѹ и обѹзданѹ**)¹⁶, на котором находится портретное изображение римского папы, – **ковчегъ въ немже бѣ въобразъ папинъ** (в 2 списке – **образъ папинъ носяще**)¹⁷;

⁹ Там же. С. 251, 252.

¹⁰ Там же. С. 283.

¹¹ Сборник «Кириллова книга». М., 1644. С. 133.

¹² Поляковская М. А. Влахерны – резиденция василевсов при Палеологах // СТРАТНГОС: сб. ст. в честь В. В. Кучмы. Армавир, 2008. С. 112–125.

¹³ Попов А. Н. Указ. соч. С. 265.

¹⁴ Там же. С. 251, 265.

¹⁵ Там же. С. 251.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 251, 265.

3) Интересна некоторая детализация в описании автором «Прения» украшений на папских послых, среди которых выделяется Иоанн Векк в митре (**ношаше митро**)¹⁸ и с перстнем украшенным камнем, – **носа печать каменѹ на великомѹ перстѣ**¹⁹;

4) В 1 и 2 списках мы видим, что для встречи посольства Михаил Палеолог выходит из дворца, с целью оказания папским легатам большей чести, – **и изыде палеологъ царь ѿ вратѹ полатныхѹ**²⁰;

5) Встретив послов за пределами своего дворца, император берёт правой рукой мула за узду – **поє десною си роукою мьскоу за оуздоу**²¹ (в 2 списке за «удила») и совершает поклонение перед изображением папы – **и поклониса палеологъ образѹ вмѣсто папы**²². Вместе с тем, после пожелания «многих лет» папе, послы также приветствуют императора и кланяются ему.

6) Заключительным актом вводной части является введение Михаилом Палеологом мула с папским портретом во дворец (**и вземѹ мскѹ царь и введе ю во дворѹ свои**)²³ и торжественное открытие «прения о вере» – **всѣхѹ на полатѹ собра со единомудренымѹ философѹ и со причетники его дѹшегоубѣи погивели**²⁴.

Таково буквальное прочтение интересующего нас фрагмента текста. Но, как ещё в своё время подметил Ф. И. Буслаев, «прение о вере в народных рассказах, очевидно, состоит в тесной связи с апокрифической беседою о мире и судьбах его. Беседа Панагиота с Фрязином Азимитом содержит в себе элементы того и другого апокрифа»²⁵. Анонимный автор «Прения», как и его переписчики, вероятно, исходил не только из соображений создать сатирический антилатинский памфлет. Семантически ткань текста гораздо сложнее. По всей видимости, здесь мы имеем дело с попыткой отображения апокалиптических настроений посредством умелого комбинирования библейскими образами, метафорами, параллелями и цитатами. Обращение к анализу имеющихся метафор и иносказаний, символов и образов позволит пролить свет на восприятие «судеб византийского царства» и его царей старомосковскими книжниками.

Апокалиптические образы и символы обнаруживают себя в описании иконы папы на муле, украшений, печати, поклонении царя. Если предположение об апокалиптической кодировке «Прения» верно, то

¹⁸ Там же. С. 251.

¹⁹ Там же. С. 265.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 251.

²² Там же. С. 265.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Буслаев Ф. И. Указ. соч. С. 501.

точками опоры при его исследовании для нас будут соответствующие места и параллели из Священной истории. И, прежде всего, ключ к шифру лежит в Апокалипсисе (17: 3–13), где читаем:

И видѣхъ женѣ сѣдѣщи на звѣри червленѣ, исполненѣмъ именъ худыхъ, иже имѣаше главъ семь и рогвъ десять. И жена бѣ влечена въ порфирѣ и червеницѣ, и позлащена златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ, имѣщи чашѣ златѣ в рѣцѣ своей полнѣ мерзости и сквернѣ любодѣланіа еѣ ... и десять рогвъ десять царей сѣтъ, иже царства еще не прѣйша, но властъ такъ царіе на единѣ часть прѣимѣтъ со звѣремъ. Сѣи единѣ волю имѣтъ, и силѣ и властъ свою звѣрю дадѣтъ.

Образ папы на муле в «Прении» и «сидящей жены» на звере из Апокалипсиса наталкивают на мысль о возможности симметричной интерпретации антропоморфизма и зооморфизма метафоры. Сначала обратимся к толкованию зооморфного образа. В первую очередь, очень важным является интерпретация образа присутствующего здесь мула (мески). В тексте «Физиолога» (II–IV вв.), довольно широко распространённого на христианском Востоке в византийскую эпоху, это животное выступает в качестве символа дьявола²⁶. Таким образом, символический подтекст торжественной встречи, поклонения и введения мула Михаилом Палеологом вполне очевиден. Лик папы на спине мула словно призван воскресить образ восседающего на звере Антихриста (**женѣ сѣдѣщи на звѣри**), которого император «Нового Рима» принимает у себя, тем самым покоряясь его власти. Создается впечатление, что автор «Прения» намеренно причисляет Михаила Палеолога к тем 10 апокалиптическим царям, подчинённым могуществу Антихриста, составляют с ним как бы одно целое, предоставив ему свои «царства», – **Сѣи единѣ волю имѣтъ, и силѣ и вла�ть свою звѣрю дадѣтъ**. Известно, что императоры династии Палеологов и позже стремились идти на союз с Католической Церковью, что не могло не вызывать сопротивления со стороны ортодоксальной группы византийского общества²⁷. Палеологи уступают римским папам первенство, утверждая их могущество путём подчинения им собственной Церкви. Действительно, ряд попыток реализации унии мы видим вплоть до крушения империи. И тем не менее, мы не знаем, имело ли значение для читателей «Прения» то мистическое совпадение, смысл которого заключается в том, что Михаил Палеолог был первым из династии, в которой числилось ровно 10 императоров, – **десять царей сѣтъ, иже царства еще не прѣйша**. Отсюда, предположим, что как для автора, так и для последующих

²⁶ Физиолог. СПб., 2002. С. 153–154.

²⁷ *Занемонец А. В.* Иоанн Евгеник и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб., 2008. С. 16–17.

читателей «Прения», Михаил Палеолог воспринимался и выступал в качестве начального звена таинственной цепи апокалиптической нумерологии, всю полноту значения которой нам сложно себе представить.

Допустим и иной вариант интерпретации данного образа-символа. В древности осёл мог одновременно символизировать священное животное, ипостась божества, но, с другой стороны, он является воплощением невежества, упрямства и похоти²⁸. Возможно, папа, образно восседая на муле, аллегорически представляет собой римскую Церковь в целом, опорой и носителем которой является «невежество», «упрямство», «глупость». Ведь само содержание «Прения» есть подтверждение этой идеи, Азимит проигрывает Панагиоту в споре, вследствие своей глупости и невежества.

Заслуживает отдельного анализа и иносказательный смысл поступка императора, его проскинезы перед папским изображением и легатами. В «Книге царств» Ветхого Завета о впадении в идолопоклонство израильского царя Ахава (3-я Царств, 16: 31) говорится следующее:

И сотвори ахаавъ лѣкавое предъ господомъ, и прелѣкавнова паче всѣхъ бывшихъ прежде егѡ. И иде, и нача слѣжити ваалѣ, и поклонися емѣ, и постави тревнице ваалѣ въ домѣ мерзостей егѡ.

Обратившись к отрывку из текста «Прения» мы увидим, насколько явственно видна параллель с Библией:

И изыде ... и поклонися палеологъ образѣ вмѣсто папы ... И вземъ мскѣ царь и въведе ю во дворъ свои. Воспоманѣ же папоѣ во ѿметницѣ и возглавъ рекъ ...²⁹

Подобно тому как цари Ахав, а затем и Манассия (4-я Царств, 21: 1–7), водворяли в Израиле культ Ваала, воздвигая жертвенные алтари и рощи, так и Михаил Палеолог, заключая унию и признавая главенство папы Римского, совершил акт измены православной вере.

Подведя некоторый итог всему сказанному, ещё раз отметим, что описание сцены в самом начале «Прения» знаменует начало грандиозной апокалиптической драмы, имевшей закономерный, в глазах древнерусских интеллектуалов финал – крах «Второго Рима». Задумав со слов автора «Прения» «душепогубное» дело, Михаил Палеолог губит не только свою душу, но обрекает на погибель и всё своё царство. Образ Палеолога не столько комичен, а скорее трагичен, и символизм духовного «падения» императора, его «отступничество», нарочито усилен библейскими метафорами. Император Михаил Палеолог действует по давно известному

²⁸ Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле (из Евангельской мифологии) // Миф и литература древности. М., 1998. С. 623–665; Топоров В. Н. Осел // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 264–265.

²⁹ Попов А. Н. Указ. соч. С. 265.

сценарию, он зеркальная копия нечестивых библейских царей Ахава, Манассии, Агриппы. Нетрудно представить, что сознанием древнерусского книжника династия Палеологов, начиная с её основателя, воспринималась столь же порочной, развращённой и греховной подобно веренице ветхозаветных царей Израиля, впадавших в идолопоклонство.

Заигрывания Палеологов с римской Церковью не могли ускользнуть от внимания и потомков. Возможно, этим и объясняется та произвольная лёгкость «превращения» Михаила Палеолога в Андроника в Кирилловском издании, выдаваемая нами за случайную ошибку или элементарное невежество издателя. Логика восприятия и отношения к этой династии на Руси позволяет такой вид рецепции. Не всё ли равно, кто первым заключил унию с Римом, Михаил или Андроник Палеологи, если и в XIV и в XV в. идея союза Церквей и далее определяла внешнюю политику Византии. Представление об обще-династической вине в сознании московских интеллектуалов, вероятно, превалировало над индивидуальной ответственностью отдельных представителей рода Палеологов за измену Православию.

Окончательное падение Византийского «Греческого царства» для древнерусских книжников было, несомненно, поучительным уроком истории, поэтому «Прение» носит ещё и дидактический, нравоучительный оттенок.

**Отражение принципов средневековой европейской
лингводидактики в церковнославянской филологической
практике новгородских и московских книжников
конца XV–XVII вв.**

Традиция изучения церковнославянского языка по грамматике прививается на Руси довольно поздно по сравнению со средневековой Европой – первые грамматики появляются в Московской Руси в XVII в., а в Юго-Западной – несколько раньше: в 1596 г. в Вильне выходит грамматика Л. Зизания, в 1619 г. в Евье – грамматика М. Смотрицкого. Истоки же грамматической традиции описания и изучения церковнославянского языка приходятся на более раннюю эпоху и связаны с переводным с греческого трактатом «О восьми частях речи» и переводным с латыни «Донатом» Дмитрия Герасимова. Все эти сочинения опираются на широкий круг латинских и греческих грамматик, моделируя церковнославянский по образцу классических языков¹. Помимо собственно лингвистической значимости европейских грамматик, начиная с конца XV в. имеет место и усвоение некоторых принципов средневековой европейской лингводидактики. Одним из этих принципов было использование омонимии падежных окончаний, прежде всего в латыни, для запоминания форм книжного языка. Этот принцип парадоксально реализовался в переводных текстах: в результате его приложения к церковнославянскому языку возникали грамматически некорректные формы, проще говоря, ошибки парадигматики.

Демонстрируют этот принцип довольно известные тексты, которые порождают книжники, по происхождению или образованию связанные с европейской грамматической традицией: переводчик Геннадиевской Библии 1499 г. – западный или южный славянин католик Вениамин; его младший современник – новгородец Дмитрий Герасимов, переводчик латинского «Доната»; Максим Грек, постигавший церковнославянский по приезду в Москву в 1518 г.; и наконец, более чем через столетие в этом же ряду оказываются московские книжники Михаил Рогов и Иван Наседка – редакторы московского издания «Грамматики» 1648 г. Все эти тексты, за исключением последнего, являются переводными и реализуют падежную омонимию, представленную в языке-источнике, либо непосредственно, либо через посредство уже отражённой омонимии в метаязыке грамматического описания церковнославянского. В результате авторы этих

¹ См.: Захарьин Д. Б. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV – сер. XVIII вв.) // *Specimina philologiae slavicae*. München, 1995. Bd. 40.

текстов спустя столетия получают снисходительные оценки своим лингвистическим познаниям от современных славистов, которых учили языку совершенно иначе. Поэтому сначала необходимо ответить на вопрос: как же учили грамматике средневековых европейских книжников?

Стержнем средневековой лингводидактики была мнемотехника – искусство запоминания грамматических форм латыни как наднационального литературного языка. В эпоху позднего Средневековья в рамках семи свободных искусств разработки мнемотехнических методов занимают важное место в педагогической системе: всякое знание упорядочивается и запоминается с помощью системы мест и образов. В грамматике такими образами являются латинские формы спряжения и склонения. Оптимальное для запоминания число мест в системе памяти равно пяти, оно соответствует пяти латинским падежам (без вокатива), пяти склонениям, пяти временам глагола². Локусы в каждой системе, будь то падежная парадигма или парадигмы времени, связаны между собой последовательностью порождения каждой формы (образа) из предшествующей с помощью структурных показателей (окончаний, вспомогательных глаголов, частиц).

Латинская система именного словоизменения представляет собой самый наглядный пример приложения мнемотехнических принципов. Эти принципы, присутствующие в латинском «Донате», практически полностью были отражены и в переводе грамматики, выполненном Герасимовым³. Для удобства запоминания латинских падежей по пальцам руки количество мест в падежной парадигме обычно сокращалось до пяти: вокатив, отличающийся от номинатива только у ограниченной группы имён II склонения, занимает то же место, что и номинатив. Подобная оптимизация запоминания за счёт сокращения мест, занимаемых флексией того или иного падежа, используется в латинской грамматике постоянно. Возможность для такой оптимизации даёт частая в латыни омонимия окончаний разных падежей (например, кроме номинатива и вокатива, всегда совпадают флексии датива и аблатива во мн. числе, а также ряд других форм). Методическая установка предполагала заучивание парадигм на память не столько в последовательности расположения падежей, сколько в соотношении того или иного члена парадигмы с омонимичными формами. Такая практика запоминания и истолкования словоформ отражена в вопросно-ответной части «Доната». Славянские примеры, *і́акоже ёсть ко ўчителевѸ вопрошáнню ѿвѣщавáти*, приводит в своём тексте Дмитрий Герасимов. На вопрос, какого падежа словоформы **плода**

² Для запоминания этих пяти основных образов активно использовался язык пальцев (*digitorum loquela*), соотносивший формы с пальцами или костяшками одной руки.

³ См.: *Захарьин Д. Б.* О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль // *Russian Linguistics*. 1991. Vol. 15. N 1.

или **пладовъ**, следует ответ: родительного, винительного и отрицательного⁴. Для новгородца Герасимова, обучавшегося латыни в Ливонии, подобная практика была непривычной, о чём он пишет в предисловии к своему переводу «Доната»⁵.

Латинский «Донат» предназначался прежде всего для романоязычных учеников, ибо только им лапидарных указаний грамматики, не охватывающих всего разнообразия форм, было достаточно. Всем остальным грамматика никак не помогала в порождении падежных форм: для этого нужно было знать окончание *Ablativi singularis*, по которому определялся тип склонения⁶. Для всех остальных омонимический принцип *de facto* мог восприниматься как универсальный мнемотехнический приём. При переводе он мог реализоваться в том, что «избыточные» грамматические воспоминания переводчика оказывались содержанием его понимания падежных форм. Принцип сегментации текста при буквальном переводе способствовал применению омонимической процедуры опознания словоформы к связному тексту точно так же, как и к внеконтекстным примерам из учебника латыни.

Именно такой случай представляет собой перевод Вениамина. У нас нет о нём никаких конкретных сведений за исключением того, что он появился в Новгороде не позднее 1491 г., а в 1493 г. закончил перевод латинских книг Геннадиевской Библии⁷. Нет никаких чётких параллелей между приёмами перевода грамматических форм у Вениамина и у Герасимова в «Донате». По-видимому, как латынь, так и церковнославянский Вениамин осваивал не в Новгороде, а раньше. Всё это позволяет видеть в его тексте непосредственное отражение той практики владения латынью, которой его учили. Реализуется она в обилии внеконтекстных ошибочных переводов омонимичных латинских падежей. Начиная с А. В. Горского и К. И. Невоструева, которые отмечали, что переводчик «смешивал падежи одного окончания ... или вовсе их не выдерживал»⁸, это подчёркивали все позднейшие исследователи⁹. При

⁴ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1896. Т. 1. С. 588.

⁵ ѿ сна ѱбо падѣния во оучилицех ѱчнцы навѣкаю^т, ꙗ ѿвѣщаваю^т ѱчителю по рѣдовомѣ Донатѣсѣ ѿзыскивал, дондеже взѣмѣю^т ѿзѣсть в дѣлго врѣмѣ. ѿ сице ѱвидѣ ми сѣ велми хитро, ѿ с велми^н трѣдомѣ семѣ навѣкѣти. См.: Там же. С. 530.

⁶ См.: Law V. The history of linguistics in Europe from Plato to 1600. Cambridge, 2003. P. 79.

⁷ См. о Вениамине: Турилов А. А. Вениамин // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 627–629.

⁸ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Т. 1. С. 49.

⁹ Обширная библиография о Геннадиевской Библии приведена, например, в: Ромодановская В. А. Заметки о переводе «латинских» книг Геннадиевской Библии 1499.: библейский текст и энциклопедические глоссы // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. LVI.

этом в основном они обращали внимание на пренебрежение контекстом, апеллируя к принципам перевода *ex verbo verbum*. Однако грамматические ошибки имеют в переводе системный характер: последовательно смешиваются или взаимозаменяются совершенно определённые падежи.

Очень часто Им. мн. появляется вместо Вин. мн. Эта замена отвечает омонимии латинских форм Nom.–Acc. pl. имён всех родов III–IV скл. и II скл. среднего рода (Nom.=Acc. на -es, -us, -a или -ia): Т 3,13 грѣси (peccata) ѡпѣстиши; Ю 16,15 заперлъ потоци (torrentes); Ю 9,5 твои сѣди ... поставилъ еси (tua iudicia); Ю 4,3 вѣѡша вси верси горахъ (omnes vertices); Е 3,29 видѣхъ нечистоти (impietates)¹⁰.

В тексте также взаимозаменяются Твор. и Дат. падежи, соответствующие совпадающим формам Dat. и Abl. sing. и pl. Во мн. числе омонимия актуальна для имён всех типов скл. (формы на -is для I–II скл., на -bus для III–V скл.), а в ед. числе – для имён III гласного (типа *maris*) и IV скл. (типа *fructus*): Е 8,12 наказалъ еси его твоёмѹ разѹмѹ (tuo intellectu); Ю 4,4 стѣна^м (muris) вѣѡдоша ѹлицы; Е 2,43 главами (capitibus) наставлаше вѣнцы; Ю 6,6 ты вкѹпѣ мщенїе^м (ultioni) да по^алежиши.

Кроме этих самых наглядных случаев омонимии падежей внутри парадигм разных склонений, специально акцентированной в латинских грамматиках, в переводе Вениамина присутствует целый ряд смешений падежных окончаний по принципу межпарадигматической омонимии. Т. е. для переводчика оказывается равно возможной, например, не только омонимия Nom. = Abl. sing. (*aqua* = *aqua*) в пределах одной парадигмы I скл., но и «потенциальная» омонимия между формами разных парадигм: Dat./Abl. pl. II скл. (*lupis*) = Gen. sing. III согл. и гласн. скл. (*legis*, *maris*) = Nom. Sing. III смеш. скл. (*civis*). Такая омонимия форм разных родов, чисел и типов склонений представляла собой некий парадигматический «потенциал» словоформы. Каждое звено выстраивающейся таким образом цепочки форм могло соотноситься со значениями всех остальных звеньев. Именно так можно объяснить перевод Им. падежом латинского аблатива большинства типов склонений, в которых отсутствовала реальная омонимия (Nom.≠Abl. sing.), но для которых существовала «перекрёстная» аналогия типа Nom. *terra* = Abl. *flagella*, Nom. *sermo* = Abl. *verbo*, Nom. *mare* = Abl. *luce*: Е 7,139 вчищени сѹт слово ѣ^ъ (*verbo eius*); Ю 4,8 И възва вѣ полкъ къ гѹ настоянїе велико (*instantia magna*); Ю 8,27 мнѡци ... сїа та мѹченїа менши быти вичъ гнѣ (*flagella*); Е 7,32 прахъ иже на не^м молчанїе (*silentio*) вбитаеть; Т 6,1 пребылъ первое вбитанїе

¹⁰ Здесь и далее примеры из книг Товит (Т), Юдифь (Ю), III книги Ездры (Е) Геннадиевской Библии приведены по рукописи ГИМ. См.: ГИМ. Синод. собр. № 915. Латинский текст цитируется по критическому изданию: *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem* / Ed. by R. Weber et al. Stuttgart, 1983.

близ рѣки тигры (prima mansione); Т 1,5 сїи единъ вѣжаше сѣдрѣженіе всѣмъ (consortia).

Такая же потенциальная омонимия Gen. sing. III согласного склонения (tempus, temporis) и Nom. Sing. III смешанного склонения (civis, civis) могла обусловить появление Им. падежа вместо Род.: Т 13,7 в земли плѣненіе мое (captivitatis); Е 6,44 плод множество безмѣрно (multitudinis); Т 1,15 ѹченіе спсєніе даше и^н (salutis); Е 7,127 то ѣ помышленіе подвиженіе (certaminis); Е 13,10 дохновеніе ѡгнь и дѹхъ пламы (ignis).

Таким образом, переводчик Геннадиевской Библии непосредственно отражает в своём тексте падежную омонимию латыни, не просто путая падежи, а реализуя на практике те теоретические установки, которые использовались при обучении латыни.

Более сложную ситуацию демонстрируют ранние тексты Максима Грека, приехавшего в Москву в 1518 г. для перевода Толкового Апостола и Толковой Псалтыри. Этот масштабный труд занял около четырёх лет и был выполнен им в сотрудничестве с Дмитрием Герасимовым и Власом Игнатовым. Максим переводил с греческого на латынь, а его «споспешники» – с латыни на церковнославянский. До приезда в Москву Максим не знал или почти не знал славянского, и процесс освоения языка происходил параллельно или вскоре после переводов 1518–1522 гг. При этом использовался «Донат» Герасимова, как единственное пригодное руководство для практического изучения церковнославянского. К этому же времени (1522 г.) относится и переработка славянского текста «Доната», созданного Герасимовым в 1480-е гг. в Ливонии.

Характерным фактом, подтверждающим, что сотрудничество Максима Грека и Дмитрия Герасимова не ограничивалось переводом богослужебных книг, а распространялось и на их языкотворческую деятельность, являются особенности именного формообразования Максима. Они никак не проявляют себя в процессе sprawy, которую Максим осуществлял по греческим текстам, и не соотносимы с греческим языком. Эти особенности маркируют только язык его переводных и отчасти оригинальных сочинений раннего периода. К самым ярким из этих особенностей относится смена флексий Род. и Мест. падежей мн. ч. и Род. и Вин. падежей неодушевлённых существительных. Эти специфические ненормативные для церковнославянского языка формы есть результат осмысления той грамматической информации, которая содержится в «Донате» Герасимова: несмотря на то, что славянские формы там производны от латинских, это не исключало их ценности для Максима как имплицитного описания славянской грамматики.

Замечание о тождестве Род. и Вин. падежей особо выделено среди всех других случаев совпадения славянских именных флексий. Во всех списках «Доната» есть утверждение о том, что [ро^аствєны ѣ же] подобє^н

ѣсть вино^ѣномѣ¹¹. Далее в тексте это подтверждается формами из парадигм разных типов склонений, родов и чисел, среди которых есть не только стандартные сѣхъ мастеровѣ/оучителевѣ и сего мастера/оучителя, но и абсолютно некорректные сего плода и сѣхъ сопѣлен/мрѣстен. Помимо этого, в Казанском списке с переработанного текста 1522 г. есть следующее утверждение: **В рѣском же ꙗзыцѣ в' множественѣ числѣ рѣственѣ ѿ виновнѣ падѣние согласни сѣть в' члѣне ꙗ гласѣ.**¹²

Это внесѣнное в ходе переработки 1522 г. утверждение о совпадении форм мн. числа ограничивает омонимию Род. и Вин. только формами мн. числа, и с точки зрения средневековой грамматики, объединявшей существительные и прилагательные в одну часть речи, распространяет эту омонимию не только на формы (одушевлѣнных) существительных мн. числа в Род. и Вин. падежах, но и на другие – адъективные – формы «имени» в этих грамматических позициях. Именно по отношению к последним это утверждение следует признать абсолютно корректным: оно справедливо как для современных русских форм, так и для форм прилагательных у Герасимова, имеющих в Род. и Вин. мн. унифицированную флексию –ыхъ.

В полном соответствии с заявленной у Герасимова омонимией форм Род. и Вин. в текстах двух библейских переводов раннего периода, IV Маккавейской книге и книге Есфирь¹³, переведѣнных Максимом как максимум до 1530 г., а скорее всего раньше, присутствуют окончания Род. в Вин. п. неодушевлѣнных существительных: М 11.25 преложити помысла нашегѣ, М 5.17 ни по едѣномѣ вбразѣ престѣпати закона, М 13.1 презрѣша болѣзнен, М 17.2 немоцныхъ показавши злыхъ егѣ оумышленѣи¹⁴.

Одинаково часто в обоих упомянутых библейских текстах встречается Мест. вместо Род.: М ргаef. прѣзрѣвше болѣзнен, М 12.12 [тѣхъ* бывшихъ стихѣхъ, М 4.26 [врецѣса ꙗодѣнскаго закона ѿ ѣбываехъ, М 9.2 стыди^ѣса вѣ прародѣтелехъ, М 7.9 не разорѣлт ѣси бжѣтвенныхъ премрѣсти словесѣхъ, М 8.2 повелѣ антѣохъ ѿныхъ [плѣненыхъ ѣврѣехъ привѣтѣи, Е 10.3 любви ѿ ѿдѣехъ, Е 9.16 почѣша ѿ вранехъ, Е 2,17 ѿвѣтѣ

¹¹ Der russische Donat: Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik / hrsg. und komment. von V. S. Tomelleri. Köln, 2002. S. 249.

¹² Ibid. S. 233.

¹³ См. о лингвистических особенностях этих двух переводов: *Вернер И. В.* О языковой практике Максима Грека раннего периода sub specie grammaticae // Славяноведение. 2010. № 4. С. 29–38.

¹⁴ Здесь и далее примеры из IV Маккавейской книги (М) (*Философское слово*) приводятся по рукописи начала XVII в. РГБ. Ф. 304.1. № 201. Л. 112 об.–120, из книги Есфирь (Е) (*Повесть ѿ Есѣери*) по рукописи конца XVI в. РО БАН. Доброхот. 32 (Воскр. 6). Л. 301 об. – 317 об.

бл҃гѣ па' всѣхъ двѣхъ, Е 2,7 по преставленнѣ* родителехъ ѣа, Е 6.1 спѣски поматныхъ днѣхъ ѡнѣхъ.

Происхождение этих форм Максима также обусловлено спецификой падежной парадигмы в «Донате» Герасимова, где нет Мест. падежа. Поэтому Максим, учитывая омонимию окончаний прилагательных в Род. и Мест. мн., объединяет их как флексии Род. и распространяет на формы существительных. В результате в Род. мн. у Максима и появляются существительные с флексией –х. Т. е. принцип омонимических отношений падежей даёт Максиму возможность как бы достроить церковнославянскую грамматику, в которой пока ещё не выделен Мест. падеж.

Наконец, последний текст возвращает нас к классическому отражению использования падежной омонимии – в школьной учебной практике. В 1648 г. в Москве выходит новое издание «Грамматики» М. Смотрицкого, в приложении к которой издатели М. Рогов и И. Наседка дают грамматический разбор молитв Црю нѣбныи и Оче нашъ. Этот разбор демонстрирует многочисленные ошибки авторов, связанные с определением грамматической семантики словоформ, особенно падежных. Соотнесение этих ошибок с указаниями «Грамматики» 1648 г. позволяет воссоздать всё тот же операционный механизм омонимического истолкования падежей.

К наиболее очевидным случаям ошибочного определения падежа словоформы относятся примеры совпадения форм Им.=Вин.=Зват. Поскольку окончания Им. и Вин. у неодушевлённых имён ср. и муж. рода не различаются, то в соответствующих отрывках из «Отче наш» номинатив ѡма (да свѣтитса ѡма твоѣ) квалифицируется как Вин. падеж, а аккумулятив хлѣбъ (хлѣбъ нашъ насоуцини даждь намъ днѣсь), напротив, как Им.¹⁵ Совпадение Им.=Вин. у неодушевлённых существительных муж. рода специально оговаривается в «Грамматике» 1648 г.: Вторѡгѡ склонѣнїѡ ... винїтелный ... бездоушныхъ всѡкѡ ѡменїтелномѡ подобенъ¹⁶. У имён ср. рода омонимичными являются не только прямые падежи, но и вокатив: Среднихъ ѡменъ всѣхъ числъ трї падежи соутъ подобни, ѡменїтелныи, винїтелныи, ѡ звателныи¹⁷. Поэтому в тексте молитвы «Царю небесный» – сокровище бл҃гїхъ ѡ жизни подателю – вокатив сокровище оценивается

¹⁵ Грамматика. М., Печ. двор, 1648. Л. 380–381 об., 383.

¹⁶ Там же. Л. 105. Это замечание повторяет текст «Грамматики» М. Смотрицкого 1619 г., ср.: Грамматїки Главѣнскїѡ правїльное Ѣнѡтагма, Евье, 1619. Л. 42 об.

¹⁷ Грамматика. М., Печ. двор, 1648. Л. 108 об., ср. то же в «Грамматике» М. Смотрицкого. Л. 46.

книжниками как Им. (в отличие от соседней формы **ПОДА́ТЕЛЮ**, отличающейся от Им. и квалифицированной как Зват.)¹⁸.

Более того, в грамматическом разборе форм **НА́ НЕБЕСИ** и **НА ЗЕМЛѢ** из «Отче наш» (**ДА БОУ́ДЕТЬ ВОЛА́ ТВОѠ́ І́АКЪ НА́ НЕБЕСИ И́ НА ЗЕМЛѢ**)¹⁹ омонимические отношения падежей влияют не только на определение формы существительных, но и на определение **счинѣніа паде́жа** предлога. Форма Мест. падежа **НА́ НЕБЕСИ** получает помету «дательный или сказательный» в полном соответствии с парадигмой существительных ср. рода типа **СЛОВО** (Дат.=Мест. **СЛОВЕСИ**). Падеж стоящей в той же самой грамматической позиции формы **НА ЗЕМЛѢ** определён верно и без вариантов. Однако та омонимия падежей, которая присутствует в парадигме типа **ЗЕМЛА́** (Род.=Дат.=Сказ. **ЗЕМЛѢ**), приписана в разборе предлогу **НА: ПО СЧИНѢНІЮ ПАДЕ́ЖА РО́ДНАГЪ И́ ДА́ТЕЛНАГЪ И́ СКАЗА́ТЕЛНАГЪ**. Очевидно, что управление предлога определяется исходя из той же потенциальной парадигматики, которая стоит за каждой из разбираемых форм существительных. При этом парадигматическая омонимия может эксплицироваться в грамматическом разборе (в виде перечня потенциальных падежей), или не эксплицироваться. В последнем случае выбор того или иного из омонимичных падежей является практически свободным. Именно эта ситуация представлена в случае формы **НА́ НЕБЕСИ**, падеж которой определён как дательный.

Таким образом, несмотря на разницу временных, статусных и языковых характеристик упомянутых текстов, типология ошибок падежной парадигматики, допускаемых авторами этих текстов, обнаруживает общее омонимическое происхождение. Однако если изначально средневековое европейское использование падежной омонимии включено в систему мнемотехники, то на славянской почве этот принцип претерпевает некоторую трансформацию, что и обуславливает такие нестандартные результаты его приложения. Во-первых, из принципа запоминания он превращается в принцип порождения падежных форм и их истолкования. Вениамин использует его для порождения практически любых падежных форм, а Максим Грек с его помощью заполняет те локусы падежной парадигмы, которые ещё пока отсутствуют в той грамматике, которой он пользуется как прескриптивной – речь идёт о «Донате», в котором нет местного падежа. Рогов и Наседка истолковывают, опознают определённые падежные формы (что являлось новым, не практиковавшимся до того времени типом филологической

¹⁸ Там же. Л. 387 об.

¹⁹ Там же. Л. 382 об.

деятельности), опираясь на те пары-тройки омонимичных падежей, которые были указаны М. Смотрицким. И здесь мы имеем дело с другой трансформацией принципа омонимии: в «Грамматике» 1648 г. она уже не является непосредственным отражением совпадения падежей в языке-источнике, но реализуется как приём грамматического описания и упорядочения собственно славянских форм. Отголоском которого, между прочим, является размещение падежных форм в современных учебниках старославянского и церковнославянского, где двойственное число представлено всего тремя формами: Им.=Вин., Род.=Мест., Дат.=Твор. Поскольку эти формы уже в момент появления первых грамматик являются исключительно атрибутом книжного языка, то такое их расположение возвращает нас к исходной, классической практике – использовать омонимы для запоминания. Рассмотренные же тексты остаются в истории церковнославянского языка уникальными образцами порождающей грамматики в эпоху отсутствия нормативной.

Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софрония Лихудов в Москве в конце XVII в.: рописи учеников

Выстраивание образовательной модели для Московского государства было не только внутренним делом русского правительства, неискушённого до этого момента в подобных делах. Важную роль здесь играли предложения и проекты иностранцев, желавших поступить на государеву службу. Среди них особое место занимали те иноземцы, которые представляли страны и регионы, имевшие культурно-конфессиональное единство с Москвой и традиционно активные контакты с Московским государством.

Важнейшим результатом культурных контактов России и стран Христианского Востока стало создание 1 июня 1685 г. в Москве греками иеромонахами Иоанникием и Софронием Лихудами Славяно-греко-латинской академии¹. Деятельность учёных греков в Москве на этом не закончилась, и в конце 1690-х гг. они стали преподавателями ещё одного учебного заведения – «Итальянской школы». Факты биографии Лихудов в домосковский период их жизни показывают, что, с одной стороны, итальянский язык с детства был для них почти родным языком; с другой стороны, Лихуды должны были изучать все уровни итальянского в рамках своего обучения в Италии.

В историографии «Итальянской школой» принято называть учебное заведение, созданное в Москве 15 мая 1697 г. и существовавшее до 1700 г., в котором Иоанникий и Софроний Лихуды преподавали итальянский язык. Дата основания школы определяется по первому набору её слушателей; что же касается закрытия этого учебного заведения, то на этот счёт точных сведений не существует: последний дошедший до нас документ о деятельности Итальянской школы датируется 30 июля 1700 г.

Что касается названия – *Итальянская школа*, – то оно не только создано историографией, но и встречается в источниках, содержащих

¹ О первом высшем учебном заведении – Славяно-греко-латинской академии см.: Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855; Сменцовский М. Н. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1899; Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001; Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской Академии (1685–1694): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

сведения о деятельности этого учебного заведения. Одним из примеров этого служит указная память, присланная в Разряд из Владимирского судного приказа от 11 мая 1698 г., в которой упоминаются ученики «Итальянской школы»². Однако следует отметить, что в документах нет унифицированной формулировки.

Слово «школа» встречается в первом же документе, датированном 15 мая 1697 г. и содержащем список лиц, дети которых должны по указу Петра I учиться итальянскому языку³. На оборотной стороне одного из листов этого документа есть резолюция, по которой служащие Разряда должны были оповестить указанных лиц, «чтоб они детей своих в школу (курсив наш. – Д. Р.) для ученья италианского языка к учителем отвели тотчас»⁴. Однако слово «школа», помимо указанного словосочетания – «в школу для ученья италианского языка», – в документах встречается и в других вариантах: «в школу ко учению италианскаго языка»⁵, «быть в школе и учитца италианскому языку»⁶, «в школу к учителем иеромонахом к Аникию и Сафронию Лихудьивым во учение итталианского языка»⁷. Иногда слово «школа» встречается в документах без его определения или с указанием на преподавателей.

В других случаях, также часто встречающихся в источниках, слово «школа» вообще отсутствует: в документах фиксируется только род деятельности Лихудов и тот язык, которому они будут обучать слушателей. Такой вариант имеется уже в первом документе от 15 мая 1697 г., его заглавие содержит следующую формулировку: «Роспись боярским и иным чинов детям, которым по имянному великого государя указу *учитися итталианскому языку* (курсив наш. – Д. Р.) у учителей греков Иоаникия и Софрония Лихудиевых»⁸. Они были единственными преподавателями Итальянской школы.

Основу источниковой базы истории Итальянской школы составляет плотный по хронологии комплекс документов приказного делопроизводства, отложившийся в составе фонда Разрядного приказа. Помимо документов Разрядного приказа, отдельные сведения о деятельности Итальянской школы содержатся в свидетельствах иностранцев – записках секретаря посольства императора Леопольда I в

² РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Московский стол. Стлб. 1033. Столпик 7. Л. 7.

³ Там же. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 175–177.

⁴ Там же. Л. 176 об.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 56.

⁷ Там же. Л. 84.

⁸ Там же. Л. 175; Стлб. 1009. Столпик 3. Л. 1–3.

Россию Иоганна Корба⁹ и письме иезуита Франциска Эмилиана (Иоанна Милана)¹⁰.

Несмотря на большой комплекс сохранившихся документов по истории Итальянской школы, изучение этой темы историками русского просвещения было скорее исключением, чем правилом: в научной литературе существуют лишь несколько страниц, посвящённых истории Итальянской школы.

Впервые в историографии XIX в. на это направление преподавательской деятельности Лихудов было обращено внимание С. К. Смирновым в его работе о Славяно-греко-латинской академии¹¹. С. К. Смирнов предполагал, что Пётр I рассматривал изучение итальянского языка как необходимость для ведения дипломатических переговоров и постоянных сношений с венецианским дожем и «сенатом ломбардским», поскольку «в то время был подтверждён наступательный союз России с Венецией против турок»¹². Необходимо отметить, что именно такой взгляд утвердился в историографии. С. К. Смирнов не ставил своей задачей изучение Итальянской школы как отдельного учебного заведения конца XVII в. По-видимому, этим можно объяснить тот факт, что автор упоминал лишь об одном документе, касающемся истории школы, – росписи учеников, направляемых на обучение в Итальянскую школу.

В «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьёв также упоминает о преподавании Лихудами итальянского языка¹³. Однако его трактовка этого факта не лишена некоторых неточностей. Во-первых, историк не отделяет промежуточный этап в жизни Лихудов, когда, после отстранения от преподавания в академии в 1694 г. и до 1697 г., греческие дидаскалы давали частные уроки итальянского языка, с 1697 по 1700 гг., когда они преподавали в Итальянской школе, находясь на государевой службе. Во-вторых, С. М. Соловьёв, обращая внимание, по-видимому, на тот же документ, что и С. К. Смирнов (Роспись учеников школы, 15 мая 1697 г.), приводит иную дату его создания – 1694 г., из чего следует, что именно так он определяет время образования Итальянской школы в Москве. Трудно объяснить подобную неточность в датировке документа:

⁹ «Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариета, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 221.

¹⁰ Письма и донесения иезуитов в России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904. С. 32.

¹¹ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 68–70.

¹² Там же. С. 69.

¹³ Соловьёв С. М. Сочинения. Книга VII. История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 13–14. С. 470.

ведь в своих примечаниях С. М. Соловьёв указывает одно из дел (№ 1009), в составе которого находится эта Роспись.

В труде М. Н. Сменцовского, полностью посвящённом жизни и деятельности Лихудов¹⁴, автор, повторяя тезис С. К. Смирнова о причинах образования Итальянской школы, отмечал, что «указ» о её создании был «первым распоряжением правительства о распространении в России знания европейских языков». В целом вся дореволюционная историография не рассматривала Итальянскую школу Лихудов как самостоятельное учебное заведение и не видела необходимости в выявлении и введении в научный оборот источников по её истории.

Только в 80-х гг. XX в. вышла отдельная работа – статья М. П. Лукичёва¹⁵, – посвящённая Итальянской школе. Автор, по сути, открыл новую страницу в истории русского просвещения времени Петра I, поставив вопрос о необходимости отдельного исследования Итальянской школы Лихудов. Лукичёв сообщал о существовании целого комплекса документов по истории Итальянской школы, часть которых он ввёл в научный оборот. Исследователь подчёркивал, что его «работа не претендует на всесторонний и исчерпывающий анализ перечисленных документов»¹⁶. Однако он видел и перспективы для последующего изучения истории Итальянской школы, поставив вопрос о том, что «в дальнейшем необходимо провести тщательную систематизацию и внимательное их (документов. – Д. Р.) сопоставление. Целесообразно также опубликовать наиболее интересные материалы (в первую очередь, челобитные Лихудов и списки их учеников)»¹⁷.

Тем не менее, до сих пор деятельность Итальянской школы остаётся не просто малоизвестной, а фактически неизвестной страницей истории русского просвещения в конце XVII в.¹⁸ Практически все (за исключением статьи М. П. Лукичёва) работы, в которых упоминалась Итальянская школа и предпринималась попытка решить вопрос о значении данного учебного заведения, основывались на одном-двух документах из всего сохранившегося комплекса.

До нас не дошло никакого указа или «привилегии» на открытие этого учебного заведения с изложением целей и задач, которые оно

¹⁴ Сменцовский М. Н. Указ. соч. С. 300–301.

¹⁵ Лукичёв М. П. К истории русского просвещения конца XVII в. (итальянская школа братьев Лихудов) // ПКНО. 1993. М., 1994. С. 15–19 (переизд.: Лукичёв М. П. Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 352–362).

¹⁶ Там же. С. 353–354.

¹⁷ Там же. С. 354.

¹⁸ Об Итальянской школе братьев Лихудов см., в частности: Чеснокова Н. П. Школа итальянского языка в Москве (1697–1700) на фоне эпохи // Каптеревские чтения 8. М., 2010. С. 133–155. (Прим. сост.)

должно было реализовываться. По-видимому, такого документа не существовало. Нельзя исключать, что поводом к открытию Итальянской школы послужила подготовка к Великому посольству и вся деятельность, которая сопровождала это событие: обращает на себя внимание хронологическое совпадение и вероятная идейная взаимосвязь открытия Итальянской школы Лихудов и организации Великого посольства.

Вопрос, связанный с местонахождением Итальянской школы, среди прочих кажется наиболее трудным. Ни один из документов из всего комплекса источников по истории этого учебного заведения, отложившегося в архиве Разрядного приказа, не содержит упоминания о месте нахождения Итальянской школы. Это единственный подобный случай, поскольку в делопроизводственных документах по истории других школ конца XVII – начала XVIII в. есть сведения о том, где они располагаются. Определяя место расположения Итальянской школы, на наш взгляд, следует принять указание Иоганна Корба на то, что «греческие священники» преподавали итальянский язык в здании Московского Печатного двора.

Итальянская школа – это единственное учебное заведение из функционировавших в России в XVII в., по истории которого сохранилось столь внушительное количество источников. По сравнению с другими учебными заведениями, при изучении которых часто приходится использовать лишь отрывочные сведения или частично сохранившиеся источники, нередко косвенные, источниковая база по истории Итальянской школы представляется наиболее информативной.

Все сохранившиеся источники по интересующей нас здесь теме находятся в РГАДА в фонде Разрядного приказа (Ф. 210). Прежде всего, необходимо обратить внимание на два дела Ф. 210. Московского стола – это столбец № 773 (столпик № 3) и столбец № 1033 (столпики № 5–7); другие столбцы – № 1009 и № 1167 – содержат лишь несколько листов и передают по одному документу. Несмотря на некоторые утраты как отдельных документов, так и их частей, в нашем распоряжении оказывается крупный комплекс документов. В общей сложности по истории Итальянской школы сохранилось более 200 документов на 300 листах.

Однако сложно определить, когда и как были сформированы указанные столбцы (дела): результат ли это делопроизводства конца XVII в. или деятельности архивистов более позднего времени? Такой вопрос возникает, поскольку при изучении дел нами было замечено, что документы, датированные одними и теми же числами и связанные общей темой, находятся в разных столбцах, – фактически документы перемешаны. Особенно наглядно это проявляется на материале столбцов № 773 и № 1033. Показательны в данном случае сказки, датированные 27–29 сентября 1698 г.: часть из них находится в столбце № 773, столпик 3

(л. 71–72, 74), другая часть – в столбце № 1033, столпик 6 (л. 24, 25, 27). Принцип разделения документов, содержащихся в этих столбцах, можно отметить только в отношении их авторства: все документы, относящиеся к Лихудам, их челобитные и сказки находятся в столбце № 773, в то время как сказки учеников Лихудов и их родственников в основном находятся в столбце № 1033 (столпик 6), хотя некоторые из них встречаются и в столбце № 773.

Делопроизводственные источники представлены следующими видами документов: челобитные, сказки, выписи, памяти, росписи.

Важное место в этом комплексе занимают росписи, по большей части, содержащие имена учеников Итальянской школы. Сохранилось 15 росписей, датированных с 1697 по 1700 г., т. е. они охватывают весь период существования Итальянской школы. Все росписи можно разделить на три группы, положив в основу классификации отличительные особенности документов (авторство, цели создания), которые подразумевали разную структуру и содержание росписей.

Что касается авторства росписей, то они составлялись либо от имени Разрядного приказа, либо от имени учителей Итальянской школы – Иоанникия и Софрония Лихудов. Различными были и цели их составления. Нами выделены следующие группы росписей: 1) росписи, содержащие имена лиц, направлявшихся на обучение в Итальянскую школу (составлялись Разрядом); 2) росписи, содержащие данные о посещаемости учениками школы; 3) росписи, содержащие сведения об успеваемости учеников, которые составлялись самими Лихудами, и представляли, по сути, их отчёты о проделанной работе в Итальянской школе.

К первой группе относятся две основные росписи¹⁹, составленные в Разрядном приказе и содержащие списки учеников, направленных для обучения итальянскому языку к Лихудам. Первая «Роспись боярским и иных чинов детям, которым по имянному великого государя указу учиться итталианскому языку у учителей греков Иоаникия и Софрония Лихудиевых»²⁰ датируется 15 мая 1697 г. Можно предположить, что этот документ был составлен в связи с открытием Итальянской школы. Однако в памяти от 28 ноября 1698 г.²¹ упоминается указ государя от 8 марта 1697 г., по которому Лихуды должны были обучать «школьников» итальянскому языку. Таким образом, официальный указ о создании школы относится к 8 марту 1697 г., но, по-видимому, в первые месяцы существования этого учебного заведения не было достаточного количества

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стлб. 1009. Столпик 3. Л. 1–3; Стлб. 773. Столпик 3. Л. 176–177 об. (неполный); Там же. Л. 24–25.

²⁰ Там же. Стлб. 1009. Столпик 3. Л. 1–3; Стлб. 773. Столпик 3. Л. 176–177. (неполный).

²¹ Там же. Стлб. 1033. Столпик 5. Л. 1.

желающих учиться итальянскому языку, в связи с чем в Разрядном приказе была составлена роспись лиц (55 человек), которые в обязательном порядке направлялись для обучения итальянскому языку к Лихудам.

Следует отметить одну из особенностей первой «Росписи боярским и иных чинов детем...» от 15 мая 1697 г. – это её малую информативность: ни одна из записей списка учеников не сообщает имён учеников школы, а содержит лишь имя отца. По-видимому, это связано с тем, что Разрядный приказ должен был составить роспись в достаточно короткий срок и не имел времени для наведения подробных справок обо всех лицах, упоминаемых в росписи. Безличные упоминания учеников фигурируют в росписи в отношении представителей всех сословий от бояр до посадского населения, например: «князя Петра Ивановича Хованского два сына», «установщика Федота Феофанова сын». Кроме того, при рассмотрении отдельных записей росписи становится ясно, что в документ вносилось известное количество детей того или иного лица, невзирая на их возраст, физические и умственные возможности. Так, у князей Петра Ивановича Хованского, Фёдора Петровича Салтыкова, Алексея Петровича Салтыкова и других указываются два сына, а у князя Ивана Михайловича Черкасского – шесть сыновей. Можно думать, что Разрядный приказ успел провести определённую работу по выяснению наличия и количества детей у того или иного лица, поскольку в случае отсутствия сына указывался племянник, например: «Гаврила Романова племянник», «Ивана Ушакова племянник»²². Однако, судя по всему, деятельность Разряда была недостаточно тщательной, а росписи составлялись приблизительно. Об этом свидетельствуют последующие многочисленные отписки и сказки названных в росписи лиц с указанием различных неточностей в родственных связях, количеством и состоянием здоровья детей, направлявшихся для обучения итальянскому языку.

Вторая «Роспись всякаго чина детем, которым учиться италийскому языку у учителей греков Иоанникия и Софрония Лихудиевых»²³ была составлена в Разрядном приказе 12 ноября 1697 г. Документ был подготовлен спустя полгода после первой росписи. Этого времени, по-видимому, было достаточно для выяснения Разрядным приказом реального количества лиц, способных обучаться итальянскому языку и начавших посещать занятия в школе: в конце октября 1697 г. в школе таковых числилось 23 человека, т. е. менее половины от числа тех, кто должен был учиться согласно росписи от 15 мая 1697 г. Такое количество учеников Итальянской школы, вероятно, было сочтено Разрядом недостаточным: в приказе был составлен новый список лиц, направленных на учёбу и содержащий уже 115 человек.

²² Там же. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 177.

²³ Там же. Л. 24.

Первая и вторая росписи имеют явные внешние и структурные отличия. Документы написаны разными подьячими Разрядного приказа, но имеют общие элементы письма, свойственные, как можно предположить, писцовой традиции Разрядного приказа. Записи имён во второй росписи более информативны, чем в первой. Каждая запись, помимо полного имени отца потенциального ученика, содержит указание на его происхождение или род деятельности. Кроме того, в некоторых случаях упоминается и имя человека, который должен учиться итальянскому языку, например: «у столника Григория Шишкова сын Димитрий». При упоминании дьяков указана не только должность, а также приказ: «у дьяка Суднаго дворцоваго приказу Петра Тютчева сын» или «У дьяка Сибирскаго приказу Афанасия Парфениева сын Никита»; при упоминании посадских людей указаны слободы, к которым они принадлежат. Однако имена детей даны не ко всем записям росписи, большая часть записей остаются достаточно «глухими» и содержат только указание числа детей. Тем не менее, при составлении второй росписи Разрядным приказом явно была проведена более скрупулёзная работа, чем в предыдущем случае.

К этой группе росписей следует, по нашему мнению, отнести ещё один документ – «Роспись ротным писарем Семеновского полка, приписанным обучаться итальянскому языку»²⁴. Все документы этой группы содержат списки лиц, направлявшихся на обучение итальянскому языку в школу к Лихудам. «Роспись ротным писарем Семеновского полка» датируется 19 мая 1698 г. и содержит имена четырёх человек. Можно предположить, что направление их на обучение было связано с тем, что за полмесяца до этого, в начале мая 1698 г., четыре ученика Лихудов были отправлены из Итальянской школы в морскую школу к капитану Меланковичу для обучения «компаса, морского ходу...»²⁵.

Таким образом, к первой группе мы относим три росписи, представляющие собой списки лиц, направленных в школу к Иоанникию и Софронию Лихудам для обучения итальянскому языку: первая и вторая представляют собой основной набор слушателей в школу, третья – дополнительный. Однако эти росписи содержат списки не всех учеников Итальянской школы. Из других документов становится известно, что в школу направлялись и иные слушатели, но в росписях первой группы их имена отсутствуют. Поэтому можно предположить, что существовала как минимум ещё одна роспись, содержащая перечень имён учеников школы: мы имеем в виду, прежде всего, роспись солдат Семёновского полка, приписанных для обучения итальянскому языку. Об их явке в

²⁴ Там же. Л. 50.

²⁵ Сукновалов А. Е. Первая в России Военно-морская школа // Исторические записки. М., 1953. Т. 42. С. 301–306.

Итальянскую школу мы узнаём уже из росписей второй группы, но документ, направлявший их на обучение к Лихудам, не обнаружен.

Вторую группу росписей составляют отчёты о посещении учениками Итальянской школы. Этот вид росписей относится к тем источникам, которые появляются с первых месяцев существования Итальянской школы. Единственный показатель работы школы на первом этапе её существования – это посещаемость занятий, отчёт о которой впервые заинтересовал Разрядный приказ через три недели после первого набора слушателей²⁶. Однако это – не единичный документ, всего сохранилось 9 росписей²⁷ подобного содержания, появлявшихся регулярно, причём инициатива их составления принадлежала как Разрядному приказу, так и Лихудам. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что необходимость в отчётности была обоюдной: перед Разрядным приказом стояла задача обеспечить постоянное функционирование Итальянской школы, тогда как цели Лихудов нередко состояли не в отчётности перед Разрядом, а в стремлении обратить внимание приказа на низкую посещаемость занятий. Следует отметить, что росписи сохранились и в составе такого вида делопроизводственных документов, как приказные выписи, составлявшиеся в Разрядном приказе.

Большинство росписей этой группы имеет специфические особенности структуры. Фактически росписи делятся на две части: в начале документов перечисляются ученики, посещавшие занятия, затем следует перечень тех, кто не ходил в школу. При этом в первой части росписей посещающие занятия ученики подразделяются по способу поступления в Итальянскую школу: «по росписи» (т. е. те, которые были направлены Разрядным приказом), «по челобитью» и «своею охотою». Однако это не все особенности: в отдельную группу выделены ещё десять человек – солдат Семёновского полка. Роспись от 11 февраля 1698 г.²⁸ – первый документ, в котором упоминаются солдаты, направленные на учёбу 5 февраля 1698 г.²⁹

Другие две росписи, содержащие сведения о посещаемости учениками Итальянской школы, датируются 11 и 30 августа 1698 г.³⁰

Краткие варианты росписей второй группы представляют следующие далее росписи. Две из них необходимо рассматривать вместе – это «Роспись учеником, которая не ходят в школу»³¹ от 15 октября и

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 2–4. По этой росписи ясно, что к занятиям в Итальянской школе приступило лишь небольшое число лиц (9 человек) из 55 человек.

²⁷ Там же. Л. 2–4, 37–38 об., 63, 65–66 об., 79, 80, 94–94 об., 95–95 об., 130–131.

²⁸ Там же. Л. 37–38 об.

²⁹ Там же. Л. 38.

³⁰ Там же. Л. 63, 65–66 об.

³¹ Там же. Л. 79.

«Роспись учеником, которая учились италиянскому языку, а ныне они сами отстали и в школу давно не ходят»³² от 28 ноября 1698 г. При составлении этих росписей Лихуды указывают только лиц, которые не посещают занятия в Итальянской школе, интересной особенностью первой росписи от 15 октября 1698 г. является то, что в ней впервые указывается время, которое ученики не посещали школу: так, дольше других не ходили в школу Василий Боков (год) и Андрей Носов (восемь месяцев)³³.

Ещё одна роспись – от 19 января 1699 г.³⁴ Она вновь отсылает нас к примерам *полных* (а не кратких, как предшествующие две) росписей. Структура документа в целом обычна для подобного вида росписей, но и имеет свои особенности. Что касается общих элементов, то эта роспись, как и другие подобного типа росписи Лихудов, начинается с указания учеников, которые ходят в школу, – «Роспись учеником италиянского языка, которые ныне учатся»³⁵, и только в конце говорится о не посещающих школу лицах. Отличительной чертой структуры данной росписи является то, что в ней добавляется отдельная группа лиц, которые «Ко учению ходят не всегда и учатся не прилежно». Данный пункт в росписи находится между теми, кто посещает и теми, кто перестал ходить в школу; можно предположить, что этим расположением Лихуды, видимо, указывают на вероятность отсутствия на занятиях в скором времени ещё большего числа учеников.

Следующая роспись – 20 апреля 1699 г. – «учеником всякаго чина... учиться италиянскому языку и они ученики ходили учиться тому италиянскому языку и учились, а ныне они собою отстали и ко учителем учиться не ходят»³⁶ – расположена в столбце сразу после предыдущей росписи от начала января 1699 г. И последняя роспись этой группы датируется 23 сентября 1699 г.³⁷ Несмотря на то, что эти два документа были составлены с разницей почти в полгода, их изучение показывает, что списки лиц, не посещающих занятия, фактически полностью повторяются.

Исследование росписей этой группы особенно важно для выявления лиц, учившихся у Лихудов. С этой точки зрения показательно замечание учителей в конце первой росписи от 20 апреля: «и иные многие по росписям, которым сказано и велено им ходить в школу и учиться и они еще и до ныне не явились»³⁸. Таким образом, в этих росписях указываются только те ученики, которые ходили ранее в школу, но по каким-то причинам прекратили посещения занятий. Следовательно, если совместить

³² Там же. Л. 80.

³³ Там же. Л. 79.

³⁴ Там же. Л. 94–94 об.

³⁵ Там же. Л. 94.

³⁶ Там же. Л. 95–95 об.

³⁷ Там же. Л. 130–131.

³⁸ Там же. Л. 95.

списки тех, кто учится в школе, и тех, кто не ходит, то мы получим максимальное число учеников Итальянской школы, которые когда-либо посещали занятия итальянского языка. Остальные же лица, направленные на обучение по двум росписям Разрядного приказа от 15 мая и 12 ноября 1697 г., ни разу не явились в школу.

Росписи второй группы, содержащие сведения о посещаемости учениками занятий итальянского языка, составлялись как Разрядным приказом, так и Лихудами. При этом сохранилась только одна роспись этой группы, составленная Разрядным приказом, – первая из сохранившихся. Документ представляет полный список лиц, направленных на обучение итальянскому языку по первой росписи от 15 мая 1697 г. с пометами о их явке в школу. В то же время до нас дошло 8 росписей, авторство которых принадлежит Лихудам; эти документы не содержат полного перечня всех предполагаемых учеников школы. Условно росписи Лихудов можно разделить на два варианта: полный и краткий. В первом случае в росписях указывались все ученики, которые явились в школу, с выделением лиц, посещавших занятия и переставших ходить в школу. Во втором случае в кратких росписях упоминаются лица, не посещающие занятия Лихудов. Хронологически росписи Лихудов этой группы охватывают чуть более полутора лет: первая датируется 11 февраля 1698 г. и последняя – 23 сентября 1699 г., т. е. эти документы относятся к первым двум годам существования Итальянской школы.

Третью группу составляют росписи, в которых по сравнению с предыдущей группой есть не только сведения о посещаемости учениками Итальянской школы Лихудов, но и добавляются данные о достигнутых ими успехах. Особенности информации, содержащейся в росписях этих двух групп, во многом обусловили распределение документов по годам. В первый и второй год существования Итальянской школы Лихуды и Разрядный приказ пытаются установить функционирование школы, поэтому в это время в основном составлялись росписи о посещаемости учениками занятий. В конце второго и на третьем году обучения, когда была важна не только посещаемость, но и результаты, которых добивались ученики, появился ещё один тип росписей. Таким образом, росписи этой группы, с одной стороны, содержат информацию о посещаемости, а с другой – сообщают сведения об успехах учеников в изучении итальянского языка.

Сохранились только 4 росписи этой группы³⁹. Столь небольшое их число связано с тем, что росписи этой группы появляются несколько позже, чем росписи второй группы. Первая роспись этой группы датируется 18 сентября 1698 г.⁴⁰, она была составлена спустя чуть более

³⁹ Там же. Л. 67–68, 134–135, 151, 152.

⁴⁰ Там же. Л. 67–68.

двух недель после росписи из второй группы, сообщающей сведения о посещаемости учеников и датированной 30 августа 1698 г.⁴¹ По-видимому, сведений из этой росписи оказалось недостаточно, и Лихуды составляют ещё одну, более развёрнутую роспись.

Структура этих росписей отличается от документов второй группы: список учащихся делится на статьи, каждая из которых отражает уровень знаний итальянского языка учениками школы. Следует отметить, что число статей и их названия в росписях этой группы варьируются, по-видимому, в зависимости от количества учащихся или необходимости показать большую дифференциацию в их знаниях. В качестве примера следует привести классификацию, которая даётся в первой росписи от 18 сентября 1698 г., где все студенты выделены в три статьи: самый высокий уровень показали ученики первой статьи, которые «изучились по-италиянски читать и писать и говорить навычны», ученики второй статьи «читают и пишут, а говорить мало навычны», третьей же «читают и пишут, а говорить не умеют»⁴²; дополнительно, без указания статьи, выделена ещё одна группа лиц, которые «читали и писали, а говорить мало умели»⁴³. Внутри групп ученики располагаются по принятой схеме – боярские, стольников, дьячьи, затем подьячих, посадских. Так, среди учеников первой статьи были только дети дьяков, подьячих, посадских, в то время как дети бояр, стольников и большого числа дьяков относятся к третьей статье. Кроме указанного деления, в статьях в отдельные группы выделены те, которые «той же статьи, а ко учению не ходят». Необходимо отметить, что данный пункт есть только для второй и третьей статей, в то время как все ученики первой статьи посещают занятия.

Предположительное время создания второй росписи⁴⁴ – осень 1699 г. Данное определение основывается на датировке других документов, окружающих роспись в данном столбце: «Список приставов, посланных во дворы для розыска учеников итальянского языка»⁴⁵ датирован 3 октября 1699 г.; в докладной выписи (л. 136) упоминается о росписи учителей итальянского языка, «какову подали в Розряде в нынешнем в 208-м году, хто что выучил и учит и которая к учению не часто ходят и которые отстали от учению собою, писано по статьям учения»⁴⁶. Можно предположить, что упоминается именно эта роспись Лихудов.

Структура этой росписи в целом такая же, как и предыдущей: повторяется деление на статьи, каждая из которых соответствует уровню знаний учеников, однако имеются и некоторые изменения.

⁴¹ Там же. Л. 65–66 об.

⁴² Там же. Л. 67.

⁴³ Там же. Л. 68.

⁴⁴ Там же. Л. 134–135.

⁴⁵ Там же. Л. 132.

⁴⁶ Там же. Л. 136, 141–142, 151, 152.

Во-первых, нет полной идентичности в названии статей: так, к первой статье относятся ученики, которые «научились читать и писать по-итальянски и говорят добре и уже в конце большого синтакса идут грамматического», ко второй статье – «научились читать и писать по-италиански и говорят отчасти», к третьей группе – «читают толко по-италиански»⁴⁷. Здесь наиболее подробно указано, что изучают ученики первой статьи – они в конце большого синтаксиса, т. е., фактически, заканчивают изучение грамматики, а ученики третьей статьи по этой росписи только читают по-итальянски. Таким образом, названия двух первых статей росписи указывает на то, что за год ученики Лихудов продвинулись в своих знаниях, а большая часть учеников третьей статьи теперь отнесена к более высокой, второй статье.

Во-вторых, вторая роспись, кроме свойственного и первой росписи деления на две группы, содержит в конце списка ещё и перечень лиц по статьям, которые «отстали от учения».

К третьей группе росписей относятся ещё две росписи, датированные 1700 г. Первая из них была составлена 29 февраля⁴⁸, вторая – 26 июля 1700 г.⁴⁹ За некоторыми исключениями структура этих двух росписей повторяет деление на статьи, существующее в предыдущей росписи. Так, в этих росписях к первой статье относятся ученики, которые «научились читать и писать по-италиански и говорят добре и уже в конце большого синтаксиса грамматического идут», ко второй – те, кто «научились читать и писать по-италиански и говорят отчасти», к третьей – «научились читать и писать по-италиански» (в то время как в предыдущем документе упоминаются те, кто «читают только по-итальянски»); также здесь присутствует ещё четвертая статья, в которой указаны те, «которые, научась толко читать, собою отстали»⁵⁰.

Следует отметить, что все росписи второй и третьей групп были подписаны Лихудами собственноручно. Особенно это важно в отношении последней группы, росписи которой датируются 1699–1700 гг., т. е. временем, когда, как принято было считать, Лихуды были сосланы в Новоспасский монастырь по делу Петра Артемьева⁵¹.

Таким образом, рассмотренные нами росписи учеников Итальянской школы представляют собой важную часть всего комплекса документов по истории этого учебного заведения. Данный вид источников впервые появляется в связи с деятельностью именно этой школы.

⁴⁷ Там же. Л. 134.

⁴⁸ Там же Л.151.

⁴⁹ Там же. Л.152.

⁵⁰ Там же. Л. 151, 152.

⁵¹ *Сменцовский М. Н.* Указ. соч. С. 316–319.

Наше особое внимание к росписям связано с тем, что изучение источников по истории образования и просвещения в России в XVII в. показало, что подобный вид документов встречается впервые: ни от одной из предшествующих школ (как высшего, так и среднего типа) не сохранилось росписей учеников, направлявшихся на обучение. Итальянская школа явно отличалась характером организации образовательного процесса: централизованным набором слушателей и обязательностью посещений занятий. В других школах не существовало столь подробной отчётной документации, характеризующей уровень знания учеников. Также мы впервые сталкиваемся с тем, что именно Разрядный приказ, а не какое-либо иное учреждение, формировал состав слушателей и контролировал функционирование школы. Таким образом, можно утверждать, что Итальянская школа – это первая языковая школа (а, возможно, и первое учебное заведение) в России, деятельность которой централизованно направлялась государством. Можно считать, что в источниковедческом отношении источники по истории Итальянской школы представляют собой особый рубеж: дошедшие до нас росписи типологически представляют собой вид документов, характерных не для XVII, а для XVIII в. В этом смысле Итальянскую школу Иоанникия и Софрония Лихудов следует рассматривать как учебное заведение, опередившее своё время.

К. В. Суториус (Теологический ин-т
Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии)

Курсы «Логики» и «Физики» братьев Лихудов в Московской Славяно-греко-латинской академии

Quam multa enim, quae nostra causa nunquam faceremus, facimus causa amicorum (Cic. Lael. 57)

Несмотря на появившиеся в последнее время интересные публикации, посвящённые как начальному этапу в истории Московской Славяно-греко-латинской академии, так и дидактической деятельности братьев Лихудов в целом, многие подробности того, как проходил учебный процесс в Московской академии времён преподавания там Лихудов, остаются малоизученными. Это касается, в частности, курсов «логики» и «физики»: встречающееся в литературе изложение того, как именно преподавались эти дисциплины, вызывает много вопросов. В связи с этим представляется целесообразным вновь обратиться к тем документам, на основании которых сегодня можно судить о том, как и что преподавалось в рамках этих предметов. Поскольку, по крайней мере, о младшем из двух братьев, Софронии, известно, что он учился в Падуанском университете, кажется перспективным рассматривать преподавание Лихудами философии в связи с тем, как этот предмет преподавался в европейских учебных заведениях XVII в., когда главным направлением в академической философии была так называемая «вторая схоластика». Это позволит увидеть те общие черты, которые были у разделов философского курса, преподававшихся Лихудами, с одной стороны, и современной им дидактической литературы по философии, а также философскими курсами, которые преподавались в различных учебных заведениях Европы, с другой. Такой подход представляется более оправданным с точки зрения исторической, чем рассматривать курсы Лихудов в связи с западноевропейской схоластикой средневековой, как это делается в статье Я. М. Вандулакиса, одном из немногих исследований, специально посвящённых преподаванию Лихудами именно логики.

В XVII в. в преподавании философии продолжал господствовать школьный аристотелизм. Философский курс состоял обычно из «логики», «физики», «метафизики» и «этики». «Логика», в свою очередь, разделялась на две неравные части. Первая часть называлась «малой логикой», или «диалектикой». Она соответствовала курсу формальной логики, и материал в ней излагался в соответствии с так называемыми тремя операциями разума: термин (понятие), высказывание (суждение), умозаключение. Вторая называлась «большой логикой», просто «логикой», или наукой о разуме (*scientia rationalis*). В ней излагались

гносеологические и метафизические вопросы в соответствии со структурой Аристотелева «Органона» или в соответствии с теми же тремя операциями разума. В последнем случае одна структура накладывалась на другую так, что раздел о первой операции соответствовал «Категориям» Аристотеля и «Введению» к ним Порфирия, раздел о второй операции – сочинению Аристотеля «Об истолковании», раздел о третьей операции – «Аналитикам». Начиналась «логика» обычно введением, где говорилось об объекте логики и её свойствах. Однако это были не комментарии к текстам Аристотеля, а обсуждение вопросов, этими текстами спровоцированных, нередко имеющих к ним отношение весьма опосредованное. В «физике» обсуждались вопросы, касающиеся сочинений Аристотеля о природе; к ним примыкали также вопросы по поводу сочинения «О душе». В «этике» рассматривались вопросы, связанные с «Никомаховой этикой», в «метафизике», соответственно, – с «Метафизикой». Такова была макроструктура философского курса в период «второй схоластики», как можно видеть по многочисленным изданиям курсов философии XVII в., по сохранившимся записям философских курсов, преподававшихся в разных концах Европы от Львова до Лиссабона, а также по регулам и статутам различного рода учебных заведений.

Логика

Нам известны четыре рукописи, которые можно назвать свидетелями преподававшегося в Московской академии Софронием Лихудом курса «логики»:

- 1) ОР РГБ. Ф. 173.1. № 300 – автограф Софрония Лихуда;
- 2) ОР РГБ. Ф. 173.1. № 299 – запись курса, которую сделал ученик академии Николай Семенов-Головин;
- 3) ОР РНБ. Ф. 573, шифр БП/3 – список, сделанный также, по-видимому, кем-то из учеников академии;
- 4) ОР РНБ. Шифр Греч. 152 – также, по-видимому, ученический список.

Судя по этим рукописям, преподававшийся Софронием курс состоял из двух частей. Первая часть озаглавлена *Ἐκθεσις φωταυγεστάτη ἀπάσης τῆς λογικῆς πραγματείας* и соответствует «диалектике», т. е. формальной логике. Вторая же часть, собственно «логика», состоит из следующих разделов:

- 1) вводные вопросы (*Προοίμια καὶ ζητήματα ἐν πάσῃ τῇ τοῦ Ἀριστοτέλους λογικῆς πραγματείας*);
- 2) изложение и вопросы по поводу «Введения» Порфирия (*Εἰς τὴν τοῦ Πορφυρίου Εἰσαγωγήν παραφράσεις τε καὶ ζητήματα*);
- 3) изложение и вопросы по поводу «Категорий» (*Παραφράσεις τε καὶ ζητήματα εἰς τὰς τοῦ Ἀριστοτέλους κατηγορίας*);
- 4) о том, что идет после «Категорий» (*Περὶ τῶν μετὰ τὰς κατηγορίας*), который в латиноязычной традиции назывался *de postpraedicamentis*;

5) изложение и вопросы по поводу 1-й книги второй «Аналитики» (*Εἰς τὸ πρῶτον τῶν ὑστέρων ἀναλυτικῶν παραφράσεις τε καὶ ζητήματα ἐκδοθέντα*).

Атрибуция курса Софронию Лихуду возможна по следующим основаниям:

1) по заголовку «диалектики»: *Σωφρονίου ἱερομονάχου Λειχούδη τοῦ Κεφαλληνέως τοῦ τῆς φιλοσοφίας τε καὶ ἱερᾶς θεολογίας διδασκάλου καὶ τὸ νέον τῆς Μοσκοβίας λύκειον ἐν διδασκαλίᾳ λαμπρύνοντος ἔκθεσις φωταυγεστάτη ἀπάσης τῆς λογικῆς πραγματείας εἰς τρία βιβλία διηρημένη;*

2) по заголовку введения в «логику»: *Προοιμιὰ καὶ ζητήματα ἐν πάσῃ τῇ τοῦ Ἀριστοτέλους λογικῇ πραγματεία τοῦ αὐτοῦ Σωφρονίου ἱερομονάχου Λειχούδου τοῦ Κεφαλληνέως τῆς φιλοσοφίας τε καὶ ἱερᾶς θεολογίας διδασκάλου*. В рукописи № 300 (л. 56) над этим заголовком на верхнем поле написано: *ἐν Μοσκβία αχῆα^ω φεβρουαρίου κε^η*;

3) по заголовку раздела о категориях: *Παραφράσεις τε καὶ ζητήματα τοῦ αὐτοῦ Σωφρονίου τοῦ Λειχούδου εἰς τὰς τοῦ Ἀριστοτέλους κατηγορίας*.

Важная особенность рукописи № 300, автографа самого Софрония, заключается в том, что в ней вшиты листы из курса «логики», который был записан Софронием ещё во время обучения в Падуанском университете (лл. 183–186 об. и 194–240). В конце раздела о постпредикаментах (то, что идёт после «Категорий») Софроний пометил, что он закончил писать его 30 июня 1669 г. (л. 231 об.: *30 ἰουνίου 1669 desini scribere*), а в конце всей логики стоит дата 6 июля 1669 г. (л. 240).

Если сравнить эту часть рукописи № 300 с соответствующими разделами в рукописях № 299, № 3 и № 152, то можно заметить, что эти разделы восходят к курсу 1669 г. Возможно, Софроний также и для других разделов своего московского курса использовал какой-то более ранний курс. Благодаря этой части рукописи № 300 можно видеть, как Софроний поступал со своим источником, когда готовил свой московский курс: он сокращает свой источник, при этом ничего к нему не добавляя.

«Ученические» рукописи № 299, № 3 и № 152, однако, не были, по-видимому, переписаны непосредственно с рукописи № 300. В связи с чем можно предположить, что рукопись № 300 представляет некий черновой вариант курса, который преподавал Софроний, рукописи же № 299, № 3 и № 152 представляют уже, по-видимому, окончательный вариант этого курса. Из «ученических» рукописей (№ 299, № 3 и № 152) также не удаётся выделить какую-либо одну как протограф для двух других.

Датировка курса, несмотря на указанные в рукописях даты, представляется проблематичной. В начале «диалектики» в рукописях № 300 и 299 указана дата 17 марта 1690 г., а в конце её – 1 декабря 1690 г. Получается, на «диалектику» ушло 8,5 месяцев. Если эти даты указывают на время преподавания, то надо вычесть летние каникулы, предположим два месяца, и получается 6,5 месяцев. Это слишком много, поскольку

сопоставимый по объёму курс «диалектики» в Московской академии в первой половине XVIII в. преподавался примерно два месяца.

Далее, в начале введения в «логику» в рукописи № 300 (л. 56) стоит дата 25 февраля 1691 г. Если это – указание на время, когда Софроний начал преподавать «логику», то возникает вопрос, почему он не сделал этого почти на 3 месяца раньше, когда закончил «диалектику». В начале же вопросов на «Введение» Порфирия в рукописях № 300 (л. 93) и № 299 (л. 57) указана дата 11 августа 1691 г. Здесь, с одной стороны, кажется странным, что Софроний в начале августа, когда шли уже обычно каникулы, начал новый раздел «логики». С другой стороны, получается, что по рукописи № 300 на введение в «логику», которое занимает здесь 37 листов, ушло 5,5 месяцев, т. е. примерно по 6,5 лл. в месяц. Оканчивается же «логика» в этой рукописи на л. 240 и при таком темпе окончание курса «логики» должно приходиться только на конец 1692/3 учебного года, а весь курс «логики», без «диалектики», продолжался бы 2,5 года. Для преподавания курса «логики» этого слишком много, поскольку, для сравнения, в Московской академии в первой половине XVIII в. больший по объёму курс «логики» преподавался обычно около 8 месяцев. В связи с этим и учитывая то, что в 1693/4 учебном году в Московской академии преподавалась, по-видимому, «физика», можно предположить, что преподавание «логики» относится к 1692/3 учебному году, а имеющиеся в рукописях даты указывают не на время, когда этот курс преподавался, а на время, когда Софроний над ним работал. Здесь, однако, возникает вопрос: если известный нам курс «логики» преподавался в 1692/3 учебном году, то преподавалась ли и кем «логика» в 1693/4 учебном году.

Трудно сказать что-либо о формате преподавания, в частности практиковал ли Софроний диспуты. Судя по письму «ученических» записей, сделаны они были не под диктовку. Соответственно, они могли быть сделаны как до лекций, будучи переписанными с тех материалов, которые преподаватель выдал ученикам заблаговременно, так и после лекций. В последнем случае нельзя исключить возможности того, что они были переписаны спустя некоторое время после того, как Софроний Лихуд преподавал свой курс.

Что касается содержания курса Софрония, то можно сказать, что основой его был школьный аристотелизм XVII в. Об этом свидетельствует не только содержание, но и сам способ структурирования текста: главы делятся на «вопросы» (*ζητήματα*), которые включают обычно три части: 1) предварительные замечания; 2) формулировка и доказательство положений, которых придерживается сам преподаватель (*θέσεις*); 3) возражения, которые приводятся против положений преподавателя (*ἀντιθέσεις*), и опровержение их. Однако определить, к традиции какого (или каких) из направлений школьной философии XVII в. – томистов,

скотистов (последователей Дунса Скота), иезуитов или кто другой – примыкает курс Софрония, пока не удаётся.

Когда у Лихуда приводятся ссылки на авторитетные мнения в подтверждение того или иного положения, то не упоминаются имена философов, современных ему, а только имена позднеантичных или раннесредневековых комментаторов Аристотеля. Как следствие, у текста исчезают внешние признаки, которые указывают на связь его с западноевропейской схоластической традицией, и складывается обманчивое впечатление, что курс Софрония основан и ориентируется только на традицию греческого аристотелизма. Так, например, во введении 3-й вопрос посвящён тому, теоретической или практической наукой надо считать логику. Вопрос этот обсуждался во всех курсах «логики» XVII в. Согласно Франсиско Овиедо, одному из наиболее известных представителей иезуитской философии XVII в., варианты ответа на него были такими: логика – это наука теоретическая, *seculativa* (такого мнения придерживались скотисты и многие томисты), логика – это наука практическая (как считали иезуиты – преподаватели университета в Коимбре (Conimbricenses), Fonseca, Arriaga и сам Овиедо), логика – наука отчасти теоретическая, отчасти практическая (как считали иезуиты Vasquez, Soares, Rubius, Hurtadus), логика – наука ни теоретическая, ни практическая (как считали иезуиты Smigletius и Vallius). Софроний учит, что логика – наука теоретическая, и говорит, что это учение направлено против Аммония, Иоанна Филопона и Александра Афродисийского, которые говорят, что логика – это наука практическая. У Лихуда также приводится и опровергается ещё одно мнение, противоположное его собственному: логика – наука одновременно и теоретическая, и практическая. Это мнение у него приписывается Симплицию.

Однако если сравнить московский курс Софрония, представленный в «ученических» рукописях, с той частью рукописи № 300, в которой содержится часть курса 1669 г., то можно заметить, что, хотя и редкие, но ссылки на латиноязычную схоластику в источнике, которым пользовался Софроний, были. Эти ссылки Софроний всюду опускает (Например, ссылки на учения томистов и скотистов).

Тем не менее, в курсе Софрония имеются особенности, которые могут оказаться подсказкой в решении вопроса о том, к какому из направлений школьной философии он примыкает. Так, во введении, 4-м вопросе, где рассматривается предмет логики, Софроний учит, что предмет логики – это *δευτέρα γνώσεις*, «вторичные знания». В традиции латиноязычной философии этому термину соответствовал термин *intentiones secundae*, вторичные понятия, которые отличаются от первичных (*intentiones primae*) следующим образом: если разум знает вещи в соответствии с тем, что у них есть как вещей (например, когда разум знает, что человек – это живое существо), то говорится о первичных

понятиях, если же разум знает вещи в соответствии с тем, что у них находится в результате деятельности самого разума (например, когда разум знает, что живое существо – это род, а человек – это вид), то говорится о вторичных понятиях.

Высказывания о том, что предмет логики – это вторичные понятия, можно встретить в философских курсах томистов в связи со словами св. Фомы из его комментариев к «Метафизике» Аристотеля о том, что предмет логики – это *ens rationis* (то, что существует только в разуме), и что сущим в разуме называются такие смыслы (*intentiones*), которые не находятся в природе вещей, а суть следствие того, что разум эти вещи рассматривает, как, например, понятия рода и вида. Поскольку эти понятия и называются вторичными, томисты учат, что вторичные понятия – это сущее в разуме.

Софроний, однако, в 5-м вопросе введения, который специально посвящён вторичным понятиям, учит, что это – нечто сущее реально. Мнение же о том, что вторичные понятия – это реально сущее, можно встретить в курсах «логики», написанных августинианцами. Так, например, августинианец Жозе де Виллануэва, указав имена философов, которые полагают, что формальный предмет логики – это вторичные понятия всеобщего (*universalis*), рода, вида и т. п., отмечает, что различаются философы в объяснении этих понятий: современные ему томисты считают их существующими только в разуме отношениями, которые разум, обращаясь к себе, полагает в действиях интеллекта, а Эгидий Римский и августинианцы считают их реальными отношениями, которые естественным образом сопутствуют нашему способу познания вещей и вещам в той степени, в какой они могут быть нами познаны. Иезуиты в своих курсах также по большей части учат, что и предмет логики, и вторичные понятия – это реально сущее. Однако они не говорят о вторичных понятиях как о предмете логики. Отсюда видно, что в вопросе об онтологическом статусе вторичных понятий Софроний учит так же, как августинианцы XVII в., хотя и трудно пока сказать, какими именно источниками пользовался он для своего курса «Логики».

Я. М. Вандулакис в своей небольшой, но чрезвычайно интересной заметке о «логике» Лихуда, рассматривает курс Лихуда, как кажется, в не соответствующем ему историческом контексте: в связи с западноевропейской схоластикой XIII–XIV вв. В результате он пишет, что якобы «Софроний отрывается от общей схоластической традиции к более онтологизированной трактовке вторых интенций, когда он заявляет ... что вторые интенции представляют собой реальные природные вещи». Однако, как мы видим, утверждение Софрония вполне вписывается в палитру мнений XVII в. Вследствие того же не вполне обоснованного подхода, Вандулакис обращает внимание на то, что в «Логике» Софрония «отсутствуют такие специфические поздние схоластические учения, как

логика терминов, теория синкатегорематических терминов, учение о парадоксальных суждениях, учение об обязательствах, учение о следовании». Однако указанные проблемы, актуальные для XIV в., спустя триста лет уже свою актуальность потеряли и в курсах XVII в. преподаватели уже не уделяли им столь большого внимания.

Вандулакис высказывает также интересное мнение о том, что источником для Софрония послужил курс логики Герасима Влаха. Однако в силу тезисного характера своей статьи автор, к сожалению, не приводит ни обоснования своего мнения, ни ссылок на сочинения Влаха.

Физика

О преподавании «физики» Лихудами известно крайне мало. С. К. Смирнов в своей истории Московской академии пишет следующее: «Из физических уроков известны нам: *In octo libros physicorum seu de naturali auscultatione expositio Ioannikii sacromonachi Lichudae et amicorum* (Рукоп. М. Д. Академии №№ 310, 311, 316). Этот комментарий на “Физику” Аристотеля написан Иоанникием в Венеции в 1689 году для того же Валентина, для которого написана и Психология, и который титулуется *illustrissime*. Но по возвращении Иоанникия в Москву, эти же записки предложены были и ученикам Академии и читаны были после Логике ... В середине уроков встречается следующая заметка на греческом языке: “сии уроки по Физике мы сперва сдадим на латинском языке, а потом при помощи Божией и на греческом в пользу учеников наших в царствующем и великом граде Москве” Лихуды, однако, не успели прочитать всей “Физики” и объяснили только две первые книги *φυσικῶν* Аристотеля и девять глав второй».

Упомянутые Смирновым рукописи хранятся в настоящее время под теми же номерами в ОР РГБ. Ф. 173.1. Рукописи № 310 и 311 написаны рукой Иоанникия. В рукописи № 310 содержатся на латинском языке: 1) рассуждения по поводу «Физики» Аристотеля (*In octo libros physicorum seu de naturali auscultatione*, стр. 1–217 по первой чернильной пагинации); 2) примечания и объяснения к «Физике» с отсутствующими несколькими листами в начале (стр. 219–357); 3) рассуждения по поводу сочинения Аристотеля «О душе» (*In tres libros de anima juxta principis Peripateticorum et doctoris angelici doctrinam expositio*, стр. 1–94 по второй чернильной пагинации); 4) примечания и объяснения к тому же сочинению (*Notationes et simul explicationes quaedam circa tres libros de anima*, стр. 95–168).

В рукописи № 311, которая написана параллельно на латыни и на греческом, содержатся только рассуждения на первые две книги «Физики» и начало рассуждений на 3-ю книгу – почти полностью вопрос 10-й (нумерация вопросов сквозная во всех книгах). По-видимому, эта рукопись дала основание Смирнову сказать, что Лихуды «объяснили только две первые книги *φυσικῶν* Аристотеля и девять глав второй».

Рукопись № 316 написана не Иоанникием, но на полях её имеются пометы, сделанные его рукой. Здесь содержатся написанные по-латыни рассуждения по поводу «Физики» (лл. 1–188 об.) и по поводу «О душе» (лл. 191–267 об.).

Заглавие «физических уроков», как его приводит Смирнов, не встречается ни в одной указанной рукописи и, видимо, возникло в результате объединения имеющихся в рукописи № 316 на л. 1 заголовка *In octo libros physicorum seu de naturali auscultatione* и владельческой надписи *Joannikii Lichudae sacromonachi et amicorum*.

Что касается Валентина, для которого якобы Иоанникий написал комментарий на «Физику» Аристотеля, то из указанных Смирновым рукописей только в рукописи № 316 в конце рассуждений по поводу сочинения Аристотеля «О душе» (лл. 191–267 об.) находятся слова: *Accipe igitur dilectissime Valentine humanitate qua polles munusculus servitutis meae*. Однако эта рукопись написана не рукою Иоанникия, и принадлежность содержащегося в ней текста ему ещё требует доказательства. В рукописи же № 310, написанной Иоанникием, вместо слов *dilectissime Valentine* в конце трактата «О душе» (стр. 1–94) написано *illustrissime domine*.

В рукописи № 310 каких-либо указаний на то, что она содержит текст, который Лихуды предложили как свой курс «физики» в Московской академии, не видно. В ней есть только указания на то, где и когда она была написана: на л. 1 по первой пагинации – Венеция 24 мая 1689 г., на л. 1 по второй пагинации – 24 июня 1689 г. по старому стилю. В рукописи № 316 даже такого рода указаний нет. В рукописи № 311 также не указаны ни место, ни время её написания, однако наличие в ней греческого перевода может косвенным образом свидетельствовать в пользу того, что эта рукопись связана с преподаванием «физики» в Московской академии.

Только в рукописи № 303 (ОР РГБ. Ф. 173.1), написанной также рукой Иоанникия, на лл. 1–1 об. содержится на греческом языке предисловие (*prooemium*) к рассуждениям на «физику» Аристотеля, которые предназначались для московских учеников. На это указывает, во-первых, латинское заглавие рассуждений: *In octo libros physicorum aliquae notae de difficilioribus rebus, quae facillime ex mente possunt evanescere quarumque explicationum species fugiri queunt ad juvamen studentium in Mosc...* (в доступной мне копии этой рукописи последнее слово плохо читается), – а во-вторых, следующие слова в конце предисловия на л. 1 об., которые приводит Смирнов: ἃ Λατινικῆ φάσει πρῶτον ἐκδώσομεν καὶ μετὰ ταῦτα θεοῦ ἐνισχύοντος καὶ ἡμᾶς ἐλεοῦντος Ἑλληνικῆ πρὸς ὠφέλειαν τῶν ἡμετέρων ἐν τῇ βασιλευούσῃ καὶ αὐτοκρατορικῇ μαγαλοπόλει Μοσκοβίᾳ τῇ χριστιανικωτάτῃ καὶ ὀρθοδοξοτάτῃ μαθητῶν ἐκδοθήσονται.

Этот лист, по-видимому, не принадлежал изначально рукописи № 303 и был подшит к ней позднее. Остальная часть рукописи содержит переписанные рукой Иоанникия рассуждения Герасима Влаха на

сочинение Аристотеля «О возникновении и уничтожении» (лл. 2–95 об.) и, по-видимому, его же рассуждения на сочинение Аристотеля «О мире» (лл. 97–134). Интересно, что в рукописи № 311 недостаёт в начале как минимум одного листа с греческим текстом, который соответствует латинскому на л. 1. Однако греческий текст на л. 1 в рукописи № 303 не соответствует этому латинскому тексту в рукописи № 311 и, по-видимому, едва ли принадлежал ей.

В то же время в упомянутой выше рукописи № 152 имеются два фрагмента «физики» на греческом языке. Подшиты они не по порядку. Первый фрагмент (лл. 178–185 об. = стр. 353–368) содержит самое начало рассуждений на «Физику» до конца 1-го артикула вводного вопроса. Текст этого фрагмента совпадает с греческим текстом рукописи № 311 (1 об.–13 об.), причём в рукописи № 152 есть и тот текст, который соответствует латинскому тексту на л. 1 в рукописи № 311, и которого недостаёт в последней. Однако в рукописи № 152 нет того предисловия к «Физике», которое имеется в рукописи № 303.

Второй фрагмент (лл. 159–170 об. = стр. 315–340) содержит из 1-й книги большую часть 1-го вопроса и начало 2-го вопроса, соответствующие тексту на лл. 31 об.–51 об. в рукописи № 311. При этом лл. 159–166 об. (стр. 315–330), должны идти после лл. 167–170 об. (стр. 331–340).

Поскольку в некоторых местах почерк, которым написаны эти фрагменты «физики», совпадает с одним из почерков, которым в рукописи № 152 написана преподававшаяся в Московской академии «логика» Софрония Лихуда, то можно предположить, что фрагменты «физики» из рукописи № 152 относятся к соответствующему курсу, преподававшемуся в Московской академии и записанному одним из учеников её. В связи с этим, конечно, возникает вопрос, ответа на который пока нет, что за текст представлен на лл. 1–1 об. в рукописи № 303?

Текст фрагментов хотя и восходит, по-видимому, к тексту рукописи № 311, однако, имеет особенности, рукописью № 311, как кажется, не мотивированные. По аналогии с курсом «логики», скорее фрагменты из рукописи № 152, а не автограф Иоанникия надо считать окончательной редакцией преподававшегося в Московской академии курса «физики». По поводу упомянутых фрагментов небезынтересно также отметить, что в них имеются особенности, которые можно принять за признаки того, что записаны были эти фрагменты, по-видимому, под диктовку. Об этом свидетельствуют орфографические ошибки, возникшие вследствие особенностей греческого произношения XVII в. (например, написание ω вместо \omicron , η вместо υ , $\gamma\gamma$ вместо $\gamma\kappa$).

Поскольку имеющиеся свидетельства не содержат указания на время, когда преподавалась «физика», то датировать этот курс можно исходя из датировки курса «логики». В самом начале вводного вопроса в

рукописях № 311 (лл. 4 об.–5) и № 152 (л. 180 об. = стр. 358) имеются слова, которых не было в рукописях № 316 и № 310, о том, что предисловие к «логике» преподавалось его братом (эти слова выделены полужирным): *Plures difficultates agitari solent in hac quaestione, quae tamen ex dictis in prooemialibus logicae sufficientissime a meo fratre manent resolutae* = *Διαφέρονται οὐ μετρίως οἱ ὑπομνηματισταὶ ἐν τῷ παρόντι ζητήματι πολυποίκιλα αὐτῶν ἕκαστος εἰπών, ἃ μέντοι γε ἐκ τῶν ἐν τοῖς λογικοῖς προοιμακῶν ζητημάτων ὑμῖν δοθέντων καὶ τῷ ἡμετέρῳ αὐταδέλφῳ λίαν ἱκανῶς ἐκφωνηθέντων διαλελυμένα παραμένουσι*. Это указывает как на то, что текст в рукописи № 311 связан с преподаванием в Московской академии, так и на то, что «логика» преподавалась прежде «физики». Поскольку же в 1694 г. Лихуды в результате церковно-политических интриг были отстранены от преподавания в академии, и никаких сведений о преподавании здесь философии до 1702 г. нет, то датировать курс «физики» можно 1693/4 учебным годом.

Фёдор Поликарпов о том, как Лихуды преподавали в академии, пишет, что «науки преподавашия на обоих диалектах, грамматика и пиитика токмо на греческом, риторика же, диалектика, логика и физика на обоих». Непонятно, однако, как «логика» и «физика» преподавались на двух языках: разъяснял ли преподаватель один и тот же вопрос сперва на одном языке, а потом на другом, и так весь курс, или же он сперва полностью преподавал курс на одном языке, а потом – на другом, как говорится во фрагменте из рукописи № 303 (л. 1 об.).

Если говорить о взаимоотношениях рукописей № 310, 311 и 316, то представляется, что текст в рукописи № 316 лежит в основе как текста в рукописи № 310, так и текста в рукописи № 311. При этом иногда текст рукописей № 310 и № 311 имеет общие особенности, которых нет в рукописи № 316, иногда текст рукописей № 311 и № 316 имеет общие особенности, которых нет в рукописи № 310, иногда текст рукописи № 311 отличается и от рукописи № 316, и от рукописи № 310.

По имеющимся рукописям можно судить о квалификации преподавателя. Так, в 1-й книге, в конце 1-го вопроса, в разделе *Quaeres, an prima principia sint contraria et quomodo?* в рукописях № 310 (стр. 26) и 311 (л. 48) третий абзац от конца начинается словами: *Ex dictis colligite {collige 310} contra Armenidem et Melissum*. Здесь вместо *Armenidem*, очевидно, должно быть написано *Parmenidem*, и в рукописи № 316 (л. 25 об.), где данный раздел значится как артикул 3-й, соответствующее место читается так: *Collige ex distis contra Parmenidem et Melissum*. В рукописи № 152 (л. 164 = стр. 325), как и в греческой части рукописи № 311 (л. 47 об.), этот абзац начинается словами *Ἐκ τῶν ῥηθέντων συνάγετε κατὰ τοῦ Ἀρμενίδου καὶ Μελίσσου*. Приведённое место может свидетельствовать о том, что Иоанникий имени Парменида не знал. Поскольку имя этого философа несколько раз встречается в «Физике» Аристотеля, то

напрашивается вопрос, насколько хорошо Иоанникий был знаком с самими текстами Философа?

В рукописи № 316 содержится, по-видимому, часть философского курса, преподававшегося каким-то доминиканцем. Об этом можно судить по тому, что философы-доминиканцы называются здесь *nostrī* (например, л. 4 об.). Что касается ссылок на схоластические авторитеты, то с ними Иоанникий поступает так же, как Софроний в курсе «логики»: если в рукописи № 310 эти ссылки сильно сокращаются, то в рукописи № 311 остаются только самые общие указания, и ссылка на Фому Аквинского может быть заменена ссылкой на «*нашу веру*» (например, в 1-й книге, 2-м вопросе, 2-м артикуле, в подразделе *Argumenta in contrarium*, в конце ответа на 2-й аргумент. Рукопись № 316, л. 35, рукопись № 310, стр. 38, рукопись № 311, лл. 61 об.–62). Наконец, нельзя не заметить, что Иоанникий, работая над рукописями № 310 и № 311, значительно сокращал текст своего источника.

Таким образом, о преподавании Лихудами философии в Московской академии можно сказать следующее. По поводу курса «логики»:

1) Известные сегодня ученические записи этого курса (рукопись № 299 из фонда 173.1 ОР РГБ, рукописи № БП/3 из фонда 573 и Греч. 152 ОР РНБ) не были переписаны непосредственно с автографа Софрония Лихуда, представленного рукописью № 300 из фонда 173.1 ОР РГБ, хотя текст, содержащийся в них, восходит к тексту этого автографа. Между рукописью № 300 и ученическими записями надо предполагать существование некоей рукописи, которая содержала окончательный вариант преподававшегося Софронием курса.

2) Скорее эти ученические записи, чем автограф Софрония, могут служить свидетелями преподававшегося Софронием курса «логики».

3) Этот засвидетельствованный рукописями курс «логики» преподавался в Московской академии, вероятно, в 1692/3 учебном году.

4) В курсе Софрония имеются особенности, которые также можно встретить в курсах «логики», написанных августинианцами.

5) В основе текста в рукописи № 300 лежит курс «логики», записанный Софронием ещё в 1669 г. во время учебы в Падуанском университете.

6) Софроний сокращал свой источник, в частности он убирал из своего курса ссылки на латиноязычную философскую традицию. Ученики Софрония не могли узнать из его курса имена тех философов, которые были известны всякому студенту факультета «искусств» в университете. При этом Софроний не добавлял, по-видимому, ничего нового и, таким образом, популяризировал свой, и без того не отличавшийся особой глубиной изложения, источник.

По поводу «физики»:

1) Не известно ни одной рукописи, о которой можно было бы с уверенностью сказать, что в ней содержится курс «физики», который

Лихуды преподавали в Московской академии. Только греческие фрагменты «физики» из рукописи № 152 могут претендовать на то, чтобы считаться свидетелями этого курса.

2) Обе написанные Иоанникием Лихудом рукописи (№ 310 и 311 из фонда 173.1 ОР РГБ) восходят к рукописи № 316 (фонд 173.1 ОР РГБ), принадлежавшей Иоанникию. При создании рукописи № 311 Иоанникий, возможно, пользовался как рукописью № 316, так и рукописью № 310.

3) Рукопись № 311 более вероятно, чем рукопись № 310, могла послужить основой для курса «физики», преподававшегося в Московской академии.

4) В рукописи № 316, вероятно, содержится часть философского курса, преподававшегося преподавателем-доминиканцем.

5) При написании рукописей № 310 и 311 Иоанникий существенно сокращал текст своего источника как по части рассматриваемых философских проблем, так и – особенно это касается рукописи № 311 – по части ссылок на имена средневековых мыслителей и философов XVI–XVII вв.

6) Курс «физики», представленный в рукописях № 310 и 311, значительно уступал по своему объёму и глубине не только курсу «физики» из рукописи № 316, но и курсам «физики», преподававшимся в Московской академии в первой половине XVIII в. Если действительно часть курса «физики», представленная в рукописи № 311, имеет отношение к преподаванию Лихудами в Московской академии, то это означает, что уровень преподавания данного предмета в Московской академии значительно уступал не только уровню преподавания в европейских университетах конца XVII в., но и уровню преподавания в иезуитских коллегиумах того же времени, на которые ориентировались, по-видимому, преподаватели философии в Московской академии в первой половине XVIII в.

В связи с вышеизложенным напрашивается вопрос, каков был тот уровень образования, который предлагала Московская академия во времена преподавания там Лихудами философских предметов? Если сравнивать академию с теми учебными заведениями, которые существовали в Русском государстве XVII в., то, конечно, уровень даваемого ею образования был беспрецедентно высок. Однако, если рассматривать Московскую академию в связи с учебными заведениями Европы этого времени, на программу которых, как видно из рассмотренных примеров, Лихуды ориентировались, то, по-видимому, придется признать, что уровень образования, который давали Лихуды, не дотягивал даже до уровня низшего из университетских факультетов – факультета искусств (философского).

Учётная документация Синода как источник по истории греческих школ в России начала XVIII в.

Обязательность образования для духовенства была провозглашена основополагающим законодательным актом – Духовным регламентом¹, утверждённым в 1721 г. Открытие епархиальных школ в России началось с начала XVIII в., однако с 1721 г. учреждение школ и обучение детей духовного сословия становится обязательным. Духовный регламент определил необходимый курс наук и порядок жизни учащихся. Согласно этому документу, средства на содержание школ собирались с монастырских и церковных земель, по 5% и 3% соответственно, в каждой епархии. Регулярная отчётность епархиальных властей перед Синодом также была определена регламентом. Однако акция по сбору ведомостей учеников епархиальных школ и академий, Киевской и Московской, была впервые предпринята в 1727 г.

Важное отличие ведомостей от обычных списков учеников, которые составлялись при выдаче кормовых денег, заключается в том, что ведомость фиксировала полный состав студентов в целях учёта, а не только тех, кто получал «государево жалованье». Ведомости по своему виду близки делопроизводственным документам, однако, имеют ярко выраженный учётный характер, что и позволяет отнести их к учётной документации. Ведомости 1727 г. представляют собой важнейший источник по истории образования в России². По указу Синода ведомости «школьным ученикам» были составлены во всех епархиях. Таким образом, мы располагаем данными о количестве учеников, учителей и предметах изучения на 1727 г. в двух академиях, Киевской и Московской, и в четырнадцати епархиальных школах, существовавших в России в это время. Сама по себе акция по сбору таких сведений была беспрецедентной и была вызвана проверкой исполнения пунктов Духовного регламента о заведении школ и обучении в них детей духовного сословия.

Самыми крупными епархиальными школами того времени по количеству учащихся (не считая академий) были школы в Белгороде, Нижнем Новгороде, Суздале и Рязани. На основании данных ведомостей была составлена «табель»³, или таблица, показывающая количество учеников всех школ с делением по уровням обучения и языкам.

¹ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого [...] по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената, в Царствующем Санктпетербурге в лето от Рождества Христова 1721.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223.

³ Там же. Л. 218.

Всего в 1727 г. в России в этих школах обучалось 2759 человек. Самыми малочисленными в масштабах всей России были греческие школы. Однако следует заметить, что из указанных 76 учеников «греческого диалекта» 35 – студенты Московской греческой школы, 19 – новгородские ученики, оставшиеся 22 человека учились в Нижегородской школе, где в 1727 г. преподавал монах Савватий, который в течение долгого времени был связан с братьями Лихудами и Новгородской школой. Другими словами, все учтённые ведомостью ученики греческих школ имели отношение к системе преподавания, созданной братьями Лихудами.

Важным моментом при составлении ведомостей являлось указание социального происхождения учеников, что было вызвано необходимостью учёта, прежде всего, духовенства. Как известно, особенно в 30-е гг. XVIII в., значительная часть лиц духовного сословия теряет налоговый иммунитет, или было вынуждено пополнить собой армию. Основанием для этого служило отсутствие образования⁴.

Ведомость, присланная в Синод из Московской академии, посчиталась «несостоятельной», в ней не было отмечено социальное происхождение студентов. В 1729 г. Московская академия отправила в Синод ещё одну ведомость, в которой указано социальное происхождение всех учеников, как поимённо, так и по количеству⁵. Примерно около 30% студентов академии в 1729 г. принадлежали к духовному сословию, т. е. Московская славяно-греко-латинская академия в это время по-прежнему была всесословным учебным заведением. Ведомости учеников академии, представленные в Синод в 1727 и 1729 гг., имеют особую ценность для истории Московской греческой школы. С 1725 г. греческая школа официально вошла в состав академии, имея отдельное, как и прежде – из типографских доходов, финансирование. Ведомости дают информацию не только о количестве и именах учеников греческой школы, но и отмечают студентов латинской школы, учившихся в греческой. В 1725 г. в академии было восстановлено традиционное для высших учебных заведений того времени трязычное обучение.

Ведомость 1727 г. является важнейшим источником по истории Новгородской школы. В ней содержатся сведения обо всех учениках, обучавшихся в школе начиная с 1706 г.⁶ Благодаря этому источнику мы можем узнать имена учеников, их социальное положение, год поступления в школу, предметы изучения. Кроме того, ведомость даёт информацию и о роде занятий выпускников школы.

⁴ См.: *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881 (переиздание – СПб., 2001).

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 10. Д. 571.

⁶ Там же. Оп. 8. Д. 223. Л. 126–139 об.

В 1738 г. по указу Синода из всех епархий были собраны ведомости о сборе средств на содержание школ. По Духовному регламенту тридцатая часть от церковных доходов и двадцатая – от монастырских должны были поступать на устройство школ и содержание учителей и учеников. Во всех епархиях были составлены и отправлены в Синод ведомости о сборе денег и хлеба по годам, начиная с 1722 г. и заканчивая 1737 г. Все ведомости вошли в состав двух документов канцелярии Синода⁷. Настоящие документы являются важнейшим источником по истории финансирования епархиальных школ в 20–30-е гг. XVIII в. Уникальные сведения, содержащиеся в документах, позволяют составить представление о доходах различных монастырских хозяйств и церквей на протяжении пятнадцати лет. Заметим, что средства на содержание школ с монастырских земель собирались в основном хлебом, а с церковных – деньгами.

Ведомости, представленные в Синод Новгородской епархией, показывают, что сбор средств на содержание школ начался в 1723 г.⁸ С монастырских земель собирали рожь, жито, овёс, пшеницу, горох и бобы. Некоторая часть сбора оплачивалась деньгами. С городских и уездных церквей епархии собирали деньги и незначительное количество «всякого хлеба». Церкви Новгорода оплачивали сбор только деньгами, причём с каждым годом количество собираемых денег уменьшалось: если за 1722 г. с новгородских городских церквей было собрано 7 рублей 27 копеек, то в 1737 г. – только 20 копеек⁹. Настоящий документ содержит сведения о «приходе» средств, тогда как расходная часть не включена в ведомость Новгородской епархии. Другие епархии отчитывались и о расходах, благодаря чему можно узнать, что для школьных нужд покупали бумагу, чернила, свечи и др. Таким образом, ведомости являются важнейшим источником по истории экономики Церкви, остававшейся до екатерининской секуляризации церковных земель крупнейшим землевладельцем.

Таким образом, всего три ведомости (учётная документация) канцелярии Синода 1727, 1729 и 1738 гг. позволяют провести исследование о преподавательском составе, количественном и социальном составе учеников, учебной программе и финансировании греческих школ начала XVIII в.

⁷ Там же. Оп. 19. Д. 274, 288.

⁸ Там же. Д. 274. Л. 98.

⁹ Там же. Л. 135 об. –136.

Новгородская школа братьев Лихудов при архиепископе Феофане (Прокоповиче)

К середине 20-х гг. XVIII столетия Новгородская школа братьев Лихудов достигла своего наивысшего расцвета. Преемники Лихудов, возглавившие школу в 1716 г., с успехом продолжали их дело. Однако после отставки архиепископа Феодосия (Яновского) его политический противник Феофан (Прокопович), ставший Новгородским архиепископом, разрушил систему образования, созданную в Новгородской епархии: в 1726 г. была закрыта латинская школа при архиерейском доме, а в 1727 г. ликвидированы партикулярные школы. Продолжала существовать только греческая школа.

Деятельность школы в годы архиерейского правления в Новгороде архиепископа Феофана (Прокоповича) (1725–1736) мало освещена в литературе¹. На наш взгляд, основная причина этого – недостаток источников. Продолжая работу по архивному поиску, нам удалось выявить ряд документов, которые позволяют дополнить наши представления о деятельности школы в это время. Речь идёт о делопроизводственных документах Новгородского архиерейского дома и ведомостях учащихся школ, хранящихся в ГАНУ и архиве СПб ИИ РАН.

В конце 1725 г. школа при архиерейском доме в Новгороде состояла из трех: греческой, славянской и латинской. Кроме того, на территории Новгородской епархии действовало около десяти партикулярных школ. Греческую школу возглавлял архимандрит Филимон, в славянской школе преподавали иподиакон Фёдор Максимов и певчий Варфоломей Фёдоров, в латинской – студент Павел Горошковский. Имена архимандрита Филимона, Павла Горошковского и Варфоломея Фёдорова, в качестве учителей Новгородской школы, в научной литературе до сих пор не встречались.

Наиболее интересной фигурой в этом ряду является грек архимандрит Филимон. Известно, что он прибыл в Москву в 1696 г. с острова Самоса из Воздвиженского монастыря. В Москве был разоблачён в составлении подложных рекомендательных грамот и обвинён в самозванстве – он назвал себя архимандритом, которым никогда не был.

¹ Некоторые факты из истории Новгородской школы в этот период приводит И. А. Вознесенская. См.: *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 205; *Вознесенская И. А.* Новгородская архиерейская школа // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. С. 55–59.

За «своё воровство» он был сослан в Соловецкий монастырь². В 1709 г. митрополит Новгородский Иов взял архимандрита Филимона в архиерейский дом «для докторскаго в том доме содержания, а болше ради лечения его архиереиства в немощи...»³. В сентябре 1723 г. архиепископ Феодосий (Яновский) назначил его «в грекославенскую школу профессором»⁴. В этой связи, наше утверждение о том, что в греческой школе в конце 1723 г. учителем был Фёдор Максимов, оказалось ошибочным⁵, по-видимому, он обучал лишь учеников «славенски учащихся». Как долго преподавал в греческой школе архимандрит Филимон? Ответ на этот вопрос в документах ГАНО нами пока не найден. Известно, что в 1732 – начале 1733 г. греческий язык в Новгороде вновь преподавал Фёдор Максимов⁶.

Дополнительную информацию об архимандрите Филимоне удалось выявить в архиве СПб ИИ РАН, в котором отложились некоторые документы по истории Новгородской школы братьев Лихудов. В частности, в Коллекции Новгородских актов мы обнаружили письмо, датированное мартом 1729 г., в котором упоминается имя учителя архимандрита Филимона⁷. Письмо написано архимандритом Серафимом и адресовано секретарю Новгородского архиерейского дома Козьме Бухвостову. В нём идёт речь об исполнении указа Феофана (Прокоповича) от 20 февраля 1729 г. о присылке в Москву для обучения пения и «протчей науки» из числа новгородских школьников «двух ребяток самоохотных к науке лет от осми до двенатцати самых добрых, голосистых»⁸. По письменному объявлению архимандрита Филимона и по апробации иподиакона Иродиона Тихонова были выбраны два мальчика: из домовых школьников – сын умершего пономаря Михаил Петров, не из школьников – дьячков сын Прокофий Макаров⁹. Оба были отправлены в Москву вместе с Иродионом Тихоновым. Таким образом, учитель архимандрит Филимон ещё преподавал в Новгороде в начале 1729 г. Продолжение архивного поиска может пролить свет на его дальнейшую судьбу¹⁰.

² Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 243–244.

³ См.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 124. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵ См.: Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов в 1717–1723 гг. (по данным ГАНО) // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 2009. С. 51.

⁶ См.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Л. 7, 16. В этом деле упоминаются имена двух учителей Новгородской школы – Фёдора Максимова и Иродиона Тихонова.

⁷ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 183. Д. 586. Л. 29–31.

⁸ Там же. Л. 29.

⁹ Там же. Л. 31.

¹⁰ В документах из фонда Новгородской духовной консистории ГАНО,

Важную информацию для реконструкции истории Новгородской школы братьев Лихудов в середине 20-х гг. XVIII в. содержат ведомости учащихся, хранящиеся в архиве СПб ИИ РАН. В коллекции Актовых книг Археографической комиссии находится дело «...о школьниках, сиротах, подкидышах, а также больных и увечных, содержавшихся в новгородских госпиталях (январь–апрель 1726 г.)»¹¹. В нём сохранился список и ряд ведомостей учащихся Новгородской школы. Наше обращение к этому делу началось с издания сборника документов «Великий Новгород в эпоху петровских преобразований»¹², в котором опубликована часть материалов этого дела, прежде всего, список школьников – «Реэстр обретающимся в домовых школах учащимся школьником, также и в гошпиталех мужеска и женска полу нижеозначенным людем, которые в питомстве и в протчем от дому доволствуются (март 1726 г.)»¹³. В нём названы имена 39 учащихся греческой, латинской, славянской школ при Новгородском архиерейском доме. Кроме того, во вступительной статье составители сборника представили очень интересную информацию «о новгородской системе образования», составленную на основании анализа реестров учащихся греческой и латинской школ¹⁴. К сожалению, эти реестры не были опубликованы в сборнике, что и заставило нас обратиться в архив СПб ИИ РАН к материалам этого дела. Непосредственно к истории школы, кроме вышеназванного «Реэстра обретающимся в домовых школах учащимся школьником...», относятся следующие документы: «Реэстр учеником греческия школы...», «Реэстр учеником латинския школы...», «Реэстр славенския школы учеником», «Реэстр архиерейскаго дому славенския школы учащимся учеником», «Табель обретающимся еллиногреческия школы учеником», «Табель латинския школы учеником в архиереском доме обретающимся 1725 септемвриа по 24 число», «Табель обретающимся Розважския школы учеником»¹⁵.

датированных 1735 г., нам встретилось упоминание о том, что грек архимандрит Филимон был настоятелем Нередицкого монастыря. См.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 336. Л. 22 об., 27–28.

¹¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–84. Следует отметить, что хронологические рамки документов, находящихся в этом деле, не ограничиваются 1726 г. В нём встречаются документы более позднего времени, датированные, например, 1730 г.

¹² Великий Новгород в эпоху петровских преобразований: конец XVII – начало XVIII в.: сб. документов / сост. Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, Н. Ю. Болотина. Великий Новгород, 2007.

¹³ Там же. С. 282–314.

¹⁴ Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Болотина Н. Ю. Документы о Великом Новгороде эпохи петровских преобразований // Там же. С. 18–20.

¹⁵ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 12; 13–14 об.; 44–45 об.; 46–46 об.; 47–47 об.; 42–43 об.; 48–49.

Реестры греческой и латинской школ отличаются от табелей этих же школ не только временем составления и количеством учащихся, но и информационно. В реестрах указаны общие сведения: имена учеников, «кто годен во учении и кто не годен», «кто дому архиерейскаго и кто не архиерейскаго», «кто подкидыш и кто не подкидыш», «чьего отца сын». В табелях представлена более подробная информация об учениках: происхождение («роды»), возраст, «лета учения», «учение», «ум и память», «нравы» и «кошт».

Реестры греческой и латинской школ были составлены в марте 1726 г. «Реэстр учеником греческия школы, который годный и который не годный во учении, кто из них дому архиерейского и кто не архиерейского, который суть подкидыши и который не подкидыши, и кто чьего отца сын»¹⁶ включает имена 17 человек. Из них первые семь – «дому не архиерейского»: дьячок Иоанн Алексеев, дьячковы дети – Иоанн Фёдоров и Емелиан Васильев, попов сын Пётр Тихонов, «подъяконской» сын Симеон Симеонов, пономарь Василий Петров, а также «подъяческой» сын Афанасий Иоаннов. Первые трое получили оценку «прилежен и ходит»; Пётр Тихонов – «по среднему и не ходит»; Симеон Симеонов – «прилежен и не ходит»; Василий Петров – «ленив, языком плох и не ходит»; Афанасий Иоаннов – «отец умре, не прилежен, отпущен из школы ради хлебной скудости». Ещё десять человек в этом реестре отнесены к архиерейскому дому. Среди них: семь крестьянских детей (Пантелеймон Корнильев, Игнатий Евтихийев, Авксентий Георгиев, Фока Тимофеев, Иоанн Гавриилов, Михаил Конанов, Иоанн Марков), двое – поповых (Дометий Феофилактов, Агапий Иоаннов), один – «служебницкой» (Илия Иоаннов). Все они получили оценку «прилежен». В конце реестра учителем греческой школы архимандритом Филимоном сделана подпись: «оные ученики здравые и не увечтны». Из 17 учащихся греческой школы 9 учились в ней ещё в 1723 г.¹⁷ Соответственно, восемь поступили в школу относительно недавно (Дометий Феофилактов, Агапий Иоаннов, Авксентий Георгиев, Илия Иоаннов, Фока Тимофеев, Иоанн Гавриилов, Михаил Конанов, Иоанн Марков). Это подтверждают данные «Реэстра славенския школы учеником», составленного в 1725 г. учителем этой школы Фёдором Максимовым¹⁸. В славянской школе вышеназванные ученики за один год изучили грамматику и были после этого переведены в греческую школу.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ См.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

¹⁸ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44–44 об. (Подробнее об этом реестре см. ниже).

От данных «Реестра» учеников греческой школы отличаются данные «Табели обретающимся еллиногреческия школы учеником»¹⁹. В «Табели» названы имена 14 учащихся, одиннадцать из которых учились в греческой школе ещё в 1723 г. (кроме 9 человек, названных в «Реестре», в этот список включены подъяк Филимон Иоаннов и подкидыш Феофилакт Сергиев). Против имён этих одиннадцати учащихся, в графе «лета учения» написано – два года. Трое учащихся (Трофим Ульянов, Стефан Григорьев, Андрей Иоаннов), по данным «Табели», учились в школе полгода и изучали «грамматику 3 часть глагол». Известно, что в конце 1723 г. они учились в славянской школе у Фёдора Максимова «возновляли забытое осмочастие и сочинение» и получили оценку «поятны»²⁰. К сожалению, «Табель» не датирован, но, очевидно, что он составлен раньше «Реестра», видимо, в конце 1725 г.

Интересные факты представлены в «Реэстре учеником латинския школы, котории годныи во учении и котории не годныи, кто из них дому архиерейского и кто не архиерейского, и котории суть подкидыши и котории не подкидыши, и кто чиего отца сын»²¹. В нём названы имена 44 человек. Реестр состоит из четырёх частей: учеников, изучающих собственно латинский язык – 23 человека, «Славенские грамматики, а ныне учащие десятословие в той же латинской школе» – 10, по-русски учатся в той же школе – 8, «из немецкой школы переведены в латинскую и учат десятословие» – 3. На «Реестре» имеется постраничная запись – «Студент Павел Горошковский 1726 года марта 9 дня». В конце «Реестра» написано – «Объявление в сем реестре, содержащийся в моем ведении ученики, обретаются показанни их лет здрави, а не увеченние, о чем я Горошковский подписуюся»²².

Как уже было сказано, имя этого учителя латинской школы в научной литературе не встречается. Е. М. Прилежаев полагал, что открытие латинской школы произошло в феврале 1721 г. и было связано с приездом в Новгород Иоасафа Туркевича, после которого в школе преподавали Стефан Прибылович и выпускник Московской Славяно-греко-латинской академии, иеромонах Георгий²³. И. А. Вознесенская считает, что латинская школа была открыта только в 1724 г. и единственным преподавателем в ней был иеромонах Георгий²⁴. Через два года – в 1726 г. – школа была закрыта и, видимо, не по причине смерти учителя. То, что после иеромонаха Георгия школу возглавил студент

¹⁹ Там же. Л. 47–47 об.

²⁰ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 1 об.

²¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 13–14 об.

²² Там же. Л. 14 об.

²³ См.: Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христ. чт. 1877. Ч. 1. Март–апрель. С. 360.

²⁴ См.: Вознесенская И. А. Новгородская школа братьев Лихудов. С. 233.

Павел Горошковский, не вызывает сомнения. Когда именно это произошло? Об этом мы можем судить лишь по косвенным данным. В рапортах Новгородского архиерейского приказа архиепископу Феофану (Прокоповичу) о приходе денег за февраль 1727 г., нам встретилась следующая запись: «Преждебывшаго учителя иеромонаха Георгия зажилых жалованных денег за последнюю 725 года треть, в которых он за скорбию росписатся невозмог, а потом умре – 49 руб. 50 коп.»²⁵. Когда именно выдавались деньги за сентябрьскую треть 1725 г. мы не знаем. Возможно, ясность в решение вопроса о смерти учителя иеромонаха Георгия может внести «Табель латинския школы учеником в архиерейском доме обретающимся 1725, септемврия по 24 число»²⁶. «Табель» не подписан и имя учителя латинской школы не названо. Необычным, на наш взгляд, выглядит то, что «Табель» составлен именно по 24 сентября 1725 г. Возможно, его составление было связано с экстраординарным событием в жизни латинской школы, например, со смертью учителя. Если иеромонах Георгий умер в сентябре 1725 г., то студент Павел Горошковский мог возглавить школу уже в конце этого года.

В латинской школе у иеромонаха Георгия в 1725 г., согласно данным «Табеля латинской школы...», училось 26 человек. Из них только один, подъяк Даниил Яковлев, учил латинский язык полгода. Остальные находились в школе год и за это время показали различные результаты: лучшие находились «в большом алваре в начатках», средние – «в малом алваре при окончании», худшие – «в малом алваре в рудиментах». Это также служит подтверждением того, что латинская школа была открыта в 1724 г. Известно, что в школу были взяты 24 ученика от Фёдора Максимова²⁷. В «Табели» только напротив имён Луки Косминова и Максима Лукина²⁸ в графе «лета учения» написано, что они учились греческому языку первый два года, второй – три. Поскольку в 1724 г. Фёдор Максимов был учителем только славянской школы, можно предположить, что в латинскую школу поступили ученики, изучившие славянскую грамматику. Сравнение «Табели» учеников латинской школы с «Табелью великоновоградския грекославенския школы учеников

²⁵ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 279. Л. 5.

²⁶ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 42–43 об.

²⁷ См.: *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов. С. 233.

²⁸ Максим Лукин не учился в греческой школе. В 1723 г. его имя значится в «Табели великоновоградския грекославенския школы учеников славенски учащихся» (см.: ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107. Л. 1 об.). Очевидно, мы имеем дело с ошибкой писца, который в «Табели» приписал Максиму Лукину то, что должен был записать строкой выше, напротив имени подъяка Иоанна Симеонова, который действительно учился в греческой школе (См.: Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 43).

славенски учащихся» за декабрь 1723 г. даёт следующие результаты: из 26 учеников, названных в «Табели» латинской школы, 21 человек – был переведён из славянской школы, 3 – из греческой (Лука Космин, Иоанн Симеонов и Алексей Феодоров (последние двое изучали славянскую риторiku)). Это совпадает с первоначальным числом учеников (24 человека), принятых в латинскую школу. Происхождение двух школьников – Даниила Яковлева и Матвея Силина – пока установить не удалось. Социальный состав учащихся латинской школы достаточно широк. Из 44 человек, представленных в «Реестре учеником латинския школы...», у Павла Горошковского учились: крестьянских детей – 18, дворянских – 2, солдатских – 2, звонарей – 2, дьячков – 4, служебников – 1, попов – 8, пономарей – 2, приставов – 1 и подьяков – 4.

Важной для истории Новгородской школы является информация, содержащаяся в «Реэстре славенския школы учеником»²⁹ и «Реэстре архиерейскаго дому славенския школы учащимся учеником»³⁰. Оба «Реестра» не датированы, но, очевидно, составлены в конце 1725 г. В первом названы имена 39 школьников, которых «учит подьякон Федор Максимов». «Реестр» состоит из трёх частей: ученики, изучающие славянскую грамматику (20 человек); «ученики из разных епархий присланные» (9 человек); «отлучившиеся от школы своевольно нынешняго 725 года» (10 человек). Все учащиеся, названные в «Реестре», изучали славянскую грамматику. Первые 20 учеников обучались грамматике год и либо заканчивали обучение, либо изучали «сочинение грамматики». Восемь из этих учеников в начале 1726 г. были переведены в греческую школу (см. выше). Присланные из разных епархий ученики изучали грамматику менее года: трое – 11 месяцев, трое – 8 месяцев и 20 дней, двое – 6 месяцев и 20 дней и один – 3 месяца. Все ученики, «отлучившиеся от школы», изучали грамматику менее года. Большинство из них получило оценку – «туп».

В «Реэстре архиерейскаго дому славенския школы учащимся учеником» названы имена 29 человек, учителем которых является певчий Варфоломей Фёдоров. Под его руководством большинство учеников изучало «славенское осмочастие», т. е. приступило к изучению грамматики. До этого, в течение года или двух, они изучали чтение и письмо, а также букварь. Только трое учеников Варфоломея Фёдорова изучали «букварик», освоив до этого Часослов и Псалтирь. Система обучения славянскому языку в Новгородской школе Лихудов вполне

²⁹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114. Л. 44–45 об.

³⁰ Там же. Л. 46–46 об.

соответствовала средневековой: начиналась с обучения Часослова и Псалтири, чтения, письма, букваря и заканчивалась грамматикой.

Наиболее поздняя из известных нам сегодня ведомостей Новгородской школы сохранилась в доношении, составленном Фёдором Максимовым в январе 1733 г. В нём он писал: «Прошлого 1732 года в разных месяцах указом вашего преосвященства определены новгородския церковническия дети в школу ко учению, из которых ныне обучилися шесть человек букваря, а имянно: Косма Стефанов, Михаил Ермолаев, Алексей Ермолаев, Петр Макариев, Игнатий Алексиев, Феофан Авдиев. А четверо окончивают букварь, а имянно: Сергей Петров, Никита Епифанов, Стефан Иоаннов, Игнатий Стефанов. А прежде сего таковым учеником в школе по обучении букваря учено гречески читать и писать, а потом грамматика, а которые не весьма острые и гречески читать не могущии, тем славенская грамматика учена. И впредь оным учеником какое учение предавать, без воли вашего архиерейства не смею»³¹. На доношение наложена собственноручная резолюция архиепископа Феофана (Прокоповича): «...показать нам ис ученых еллинской грамматики некоторых, которыя бы могли речь еллинскую на язык русский. А без такового разумения, на что читать и писать по гречески учить; о, безмозгля головы!»³².

Несмотря на фрагментарность представленных в этой статье документов, мы можем констатировать, что история Новгородской школы братьев Лихудов уже сейчас должна быть дополнена новыми фактами. Продолжение архивного поиска, выявление и введение в научный оборот новых документов позволит приблизиться к пониманию феномена Новгородской школы братьев Лихудов.

³¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 272. Л. 16.

³² Там же.

Высшие иерархи из Новгорода и Киево-Могилянской академии в Сибири в XVII–XVIII вв.

Сибирский церковный историк А. И. Сулоцкий писал: «Сибирская епархия по числу церквей долгое время была небольшая: и в начале XVIII столетия церквей в ней было только 160; но по пространству она была, можно сказать, почти неизмеримая...»¹. Особая епархия была учреждена в Сибири в 1620 г., в том же году возник Тобольский архиерейский дом в Тобольске. В 1669 г. была учреждена Сибирская митрополия, просуществовавшая до 1768 г. с местонахождением митрополичьей кафедры в Тобольске. В неё включалась вся территория от Урала до вновь осваиваемых Забайкальских земель и лишь в 1727 г. была выделена самостоятельная Иркутская епархия. Другое кардинальное изменение относится к 1799 г., когда во всей империи была предпринята попытка привести границы епархий в соответствие с границами губерний, после чего более 200 приходов Тобольской епархии оказались в составе вновь учреждённой Екатеринбургской епархии, а другие 37 – в составе Оренбургской и Уфимской епархий. С открытием в 1834 г. Томской епархии владения тобольских владык значительно уменьшились, но всё ещё не совпадали с губернскими границами².

Православие в Сибири распространяется со времени похода Ермака. Участники похода ставили в местах своего пребывания кресты и часовни. Священники присылались преимущественно из Вологодской епархии³. Представителей духовенства в те времена было немного. Контроль за их деятельностью был затруднён из-за отдалённости осваиваемых территорий. Нравы переселенцев в Сибири были далеки от благочестия. Например, П. Н. Буцинский цитировал фрагменты донесений царю сибирских воевод 20–30-х гг. XVII в. Один из них писал о том, что русские люди «...женятся на инородках и поселяются в инородческих юртах; некоторые уже живут лет по 15 и по 20, убивают и грабят инородцев, «задалживают» их великими долгами...», или донесение следующего содержания: «Нам, холопам твоим, государь... велено ясак... с ясачных людей выбирать ласкою, а не жесточью и правежем. А ясачные многие

¹ Сулоцкий А. И. Сочинения: в 3 т. / под ред. В. А. Чупина. Тюмень, 2000. Т. 2: О сибирском духовенстве. С. 503.

² Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007. С. 4.

³ Абрамов Н. А. Город Тюмень: из истории Тобольской епархии / сост. и прим. Ю. Л. Мандрики и В. А. Чупина. Тюмень, 1998. С. 95.

люди живут меж русских и всякому русскому обычаю навичны и то им ведомо, что по твоему указу ясак... править правежем не велено и они на твое жалованье надежны... соболей и лисиц проигрывают в зернь, а в ясак не дают; сотников и десятников своих не слушают, на лешие промыслы проигравься зернию не ходят...»⁴.

Перед первыми церковными иерархами простиралось огромное пространство, население которого необходимо было приобщить или укрепить в христианской вере и законопослушности.

Среди высших иерархов в Сибири в XVII в. четверо были из Новгорода: архиепископы Киприан (Старорусенников) (1621–1624) и Герасим (Кремлев) (1640–1650); митрополиты Корнилий (1664–1677) и Игнатий (Римский-Корсаков) (1692–1700). В последнее время выявлено большое количество сочинений, связанных с первым сибирским архиепископом Киприаном (Старорусенниковым): помимо записи новгородских чудес (уже в 30-е гг. XVII в.) и архиерейских поучений, он имел отношение к созданию «Нового летописца» и «Сказания о даре шаха Аббаса», сохранились также известия о том, что Киприан создавал тексты церковных служб. До наших дней дошли сведения о том, что помимо устных рассказов о походе Ермака, позднее записанных и получивших название «устных летописей», в 1622 г. Киприану было поднесено «Написание» о походе. Текст его не сохранился, но на его основе был составлен «Синодик Ермаковым казакам»⁵. Полный перечень сибирских сочинений Киприана ещё требует изучения, но именно он был инициатором поминания Ермаковых казаков в Тобольском Софийском соборе, и, возможно, автором текста, с которого началась история сибирского летописания⁶. От времени служения в Сибири Герасима (Кремлева) сохранились челобитные, написанные в стиле архиерейского чиновника. Исследователи сомневаются в том, что он сам написал даже свою духовную грамоту⁷. В Сибири его не любили из-за жадных и своевольных родственников, которыми он себя окружил.

Между 1636 и 1641 гг. создано «Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы»⁸. Крестьянской вдове Марии из села

⁴ Цит. по: *Буцинский П. Н.* Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645 гг.). Харьков, 1893. С. 64.

⁵ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / изд. подгот. Е. К. Ромодановской и О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001 (История Сибири. Первоисточники. Вып. 10). С. 13–16.

⁶ *Ромодановская Е. К.* Литераторы Тобольского архиерейского дома в XVII веке // Сибирский текст в русской культуре: к 400-летию Томска и 125-летию первого университета в Сибири: сб. ст. Томск, 2002. С. 13–14.

⁷ Духовная Герасима // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 287–289.

⁸ Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы // Там же. С. 85–185.

Абалак близ Тобольска несколько раз явилась Новгородская икона Знамения Богородицы, приказывая строить в Абалаке церковь в своё имя. Для церкви был написан образ Знамения, оказавшийся чудотворным. С этих пор Абалацкая икона стала главной святыней Сибири. В отдельных списках рассказы о чудесах, записи о которых постоянно вели священники Абалацкой церкви, насчитывают до 150 текстов. Среди них есть подробный рассказ митрополита Корнилия о болезни и чудесном исцелении его сына⁹. Самым известным среди пишущих иерархов в Тобольске в XVII в. был митрополит Игнатий (Римский-Корсаков), публицист времени правления царевны Софьи, автор ряда панегириков в её честь. В Сибири он написал «Житие Симеона Верхотурского»¹⁰, «Послание в Красноярск по поводу бунта 1697 г.»¹¹, несколько окружных посланий с обличением раскольничьей ереси¹².

В течение всего XVII в. владыки, занимавшие тобольскую кафедру, руководили культурной, прежде всего литературной работой в Сибири, причём не только в области духовной письменности (агиография, духовная полемика, создание церковных служб), но и в области летописания. Лишь к концу столетия летописная работа переместилась в воеводскую избу, в сфере же официальной литературной деятельности духовенства осталось описание новых чудес (как от мощей, так и от икон), создание новых агиографических текстов и служб новым святым.

Большая часть XVIII в. в истории российской иерархии отмечена преобладанием среди владык «выучеников» Киево-Могилянской академии. Наиболее известны среди них – Симеон Полоцкий (1629–1680) в Москве с 1664 г., Стефан (Яворский) (1658–1722), Феофан (Прокопович) (1681–1736), автор трагедокомедии «Владимир» (1705 г.), которая ставилась на сценах театров Российской империи от Санкт-Петербурга до Тобольска.

Сопоставление данных, приведённых в работах Н. А. Абрамова и А. И. Сулоцкого, с современными исследованиями сибирских историков показало, что среди тобольских иерархов в XVIII – первой половине XIX в. было немало выпускников Киевской академии: Димитрий (Туптало) (1651–1709) должен был стать митрополитом Сибирским, но от поездки в Сибирь отказался, получив назначение в Ростов. В Томске в конце XIX – начале XX в. действовало противораскольническое братство имени св. Димитрия Ростовского. Митрополитами Сибирскими и Тобольскими

⁹ Ромодановская Е. К. Литераторы Тобольского архиерейского дома в XVII веке. С. 16.

¹⁰ Житие Симеона Верхотурского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 196–231.

¹¹ Послание в Красноярск // Там же. С. 322–329.

¹² Ромодановская Е. К. Литераторы Тобольского архиерейского дома в XVII веке. С. 16.

были: Филофей (Лещинский) (в сане митрополита 1702–1710, 1715–1721), Иоанн (Максимович) (в сане митрополита 1712–1715)¹³, Антоний (Стаховский) (в сане митрополита 1721–1740), Арсений (Мацеевич) (в сане митрополита 1741–1742), Антоний (Нарожницкий) (1742–1748), Сильвестр (Гловатский) (1749–1756), Павел (Конюскевич) (1758–1768); архиепископами Тобольскими и Сибирскими – Амвросий (Келембет) (в сане архиепископа 1806–1822) и Георгий (Ящуржинский) (в сане архиепископа 1845–1852)¹⁴. В 1848 г. архиепископом Георгием (Ящуржинским) автор одной из первых историй сибирской иерархии А. И. Сулоцкий был рукоположен в сан диакона, затем священника и направлен в г. Омск на должность законоучителя Сибирского кадетского корпуса, впоследствии Сибирской военной гимназии, и настоятеля храма Николая Чудотворца при этом учебном заведении.

Известно, что иерархи, назначенные в Сибирь, везли с собой земляков. В одном из документов Сибирского приказа за январь 1707 г. сообщалось: «В прошлом 1706 году января 4 по указу великого государя ... дано ... жалование учителям киевлянам-иеромонахам Григорию Гошкевичу, Митрофану Орловскому, Гавриилу Мартовичу, Рафаилу Борецкому, монахам Мефодию Коложинскому, Стефану Городицкому – всем шести человекам, которым велено ехать в Сибирь к Филофею, митрополиту Тобольскому, для учения школьного всяких чинов людей».

Сохранился паспорт студента-философа Киево-Могилянской академии Герасима Гриневича за 1744 г., который «по требованию архимандрита Сибирского Германа Смяловского для обучения тамошних сибирских семинаристов за ведомом и благословением академическим отпущен свободно». На нём – пометка Тобольской консистории о прибытии, сделанная в апреле 1745 г.¹⁵

А. И. Сулоцкий, основываясь на материалах консисторского архива и местной летописи, писал, что с Филофеем (Лещинским) приехали из Малороссии духовные лица, упоминая ссыльных малороссиян, которых тогда в Сибири называли черкасами¹⁶. Филофей (Лещинский) в 1708 г. для написания пяти иконостасов в монастырских церквях и единого иконостаса в соборе вызывал иконописцев из Киева. Этими работами

¹³ Жук В. Н., Хижняк З. И. Максимович (Васильківський) Іван Максимович // Києво-Могиллянська академія в іменах. Київ, 2001. С. 347.

¹⁴ Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб., 2005. С. 372–373.

¹⁵ Цит. по: Хижняк З. И. Киево-Могилянская Академия. Киев, 1988. С. 212.

¹⁶ Сулоцкий А. И. Семинарский театр в старину в Тобольске // ЧОИДР. М., 1870. Кн. 2 (апрель-июнь). С. 154.

мастеров киевской школы восторгались жители Тобольска и в XIX в.¹⁷ В 1816 г. Тобольский архиепископ Амвросий (Келембет) в письме из Тобольска влиятельному сановнику Константину Яковлевичу Булгакову просил за своих земляков: «Любовь моя к ним заставила меня изъявить посредством сего чувствование благодарности моею за отеческое, как они изъявлялись, попечение о благосостоянии их, и просить вас милостивый государь: продолжить снисхождение ваше на ревностные их труды»¹⁸.

Усилиями архиереев из Киево-Могилянской академии театр в Тобольске существовал уже в первые годы XVIII в. После окончания академии Филофей (Лещинский) был оставлен экономом Киево-Печерской Лавры. В 1702 г. он был направлен в Тобольск, где сразу же приступил к созданию театра. В качестве актёров выступали ученики учреждённой Филофеем (Лещинским) Славянорусской школы, приехавшие с ним монахи и ссыльные «малороссияне». Сцена устраивалась возле архиерейского дома. Перед началом представления обычно ударяли в колокол и «народу собиралось множество». В театре ставились пьесы Симеона Полоцкого, Дмитрия Ростовского, Феофана (Прокоповича). Возможно, и сам митрополит Тобольский писал пьесы для этого театра. Он приказывал устраивать театральные представления «...не по одной только привычке к ним в Киеве, и не для увеселения только себя и жителей Тобольска, но и для назидания сих последних, а также для приучения учеников своей школы к свободнейшему произношению проповедей и речей»¹⁹.

При преемнике митрополита Филофея (Лещинского), также выпускнике Киевской академии, митрополите Антонии (Стаховском) школьные спектакли ставились учениками и учителями теперь уже Славяно-латинской школы на святки по домам за вознаграждение. Собранные деньги шли на содержание учеников и жалованье учителей школы. Театральные постановки организовывались в Тобольске и после преобразования Славяно-латинской школы в семинарию в 1743 г. Среди пьес, которые разыгрывали семинаристы, всё более стали встречаться сочинения нерелигиозного содержания.

Отношение официальной власти и церкви к театральным постановкам в Сибири отражено в источниках. При митрополите Филофее (Лещинском) 8 мая 1705 г., в праздник Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, во время представления школьного театра, поднялась сильная буря, и силою ветра сорвала с главы соборного алтаря крест, а с Сергиевой

¹⁷ Сулоцкий А. И. Сочинения: в 3 т. / под ред. В. А. Чупина. Тюмень, 2000. Т. 1.: О церковных древностях Сибири (церковь, иконы, библиотеки, театр и школа). С. 99.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 41 (Булгаковы). Картон № 53. Ед. хр. № 28. Л. 2.

¹⁹ Сулоцкий А. И. Семинарский театр в старину в Тобольске. С. 156.

церкви снесла и весь верх с маковицей и крестом. Среди рукописей библиотеки Тобольской семинарии сохранилась запись об этом происшествии: «Прознаменовал Господь Бог ... гнев свой на творящих игрища комедианския»²⁰. В 1818 г. начальство Тобольской семинарии запретило устраивать театральные представления по домам горожан, и семинаристы участвовали в таких постановках тайно.

История взаимоотношений православных иерархов – выпускников Киево-Могилянской академии с сибирским обществом, выявление сведений об их земляках в сохранившихся источниках до сих пор сопряжено со множеством трудностей. Миссионерская, просветительская деятельность владык из Малороссии достаточно хорошо изучена в отечественной историографии. Перспективным можно считать подход к изучению данного сюжета как к исследованию «славянского мира» в истории освоения Северной Азии²¹. Разработка новых методологических междисциплинарных подходов, совместные усилия историков, филологов, культурологов, возможно, позволят создать новую трактовку освоения славянским населением Сибири в XVII–XVIII вв.

²⁰ Там же.

²¹ См., например: «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / под ред. О. Н. Бахтиной и др. Томск, 2009.

Философский курс Феофилакта (Лопатинского) в Славяно-греко-латинской академии

Рубеж XVII и XVIII вв. представляет для историка русской философии значительный интерес по ряду причин. Во-первых, это период смены средневекового типа философствования новоевропейским, что ярко отразилось в сочинениях отечественных мыслителей в форме изложения идей, в новых жанрах философской литературы, новых проблемах, которые философы ставили и стремились решить. Во-вторых, это период формирования традиций профессионального преподавания философии, что, конечно же, внесло свои коррективы в логику и характер изложения философских идей. В-третьих, мы можем смело говорить о том, что для этого периода отечественной истории и культуры вполне применимы эпитеты, которые традиционно звучат относительно эпохи европейского Возрождения. О многих деятелях этого времени, судя по широте энциклопедических знаний, разнообразию научных и философских интересов, многоаспектной политической и социальной деятельности мы можем сказать «титаны Ренессанса». Примером тому может служить Феофилакт (Лопатинский). В своём знаменитом исследовании «Пути русского богословия» Г. Флоровский писал: «Феофилакт был человек больших знаний и смелого духа...», и это совершенная правда¹. Обратившись к общественной, преподавательской, научной деятельности и сочинениям Феофилакта, с этим утверждением трудно не согласиться.

Фёдор Леонтьевич Лопатинский (в монашестве – Феофилакт) – одна из самых знаковых фигур Славяно-греко-латинской академии. Точными сведениями о его рождении мы не располагаем. Судя по всему, он родился в конце 70-х – начале 80-х гг. XVII в. в дворянской семье на Волынщине. После окончания Киево-Могилянской академии с целью расширения и углубления своих знаний он отправляется путешествовать по Европе (Польша, Италия, Германия). Возвращается в Москву в 1702 г. и сразу же приступает к просветительской деятельности и преподаванию: с 1704 по 1706 гг. читает лекции по философии в Московской Славяно-греко-латинской академии, с 1706 по 1710 гг. читает большой курс по богословию. Причём нужно отметить, что богословская и философская система Феофилакта (Лопатинского) пользовалась большой популярностью, по его конспектам читали подобные курсы в первой половине XVIII в. во многих учебных заведениях России. С 1706 по 1708 гг. он занимал должность префекта, а с 1708 по 1722 гг. становится

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 98.

ректором академии и настоятелем Заиконоспасского монастыря, где академия и находилась.

Феофилакт был видным общественным деятелем, выступал с официальными речами о политической ситуации, связанной с русско-шведской войной. В целом он поддерживал новые веяния в культурной и образовательной политике Петра I, который, в свою очередь, высоко ценил Феофилакта. Феофилакт был включён в состав Синода и стал настоятелем Чудова монастыря. При Екатерине I он принимает сан архиепископа Тверского и занимает должность второго вице-президента Синода. Современники отмечали прямоту, правдивость и честность Феофилакта, целеустремлённость и научную тщательность.

В этот период Феофилакт стремится реализовать самые смелые свои проекты. Так, он ставит перед собой и группой единомышленников важное и сложное задание – славянский перевод Библии. Над переводом с 1712 по 1726 г. вместе с ним трудились: Фёдор Поликарпов, Софроний Лихуд, монах Феолог, грек Анастасий, А. Кондоиди. Данный перевод получил известность как Библия 1751 г. издания (или Елизаветинская). Работа была масштабной, она потребовала сличения текстов на четырёх языках. Феофилакт принимал самое живое участие во всех этапах проекта.

Феофилакт активно занимался издательской деятельностью. Так, к примеру, в 1728 г. он публикует последнее сочинение известного мыслителя второй половины XVII в. Стефана Яворского «Камень веры». Издание вызвало многочисленные дискуссии по вопросу протестантских ориентаций Яворского, что впоследствии отразилось на судьбе самого Феофилакта. При Анне Иоанновне он попал в немилость, был заточён и сослан. В несправедливом обвинении, а также в самом следствии не самую лицеприятную роль сыграл Феофан (Прокопович).

Во времена регентства Анны Леопольдовны Феофилакт был оправдан, ему возвращены все звания и почести, но здоровье было окончательно подорвано и 6 мая 1741 г. он умер.

Феофилакт был человеком разносторонних интересов, о чём свидетельствует его личная библиотека (более трёх с половиной тысяч книг). Он много читал и переводил с иностранных языков, владея латинским, греческим, древнееврейским, сирийским, польским, французским, немецким, итальянским. Мы можем указать и на его, безусловно, представляющие интерес философские и богословские сочинения: «Апокрисис, или ответ о лютеранской ереси», «Божие уничижителей гордых уничижение, при вшествии свейския силы разорителя, действием академии учением греческим, славенским и латинским процветающее изображение», «Иго Христово благо и бремя его легко», «Неправда раскольническая, которую на себе обрядили Выгодские пустословы».

Идеи просвещения нашли отражение и в его преподавательской деятельности, в том числе – в философском курсе, им прочитанном в Славяно-греко-латинской академии. В определённом смысле можно согласиться с тем, что «...если Лихуды были пионерами профессионального образования в России, то Лопатинского с полным правом можно назвать его основателем, поскольку традиция академического преподавания после него не прерывается...»². Важно то, что материалы курса Феофилакта сохранились, вследствие чего мы можем восстановить по ним характер философского преподавания в академии в начале XVIII в.

Философский курс Феофилакта включал: диалектику, логику, натурфилософию, метафизику, пневматику (психологию), метеорологию (естествознание), математику. В самом начале «Диалектики» Феофилакт даёт её определение: диалектика есть «...искусство, устанавливающее правила речи, но не внешней, а внутренней, то есть правила мышления или операции разума»³. Без изучения диалектики невозможно приступить к философским опытам, так как её задачи: а) направлять к истине человеческий разум, который постоянно колеблется между истиной и ложью, из-за склонности к заблуждениям; б) объект диалектики – операции разума. При этом он подчёркивает, что «...диалектика понимает операцию разума как некое нематериальное жизненное действие человеческой души, направленное на познание объектов. В процессе познания объекты эти как бы отражаются в человеческой душе, представляются в ней образно»⁴. Объектом, на который направляется деятельность разума, является любая вещь, имеющая быть, представленная в нём через осуществление разумной потенции.

Существует три рода операций разума: 1) разум лишь созерцает объект, ничего о нём ни утверждая, ни отрицая. Иногда эту операцию именуют «простым постижением», предшествующим суждению; 2) операция разума, вследствие которой мы высказываем отрицательное или положительное суждение о рассмотренном объекте; 3) утверждается нечто новое, в случае истинности этого утверждения происходит приращение знания. Третью операцию разума также возможно именовать доказательством, логическим заключением, умозаключением. Именно указанные три операции разума являются предметом диалектики и логики.

Первая операция, по мнению Феофилакта, сводится к терминам. Учение о терминах занимает значительное место в системе Феофилакта и

² Панибратцев А. В. Философская мысль в России начала XVIII века: преемственность и перспективы развития // Феофилакт Лопатинский. Избранные философские произведения. М., 1997. С. 15–16.

³ Феофилакт Лопатинский. Диалектика // Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 22.

имеет практическую сторону для изучения философского курса. Так, Феофилакт отмечает, что понятие «термин» имеет несколько значений: 1) термин означает границу или предел чего-либо; 2) термин также определяет начало чего-либо, именно в этом смысле «термин» чаще всего используется в диалектике. Значимо и то, что «...под терминами понимаются как мысли, так и произнесённые слова»⁵. Феофилакт приводит различные примеры толкования понятия «термин» в истории философии, при этом большее внимание уделяя концепции Аристотеля.

В сочинении Феофилакта «Диалектика», которое, по всей вероятности, является первым в России философским словарём, присутствует раздел, трактующий философские термины. Всего в словаре объясняется около 150 понятий, среди которых «материя», «форма», «абстрактный», «конкретный», «категория», «существование», «объективный», «субъективный» и др. Мы можем привести примеры таких основополагающих для философии понятий, как «сущность» и «природа»: «Сущность (*substantia*) есть сущее, существующее самостоятельно (*per se stans*) и способное быть носителем случайных признаков. Она не основывается на чём-либо (*nec ordinatur ad aliquid*) соответствующим образом, (*adaequate*) от себя отличным, как это бывает со случайными признаками»⁶, «Природа – первое: природа творящая (*natura naturans*) есть Бог, природа сотворённая (*natura naturata*) суть создания. Второе: природа есть начало (*principium*) движения и покоя, как сказано в физических книгах. Третье: природа есть прирождённое соотношение элементов (*temperamentum*). Четвёртое: природа есть естественная склонность или расположение»⁷. Даются Феофилактом примеры дефиниции важнейших философских категорий, таких как, например, качество и количество: «Количество есть акцидентальная форма, благодаря которой нечто получает наименование “такой величины” (*quantum*). Благодаря количеству одно тело не может проникать в другое тело и, сверх того, должно обладать некоей определённой протяженностью. Качество есть акцидентальная форма, благодаря которой о предмете говорят, что он “такой” или “такой”»⁸. Феофилакт подчёркивает мысль о том, что без знаний категориального аппарата глубокого понимания философии невозможно.

Философия – слово греческое, говорит Феофилакт, и означает «любовь к мудрости». В русском языке оно точно передаётся словом «любомудрие». Философию мыслитель понимал как знание сущего, сотворённого и несотворённого. Приобрести это знание возможно

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Там же. С. 189.

⁸ Там же.

благодаря свету разума, дарованного Богом природе человеческой. Первым философом был Адам, так как, уже пребывая в Раю, он мог познавать и давать имена окружающему по сути его. Философия – полезное и необходимое для существования человека знание, но требует «мужества и неустанных трудов». Особая роль в приобщении к философии отводится обучению. Способность к философии от природы дана каждому человеку, но она ещё более развивается, если он через обучение совершенствует её. Важно подчеркнуть следующее, что, ссылаясь на авторитет Аристотеля, Феофилакт подчёркивает, что все люди от природы стремятся к знаниям. Но необходимо помнить следующее: построить совершенную философскую систему невозможно вследствие ограниченности наших познавательных способностей. Но это не значит, что не нужно стремиться к идеалу.

Основой философской системы Феофилакта являются логика и натурфилософия. Натурфилософское учение базируется на понятии природного тела, его начала и причины, свойства и состояния. Более того, именно вопрос о началах природного тела мыслитель определял как основной вопрос философии. Именно от того, как он трактуется, все мыслители, с точки зрения Феофилакта, в истории философии подразделялись на монистов, дуалистов и плюралистов (атомистов). К последним он относил Гессенди, Декарта, Бернгардуса и ряд других, анализ систем которых показывает отечественного исследователя знатоком достижений европейской философской мысли.

Началами природного тела Феофилакт признавал материю, форму и их сочетание. Рассуждая о строении вещества, он сформулировал свою корпускулярную теорию. В заключение курса он излагал учение Птолемея, Коперника, Тихо-де-Браге о строении Вселенной. Последний особо привлекал внимание Феофилакта.

Говоря о зарождении философии, Феофилакт подчёркивает, что евреи, вавилоняне и египтяне – народы, стоящие у основ философского знания. От них традиции философствования переняли греки, которые научили философии римлян, которые, уже в свою очередь, передали философские знания остальным народам. В курсе Феофилакта, и на наш взгляд это важно подчеркнуть, характеризуются самые разные философские школы и персоналии от Античности и до современности.

Философская школа, как её понимает Феофилакт, это группа мыслителей, придерживающаяся концепции своего учителя и старающаяся не отступать от его заветов. В принципе, философские изыскания бесконечны, как бесконечен для человека поиск истины. Изучение истории философии есть путь преодоления невежества и путь истинного просвещения. При этом Феофилакт озвучивает свою принципиальную позицию: «В нашем стремлении к истине мы не будем рабски подражать древним, хотя и относимся с уважением ко всем философам, в особенности

к Аристотелю. Итак, никому не клянемся мы в верности, все нам – друзья, но истина – дороже. Философ обязан рационально доказывать своё мнение, а не опираться на авторитет. Арриага сказал, что пристрастие к тому или иному авторитету помешало сделать правильный выбор, превратив, тем самым, прекрасных учеников в мерзких обезьян... Наши современники, говорил Арриага, обладают теми же пятью чувствами, что и древние, причём чувства эти развиты у нас гораздо сильнее. Итак, разум не является привилегией ни Платона, ни Аристотеля. Да не оскудеет рука Господня. Завершаю я это вступление словами из 35-ого письма II книги “Писем” Анастасия Синаита: “Древние учителя – не господа, а вожатые. Истина открыта для всех и отнюдь ещё не исчерпана. Будущим поколениям предлежит обширное поле деятельности”⁹.

Мыслитель указывал, что философия – это достоверное, очевидное знание дел божественных и человеческих. Под первыми понимались Творец и Его создания, под вторыми – человек и его действия. Цель философии – «...естественное блаженство (*beatitudo naturalis*), достигаемое путём познания первой истины и добродетельнейшей жизни... Действующая причина философии – Бог, сообщивший её Адаму»¹⁰. Указывает он и на причины, вызывающие интерес к занятиям философией – удивление, опыт и опытность: «Удивление возникает благодаря деятельности разума, поскольку люди удивляются из-за незнания причин. Удивление также вызывает страстное желание познать неизвестные причины... Опытом же мы называем многократное отнесение следствия к причине (*tentative applicatio causae ad effectum*), а опытностью – наблюдение (*observatio*) множества единичных вещей, установление между ними сходства. Последнее достигается как с помощью чувств, так и путём рациональной деятельности»¹¹. В философской системе Феофилакта сказывается влияние сенсуализма. Например, он указывал на первичность в процессе познания объективного данного, а также полагал, что познание обусловлено закономерными, естественными процессами. В связи с подобными установками мыслитель предпринял попытку выявить правила, приводящие человека к правильному пониманию природы.

Оценивая философскую систему Феофилакта в целом, мы можем говорить о том, что он стоял на позициях объективного идеализма. Его система – теистическая система, центральным вопросом, как и центральным понятием которой является Бог. Все виды сущего рассматриваются им через системы дихотомий. Так, субстанция делится им на совершенную и несовершенную, к тому же каждый из этих подвидов может быть как материальным, так и духовным. Бог, ангелы, души людей

⁹ Там же. С. 213.

¹⁰ Там же. С. 200.

¹¹ Там же. С. 201.

есть совершенные духовные субстанции, в то время как материальные тела есть совершенные телесные субстанции. Далее телесная субстанция структурируется на простую (элементы, небо) и смешанную. Последняя включает в себя совершенную (одушевлённая субстанция (животные, растения) и неодушевлённая субстанция, которая делится на то, что происходит от живого (например, молоко от коровы) и на то, что происходит от неживого (например, металлы, добываемые из земли)) и несовершенную (огненная субстанция (молния), неогненная (ветры), мокрая (дождь), светящаяся субстанция (радуга)) форму. Далее несовершенные субстанции уже не подразделяются на какие-либо составляющие. Животные делятся на человека и скотину, растения включают в себя деревья и травы. Животные подразделяются на самодвижущихся и на зоофитов. Мы можем отметить важный аспект – Феофилакт стремится активно включить феномены природного мира в свою систему, подвергнув их классификации и исследованию. Из всего указанного, мы можем прийти к выводу, что курс Феофилакта был не только обширен, но и отражал современные ему веяния в философских интересах.

На рубеже XVII–XVIII вв. отечественная культура, наука и философия переживали переломный этап своего развития. Эта ситуация отразилась во «Введении» в философский курс Феофилакта: «Некогда Геракл остановился на распутье двух дорог, нам же предстоит пройти все три пути Аристотеля, так что для успешного завершения предприятия (изучение философии. – *О. И.*) нам потребуются силы, самое малое, равные силам Геракла, если не большие. Многие отправлялись в путь, но не многие выдерживали трудностей... я хочу побудить вас к трудам, соразмерным способностям каждого, ибо способности эти даровал нам Всемогущий и Всеблагий Бог. А для занятия философией названных способностей вполне достаточно. Итак, я требую от вас мужества и неустанных трудов, и смею надеяться на благоприятный исход, ибо вы рождены с задатками Алкида для великих дел...»¹².

Надежды Феофилакта (Лопатинского) оправдались. В начале XVIII столетия в России, во многом благодаря и его усилиям, формируется профессиональное философствование, а философские курсы занимают значимое место в системе образования.

¹² Там же.

Костромская духовная семинария – «окно» в эпоху Просвещения

Расположенный рядом с Костромой Ипатьевский монастырь с 1705 г. был местом ссылки для братьев Иоанникия и Софония Лихудов. Сама Кострома тогда – один из многочисленных городов огромной Московской губернии, – свой статус провинциального города она получит позже. Ипатьевская обитель пришла в упадок в годы петровского правления¹. Никто не вспоминал тогда о призвании из этого захолустного пригородного монастыря первого царя династии Романовых. Пожалуй, ярче всего отражает его состояние донесение архимандрита Гавриила (Бужинского) от 1721 г.: «всего же разорения обители кратко и описать невозможно»². Вероятно, поэтому создание костромской семинарии связано не с именем Лихудов.

Решающим импульсом к созданию и развитию в Костроме духовной школы стало учреждение в 1744 г. Костромской епархии. В протоколе заседания Синода в качестве причины указывалось, что из-за огромных размеров Московской епархии «в разных и дальних от Москвы городех и уездех состоит церквей более пяти тысяч, монастырей более двух сот, которых единому архиерею управить весьма невозможно, отчего размножается раскол и в делех челобитчиком, також производимым во священство и в церковный причет волокита и многое продолжение чинится»³. Таким образом, для Синода побудительным мотивом было решение дел административных и борьба с расколом.

Сильвестр (Кулябка), первым из владык добравшийся до Костромы в 1746 г., озаботился созданием епархиальной школы. С огромным трудом изыскивали средства⁴. Детей набирали из семей духовенства, но дело было необычное, непонятное. Прошёл слух, что неспособных будут отдавать в солдаты, и родители прятали недорослей, а ежели посланные их находили, то матери плакали, провожая, как по мёртвым. Позже указом епископа

¹ [Павел (Подлипский)]. Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1835; Диев М. Я. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858; Островский П. Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870; Баженов И. В. Костромской Ипатьевский монастырь. Кострома, 1909.

² Цит. по: Костромской Ипатьевский монастырь. Кострома, 1913. С. 13. См. также: ГАКО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1265 (Дело по доношению Ипатского архимандрита Гавриила Бужинского в 1721 г. о состоянии Ипатьева монастыря).

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 319 (1744). Л. 12.

⁴ ГАКО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2. Л. 137, 147–148.

Симона было определено: «непонятных и к продолжению высших наук ненадежных пятнадцать человек учеников из семинарии уволить»⁵. Предполагалось отдать их родителям для самостоятельного обучения наукам, а если и после того экзамен не выдержат, – «отослать для определения в военную службу», или в солдатскую школу, или «куда они способными окажутся в светскую команду»⁶.

Только в 1747 г. удалось набрать 30 учащихся. Первым учителем стал монах Ипатьевского монастыря Анастасий⁷. Однако, стоило Сильвестру (Кулябке) покинуть епархию, как школа закрылась, ученики были распущены. Можно сказать, что в первое десятилетие существования епархии настойчивое желание владык учредить духовную школу уравновешивалось столь же упорным нежеланием местного духовенства способствовать этому. Стабильным стал семинарский быт только при владыке Дамаскине (Аскаронском), который принял епархию в 1758 г.⁸

В соответствии с рекомендациями Духовного регламента размещать семинарии «не в городе, но в стороне, на веселом месте удобное, где несть народного шума, ниже частыя оказии, которые обычно мешают учения, и находит на очи, что похищает мысли молодых человек, и прилежать учением не попускает»⁹, он определил для семинарии место на окраине Костромы. В 1759 г. владыка построил подле древнего Спасо-Запрудненского монастыря «огромный двухэтажный корпус»¹⁰ для учеников, а рядом – свой архиерейский дом и дома для учителей, разбил сад, устроил пруд. Выписал из Киево-Могилянской академии учителей: братьев Максима и Ивана Фёдоровых, которые стали преподавать «по академической методе» один греческий, а другой – латинский языки. Позже к ним добавились другие выпускники Киевской академии.

Все учителя говорили по-украински, а местные говоры считали искажением правильной «мовы», разница была столь велика, что учителя с учениками часто не понимали друг друга. «Заботливый Дамаскин с

⁵ Там же. Д. 1. Л. 164–165.

⁶ Там же.

⁷ Андроников Н. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и о Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874. Паг. 1, С. 6.

⁸ Диев М. Я. Исторические исследования о Костромской стороне, представленные Преосвященнейшим костромским Леониду и Филофею, для комиссии, учрежденной по программе Святейшего Синода, для составления церковно-исторического описания Костромской епархии. 1851–1855. См.: ОР РНБ. Тит. 4021. Л. 58.

⁹ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого [...] по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената, в Царствующем Санктпетербурге в лето от Рождества Христова 1721. Л. 54 об.

¹⁰ ОР РНБ. Тит. 4021. Л. 62.

терпением переносил все затруднения и ещё при своей жизни имел удовольствие малороссиян заменить питомцами Костромской семинарии»¹¹. Первым из них стал Иоанн Красовский. Чтобы приохотить детей духовенства к образованию, владыка содержал семинаристов на казённом коште.

Смерть прервала труды архипастыря летом 1769 г.; сменивший его Симон (Лагов) тоже стал душой семинарских штудий. Он поощрял учебные занятия учащихся «денежными вспоможениями, подарками книг», частенько пешком ходил из Ипатьевского монастыря на Запрудню «в одном подряске в белой шляпе», «а иногда проживал при ней безвыходно по нескольку дней», смотрел тетради казённых учеников, проверял упражнения¹². Надо при этом учесть, что не было в ту пору ещё ни Костромской губернии, ни наместничества, и владыка – первое по статусу лицо в городе.

В то же время преосвященный «сообщал учёную ревность» и преподавателям семинарии: «кого он видел к тому способным, тем он делал учёные препоручения, со всем радушием снабжал их наставлением и материалами»¹³. Одним из таковых препоручений можно считать работу Иоанна Красовского над рукописью «Истории костромской иерархии», которую можно считать первым в Костроме краеведческим трудом, созданным в соответствии с методами исторической науки того времени.

Примечательно то, что за всем стоит личная заинтересованность владыки именно в формировании у семинаристов потребности в интеллектуальной деятельности. Этому же способствовало создание при семинарии немалой библиотеки. Складывалась традиция, в соответствии с которой архипастыри завещали семинарии свои книжные собрания.

Первоначально библиотека хранилась в семинарском деревянном доме, что представлялось неудобным. В 1772 г. Симон (Лагов) устроил для неё новое помещение: в нижнем этаже каменной Спасо-Запрудненской церкви¹⁴. В 1775 г. семинария сгорела, книги же, благодаря переводу в каменное помещение, остались целы¹⁵.

Приходя из родительского дома диковатыми пареньками, мало отличаясь от своих крестьянских сверстников, семинаристы попадали в среду, во многом ориентированную на светскую культуру. Они читали поэмы Овидия и Цицерона, писали стихи (это входило в обязательную программу занятий), читали книги семинарской библиотеки («Ибо без

¹¹ Там же. Л. 65–66.

¹² Там же. Л. 87.

¹³ Там же. Тит. 4013.

¹⁴ КОИАХМЗ. КОК 25126 (Материалы для истории Костромской семинарии. Отд. 2). Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 24 об.; Диев М. Я. Первое столетие Костромской епархии. См.: ОР РНБ. Тит. 4015. Л. 81–82.

библиотеки, как без души академия»¹⁶), среди которых было много книг светского содержания. Достаточно сказать, что только библиотека преосвященного Евгения (Романова), поступившая в семинарское книгохранилище, содержала переводы на русский язык трудов Монтеня, Вольтера, французских энциклопедистов.

Все попытки обустроить территорию Спасо-Запрудненского монастыря¹⁷ не могли изменить главного: старые здания ветшали. Требовались меры кардинальные, и в 1798 г. семинария была на 5 лет переведена в Ипатьевский монастырь¹⁸. За это время, к 1802 г., для неё на Запрудне было отстроено два «огромных» деревянных корпуса. Один из них предназначался для учебных классов, другой – для учителей¹⁹. По описанию Н. О. Андроникова, в одной из восьми комнат «классических покоек» помещалась публичная аудитория для диспутов и выпускных экзаменов²⁰. Появление этого помещения свидетельствовало о стремлении сформировать в семинарии и вокруг неё «общественный дух». Одним из средств для этого стало проведение открытых экзаменов, которые становились событием для всего города, собирая множество публики. Их называли «рацеи на препотах».

Традиция публичных экзаменов сохранилась до 20-х гг. XIX в.²¹, когда семинария после пожара в декабре 1813 г. была переведена в город: старшие классы – в Богоявленский монастырь, младшие – в один из соборных домов на кремлевском холме²².

Наряду с устроением Костромской семинарии владыки прилагали усилия к созданию сети начальных духовных школ. Ещё Дамаскин (Аскаронский) при каждом из семи духовных правлений весной 1760 г. открыл начальные школы для обучения «азбуке, букварю, заповедям Божиим, часослову, псалтири, шестодневу, церковному уставу и нотному пению»²³. Вероятно, первые училища в уездах также ненадолго пережили своего создателя и закрылись, не встречая поддержки на местах.

Позже на их месте были созданы духовные училища – центры образования и образованности в уездах. Так, в 1791 г. были открыты духовные училища в Нерехте, а также при монастырях – Галичском Пасиевом, в Тихоновом Лухском и в Макарьевском Унженском. Преосвященный Павел (Зернов), распорядившийся об их создании, объяснял это так: всех желающих поселить в семинарских покаях

¹⁶ Духовный регламент... Л. 49 об.

¹⁷ ОР РНБ. Тит. 4015. Л. 82.

¹⁸ Там же. Тит. 4021. Л. 94–96.

¹⁹ Там же. Л. 97.

²⁰ Андроников Н. Указ. соч. С. 32.

²¹ ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 129. Л. 41.

²² Там же. Д. 115. Л. 41.

²³ ОР РНБ. Тит. 4021. Л. 60.

невозможно, и «дабы не отнять ревность у желающих продолжить науки, долгом поставляем мы [...] завести в епархии нашей ещё училища...». Способных к наукам после училищ предполагалось рекомендовать в семинарию²⁴. Так училища стали не просто подготовительным звеном, но и местом отбора лучших.

По отчёту о ревизии 1824 г. трёх училищ одного из преподавателей Костромской духовной семинарии Н. Соснина, можно судить о том, что главным предметом были древние языки, а главным навыком считался перевод²⁵.

По окончании семинарии лучшие поступали в духовные академии Москвы и Петербурга, а в начале XIX в. их стали направлять и в светские учебные заведения – по медицинской части, позже – по педагогической. Закладывалась традиция, которую Костромская духовная семинария бережно сохраняла до самого своего закрытия в 1919 г. Благодаря ей, из этих стен вышли учёные и путешественники, философы, богословы, историки, археографы, статистики, врачи, литераторы.

Но это – участь немногих, уехавших в столицы, которые давали больше возможностей для самореализации. Остальные получали сельские приходы, вынуждены были жить сельским трудом, который только и позволял прокормить семью. Кому-то удавалось и там реализовать свой интеллектуальный голод, они становились членами-корреспондентами столичных учёных обществ, Костромского губернского статистического комитета, позже – Костромской учёной архивной комиссии. Священно- и церковнослужители писали церковно-приходские летописи, посылали заметки в Костромские губернские, а в конце столетия – и в епархиальные ведомости.

Священник Симеон Костров во второй четверти XIX в. служил в храме с. Романцева Буйского, в имении известного масона Н. М. Сипягина. Он писал своему другу, учёному протоиерею Михаилу Диеву в Нерехту, что он пытался выяснить у бывших учеников своих, «не представляет ли кто предначертания к изъяснению сельского катехизиса, не собирает ли кто учёных новых книг, не старается ли кто о заведении училища?», – и, получив отрицательный ответ, горестно восклицал: «О, семинария, семинария! Для всех сынов твоих матери щедроты твои изливались одинаково, отчего же появились у тебя пасынки? Где учение, где образование? Соха и косуля унесли всё, серп и коса заменили место всех языков и всех предметов»²⁶.

Таким образом, семинарии создавались для «ошколивания» будущих священников, ибо, по словам Феофана (Прокоповича), составителя

²⁴ КОИАХМЗ. КОК 25126. Л. 94.

²⁵ ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 97. Л. 155.

²⁶ ОР РНБ. Тит. 4898.

Духовного регламента, «когда нет света учения, нельзя быть доброму церкви поведению, нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, ещё же и раздорам, и пребезумным ересям»²⁷, «убо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание»²⁸.

Начиная с появления первых епископов на созданной в 1744 г. костромской кафедре, ими прилагались значительные личные усилия к созданию духовных учебных заведений, как в Костроме, так и в уездных городах епархии. Очевидно намерение привить стремление к интеллектуальной деятельности, для чего там создавалась особая атмосфера, в которой ценились науки и искусства, поддерживались и воспитывались исследователи. Критерием успешности можно признать количество учёных, профессионально занятых в сфере производства и трансляции новых знаний. Именно выпускники семинарии составили впоследствии славу губернии. Историк семинарии с гордостью замечал: «в состав вновь открытой Российской Академии в 1783 г. и в число 14 членов новооткрытой Академии – представительницы отечественного просвещения, поступили три воспитанника Костромской Духовной семинарии, Протоиереи: Иван Иванович Красовский, Георгий Михайлович Покровский и священник Иван Иванович Сидоровский. Всех членов духовенства было шестеро, следовательно, половина из них костромских»²⁹. В 1791 г. И. И. Красовский был удостоен золотой медали за свои учёные труды.

Учёные диспуты учащихся и экзамены выпускников семинарии свидетельствовали о стремлении к созданию «сферы публичности», одного из признаков «гражданского общества». И это удалось, они становились событиями в жизни города. Лишь к 30-м гг. XIX в. набравшая вес Костромская гимназия оттеснила в жизни Костромы семинарию на второй план. Да и то можно сказать, что становление нового, светского уже среднего учебного заведения во многом было обязано выпускникам и преподавателям семинарии, взявшим на себя чтение классических языков и некоторых гуманитарных курсов³⁰.

²⁷ Духовный регламент... Л. 42 об.–43.

²⁸ Там же. Л. 43.

²⁹ Описание библиотеки Кафедрального Успенского собора // Костромские губернские ведомости. 1858. № 27. 12 июля. С. 264:

³⁰ Андроников Н. Указ. соч. Паг. 2.

Митрополит Новгородский Амвросий (Подобедов) как деятель духовного образования XVIII – начала XIX в.

О митрополите Амвросии (Подобедове) существует довольно значительная литература, в том числе две больших биографии – И. А. Чистовича и К. Я. Лаврова¹. Последние по времени материалы о нём были представлены на конференции, посвященной 190-летию со дня кончины преосвященного Амвросия, состоявшейся в Новгородском духовном училище в Свято-Юрьевом монастыре 13 сентября 2008 г.², и в докладах на Кадашевских чтениях в Москве³.

О духовном образовании конца XVIII – начала XIX в. тоже много писали. Это работы С. К. Смирнова, И. А. Чистовича, Е. М. Прилежаева, П. В. Знаменского, Б. В. Титлинова⁴. Из современных работ следует указать статью свящ. М. Козлова⁵. Последние материалы и литература по этому вопросу представлены в работах доктора церковной истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н. Ю. Сухой⁶. Несмотря

¹ *Чистович И. А.* Преосвященный Амвросий Подобедов, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский // Странник. СПб., 1860. Май. С. 148–212; Июнь. С. 216–245; *Лавров К. Я.* Митрополит Амвросий Подобедов. Очерк его жизни и деятельности // Русский архив. 1904. Кн. 1. С. 193–231.

² Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов), 1742–1818. К 190-летию со дня кончины высокопреосвященного Амвросия: материалы науч. конф. Великий Новгород, 13 сентября 2008 г. М., 2010.

³ *Малкин С. А.* Митрополит Амвросий (Подобедов) и Московские духовные школы // Кадашевские чтения: сб. докладов конф. М., 2008. Вып. 3. С. 37–50; *Малкин С. А.* Эпистолярное наследие митрополита Новгородского Амвросия (Подобедова) // Там же. М., 2010. Вып. 6. С. 216–225; *Малкин С. А.* Род и предки митрополита Новгородского Амвросия (Подобедова) // Там же. М., 2010. Вып. 7. С. 164–175.

⁴ *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии до её преобразования (1814–1870). М., 1879; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857; *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894; *Прилежаев Е. М.* Царствование Александра I в истории русской духовной школы. СПб., 1878; *Знаменский П. В.* Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. Казань, 1878; *Титлинов Б. В.* Комитет духовных училищ 1807–1808 гг. и училищные уставы // Христ. чт. 1908. № 3. С. 422–447.

⁵ *Козлов М., свящ.* Духовное образование в России. XVII–XX вв. // ПЭ. М., 2000. Т. РПЦ. С. 407–426.

⁶ *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный: сб. ст. по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX в. М., 2007; *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М., 2009.

на обширную литературу, мне хотелось бы остановиться на некоторых фактах деятельности митрополита Амвросия, сведения о которых содержатся в документах, найденных мною в архивах⁷.

Митрополит Амвросий (Подобедов) родился 30 ноября 1742 г. и был наречён Андреем в честь апостола Андрея Первозванного. В мае 1757 г. Андрей Подобедов был принят в Троицкую Лаврскую семинарию, где учился до 1765 г. В этом году, будучи ещё учеником богословского класса, Андрей Подобедов заменял преподавателя высшего латинского класса⁸. 18 ноября того же года Андрея зачислили катехизатором и библиотекарем⁹. 25 июня 1767 г. он был назначен преподавателем низшего латинского класса.

12 февраля 1768 г. Андрей принял постриг с именем Амвросия и был рукоположен в иеродьякона. В августе этого же года, по указу Св. Синода¹⁰, был перемещён вторым проповедником в Московскую Славяно-греко-латинскую академию, где три года с успехом исполнял эту должность. 5 сентября 1771 г. иеромонах Амвросий был назначен префектом академии и преподавателем философии. 4 октября 1771 г. по указу Синода¹¹ префект Амвросий (Подобедов) произнёс надгробное слово на похоронах убитого во время бунта московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского). Он говорил о вреде суеверий, жертвой которых пал московский архиерей. Текст этого Слова был напечатан в Москве¹² и Петербурге, а также – отдельным изданием на немецком языке в Ревеле¹³. Через год иеромонах Амвросий на годичном поминовении архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского) произнёс ещё одну проповедь, которая также была напечатана¹⁴. С тех пор стали появляться как отдельными изданиями, так и в сборниках¹⁵, проповеди Амвросия, а сам он стал

⁷ РГИА, РГАДА, НИОР РГБ, ИР НБУВ.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 757. Картон 17. Д. 16.

⁹ Там же. Д. 25.

¹⁰ РГИА Ф. 796. Оп. 49. Д. 176. Л. 16–16 об.

¹¹ Там же. Ф. 796. Оп. 52. Д. 337. Л. 5 об.

¹² Слово, сказыванное при погребении преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского. М., 1771.

¹³ Rede bey der Beerdigung Sr. Hochwürden des Herrn Ambrosii, Erzbischofs von Moscau und Kaluga: (gehalten im Donschen Closter den 4-ten Oct. 1771) / (Nach dem in Moscau gedruckten Russischen Original übersetzt vom Hofrath Chr. Fr. Völckner). Reval, 1771.

¹⁴ Слово на годишном поминовении преосвященного Амвросия, убиенного архиепископа Московского и Калужского, сказыванное Московской академии префектом и философии профессором иеромонахом Амвросием в ставропигиальном Донском монастыре сентября 15 дня 1772 года. М., [1772].

¹⁵ В день празднуемого пророка // Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни. М., 1775. С. 120–125.

известным проповедником. А. П. Сумароков писал о нём: «он не только обещает, но уже и есть отличный ритор, и всеконечно достоин быть участником Феофановых и Платоновых лавров, и шествуя по стопам их выше Гедеона превознесется»¹⁶, а Н. И. Новиков включил статью о нём в словарь Российских писателей¹⁷.

При подготовке первого издания своих проповедей митрополит Амвросий 21 июня 1809 г. писал епископу Евгению (Болховитинову): «Воскресных и лучших [проповедей] много пропало в чуму за смертью попов, бравших [их] для списков»¹⁸.

В конце 1773 г. указом Св. Синода префекту иеромонаху Амвросию поручено было преподавание богословия и «смотрение» за академией и братией Заиконоспасского монастыря¹⁹. В августе 1774 г. Амвросий был назначен ректором академии и рукоположен в архимандрита Заиконоспасского монастыря. За время ректорства Амвросий составил учебник «Руководство к чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета»²⁰, который был издан, когда Амвросий был уже епископом. В 1803 г. вышло его второе издание с названием «Краткое руководство»²¹. Учебник был очень востребован и потому регулярно переиздавался; последнее, шестое издание было выпущено в 1840 г., а кроме того, два издания появились в Киеве.

В 1775 г. протектор и полный директор академии, архиепископ Московский Платон (Левшин) потребовал от ректора Амвросия (Подобедова) представить программу преподавания в академии. Программа была представлена 10 января 1776 г. и с небольшими поправками Платоном утверждена²². В ней содержались подробные указания для всех предметов: богословия, философии, риторики, пиитики, латинского языка в синтаксическом классе, высшем и низшем грамматических классах, по географии и информатории, а также по древнегреческому, древнееврейскому, немецкому и французскому языкам.

Недостатком существующей в Московской академии системы преподавания было то, что она объединяла в себе низшую, среднюю и высшую школы. 25 октября 1777 г. Св. Синод представил императрице

¹⁶ Сумароков А. П. О Российском духовном красноречии // Полное собрание сочинений в стихах и прозе / собр. и изд. Н. Новиковым. М., 1787. Т. 6. С. 275–284.

¹⁷ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о Российских писателях. СПб., 1772.

¹⁸ ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 464П/606С. Л. 178.

¹⁹ Скворцов Н. А., прот. Архив Московской Св. Синода Конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. М., 1914. Вып. 2. С. 127.

²⁰ Руководство к чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1779.

²¹ Краткое руководство к чтению книг Ветхого и Нового Завета. М., 1803.

²² ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 461П/175С. Л. 2–15 об.

Екатерине II доклад²³, в котором предлагал сделать Московскую академию только высшим учебным заведением. В этом докладе предлагалось каждой из 33 епархиальных семинарий раз в шесть лет посылать в академию трёх лучших, закончивших курс обучения, учеников для подготовки их к учительским должностям в своих семинариях. При этом предлагалось дополнить программу академии новыми предметами и упразднить классы, в которых изучался латинский язык, так как ученикам он уже был достаточно известен. Как и прежде, должны были изучаться: богословие, философия, риторика, стихотворство и языки – древнееврейский, древнегреческий, немецкий и французский. «Синод необходимым почитает сверх того преподавать первые части математики, экспериментальную физику, историю гражданскую и натуральную, краткое руководство по медицине и ботанике, также нужнейшие правила экономии гражданской и семейной, а к истории церковной совокупить руководство о учреждениях первенствующей церкви и о соборах»²⁴. Хотя императрица не дала хода этому начинанию Синода, впоследствии наброски этого плана были использованы при подготовке реформы духовных учебных заведений 1808–1814 гг.

5 июля 1778 г. архиепископ Новгородский и Петербургский Гавриил (Петров) и архиепископ Московский Платон (Левшин) рукоположили Амвросия в епископа Севского и Брянского, викария Московской епархии. Тогда же, в Санкт-Петербурге был решён вопрос об устройстве в Севске семинарии. 27 июля 1778 г. Св. Синод, на основании представления епископа Амвросия (Подобедова), представил императрице доклад об устройении в Севске семинарии для обучения священно- и церковнослужительских детей, с просьбой положить на её устройство две тысячи рублей. 2 августа императрица утвердила доклад, а 17 августа Синод издал указ об устройении Севской семинарии²⁵. Занятия в семинарии начались 6 октября. Поначалу в ней было 70 учеников, а к концу первого учебного года 350 человек²⁶. В том же году Амвросий устроил духовное училище в Орле. В следующем году он просил разрешения открыть семинарию в Брянске, но Синод разрешил открыть только духовное училище.

В 1781 г. Синод издал указ о назначении Амвросия постоянным членом Московской синодальной конторы с окладом, положенным архиерею. В марте 1782 г. он был переведён на Крутицкую кафедру. Семинария Крутицкой епархии находилась в плачевном состоянии из-за

²³ РГАДА. Ф. 18. (Духовное ведомство). Оп. 1. Д. 47. Ч. 9. Л. 56–61.

²⁴ Там же. Л. 58.

²⁵ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XX. С. 710.

²⁶ *Пясецкий Г. М.* История Брянской епархии с древнейших времен до 1820 г. Брянск, 2011. С. 314.

недостаточного финансирования. Амвросию удалось через Синод получить финансирование – две тысячи рублей в год, и занятия в Крутицкой семинарии возобновились. Также Амвросий открыл училища в Пафнутьев-Боровском и Белёвском Спасо-Преображенском монастырях.

В 1785 г. императрица Екатерина II назначила Амвросия архиепископом Казанским. Там он сразу же занялся вопросами духовного образования. В Казани семинария была в хорошем состоянии. Два предыдущих архиерея – Лука (Конашевич) и Вениамин (Пуцек-Григорович) – заботились о ней. Однако Амвросию удалось настолько повысить уровень образования в семинарии, что она в 1797 г. была преобразована в духовную академию²⁷. Для этого, во-первых, он перевёл в семинарию трёх новых преподавателей – Гедеона (Замыцкого), Амвросия (Яковлева-Орлина) и Ксенофонта (Троепольского), которые в разное время становились её ректорами²⁸. Во-вторых, лучших семинаристов он посылал для продолжения обучения в Московскую академию, в Троицкую лаврскую семинарию и в Санкт-Петербургскую Главную семинарию. В-третьих, в Казани Амвросий восстановил несколько зданий семинарии, пострадавших от пожара 1774 г. и, наконец, существенно пополнил библиотеку семинарии. В результате за время пребывания Амвросия в Казани число учащихся в семинарии увеличилось с 200 до 500 человек. Ещё важнее увеличения общего числа учащихся было то, что большое количество семинаристов стало оканчивать богословский класс и рукополагаться в хорошие приходы. Так, в 1795 г. из богословского класса было выпущено 8 священников и 3 дьякона, 12 человек стали дьячками и 10 пономарями²⁹. В 1799 г. 23 выпускника преобразованной в академию семинарии стали священниками. Но для Казанской епархии, в которой было 1100 приходов, этого было очень мало, так что многие священники ставились без образования.

В конце 1795 г. Амвросий был вызван в Петербург для присутствия в Синоде, так как предполагалось начать реформу духовных учебных заведений. Но эта реформа не состоялась из-за смерти Екатерины II 6 ноября 1796 г.

18 декабря 1797 г. император Павел I издал указ о преобразовании в духовные академии Санкт-Петербургской и Казанской семинарий.

²⁷ *Лукаков Е. В.* Митрополит Амвросий и Казанские духовные школы // Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов)... С. 98.

²⁸ Ректорами Казанской семинарии были: в 1787–1792 гг. – Гедеон (Замыцкий); в 1792–1794 гг. – Амвросий (Яковлев-Орлин); в 1794–1799 гг. – настоятель Свяжского Успенского монастыря Сильвестр (Либединский), (с 25.07.1797 ректор академии); с 24.08.1799 г. по 15.01.1800 г. – Ксенофонт (Троепольский).

²⁹ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1903. Т. 19. Вып. 3–4. С. 30–31.

27 января 1798 г. Синод начал реформу преподавания в духовных академиях³⁰ указом, который, в частности, предписывал Санкт-Петербургскому, Московскому, Киевскому митрополитам и Казанскому архиепископу прислать в Синод не только сведения о порядке преподавания в соответствующих академиях, но и «какие должны преумножаться в них науки, с назначением и купно суммы на жалование учителям и содержание студентов». По получении отчётов всех архиереев Синод издал указ³¹, в котором кратко определялись программы по всем предметам. В программе по богословию указывалось: излагать «... в классе ... богословском же краткую церковную историю, с показанием главных эпох, герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословии и пасхалию; сверх того читать Священное Писание, с объяснением труднейших мест, да книги: Кормчую, и о должностях приходского священника; толковать публично по воскресным дням перед литургией апостольские послания по правилам герменевтики, с присоединением нравоучений. А между тем ... упражнять студентов ... сочинением проповедей, и заставлять ... признанные достойными говорить ... в церкви». В этом же указе определялись академические округа, и предписывалось лучших студентов семинарий посылать в академию своего округа для усовершенствования в науках и подготовке к учительским должностям.

16 октября 1799 г. Амвросий назначается архиепископом Санкт-Петербургским, Эстляндским и Выборгским. 19 декабря 1800 г. он становится архиепископом Новгородским и Санкт-Петербургским. 10 марта 1801 г. Павел I подписал указ о возведении архиепископа Амвросия в сан митрополита Новгородского, а в ночь на 12 марта император был убит заговорщиками.

Если Екатерина II и особенно Павел I благоволили к Амвросию, то Александр I не любил его и даже собирался сместить. Служение в качестве первенствующего члена Св. Синода для Амвросия (Подобедова) в царствование Александра I стало очень трудным, как об этом свидетельствовали его ближайшие помощники. Так, Евгений (Болховитинов) писал: «О нашей главе до сих пор ничего неизвестно. Скучен и уединён. Носится слух, что Петербургская епархия опять будет отделена от Новгородской, и нам обещают архиепископа Павла. Что будет – лучше обождать, чем предсказывать»³². Свт. Филарет (Дроздов) в своих

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 79. Д. 35.

³¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя Павла I. 6 ноября 1796 г. – 11 марта 1801 г. Пг., 1915. С. 303–307.

³² Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю В. И. Македонцу // Русский архив. 1870. № 1–6. С. 779.

воспоминаниях писал: «Преосвященный Амвросий чувствовал тяжесть своего положения»³³.

Став Новгородским архиереем, Амвросий активно занялся вопросами духовного образования в Новгородской епархии³⁴. В частности, в 1801 г. он восстановил три старших класса Новгородской семинарии. Внимание митрополита Амвросия к вопросам духовного образования в Новгородской епархии подтверждается его письмами. Так, в 1801–1802 гг. он писал³⁵ Новгородскому викарию, епископу Старорусскому Антонию (Знаменскому): «Проект о содержании семинарии рассмотрю, а между тем продолжайте по заведённому»³⁶. «С о. ректором здешним послал я штат для семинарии обратно с тем, чтобы Вы вновь рассмотрели обстоятельства и представили формально. ... Расположите штат так, чтобы до 1000 р. употреблять на содержание полное, другую на пищу, третью на раздачу в жалование, четвертую на дрова и прочее. Но, покуда такового расписания не будет утверждено, прикажите поступать по-прежнему, как я уже написал к Вам сначала»³⁷. «Штат для содержания учителей: 160 человек учеников, полагая на 4 человека из оных полное содержание, на 4 – пищу на сколько станет, 800 р. жалование и служителей с прочими служащими. Примерное содержание семинарии во всех частях из 8000 р.»³⁸. «С определением в Кирилловский монастырь здешнего о. архимандрита Вениамина (Жукова) расположились и там завести семинарию, отделяя на оную процент денег. ... Белому духовенству и окольных уездов объявите, чтобы они детей своих в Новгород уже не привозили, разве которые сами захотят, а отдавали бы в Кирилловскую семинарию³⁹, когда о том им будет объявлено. О сём уведомить их поскорее»⁴⁰.

Епископу Старорусскому Евгению (Болховитинову) митрополит писал: «Старорусскую программу отдал я в академию. С успехами поздравляю»⁴¹. И позднее: «... чтобы из консистории и семинарии дела присылаемы ко мне были по осмотре Вашем. Об открытии училищ

³³ Из воспоминаний святителя Филарета // *Свт. Филарет (Дроздов)*. Избранные труды; Письма; Воспоминания. М., 2003. С. 797.

³⁴ *Жервэ Н. Н.* Митрополит Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов) и духовное образование в Новгородской епархии // Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов)... С. 72–87.

³⁵ ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 464 П/606С. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 2. Письмо от 14 января 1801 г.

³⁷ Там же. Л. 3. Письмо от 1 февраля 1801 г.

³⁸ Там же. Л. 9об. Письмо от 6 марта 1801 г.

³⁹ Кирилловское училище – основа будущей семинарии – было торжественно открыто 9 марта 1802 г.

⁴⁰ ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 464П/606С. Л. 27 об. Письмо от 27 января 1802 г.

⁴¹ Там же. Л. 39. Письмо от 7 января 1807 г.

ожидать буду общего доношения»⁴². «Постановление Ваше для Старорусского училища одобрено и утверждено мною. Станет ли протопоп во всё вникать и всему быть душою. ... Прикажите строго наблюдать за певчими и школьниками домашними, равно и на семинарию чаще взор Ваш обращайтесь»⁴³.

В Новгородскую семинарию ректору Иннокентию (Тихомирову) и префекту Амвросию (Орнатскому) владыка Амвросий писал: «Получа репорт ваш, как о совершении экзаменов, так и диспутов обоих, приемлю труды ваши с особливым удовольствием и благодарностью, каковое мое чувство изъявите и г. учителям, сподвижникам вашим. Желая, дабы время, взятое на отдохновение, послужило вам и прочим учащим и учащимся на обновление душевных и телесных сил»⁴⁴.

С 1801 по 1808 гг. митрополиту Амвросию удалось восстановить или учредить духовные училища в 10 уездах Новгородской губернии. Он восстановил в Кирилло-Белозерском монастыре семинарию, которая просуществовала до реформы 1808 г., после чего стала духовным училищем. За время пребывания Амвросия Новгородским архиереем в епархии было открыто 100 приходских училищ, некоторые из них – на деньги и в домах священнослужителей Новгородской епархии⁴⁵.

В 1800 г. у владыки Амвросия появился очень деятельный помощник – Евгений (Болховитинов), будущий митрополит Киевский и Галицкий. Амвросий вызвал Евгения из Воронежа в Санкт-Петербург и определил его префектом Александро-Невской академии и профессором философии, а 11 марта 1800 г. – архимандритом Троицкого Зеленецкого монастыря. 17 января 1804 г. Евгений (Болховитинов) был хиротонисан во епископа Старорусского, vicария Новгородской епархии.

Попытки реформировать духовное образование в течение двух предыдущих царствований не решили многих его проблем. По-прежнему качество преподавания в семинариях зависело от того, заботится ли епархиальный архиерей о своей семинарии. Существовал большой разбой в программах, уровне преподавания и быта учащихся. В начале царствования Александра I была предпринята ещё одна, но теперь удачная, попытка реформирования системы духовного образования⁴⁶.

⁴² Там же. Л. 47. Письмо от 15 марта 1807 г.

⁴³ Там же. Л. 56 об. Письмо от 3 мая 1807 г.

⁴⁴ Там же. Л. 69 об. Письмо от 19 июля 1807 г.

⁴⁵ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 375 (О заведении духовных училищ в Новгородской епархии). В частности, на л. 13–18 об. дело по прошению священника Троицкой церкви г. Устюжна Иоанна Фёдорова о разрешении ему устроить училище в собственном доме.

⁴⁶ *Страхова Я. А.* Митрополит Амвросий Подобедов и митрополит Евгений Болховитинов: реформа духовных училищ // Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов)... С. 118–127.

На основании Высочайшего повеления от 28 ноября 1804 г.⁴⁷ Св. Синод поручил митрополиту Амвросию составить план преобразования духовных учебных заведений. Митрополит Амвросий в свою очередь поручил эту работу Старорусскому епископу Евгению (Болховитинову)⁴⁸. Для того, чтобы Евгений получил исходные данные к составлению этого плана, Синод указом потребовал от архиереев предоставить сведения о программах и штатах своих духовных семинарий и академий. Все эти материалы⁴⁹ были переданы владыке Евгению. В 1806 г. он составил проект, который через обер-прокурора Св. Синода князя А. Н. Голицына, был представлен государю. Александр I несколько раз вызывал епископа Евгения во дворец, где тот читал ему главы своего проекта. В результате проект был императором одобрен, а епископ Евгений награждён орденом Анны I степени. По императорскому указу был организован Комитет для составления плана преобразования духовных училищ и материального обеспечения белого духовенства.

Суть предложений владыки Евгения состояла в централизации управления духовными учебными заведениями и унификации системы образования. Для этого предлагалось организовать при Синоде Комиссию духовных училищ, которая должна управлять четырьмя духовными академиями; академии – епархиальными семинариями, входящими в академический округ; семинарии – уездными духовными училищами своей епархии, а уездные училища – приходскими училищами. Академии должны готовить преподавателей семинарий и высшее духовенство, семинарии – приходское духовенство и преподавателей училищ, уездные училища – студентов семинарий и церковнослужителей, а приходские училища – осуществлять начальное обучение грамоте.

Проект епископа Евгения состоял из двух частей: «Историческое обозрение о всех духовных училищах донныне последовавших учреждений и распоряжений» и «Начертание духовных училищ». Первая часть проекта владыки Евгения была им переделана и вошла в «Историю Российской иерархии»⁵⁰ под заглавием «Всеобщее

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 85. Д. 840.

⁴⁸ «Митрополит зовёт меня на Святки в Питер для совету о затеваемой реформе Духовных Академий». См.: Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю В. И. Македонцу... С. 841.

⁴⁹ ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 461П/175С (Материалы для истории духовных школ, и особенно для преобразования духовных училищ в 1807 г.).

⁵⁰ *Амвросий (Орнатский)*. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. М., 1807–1815. Ч. 1–6.

хронологическое обозрение начала и распространения духовных Российских училищ, с показанием всех бывших о них учреждений и указов». Митрополит Амвросий переслал первую часть проекта преосвященного Евгения для ознакомления М. М. Сперанскому⁵¹.

3 декабря 1807 г. Комитет начал заседать в митрополичьих покоях в Александро-Невской Лавре⁵². В него вошли: митрополит Амвросий (Подобедов), архиепископ Рязанский Феофилакт (Русанов), духовник императора Сергей Краснопевков (который скончался, не дожив до конца работы Комитета), обер-священник армии и флота Иоанн Державин, обер-прокурор Св. Синода А. Н. Голицын и статс-секретарь М. М. Сперанский.

Всего заседаний Комитета было девять. На первом заседании обер-прокурор объявил указ о том, что Комитет должен заниматься проектом преобразования духовных училищ и проектом материального обеспечения белого духовенства. Нас более всего интересуют два последующих заседания Комитета: 5 и 10 декабря (посвящённых рассмотрению проекта «Начертание духовных училищ»). Рассмотрение плана закончилось 14 декабря. На заседании 31 декабря Комитет рассматривал штатные расписания и источники финансирования духовных училищ. Три заседания в 1808 г. были посвящены вопросам материального обеспечения белого духовенства, а последнее заседание, которое состоялось 4 июля 1808 г., – рассмотрению итогового документа Комитета, который назывался «Доклад о усовершенствовании духовных училищ и начертание правил о образовании сих училищ и содержании духовенства, при церквях служащего»⁵³.

С. Г. Рункевич сильно преувеличил значение участия М. М. Сперанского в работе Комитета⁵⁴. Современные последователи Рункевича зашли ещё дальше, утверждая, что Сперанский практически один сочинил всю реформу, приписывая ему даже организацию академических округов, определённых указом 1798 г. Поскольку Сперанский писал итоговый Доклад Комитета, более осторожные исследователи затрудняются

⁵¹ РГИА. Ф. 1251 (Бумаги М. М. Сперанского). Оп. 2. Д. 12 (Историческая записка о духовных училищах Амвросия митрополита Новгородского).

⁵² В письме Н. Н. Бантыш-Каменскому от 3 декабря 1807 г. Амвросий сообщает: «Сего дни у меня в Невской Лавре откроется комитет о усовершенствовании духовных училищ». См.: ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 464П/606С. Л. 95 об.

⁵³ Доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ, и начертание правил о образовании сих училищ и содержании духовенства, при церквях служащего. СПб., 1808. Доклад был переиздан, см. также: Опись документов и дел, хранящаяся в архиве Святейшего правительствующего Синода с указателями к ней: Дела комиссии духовных училищ 1808–1839 гг. СПб., 1910. С. 1–47.

⁵⁴ Рункевич С. Г. Русская Церковь в XIX веке // История православной церкви в XIX веке. СПб., 1901. Т. 2. С. 528.

утверждать что-либо определённое о его личном вкладе в содержание итогового документа⁵⁵.

Беловой экземпляр проекта Евгения (Болховитинова) не сохранился (или не выявлен), выявлены только черновики⁵⁶. Существует печатный, неоднократно переизданный текст итогового документа и сейчас он доступен в Интернете, в Президентской библиотеке⁵⁷. Сравнение черновиков проекта епископа Евгения с опубликованным «Начертанием духовных училищ» позволит выявить его личный вклад в реформу духовных учебных заведений.

Сохранился также журнал заседаний Комитета⁵⁸. В нём подробно расписано то, что делал Комитет по поводу второй части проекта епископа Евгения, т. е. «Начертания духовных училищ». На двух заседаниях Комитета (5 и 10 декабря) «Начертание духовных училищ» рассматривалось по частям, каждый раз в журнале отмечалось, что в целом рассматриваемая часть проекта одобряется и принимается, однако, Комитет имеет определённые поправки. Далее приводятся эти поправки к отдельным параграфам. Все эти поправки носят редакционный, не принципиальный характер. Всего Комитетом в эту часть проекта внесено 27 редакционных поправок. Все эти поправки напечатаны в соответствующих параграфах результирующего «Начертания духовных училищ»⁵⁹. Кроме того, в сокращённом виде первая часть проекта Евгения (Болховитинова), т. е. «Историческое обозрение...», вошла в Доклад Комитета. Поэтому не обосновано считать роль М. М. Сперанского определяющей в работе Комитета.

Итоговый документ был представлен Александру I, и 26 июня 1808 г. был утверждён. Комитет получил благодарность императора и был распущен, а все его члены перешли в постоянно действующую Комиссию духовных училищ, на которую была возложена задача реализации реформы. За благополучное решение задач, поставленных перед Комитетом, митрополит Амвросий (Подобедов) получил орден Владимира I степени, а М. М. Сперанский – орден Владимира II степени.

Благодаря за поздравление с орденом, митрополит Амвросий писал 25 августа 1808 г. Вологодскому епископу Евгению (Болховитинову): «План прочитав, думаю, усмотрели, что тут много нашего»⁶⁰. Представляется, что слова «много нашего» означают, что митрополит Амвросий активно участвовал в разработке проекта епископа Евгения (Болховитинова).

⁵⁵ Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный... С. 24.

⁵⁶ ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 461П/175С.

⁵⁷ <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=48812>

⁵⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1.

⁵⁹ См.: Доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ... С. 57–98.

⁶⁰ ИР НБУВ. Ф. 312 (Соф). Д. 464П/606С. Л. 139–139 об.

В Комиссии духовных училищ началась разработка уставов. Сперанский разработал первую часть устава о внутреннем управлении духовных академий. Митрополиту Амвросию и архиепископу Феофилакту была поручена материальная часть этой реформы: «составление проекта об удобнейшем и лучшем устройстве продажи свечей»⁶¹. После разработки первой части академического устава Сперанский от дальнейшего участия в Комиссии духовных училищ отказался. Оставшиеся части устава разрабатывал архиепископ Феофилакт⁶². В 1809 г. состоялось открытие Санкт-Петербургской духовной академии по новому Уставу. Был укреплен её преподавательский корпус. Было решено, что сначала вся система, разработанная Комитетом духовных училищ, будет опробована на одной Санкт-Петербургской академии, а также семинариях и училищах подчинённого ей округа. Когда выяснится, что все преобразования прошли успешно, то этот опыт преобразования можно будет распространить на остальные академии с соответствующими академическими округами.

Из Московской Славяно-греко-латинской академии и из Троицкой лаврской семинарии лучших преподавателей перевели в Санкт-Петербургскую духовную академию. Им поручали разработку курсов лекций по новым предметам. Ректором был назначен Евграф (Музалевский-Платонов) (с ноября 1808 г. по ноябрь 1809 г.), который довольно скоро умер⁶³. Потом из Москвы был переведён новый ректор Сергей (Крылов-Платонов)⁶⁴, (с января 1810 г. до марта 1812 г.).

В 1814 г. состоялся первый выпуск воспитанников академии, в связи с чем ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов) и инспектор академии архимандрит Филарет (Амфитеатров) получили степень доктора богословия. Три архиерея – Амвросий (Подобедов), Серафим (Глаголевский) и Михаил (Десницкий) – получили звание почётного доктора богословия.

Отечественная война 1812 г. внесла существенные коррективы в реформу. В начале войны Комиссия духовных училищ пожертвовала на армию 1,5 млн. руб. «из прибыльной суммы от свечной в церквах

⁶¹ Идея использовать доход от продажи свечей на финансирование реформы была высказана еще Анастасием (Братановским), архиепископом Астраханским.

⁶² Описание документов и дел... С. 49

⁶³ Евграф (Ефим Музалевский-Платонов), переведённый из настоятелей Юрьева монастыря, 12 ноября 1808 г. назначен ректором академии. Умер 11 ноября 1809 г., на 41 году жизни.

⁶⁴ Сергей (Крылов-Платонов) (1768–1824) с 20 апреля 1808 г. – ректор Московской духовной академии и настоятель Московского Заиконоспасского монастыря. С 1 января 1810 г. – ректор Санкт-Петербургской духовной академии (до 03 марта 1812), и с 27 января – настоятель Новгородского Юрьева монастыря и присутствующий в Санкт-Петербургской духовной консистории.

продажи»⁶⁵. Были сделаны большие пожертвования на армию и от епархий. Необходимость восстанавливать разрушенные в зоне военных действий храмы потребовала больших затрат, на которые пошла большая часть капитала, проценты с которого предполагалось употребить на жалование белого духовенства. Вторая часть реформы, состоящая в том, чтобы обеспечить всё белое духовенство жалованием и освободить его от материальной зависимости от паствы, так никогда реализована не была.

Ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов) был введён в состав Комиссии духовных училищ, где переработал уставы академий, семинарий, уездных и приходских духовных училищ.

1 октября 1814 г. открылась действующая по новому уставу Московская духовная академия. Рассмотрение конспектов, представленных преподавателями Киевской духовной академии в Комиссию духовных училищ, привело её к выводу, что преподаватели не способны преподавать по новой программе. А так как выпускников Санкт-Петербургской духовной академии не хватало, чтобы заполнить все вакансии, то было решено временно закрыть Киевскую духовную академию. Та же участь постигла в 1818 г. и Казанскую духовную академию. Торжественное открытие реформированной Киевской академии состоялось 28 сентября 1819 г. Казанская академия открылась только в 1842 г.

В заключение необходимо отметить, что Амвросий был очень опытным преподавателем, с 13-летним стажем, прежде чем стал епископом. Будучи епархиальным архиереем, он ревностно занимался духовным образованием в подчинённых ему епархиях, организовывал новые или восстанавливал старые семинарии и училища, повышал уровень преподавания в них. Став первенствующим членом Св. Синода, Амвросий руководил подготовкой реформы духовных учебных заведений России в 1808–1814 гг. и как первенствующий член Комиссии духовных училищ руководил её реализацией в 1808–1817 гг.

⁶⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 634 (Об учинении по ведомству Св. Синода на новое ополчение пожертвований).

Л. Ю. Посохова, С. И. Посохов (ХНУ, Украина)

На пути к университету: православные коллегиумы и местное общество (XVIII – начала XIX в.)*

История возникновения университетов в разных регионах Европы современными исследователями представляется как общеевропейский процесс трансфера (или даже «экспансии») идеи университета из одной страны в другую. Этот процесс осуществлялся через сложное взаимодействие с социальной средой и местными образовательными институтами, результатом чего была адаптация идеи университета к конкретным социальным и культурно-интеллектуальным условиям определённого региона. Именно такая позиция преобладает в современной зарубежной историографии. Подобные взгляды нашли воплощение в фундаментальной работе, в центре внимания которой пребывает не история университетов, а «история университета»¹. Историки Восточной Европы демонстрируют стремление учитывать теоретические результаты исследований западноевропейских коллег и использовать их при изучении процессов распространения идеи университета в этом регионе Европы. Об этом свидетельствуют материалы нескольких международных конференций (например, конференция «Университетские концепции в Европе и России XVIII – начала XX в.», по результатам которой был опубликован сборник статей²). Важно отметить, что современные историки образования пользуются периодизацией университетской истории (предложенной Петером Моравом), согласно которой выделяют три университетские «модели», которые отвечают трём эпохам истории европейских университетов – доклассической, классической и постклассической³.

Изложенные теоретические подходы дают возможность исследователям истории идей, культурных институтов, университетов

* Исследование подготовлено в рамках международного исследовательского проекта «Ubi universitas, ibi Europa» («Трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.»), поддержанного Германским Историческим институтом в Москве и Фондом Герды Хенкель.

¹ A History of the University in Europe / ed. by W. Rugg. Cambridge, 1992–2004. Vol. 1–3.

² «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: сб. ст. / [отв. сост. А. Ю. Андреев; отв. ред. серии А. В. Доронин]. М., 2009.

³ Андреев А. Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 48.

поставить проблемы различных аспектов трансфера и адаптации «университетской идеи» в Российской империи, в том числе на украинских землях в XVIII в. Среди прочего, важным компонентом названной проблемы представляется реакция на движение западноевропейской университетской идеи в разных регионах империи, готовность местного общества к восприятию идеи университета, в том числе роль в этом процессе православных коллегиумов.

В XVIII в. на украинских землях существовали Черниговский (основанный в 1700 г.), Харьковский (1726 г.) и Переяславский (1738 г.) коллегиумы. Модель православного коллегиума была сориентирована на гуманистическую школу европейского образца, прежде всего такую её разновидность, как иезуитский коллегиум (как известно, некоторые из них со временем получили статус университетов или академий). Иезуитские коллегиумы были широко распространены в Речи Посполитой, в том числе и на украинских землях, входивших в её состав. Именно через посредничество коллегиумов, сначала иезуитских, затем православных, прежде всего Киевского (который уже в XVII в. получил статус академии), в Восточной Европе происходило знакомство с образовательными формами и традициями, укоренившимися в Западной и Центральной Европе. В современной историографии уже высказано мнение о том, что в XVII–XVIII вв. существовали два маршрута, по которым идея университета проникала в Восточную Европу: один из них вёл из южнонемецких и польских католических земель, другой – из северонемецких протестантских⁴. Результатами первого явилось возникновение Киевской и Московской академий (к которым применяют термин «православный университет»), а также названных православных коллегиумов. Второй из маршрутов привёл к возникновению Московского, и в начале XIX в. ещё нескольких университетов, которые создавались уже под влиянием немецких «модернизированных» университетов.

Характеризуя юго-восточный вектор движения университетов, следует иметь в виду, что в модели православного коллегиума была заложена возможность трансформации в университет. Западноевропейский университет «доклассического» типа в сравнении с православным коллегиумом не был принципиально иным явлением, а той формой, к которой последние вплотную приблизились в середине XVIII в. Говоря о параметрах модели православного коллегиума (которые сохранялись вплоть до начала XIX в.), имеем в виду как форму (внутреннее устройство, организацию, порядок обучения), так и содержательную часть обучения и

⁴ Андреев А. Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». С. 11; Посохова Л. Ю. Трансформация образовательной традиции в Восточной Европе XVII–XVIII вв. // Там же. С. 51.

воспитания (наполнение учебных программ, методы и приёмы обучения и воспитания). Особенно во второй половине XVIII в. круг учебных дисциплин, преподаваемых в коллегиумах, вполне сопоставим с программами европейских средневековых университетов. Программа обучения в православных коллегиумах (особенно Харьковском) несущественно отличалась от программ Московского и Петербургского академического университетов⁵. В богословских классах коллегиумов сосредоточилось специальное духовное образование, сопоставимое с курсом богословских факультетов европейских университетов.

В данном случае обратимся к изучению взаимодействия коллегиумов и местного общества. На наш взгляд, это взаимодействие было весьма плодотворно и подготовило почву для восприятия университетской идеи. Для решения этой задачи попытаемся реконструировать «каналы связи», по которым происходило взаимодействие коллегиумов с местным обществом.

В исследованиях по истории коллегиумов, которые насчитывают не один десяток работ, безусловно, содержатся упоминания о контактах этих учебных заведений с окружающим обществом. Однако, в рамках тех исследовательских задач, которые ставились историками (изучение учебно-воспитательного процесса, этапов истории, просветительской деятельности выпускников), такого рода факты хотя и приводились (в работах Д. Багалея, А. Лебедева, П. Левицкого, П. Знаменского и др.), вопросы взаимоотношений коллегиумов с социокультурной средой не становились предметом специального изучения.

К данному исследованию были привлечены, прежде всего, несколько разновидностей делопроизводственной документации коллегиумов и местных органов, источники личного происхождения, литературные памятники.

Для понимания связей и взаимоотношений православных коллегиумов с обществом, необходимо подчеркнуть, что коллегиумы были всесословными учебными заведениями. Сохранение всесословного характера коллегиумов на протяжении всего XVIII в. является весьма важной характеристикой, учитывая процессы становления сословий в империи и усиление профессионально-сословной направленности образования⁶. Также необходимо учитывать, что выпускники коллегиумов на протяжении всего XVIII в. свободно выходили как на церковную, так и светскую службу. Таким образом, отсутствие замкнутости коллегиумов связывало их тесными узами не только с духовенством, но и казацкой

⁵ *Посохова Л. Ю.* Харківський колегіум (XVIII – перша половина XIX ст.). Харків, 1999. С. 103.

⁶ *Знаменский П.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 15.

старшиной (получившей права дворянства), а также мещанством и казачеством.

Исторически сложилось так, что все коллегииумы были расположены в черте крепости, в отличие от семинарий XIX в., которые старались поместить на окраину города. Уже такое местонахождение делало их центральными элементами городской среды. Благодаря этому в городах создавались своеобразные «территории просвещения», локусы коллегииумов⁷. Поскольку в коллегииумах учились по несколько сотен студентов, то в своих городах они составляли уже значительный процент населения (по данным академика В. Ф. Зуева, в 1782 г. студенты коллегииума составляли 7% населения Харькова⁸). Такие цифры вполне сопоставимы с численностью студенчества в немецких университетских городах.

Среди наиболее важных каналов взаимосвязи коллегииумов и местного общества можно назвать «кондиции» – временное пребывание студентов классов философии и богословия в качестве домашних учителей в семьях разных социальных слоёв для зарабатывания денег на продолжение учёбы. Сохранившиеся контракты, заключающиеся со студентами, позволяют утверждать, что круг предметов преподавания зачастую далеко выходил за рамки начального образования, включая иностранные языки (латинский, французский, немецкий, польский), историю и географию, поэтику⁹. Такие студенты были для местного общества носителями новых идей, европейского образования¹⁰.

Близким к кондициям по форме и содержанию было репетиторство. Студенты и преподаватели занимались с детьми представителей городских сословий без отрыва от учёбы и работы. Преподаватель Харьковского коллегииума Я. В. Толмачев (позже профессор Петербургского университета, директор Главного педагогического института) многие годы был репетитором в разных семьях Харькова, о чём оставил воспоминания¹¹. Репетиторы готовили детей к учёбе в коллегииумах, Киево-Могилянской академии, столичных учебных заведениях, Московском и европейских университетах. Исследователь истории духовных школ П. Знаменский отмечал, что в XVIII в. кондиции не были распространены в

⁷ Подробно об этом см.: *Посохова Л. Ю.* «Територія просвіти» в місті: локуси православних колегіумів України XVIII ст. // Праці центру пам'ятокознавства. Київ, 2009. Вип. 16. С. 177–190.

⁸ *Зуев В. Ф.* Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 189.

⁹ ЦГИАК. Ф. 1973. Оп. 1. Д. 1243. Л. 1.

¹⁰ Подробнее см.: *Посохова Л. Ю.* Вчителювання студентів православних колегіумів України XVIII ст. у родинях козацької старшини // Київська старовина. 2008. № 5. С. 3–18.

¹¹ *Толмачев Я. В.* Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 706.

великороссийских землях в силу менее развитой потребности общества в образовании, а также «молодости» духовных школ¹².

Православные коллегиумы, как и иезуитские коллегиумы и университеты, активно привлекали представителей местного общества (образованной элиты) к участию в своих торжественных «академических праздниках»: коллегиумских актах, публичных диспутах (философских и богословских), торжествах, театральных представлениях. Для знатных лиц города, представителей власти, специально готовились речи, оды, канты и т. п.¹³ Хорошо известно о существовании театра в Киево-Могилянской академии, который кроме дидактической, выполнял ещё и коммуникативную функцию в местном обществе. Информация о спектаклях коллегиумских театров не часто, но встречается в источниках (в том числе есть свидетельства о том, что на них присутствовала казацкая старшина). Пётр Апостол, сын гетмана Д. Апостола, записал в дневнике (1725 г.), что видел постановку комедии, которую давали ученики Черниговского коллегиума¹⁴. Гораздо более известно о широком распространении иных театрализованных форм: имеются в виду выступления студентов перед горожанами с «орациями и декламациями», чтения виршей, разыгрывание небольших духовных интермедий¹⁵. Вертепные драмы и мистерии охотно ставились учениками коллегиумов, в то же время эти произведения, с присущей им простотой сюжета, социальными и бытовыми мотивами, комедийными ситуациями, народными персонажами, давали возможность быть понятыми простыми горожанами. Примечательно, что многие обыватели считали себя даже знатоками студенческих выступлений, любили давать по этому поводу свои советы. Кондиции, декламации, орации настолько вошли в полотно украинской жизни, что в конце XVIII – начале XIX в. их описания нередко присутствуют в произведениях украинской литературы (в повестях и романах Г. Ф. Квитки-Основьяненко, В. Нарезного).

Православные коллегиумы привнесли в жизнь своих городов такое интересное культурное явление, как рекреации (отдых на природе на окраине города), в котором сочетались элементы традиционной народной и европейской университетской культуры¹⁶. Торжественная процессия студентов и преподавателей, шествовавшая от здания коллегиума через

¹² *Знаменский П.* Указ. соч. С. 273.

¹³ *Лебедев А. С.* Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности. Харьков, 1902. С. 244–245.

¹⁴ *Апостол П.* Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. – май 1727 г.) // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 7–8. С. 111.

¹⁵ *Левицкий П.* Прошлое переяславского духовного училища // Киевская старина. 1889. № 2. С. 441–442.

¹⁶ *Посохова Л. Ю.* «Рекреація»: культура відпочинку учнів та викладачів православних колеґіумів України XVIII ст. // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Історія. Харків, 2008. Вип. 40 (816). С. 169–180.

весь город на рекреацию, становилась событием в культурной жизни казацких полковых городов. В этих гуляниях вместе с коллегиумцами принимали участие и горожане, в том числе высокопоставленные. К слову, воспоминания студентов Харьковского университета 20-х гг. XIX в. свидетельствуют, что их рекреации имели подобные церемонии и виды досуга¹⁷.

Говоря о взаимодействии коллегиумов и общества, следует обратить внимание и на библиотеки коллегиумов, которыми пользовались не только сами коллегиумцы. Библиотеки включали книжные собрания, принадлежавшие выдающимся личностям с европейским образованием (в библиотеке Черниговского коллегиума было собрание Лазаря (Барановича), в Харьковском – Стефана (Яворского)), также разнообразную литературу на иностранных языках, произведения классической литературы, газеты, журналы. Говоря о каналах связи с обществом, необходимо назвать и типографии. В Чернигове с начала XVIII в. печатались учебные книги профессоров коллегиумов, переводы трудов западноевропейских университетских учёных. Во всех первых изданиях типографии Харьковского приказа общественного призрения принимали участие в качестве авторов и переводчиков преподаватели и студенты коллегиума.

Характеризуя взаимоотношения коллегиумов и местного общества, прежде всего, внимание было обращено на те формы контактов, которые были предложены учебными заведениями, и были восприняты, прижились и существовали на протяжении XVIII в. Однако, реакция общества на появление и деятельность коллегиумов выражалась и в том, что с его стороны наблюдались активная поддержка и участие. В истории всех коллегиумов неизменно присутствует инициатива и готовность местного общества поддержать эти учебные заведения, в том числе нести необходимые расходы для обеспечения их деятельности. Кстати, в этом заключалось существенное отличие коллегиумов от других учебных заведений Российской империи XVIII в. Представители всех сословий жертвовали на становление коллегиумов (деньги, земли, уголья), содержали на свои средства учеников. Особенно эта помощь оказалась необходимой во второй половине XVIII в., когда штатные оклады уменьшили доходы коллегиумов. Так, основатель Харьковского университета В. Н. Каразин был не первым, кто обратился к обществу и получил финансовую поддержку для организации учебного заведения.

Можем также говорить о том, что вокруг православных коллегиумов формировались своего рода «культурные гнёзда», объединявшие многие поколения семей казацкой старшины, духовенства. Коллегиумы стали

¹⁷ *Ничтаевский Л.* Воспоминания о Харьковском университете, 1823–1829 годы // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. / наук. ред. С. І. Посохов. Харків, 2008. Т. 1. С. 87.

теми интеллектуальными сообществами, которые не были ограничены задачами сугубо духовного образования, объединяя местную интеллектуальную элиту. И всё же какие факты свидетельствуют о готовности местного общества к появлению собственно университета? Только ли поддержка инициативы В. Н. Каразина в начале XIX в.? Существенным проявлением такой готовности являются университетские проекты и предложения, высказанные в XVIII в. как высшими сановниками, так и местными чиновниками и представителями местного общества (с 1760-х гг. до 1804 г. их насчитывается более десяти). Хотя коллегииумы не имеют непосредственного отношения к возникновению данных проектов, считаем, что их появление было предопределено деятельностью коллегииумов. В большинстве из них присутствуют весьма показательные мотивировки необходимости создания университетов. Одним из первых был проект создания университета в Батурине, автором которого выступил Теплов (1760 г.). Он назвал следующие мотивы появления проекта университета: традиционная склонность населения к науке, большое количество студентов, выезжающих продолжать учёбу за границу, несоответствие местных учебных заведений новым требованиям времени и недостаток в них профессоров¹⁸.

В 1765 г. П. А. Румянцев, приняв в управление Малороссию, написал записку Екатерине II, в которой указал на целесообразность создания университетов в Киеве и Чернигове, преобразовав имеющиеся там «академии», поскольку они «не на тех правилах основаны»¹⁹. В 1766 г. появился ещё один проект создания «формального университета» на базе Киевской академии²⁰. В качестве «главных побуждений» его необходимости отмечалась склонность народа к образованию, которая «доказывается тем, что никогда меньше 1 тыс. учеников не бывает в Киеве, в Чернигове до 800, а в Переяславе до 300», «отцы отдают, а молодые люди своею охотою обучаются»²¹, а «природной же остроты люди, познавшие... классы в малороссийских академиях, ... будучи иногда нищи и бедны, вояжи и странствия в Германию и Италию и далее предпринимают, откуда и возвращаются прямо учёными»²².

Университетскими настроениями пронизаны и депутатские указы шляхетства Малороссийской и Слободско-Украинской губерний в

¹⁸ *Миловидов Л.* Проекти вищої школи на Чернігівщині (1760–1803 pp.) // Записки Чернігівського наукового товариства. Чернігів, 1931. Т. 1: Праці історико-краєзнавчої секції. С. 76.

¹⁹ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10. С. 17–18.

²⁰ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 220. Л. 5–5 об.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же.

Екатерининскую комиссию для составления Нового Уложения в 1767 г. Половина обращений шляхты украинских губерний (от общего количества уездов) содержали прошение об учреждении университета. Обоснованиями для создания университета были замечания, что «в здешнем народе особливейшая к наукам склонность и охота видится» (Глуховское шляхетство)²³. Отмечалось, что даже небогатые люди отправляют детей в университеты (Московский или иностранные), приходят в бедность и разорение. В одних наказах отмечалось, что имеющиеся учебные заведения в Киеве, Чернигове и Переяславе «недостаточны» (Стародубское шляхетство)²⁴, в других, что «прибавочные классы» к Харьковскому коллегиуму вполне отвечают задачам университетским (Ахтырские дворяне)²⁵. Если собрать все предложения, университеты просили основать в Киеве, Чернигове, Переяславе, Харькове, Сумах. Дворянство выразило готовность всецело нести материальные расходы (среди подписей под обращениями встречаем фамилии тех, кто прошёл через Киевскую академию и коллегиумы). Примечательно, что анализ всех наказов депутатов от губерний Российской империи показал, что подобных просьб в них не высказывалось (лишь в нескольких случаях ставились вопросы начального образования). Кроме украинских губерний, вопрос о «медицинских университетах», в связи с распространением болезней, подняли только депутаты Орловского уезда²⁶.

Вопрос об университетах был снова поднят Екатериной II в указе от 29 января 1786 г. к «Комиссии об учреждении училищ». Предполагалось открытие университетов в Чернигове, Пскове и Пензе²⁷. В Чернигове сразу же приступили к подготовке открытия университета, и хотя проект не был утверждён, продолжали надеяться на его возрождение. В 1801 г. в записке Александру I черниговское дворянство просило подтвердить указ 1786 г. и выражало готовность взять на себя все расходы²⁸.

Считаем, что названные инициативы местного дворянства связаны и в значительной степени являются результатом просветительской деятельности коллегиумов. И даже в том случае, когда в документах выражена неудовлетворенность уровнем образования в коллегиумах и желание довести его до университетского, на наш взгляд, это также

²³ Депутатские наказы и всеподданнейшие челобитья от шляхетства Малороссийской губернии // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 68. С. 130.

²⁴ Там же. С. 193.

²⁵ Депутатские наказы и всеподданнейшие челобитья от дворян Слободской Украинской губернии // Там же. С. 257.

²⁶ Депутатские наказы от дворян Белгородской губернии // Там же. С. 525–526.

²⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. № 16315.

²⁸ Записка 1801 г. о нуждах малороссийского дворянства // Киевская старина. 1890. № 8. С. 315–316.

является следствием достигнутого образованной частью общества понимания новых более высоких задач, которые мог решить университет.

Итак, православный коллегиум был очень близок к модели средневекового университета, демонстрируя трансфер университетской идеи в Европе по «юго-восточному» пути. Многоканальные и многоуровневые связи местного общества и православных коллегиумов, поддержка обществом коллегиумов свидетельствует о приобщении местного общества к университетской идее. Причём, эта идея настолько овладела обществом, что сами коллегиумы стали восприниматься как модель, требовавшая изменений (что, кстати, вполне соответствовало общеевропейскому кризису средневекового университета и рождению модели «классического» университета). Появление университетских проектов свидетельствует об определённой зрелости местного украинского общества в этом вопросе. Известно, что зарождение университетского образования в России XVIII в. носило характер просветительского проекта, поддерживаемого государством. В то же время, в украинском обществе идея университета вызрела, пройдя естественный исторический путь, одним из начальных этапов которого были православные коллегиумы.

Не случайно и вполне закономерно, что возникновение Харьковского университета в начале XIX в. было связано с местной инициативой и опиралось на поддержку местного общества. Символично и то, что во время торжественного открытия Харьковского университета 17 января 1805 г., которое стало настоящей манифестацией с участием очень многих горожан, присутствовали также студенты и преподаватели Харьковского коллегиума, а ректор коллегиума Андрей Прокопович выступил с речью, начинавшейся словами о том, что «настал светлый день желанного благополучия счастливой Украины». Далее он подчеркнул, что основанием университета «переносятся плодовые маслины из рассадников училищ в сей новоучрежденный вертоград просвещения»²⁹.

²⁹ Цит. по: *Багалея Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1898. Т. 1. (1802–1815 гг.). С. 197.

Россия и духовные школы на христианском Востоке: Халкинская богословская школа

После падения Византийской империи уровень образования на христианском Востоке резко упал: значительная часть учёных и книжников эмигрировала в Западную Европу. Уже первый Константинопольский патриарх при турецком владычестве, Геннадий Схоларий, с горечью писал о том, что в греческих землях не только некому разбираться в тонкостях богословия и литургики, но даже некому грамотно читать тексты. Единственным почти постоянно функционировавшим учебным заведением в османский период была патриаршая школа в Константинополе. Успехи католической пропаганды неоднократно заставляли восточных патриархов предпринимать усилия к организации школьного дела в своих диоцезах, однако до XIX в. это не имело большого успеха.

1840-е гг. – это начальный период реформ в Османской империи, а также время подъёма национального самосознания населявших её христианских народов. Формирование национального самосознания проводилось посредством образования и просвещения народа, в первую очередь, через школы. Поскольку школьное дело, как и просвещение в целом, в Турции находилось в руках Церкви, то одним из самых насущных вопросов была подготовка грамотного деятельного духовенства, способного противостоять католической и протестантской пропаганде, а также атеистическим течениям. В это время на Востоке было создано две средние богословские школы – в 1844 г. на о. Халки близ Константинополя и в 1855 г. в Крестном монастыре в Иерусалиме¹, а также несколько начальных духовных училищ – в Константинополе, Янине, Трапезунде. Особое место занимал единственный на Востоке богословский факультет Афинского университета (основан в 1839 г.)².

¹ *Γερμανός Γρηγοράς, μητρ. Ἡ Ἱερὰ Μονὴ τοῦ Σταυροῦ καὶ ἐν αὐτῇ Θεολογικὴ Σχολή // Νέα Σιών. 1905. Τ. 2.*

² Истории Халкинской школы посвящена работа И. И. Соколова, который выступил с докладом на эту тему в пятом отделе («О преобразовании духовно-учебных заведений») Предсоборного присутствия: *Соколов И. И. Богословские и священнические школы на православном греческом Востоке // Христ. чт. 1906. Май-сентябрь. С. 99–115, 234–253, 391–413, 778–791, 889–908. См. также: Σταυρίδου Β. Θ. Ἡ Ἱερὰ θεολογικὴ σχολὴ τῆς Χάλκης. Ἀθῆναι-Θεσσαλονίκη, 1968–1973. Τ. 1–3. Β' ἐκδ. Θεσσαλονίκη, 1988; Γερμανός Γρηγοράς, μητρ. Ἡ ἐν Χάλκῃ Θεολογικὴ Σχολή. Ἀλεξάνδρεια, 1907; Μέξης Ἀ. Ἡ ἐν Χάλκῃ Θεολογικὴ Σχολή. Σταμπούλ, 1933–1957. Τ. 1–3; Πασαδαίου Α. Ἱερὰ Θεολογικὴ Σχολὴ Χάλκης. Ἱστορία, Ἀρχιτεκτονική. Ἀθῆνα, 1987.*

В 1842 г. патриарх Герман IV посетил развалины монастыря Св. Троицы на о. Халки, основанного патриархом Фотием в IX в., сгоревшего во время восстания 1821 г. и пострадавшего от землетрясения; тогда же было принято решение об организации при монастыре духовной школы. После двухлетних восстановительных работ 8 октября в школе начались занятия.

Первый устав школы был составлен в 1844 и опубликован в 1845 г.; он применялся в течение восьми лет. Школа существовала на средства Великой Церкви, подчинялась патриарху и Св. Синоду. Воспитанники в числе 40 человек должны были происходить из духовного звания и быть в возрасте 18–20 лет; принимались также диаконы и священники, желавшие получить богословское образование. При поступлении кандидаты держали общий экзамен по программе начальных школ греческого Востока и должны были представить свидетельство духовника и рекомендацию от местного архиерея. Учащиеся проживали в здании школы, участвовали в ежедневных молитвах, праздничных и воскресных богослужениях, общей трапезе, и не могли покидать школу без специального разрешения. Курс обучения по первому уставу был трехгодичным. В течение первого года изучались греческий и латинский языки, математика, география, гражданская история, философия, библейская и церковная история, догматическое богословие. В течение второго года преподавались священная герменевтика и экзегетика, нравственное богословие. На третьем году обучения изучались церковное право, история богословия, патрология, пастырское богословие, гомилетика и литургика. По окончании курса выпускники держали экзамен в присутствии патриарха, Синода и всей преподавательской корпорации.

Второй устав был утверждён в 1853 г. Вводились должности духовника, секретаря, библиотекаря, врача, надзирателя и эконома. Число учащихся было увеличено до 60 человек. Кандидат должен был подписать обязательство посвятить себя служению Церкви в священном сане. Курс обучения был продлён до 7 лет; расширялась языковая подготовка учащихся. Важным новшеством второго устава было то, что он сделал школу всесословной.

Первым сшолархом (ректором) школы был митрополит Константин Типалдос, который управлял ею на протяжении 20 лет. В течение первых трёх лет он преподавал все богословские и философские науки и имел лишь одного помощника, который вёл греческий и латинский языки. В 1848 г. состоялся первый выпуск «дидакалов православного христианского богословия» в числе четырёх диаконов. За период 1851–1864 гг. из стен школы вышло 14 выпусков (91 человек). Большинство из них впоследствии стали архиереями, а некоторые – Константинопольскими патриархами. Школа все эти годы продолжала оставаться единственным средним учебным заведением строго-церковного назначения; при этом общий крайне низкий

уровень начального образования и материальные затруднения не давали возможности существенно увеличивать число учащихся.

В 1864 г. Константин Типалдос отказался от управления школой. Его преемником был назначен митрополит Никифор Гликас. Это назначение вызвало беспорядки, вследствие которых произошло временное закрытие школы; в 1865 г. вовсе не было набора учащихся. Возрождение школы связано с именем богослова Германа Григора (ректор в 1865–1869, 1877–1898), автора истории Халкинской школы и школы Св. Креста в Иерусалиме³. Сокращение числа воспитанников в конце 1860 – начале 1870-х гг. и общий упадок школы поставили вопрос о реформе образовательной системы патриархата. В 1873 г. патриарх Анфим VI образовал специальную комиссию для составления проекта о реформе Халкинской школы. Комиссия указывала на вынужденное сосуществование в школе двух курсов – школьного и богословского, причём оба курса оставляли желать лучшего. Для устранения этого недостатка было принято решение об отделении священнической школы от богословской. В первую ступень школы должны приниматься юноши в возрасте 12–14 лет; их общее число должно было составлять 160–200 человек; обучение должно проводиться в течение восьми лет. Эта школа, по замыслу авторов проекта, была призвана осуществлять функцию семинарии для подготовки белого духовенства. Высшая ступень – богословская школа – предназначается для лучших выпускников священнической школы, из которых, как предполагалось, выйдут будущие богословы и иерархи Константинопольского престола. Осуществить реформу удалось лишь отчасти: в 1875 г. в Константинополе была открыта священническая школа.

29 июня 1894 г. в Константинополе произошло разрушительное землетрясение; здание богословской школы, выстроенное в 1869–1891 гг., было полностью разрушено. Восстановление школы было произведено в основном на средства банкира и мецената Павла Стефановика Скилицы. Освящение нового здания состоялось 6 октября 1896 г. По уставу 1905 г. программа Халкинской школы сочетала в себе основные предметы гимназического и семинарского курсов; среди языков, наряду с французским, турецким, греческим, латынью и славянским, преподавался также современный русский язык.

Лучшие воспитанники Халкинской школы направлялись для продолжения образования в европейские университеты или русские духовные академии. Впоследствии они становились архиереями Константинопольского престола и нередко преподавателями школы. Среди наиболее известных выпускников школы были Филофей Вриенний (1833–

³ О нём см.: А. Х. Г. Ὁ Ἀρχιμανδρίτης Γρηγόριος καὶ τὰ Ἀπομνημονεύματα Αὐτοῦ. Ἀθήναι, ἄ. χρ.

1917, с 1877 г. митрополит Никомидийский), получивший высшее богословское образование в Берлине и Мюнхене, впервые издавший текст «Дидахи» 12-ти апостолов. С 1867 г. он преподавал на Халки церковную историю и герменевтику. Выпускником Халкинской школы был также Анфим Михайлов, ставший первым экзархом Болгарским (1872–1877).

В Киевской духовной академии учились выпускники 1869 г. Григорий Зигавинос и Константин Вафидис; оба по возвращении из России преподавали на Халки. В России учились выпускники школы Герасим Танталидис (впоследствии митрополит Писидийский) и Апостол Христодулу (впоследствии митрополит Ставропольский, с 1882 г. стипендиат Киевской духовной академии, преподавал на Халки каноническое право, патрологию и славянский язык). Митрополит Апостол был автором первого греческого учебника канонического права (Δόκιμον Ἐκκλησιαστικῆς Δικαίου, 1896), основанного на иностранных, главным образом русских изданиях. В Киевской духовной академии в 1891–1895 гг. учился также Иринея Пантолеонтос, уроженец о. Халки, выпускник школы, который по возвращении из России преподавал в ней церковную историю, богословие и русский и славянский языки. Впоследствии он стал митрополитом Мелиникийским и принимал участие в разработке устава Афона 1911 г.

Особое место среди выпускников школы занимает Василий Астериу (впоследствии митрополит Анхиальский, затем Смирнский), который принадлежал к русофильскому направлению иерархов Вселенского престола. Будучи ректором Халкинской школы, в 1872 г. после экзаменов он оставил ректорство и удалился в свою Анхиальскую епархию, чтобы избежать участия в соборе против болгар. Вместе с преподавателями Иоанном Анастасиадисом и Илией Танталидисом он разделял взгляды патриарха Кирилла Иерусалимского, не поддержавшего болгарскую схизму, что дало повод оппонентам обвинять его в излишних симпатиях к славянам. В 1873–1876 гг. он снова возглавлял школу. Митрополит Василий состоял в переписке со многими русскими иерархами и богословами и написал нескольких трудов по каноническому праву, которые были переведены на русский язык⁴.

Помощь Православию, как известно, традиционно была важнейшей статьёй русской политики на Балканах и Ближнем Востоке. Она выражалась в щедрых пожертвованиях патриархатам и монастырям Востока; в XIX – начале XX в. особое место занимает поддержка школьного дела православных христиан. Разумеется, Халкинская богословская школа, как единственное духовное учебное заведение

⁴ О нём см.: Διαμαντοπούλου Ἀδ. Βασίλειος, μητροπολίτης Σμύρνης (25 Μαρτίου 1834–23 Ἰαννουαρίου 1910) // Μικρασιατικὰ Χρονικά. Αθήναι, 1939. Τ. 2. Σ. 148–198.

первенствующего патриархата Востока, составляла предмет особых забот русского правительства. Кроме ежегодного пособия в 2000 рублей, в случае необходимости выделялись экстренные суммы. Так, после землетрясения 1894 г. на восстановление здания школы было отправлено 1000 рублей.

К концу XIX в. материальное положение Вселенского престола становится всё более затруднительным, что не могло не сказаться на финансировании учебных заведений. Это побудило патриарха Иоакима III в 1904 г. обратиться к русскому правительству с просьбой о ежегодной субсидии богословской школе на Халки в размере 9000 рублей из доходов с бессарабских имений патриархата⁵. Министерство иностранных дел обратилось по этому поводу с запросом к русскому послу в Константинополе И. А. Зиновьеву. В ответном письме на имя обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева Зиновьев говорит о том, что растущий национализм в греческой церковной среде приводит к враждебным настроениям по отношению к России и её представителям. Предубеждению против России, по мнению Зиновьева, нужно приписать и тот факт, что с некоторого времени выпускники Халкинской школы заканчивают своё образование не в русских духовных академиях, а преимущественно в европейских университетах. В этих условиях, как считает посол, назначение пособия Халкинской школе послужило бы только поощрением этому узко национальному направлению и не послужило бы к сближению Константинопольской Церкви с русской⁶.

Мнение Зиновьева разделялось не всеми его коллегами. В том же архивном деле хранится записка, в которой говорится о необходимости оказания материальной помощи Халкинской школе как единственному греческому учебному заведению на Востоке. При этом автор записки оговаривается, что «казалось бы необходимым отступить здесь от обычного приёма русской благотворительности грекам, иначе самая жертва теряет свою цену в глазах принимающего жертву». Назначение субсидии должно сопровождаться следующими условиями: 1) присутствие депутата от русского правительства в хозяйственном комитете школы; 2) предоставление послу права назначать до 10 воспитанников из русских и славян; 3) возобновление обычая посылать выпускников в русские духовные академии. «Указанными условиями, – пишет автор, – можно бы сблизить интересы патриархии с широкими интересами православия и,

⁵ Митрополит Иаков (представитель Константинопольского патриархата в Москве) – министру иностранных дел. 24 июля 1904 г. См.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3476. Л. 2–2 об.

⁶ И. А. Зиновьев – К. П. Победоносцеву. 27 ноября 1904 г. № 844. См.: Там же. Л. 12–18.

кроме того, удовлетворить постепенно назревающую потребность в духовном образовании для тех лиц, которые оканчивают учение в основанных в Константинополе русских учебных заведениях»⁷. Однако авторитет Зиновьева в данном случае оказался решающим, и в пособии было отказано⁸.

Очередное сокращение епархий Константинопольского патриархата произошло в результате Балканской войны 1912 г. после присоединения Македонии к Греции. Русская дипломатия предполагала, что сокращение доходов и политического влияния патриархии в новых условиях вынудит её искать сближения с Россией. 7 марта 1913 г. в русском посольстве состоялось совещание, на котором было признано целесообразным назначение значительной ежегодной субсидии на содержание Халкинской школы как один из шагов к сближению и отвлечению патриархии от узко-националистического направления. В качестве условий предоставления ежегодной материальной помощи предлагалось потребовать: 1) право посольства располагать в училище стипендиями в размере от 30 до 40 процентов учащихся; 2) участие посольства в составлении программы училища и установление контроля над её выполнением; 3) участие контроля над хозяйственной частью училища⁹. Размер субсидии определялся в 30 000 рублей в год. Согласно единодушно высказанному мнению участников совещания, проведение реформ при участии русских представителей могло бы превратить училище в высшее богословское учебное заведение и открыть в него широкий доступ славянскому элементу. Реформы должны были способствовать возвращению патриархии её подлинно вселенского наднационального значения.

В соответствии с решениями совещания были проведены переговоры с патриархатом, который 26 мая 1913 г. составил записку о состоянии Халкинской школы и её материальных нуждах¹⁰. Однако последовавшие затем события – начало Первой мировой войны, вступление в неё Турции в октябре 1914 г. и прекращение контактов с патриархией – не позволили осуществиться этим планам.

⁷ Там же. Л. 19–20 об.

⁸ К. П. Победоносцев – И. А. Зиновьеву. 28 января 1905 г. № 2772. См.: Там же. Л. 10–10 об. См. также: РГИА. Ф. 796. Оп. 185. VI отд. I ст. Д. 5890. Л. 2–3.

⁹ Там же. Л. 2–2 об., 4–4 об.

¹⁰ Там же. Л. 8–8 об. (греч. текст). Л. 6–7 франц. пер.

В. Ю. Иващенко (ХНУ, Украина)

Заграничные поездки молодых учёных и профессоров Харьковского университета в первой половине XIX в.*

Заграничные поездки образовательного характера практиковались выходцами из украинских земель ещё в период Средневековья, однако до второй половины XVIII в. это были, прежде всего, путешествия молодых состоятельных дворян, стремившихся расширить свой кругозор. Только с формированием в Российской империи университетской системы поездки «в чужие края» с научной целью приобрели иное значение: для молодых учёных они стали важной ступенью в подготовке к профессорскому званию, для профессоров – необходимым элементом эффективной научной и преподавательской деятельности.

Цель данной статьи – рассмотреть процесс становления практики заграничных научных «стажировок» в Харьковском университете с момента его открытия до 1848 г., когда активное взаимодействие российской и европейской науки было приостановлено. Это, в свою очередь, предполагает исследование механизмов организации заграничных командировок, анализ их географии, содержания и результатов.

Следует отметить, что проблемы изучения пребывания русского студенчества и профессуры за границей, в особенности в Германии, постоянно привлекают внимание исследователей¹. Тем не менее, обширная источниковая база – отчёты о научных командировках, путевые заметки, делопроизводственная документация, в том числе дела о назначении и смерти профессоров, позволяет расширить представление об изучаемом предмете, а исследование в рамках одного университета – выявить местные особенности соответствующих явлений.

Ко времени открытия Харьковского университета в 1804 г. в России ещё не сложилась система подготовки будущих учёных. Об этом, в частности, свидетельствует приглашение большого количества иностранных

* Исследование подготовлено в рамках международного исследовательского проекта «Ubi universitas, ibi Europa» («Трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.»), поддержанного Германским Историческим институтом в Москве и Фондом Герды Хенкель.

¹ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2003. Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1: Профессура. С. 23–66; Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005; Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.

профессоров², а также образовательный ценз преподавателей российского и украинского происхождения, большинство из которых получили образование в высших и средних учебных заведениях Российской империи – как светских, так и духовных.

Среди немногих исключений – медики П. М. Шумлянский, И. Д. Книгин, А. Я. Калькау и М. П. Болгаревский, которые имели возможность совершенствовать своё образование за границей. При этом уровень их подготовки на время отъезда заметно различался. Если Шумлянский и Книгин ехали в Европу, уже имея опыт практической работы в области медицины³, а Книгин – ещё и опыт преподавания, то для Калькау и Болгаревского заграничная поездка была заключительным этапом их обучения.

Так, А. Я. Калькау после года обучения в Московском университете продолжил учёбу сначала в Йенском, а затем Лейпцигском и Виттенбергском университетах, получив в последнем степень доктора медицины. В 1803 г. он был назначен адъюнктом Харьковского университета, однако с разрешения попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого до 1807 г. находился в заграничной командировке. В течение двух лет он слушал лекции в Гёттингене, и в 1805 г. был удостоен степени доктора медицины и хирургии и звания члена Гёттингенского общества повивального искусства. Следующий год Калькау провёл в Берлине, где сосредоточился на изучении акушерства и детских болезней, посещал госпиталь и познакомился со многими выдающимися медиками и естествоиспытателями⁴.

Без сомнения, пребывание за границей позитивно отразилось на преподавательской и научной деятельности названных учёных. Все они были весьма энергичными университетскими деятелями, известными далеко за пределами Харькова. Тот же А. Я. Калькау, профессор повивального искусства Харьковского университета, подал в университет работу «Введение в изучение медицины», которую декан медицинского отделения П. М. Шумлянский «нашёл преисполненной эрудиции, полезной не только для студентов, но и вообще для всех лиц, посвящающих себя изучению медицины»⁵.

² В Харьковском университете из 47 профессоров и адъюнктов, состоящих на службе с 1803 г. по 1814 г., 29 были иностранцами, из них – 18 немцы, 7 имели славянское происхождение, 4 были французами.

³ Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. И. П. Скворцова и Д. И. Багалея. Харьков, 1905–1906. С. 2–5, 158; Вчені Харківського державного медичного університету / за ред. А. Я. Циганенка. Харків, 2005. С. 49–50, 92–93.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 9.

⁵ Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1898. Т. 1 (1802–1815 гг.). С. 623.

К сожалению, в дальнейшем почти полтора десятилетия европейские образовательные центры были недостижимы для молодых харьковских учёных. И это, несмотря на то, что устав 1804 г. предусматривал ежегодно сумму в 2000 руб. для командировки двух лучших адъюнктов или магистров за границу сроком на два года⁶, а университетская корпорация одобрительно относилась к обучению в Западной Европе воспитанников российских университетов. По мнению С. О. Потоцкого, с направлением способных молодых людей за границу «откроется со временем желаемый способ заменять в них (российских университетах. – *В. И.*) иностранных наставников природными россиянами»⁷.

Невозможность работы за границей компенсировалась поездками в ведущие научные центры России – Петербургскую Академию наук и Московский университет. Так, согласно решениям совета 1809–1811 гг. «для подготовки по математике и физике» планировалось отправить за границу сроком на четыре года магистров Н. М. Архангельского и Я. Н. Громова, однако представление Харьковского университета было отклонено министром народного просвещения А. К. Разумовским, который мотивировал свой отказ низким обменным курсом рубля и дороговизной жизни в чужих краях. Наконец, после длительной переписки, Громов выехал в Москву, а Архангельский – в Петербург⁸.

Схожая ситуация сложилась и в других высших учебных заведениях Российской империи. По сравнению с эпохой Екатерины II, количество отъезжающих за границу с образовательной целью заметно уменьшилось. Современные исследователи объясняют это, прежде всего, ситуацией вокруг европейских университетов, которые на волне революционных потрясений переживали упадок: в конце XVIII в. перестали существовать университеты во Франции, на грани закрытия оказались многие немецкие университеты. Имели место и упомянутые финансовые проблемы. На предусмотренные уставом 1804 г. средства в 10-е гг. XIX в. университеты могли посылать только одного кандидата на должность профессора, следующий должен был ждать своего предшественника⁹.

В Харьковском университете первым после длительного перерыва, в 1818 г., выехал за границу кандидат И. Гнедич. К этому времени уже в целом сложилась процедура заграничных поездок «с научной целью». Она начиналась с представления факультета в совет университета. Далее ходатайство совета должен был поддержать попечитель учебного округа, который в свою очередь обращался с представлением в Министерство

⁶ Устав Императорских российских университетов. СПб., 1804. Стб. 290.

⁷ *Багалея Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1904. Т. 2 (1815–1835 гг.). С. 533.

⁸ *Багалея Д. И.* Опыт истории Харьковского университета... Т. 1. С. 622–634.

⁹ *Поляков М. В., Савчук В. С.* Класичний університет: еволюція, сучасний стан, перспективи Київ, 2004. С. 63; *Андреев А. Ю.* Указ. соч. С. 251, 254.

духовных дел и народного просвещения, обосновывая необходимость поездки, освещая вопросы её организации и объясняя выбор кандидатур. После этого факультет давал отъезжающим детальные инструкции. Трижды в год молодые учёные должны были отчитываться министерству о своём обучении и научных исследованиях. После возвращения в Россию осуществлялась аттестация – получение российских учёных степеней и должностей в университетах¹⁰.

Впрочем, иногда эта процедура нарушалась. Так, Гнедич получил командировку напрямую от Министерства народного просвещения. Миновав преподавателей медицинского отделения и университетский совет, он подал ходатайство о поездке за границу попечителю С. О. Потоцкому, который сделал представление министру народного просвещения князю А. Н. Голицыну. При этом попечитель признал, что предусмотренная уставом сумма в 2000 руб. недостаточна, и предложил увеличить её ещё на 1000. Голицын поддержал представление Потоцкого. Дальнейшие ходатайства Гнедича позволили увеличить эту сумму до 4000 руб., а также включить в маршрут научного путешествия, кроме рекомендованных советом немецких земель, Англию и Францию¹¹.

Поездки профессоров в начале XIX в. также не отличались интенсивностью и по большей части не имели научного характера. К примеру, в 1809 г. профессор А. И. Стойкович обратился в совет с просьбой разрешить ему четырёхмесячную поездку с оздоровительной целью на родину, к тёплым водам Венгрии. Заслушав рекомендацию профессора терапии и клиники В. Ф. Дрейсига о необходимости такого лечения, совет согласился предоставить Стойковичу отпуск с сохранением профессорского оклада, возложив на него дополнительное обязательство пригласить из Венгрии в Харьков известных учёных. Интересно, что австрийскому правительству эта поездка, состоявшаяся летом-осенью 1810 г., показалась крайне подозрительной. Стойкович был арестован, и некоторое время содержался на квартире бродского судьи¹².

В конце 10-х гг. XIX в. встал вопрос о целесообразности обучения российских студентов в зарубежных университетах. Студенческие выступления в Германии привели к тому, что сначала появился тайный, а в 1823 г. – официальный запрет российским подданным обучаться в ряде немецких университетов. Некоторое время одним из немногих мест учёных командировок был Берлинский университет¹³.

Эти постановления повлияли на маршрут зарубежных поездок двух харьковских учёных – П. А. Затеplinского и В. М. Черняева. По мнению

¹⁰ Андреев А. Ю. Указ. соч. С. 28.

¹¹ Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. С. 531–553.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 117.

¹³ Андреев А. Ю. Указ. соч. С. 281–286.

факультета, П. А. Затеплинский должен был начать своё обучение в Берлине, затем посетить Гёттинген, а в конце – Париж и Лондон. Однако А. Н. Голицын ограничил командировку Лондоном и Парижем. Невозможность поездки в Германию он объяснил господством там либерального духа¹⁴. Путь В. М. Черняева также избегал университетских центров Германии и пролегал через Вену и Париж. Тем не менее, Черняев воспользовался всеми возможностями, которые ему предоставляла поездка. Он не только встретился с известными ботаниками и зоологами, но и приобрёл естественнонаучные коллекции для Харьковского университета, а также пополнил собственную коллекцию растений. Быстрому увеличению коллекций В. М. Черняев обязан был своей предусмотрительности: он вёз с собой большое собрание редких украинских растений и чучела некоторых животных, которые и обменивал на европейские образцы. Этот обменный фонд постоянно пополнялся усилиями трёх харьковских студентов-медиков, которые присылали из Харькова необходимые Черняеву экспонаты¹⁵.

В конце 1820-х гг. инициативу отправки за границу молодых учёных взяло на себя правительство. Первая правительственная программа была связана с подготовкой квалифицированных юристов. По предложению М. М. Сперанского, возглавлявшего работы по кодификации российских законов, было принято решение о наборе лучших студентов из духовных академий Москвы и Петербурга для обучения сначала в Петербурге, а затем – в Берлинском университете. По возвращении в Россию юристы нового поколения принимали участие в работе по кодификации законов, а после защиты диссертации на научную степень доктора получали должность профессора в одном из российских университетов. В результате этой программы Харьковский университет пополнился в 30–40-е гг. XIX в. юристами А. В. Куницыным, А. А. Федотовым-Чеховским, И. В. Платоновым (Холмогоровым), С. Н. Орнатским¹⁶.

Ещё одна правительственная программа была призвана решить проблему подготовки преподавателей для российских университетов. С этой целью в 1827 г. на базе Дерптского университета был создан Профессорский институт. Предусматривалось, что 20 лучших воспитанников (обязательно – российских подданных) Московского, Петербургского, Казанского и Харьковского университетов три года будут обучаться в Дерпте, после чего под руководством надёжных наставников завершат образование в Берлине и Париже. Далее они не

¹⁴ Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. С. 509–531.

¹⁵ Там же. С. 503–509.

¹⁶ Юридический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. М. П. Чубинского, Д. И. Багалея. Харьков, 1906. С. 171, 193–196, 240–241; Андреев А. Ю. Указ. соч. С. 301–304.

менее 12 лет обязывались прослужить в одном из российских университетов¹⁷.

Сначала в Харьковском университете не нашлось ни одного желающего отправиться на учёбу, в то время как три других университета делегировали в Дерпт каждый по 7 человек. Узнав об этом, Николай I начертал на рапорте министра народного просвещения резолюцию: «Довольно стыдно Харьковскому университету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу»¹⁸. Только после этого были подобраны кандидаты и от Харьковского университета. После вступительных испытаний при Петербургской Академии наук в Дерпт выехало 19 студентов, четверо из которых представляли Харьковский университет.

Обучение первого набора превысило запланированный срок, поскольку революционные события в Европе 1830–1831 гг., а также эпидемия холеры, которая коснулась и Дерпта, вынудили на два года отложить заграничную командировку. Кстати, в России в это время было немало противников научных поездок за границу. Так, попечитель Харьковского учебного округа В. И. Филатьев в письме к министру народного просвещения К. А. Ливену высказал мысль об опасности для молодых харьковских учёных западных идей и предложил после обучения в Дерпте вернуть их в Харьков. Из ответа Ливена следует, что такая точка зрения имела поддержку и в министерстве¹⁹. Тем не менее, большинство воспитанников Профессорского института после экзамена весной 1833 г. выехали за границу, в Берлинский университет. Среди них были и воспитанники Харьковского университета медики Ф. И. Иноземцев и А. М. Филомафитский, математик П. И. Котельников. Все командированные вернулись в Петербург в 1835 г., и были распределены новым министром народного просвещения С. С. Уваровым по кафедрам российских университетов²⁰.

Второй набор в Профессорский институт состоялся в 1833 г., и снова харьковские студенты с большим нежеланием отправлялись в Дерпт. В конце концов, выбор пал на воспитанников словесного факультета В. Гринёва и С. Ростовцева, студентов-медиков П. Любавского и И. В. Варвинского. В дальнейшем только Варвинский получил признание в научных кругах. В 1844–1846 гг. он работал в Дерптском университете, затем более 30 лет возглавлял кафедру госпитальной клиники Московского университета²¹.

¹⁷ Андреев А. Ю. Указ. соч. С. 305–310.

¹⁸ Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев. Харків, 2004. С. 83.

¹⁹ Багалеї Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. С. 667–670.

²⁰ Петров Ф. А. Указ. соч. С. 28–33.

²¹ Там же. С. 37–38.

В 1839 г., когда в Профессорском институте осталось только 6 воспитанников, было принято решение о его ликвидации. Однако значение этого учреждения трудно переоценить: за весьма непродолжительное время оно подготовило немало полезных университетских деятелей. Настоящим украшением Харьковского университета стали выпускники Дерптского института историк М. М. Лунин, филолог А. О. Валицкий, физик В. И. Лапшин²².

После закрытия Профессорского института его функции взял на себя Главный педагогический институт в Петербурге, который по уставу 1828 г. имел право командировать за границу «отличнейших выпускников». Первая группа его воспитанников выехала в 1836 г., вторая – в 1842 г. Главным местом командировки был избран Берлинский университет, но некоторые из молодых учёных смогли продолжить обучение в Лейпциге, Гейдельберге, Праге, Вене и других научных центрах Европы²³.

Следует отметить, что поездки в тот или иной университет часто обуславливались наличием определённой научной школы. Так, во второй четверти XIX в. в Гессене работал выдающийся немецкий химик Ю. Либих. Основанная им научно-исследовательская лаборатория притягивала учёных-химиков со всего мира, в частности, там стажировалось более 20 представителей Российской империи. В 1838–1839 гг. в его лаборатории работал «дедушка российских химиков» А. А. Воскресенский, который впоследствии более десяти лет возглавлял Харьковский учебный округ; в 1843–1845 гг. – А. И. Ходнев, в дальнейшем профессор Харьковского университета, секретарь Вольного экономического общества, редактор его «Трудов»²⁴.

Среди других стажёров Главного педагогического института, которые после возвращения в Россию заняли кафедры в Харьковском университете – филолог-классик С. С. Лукьянович, юрист А. И. Палломбецкий, зоолог А. В. Чернай, математик И. Д. Соколов. В 1849 г. Главный педагогический институт был переориентирован на подготовку преподавателей средних школ, а в 1858 г. – закрыт²⁵.

К этому времени инициатива отправки за границу учёных снова перешла к университетам, которые во второй половине 30-х гг. XIX в. получили право отправлять своих воспитанников за границу. Довольно быстро эта практика превратилась в регулярно действующий механизм²⁶. Правда, в 1830-е гг. научные поездки за границу были немногочисленными

²² Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. С. 83.

²³ *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 44–45.

²⁴ Физико-математический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. И. П. Осипова и Д. И. Багалея. Харьков, 1908. С. 102–103; *Андреев А. Ю.* Указ. соч. С. 344–346.

²⁵ *Андреев А. Ю.* Указ. соч. С. 311–313.

²⁶ *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 47, 64–66.

из-за сложного финансового положения университета, но в дальнейшем количество командировок постепенно возрастало, значительно расширилась их география.

Так, в связи с организацией в российских университетах кафедр славянских языков возникла необходимость в подготовке соответствующих специалистов. Харьковский университет командировал в славянские земли И. И. Срезневского. К этому времени Срезневский уже защитил диссертацию на степень магистра и подготовил докторскую диссертацию по статистике, однако эта работа не нашла поддержки среди харьковских учёных, и ему предложили после заграничной поездки занять кафедру славистики.

Молодой учёный пересёк Германию, ненадолго остановившись в Кёнигсберге, Берлине, Галле, Лейпциге и Дрездене, и в начале 1840 г. прибыл в Прагу, где более восьми месяцев изучал язык и быт моравских, чешских и лужицких славян, часто пешком путешествуя по их землям. Дальнейший путь Срезневского пролегал в Вену: в течение всего 1841 г. он знакомился с культурой словаков, словенцев, хорватов и сербов. Наконец, возвращаясь домой через польские земли, Измаил Иванович уделил внимание исследованию языка и традиций поляков и «галичан»²⁷.

Срезневский прибыл в Харьков 23 сентября 1842 г., а уже 16 октября прочитал вступительную лекцию к курсу «История и литература славянских наречий». По воспоминаниям современников, успех был огромный, и в течение всего года на его лекции стекались студенты всех факультетов²⁸. В 1846 г. Срезневский защитил первую в Российской империи докторскую диссертацию в области славяно-русской филологии «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям», и в следующем году был переведён в Петербургский университет, где и работал до конца жизни²⁹.

Наряду с молодыми учёными в 30–40-е гг. XIX в. за границу выезжали учёные, которые имели научную степень и занимали профессорскую должность или даже завершили свою преподавательскую карьеру, но желали расширить свой кругозор. Так, после увольнения со службы увлекся путешествиями К. П. Павлович. Он посетил Париж,

²⁷ *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

²⁸ *Неслуховский Ф. К.* Из моих воспоминаний // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. / наук. ред. С. І. Посохов. Харків, 2008. Т. 1. С. 227; *Де-Пуле М. Ф.* Харьковский университет и Д. И. Каченовский: Культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Там же. 299–301.

²⁹ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. Харьков, 1908. С. 119–124.

Лондон, Египет и Палестину, путешествовал по Италии. Свой опыт Павлович осмыслил в целом ряде очерков: «Замечания о Лондоне: Отрывок из путешествия по Европе, части Азии и Африки» (Харьков, 1846); «Замечания об Италии, преимущественно о Риме. Отрывок 2-й из путешествия по Европе, части Азии и Африки» (Харьков, 1856); «Замечания об Италии. Отрывок 3-й из путешествия по Европе, части Азии и Африки» (Харьков, 1861). Эти произведения не были оценены современниками, но сегодня им отдают должное, как довольно ценным работам историко-географической направленности³⁰.

В то же время в Европу всё чаще отправлялись профессора, которые стремились познакомиться с методикой преподавания наук в зарубежных университетах, осмотреть европейские лаборатории и другие научные учреждения, пополнить учебные кабинеты и лаборатории своих университетов. В 1839 г. профессор ботаники В. М. Черняев совершил научное путешествие в Москву, Петербург и Швецию; в том же году для совершенствования в области фармакологии и химии получил двухлетнюю заграничную командировку профессор Е. С. Гордеенко; в 1842 г. профессор российского права и судопроизводства Г. С. Гордеенко был направлен на два года в Германию, Францию, Италию; в 1843 г. профессор хирургии Т. Л. Ванцетти – в Германию, Францию и Англию³¹.

Упрочившиеся во второй четверти XIX в. контакты российских и европейских учёных были прерваны в условиях революции 1848 г. в европейских странах и усиления консервативных тенденций во внутренней политике в России. 11 февраля 1848 г. С. С. Уваров под давлением императора Николая I издал официальный циркуляр, в котором запрещались заграничные командировки, а после отставки Уварова реакция распространилась почти на все сферы университетской жизни³². На целое десятилетие российские учёные были искусственно изолированы от европейского научного сообщества.

Итак, поездки молодых учёных и профессоров за границу начались в первые годы существования университета, но регулярный характер они стали приобретать только в 1830-е гг. При этом, в течение всей первой половины XIX в. российское правительство искало наиболее эффективные механизмы организации заграничных командировок, то возлагая их проведение на университеты, то сосредотачивая рычаги управления этим процессом в своих руках. Особому контролю со стороны правительства подлежали места научных стажировок, тогда как университеты более

³⁰ Паулович К. П. Замечания о Лондоне // «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии, 1646–1945 / изд. подгот. О. А. Казнина, А. Н. Николукин. М., 2001. С. 197–207.

³¹ Петров Ф. А. Указ. соч. С. 387.

³² Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. С. 83.

интересовались содержанием работы учёных, вопросами установления научных связей и наполнения коллекций различного профиля. Большинство зарубежных поездок представляли собой заключительный этап в становлении молодых учёных, которые по возвращению в Россию должны были приступить к преподавательской деятельности. Что касается поездок профессоров, то они были немногочисленными и поначалу не носили научного характера, и лишь в 30–40-е гг. XIX в. вошли в жизнь университетского профессора как необходимая практика.

Т. Г. Павлова (*ХТЭИ КНТЭУ, Украина*)

Профессора-иностранцы в императорском Харьковском университете

Основной тенденцией развития современного мира является сложный и нелинейный процесс глобализации, суть которого состоит в интеграции, иерархизации и унификации государств и народов на основе вестернизации. Модернизация на постсоветском пространстве также осуществляется в соответствии с западной парадигмой. Целью реформ, проводимых в Украине в сфере высшего образования, декларируется вхождение в единое европейское университетское пространство, формируемое в рамках Болонского процесса. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы межкультурной коммуникации, в частности, механизмы передачи культурных ценностей, скорость, глубина и органичность их усвоения новыми носителями.

В истории отечественного образования был период интенсивного диалога с европейской культурой. В начале XIX в. в Российской империи была проведена реформа, в результате которой создана единая трёхступенчатая (училище–гимназия–университет) государственная школа. Университетам в этой системе отводилось важное место центров культуры, образования и науки на региональном и общеимперском уровнях. Университетское строительство осуществлялось в соответствии с лучшими образцами европейских (главным образом немецких протестантских) университетов, с учётом местных условий и культурных традиций.

Харьковский университет – один из старейших в Российской империи. Его начальная история достаточно хорошо изложена ещё в исследованиях начала XX в.: Д. И. Багалея, М. И. Сухомлинова, Н. А. Лавровского, Л. Яновского, в коллективных монографиях по истории факультетов, подготовленных к 100-летию университета и др. В данной работе предполагается на примере Харьковского университета проанализировать качественный состав первых европейских культуртрегеров, эффективность их работы, отношения со студентами и местным обществом.

Открытию Харьковского университета предшествовала большая подготовительная работа, которая началась в 1803 г. Главной задачей было укомплектование вуза научно-педагогическими кадрами, которых в России было крайне мало. Проблему решили за счёт приглашения специалистов из Европы, преимущественно из Германии и Франции. Мотивы, которые побудили европейцев принять приглашение, были разные: наполеоновские войны и кризис образования в Европе, возможность получить профессию,

высокий статус и зарплату в России, а также желание увидеть новый незнакомый мир и т. д.

Следует отметить, что только благодаря иностранным профессорам в Харьковском университете 25 января 1805 г. начался учебный процесс. По Уставу 1804 г. университету полагалось иметь 28 профессоров, 12 адъюнктов и 3 лектора¹. На эти 43 штатные должности было назначено 7 русских и 14 иностранных преподавателей. В дальнейшем соотношение их менялось. В первое десятилетие удельный вес иностранных профессоров был особенно велик, а затем стал неуклонно сокращаться (см. табл.²). В 1852 г. приглашение иностранцев на вакантные кафедры было запрещено. Однако и после этого в Харькове преподавали европейцы – выпускники Пражского университета доктор медицины Д. Ф. Лямбль (1860–1871), профессора В. И. Шерцль (1870–1884), Р. И. Шерцль (1882–1913), И. В. Нетушил (1884–1919) и доктор философии Левенского университета Э. М. Диллен (1884–1887).

Таблица

Год	Всего преподавателей	В том числе		Вакансии
		русских	иностранцев	
1805 г.	21	7	14	22
1806 г.	22	7	15	21
1807 г.	25	7	18	18
1808 г.	26	7	19	17
1809 г.	26	7	19	17
1810 г.	24	7	17	19
1811 г.	24	10	14	21
1812 г.	28	12	16	15
1813 г.	33	15	18	12
1814 г.	32	16	16	12

Наибольший интерес представляют иностранные профессора первого призыва. Общую количественную и качественную характеристику им дал Д. И. Багалей. Однако он, как и ряд других исследователей, определял иностранцев по этническим признакам. По нашим подсчётам, в университете XIX в. преподавало 37 иностранцев, в том числе 29 –

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб, 1864. Т. 1. Стб. 268–269.

² Составлено по: Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1. (1802–1815 гг.) // Багалій Д. І. Вибрані праці: у 6 т. Харків, 2004. Т. 3. С. 238–239.

во время действия первого Устава и 8 – в последующие годы³. В их число не включены поляки, прибалты и другие российские подданные, получившие образование в отечественных университетах, так как ретранслировать европейский опыт организации высшего образования могли только выпускники европейских университетов. Среди иностранцев, прибывших в Харьковский университет, было 18 выходцев из Германии, 4 – из Франции и 7 славян из Австрии. Между ними шла непрерывная борьба за должности и влияние.

Коллективный портрет европейских культуртрегеров, работавших в Харькове, выглядел следующим образом⁴:

1) Средний возраст составлял 34,5 года (в том числе самому молодому – И. А. Шнауберту было 22 года, а самому старому – А. М. Тауберу – 55 лет). Это лучший возраст для научно-педагогической деятельности – завершено образование, накоплен некоторый опыт работы, есть ещё силы, желание и впереди достаточно времени для плодотворной работы.

2) Хорошее университетское образование имели практически все иностранцы. 27 преподавателей слушали лекции в различных европейских университетах, в том числе в нескольких, преимущественно в немецких: Галльском (И. С. Гут, Б. А. Дорн, В. Ф. Дрейсиг, Л. К. Якоб), Гёттингенском (А. И. Стойкович, Х. Ф. Роммель), Йенском (И. Е. Шад, Ф. Л. Швейкарт), Лейпцигском (Э. К. Маурер, А. М. Таубер) и др. Образовательный ценз неизвестен только у Я. Н. Беллен де Баллю и Ф. И. Гизе.

3) Учёные степени как показатель уровня квалификации имели 23 иностранца, из них 14 – степень доктора философии, 7 – доктора медицины, 2 – доктора прав, семеро до прибытия в Харьков учёных степеней не имели.

4) Опыт научно-педагогической работы был только у 10 преподавателей. Остальные трудились в сфере практической медицины и юриспруденции, а также переводчиками и учителями. Поэтому методику

³ Подсчитано по: Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. Харьков, 1908; Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. И. П. Скворцова и Д. И. Багалея. Харьков, 1906; Физико-математический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. И. П. Осипова и Д. И. Багалея. Харьков, 1908; Юридический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. М. П. Чубинского, Д. И. Багалея. Харьков, 1906; Учёные общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805–1905 гг.). Харьков, 1911.

⁴ Там же.

преподавания в высшей школе им пришлось осваивать уже в России. И далеко не все в этом преуспели.

5) Как и сегодня, в XIX в. неотъемлемой составной частью педагогической нагрузки преподавателя была научно-исследовательская и учебно-методическая работа. Профессора должны были заниматься наукой и публиковать результаты своих исследований, а также обеспечивать учебный процесс учебниками, хрестоматиями, словарями и другой печатной продукцией. Однако только 11 иностранных профессоров и адъюнктов в харьковский период публиковали научные или методические печатные труды, 9 – издали актовые речи, 9 – наукой не занимались⁵. Одной из причин низкой эффективности их научной работы было отсутствие материально-технической базы (лабораторий, кабинетов, архивов, научной библиотеки). Её нужно было создавать и лишь после этого ожидать отдачи. В таких условиях не каждый мог работать.

Ценным наследием первых иностранных профессоров стали опубликованные ими пособия по физике и астрономии А. И. Стойковича, по химии Ф. И. Гизе (достойный аналог в Европе появился через 10 лет), по философии И. Е. Шада и хрестоматии (составители Х. Ф. Роммель и Я. Н. Белен де Баллю). Кроме того, благодаря им в университете были основаны физический, астрономический, технологический, зоологический, минералогический кабинеты, химическая и фармацевтическая лаборатории, анатомический театр, ботанический сад, педагогический, клинический, хирургический и повивальный институты. И хотя работали они нестабильно, начало было положено.

В целом, среди профессоров Харьковского университета иностранного происхождения научных звёзд не было, однако к специалистам высокого уровня, по мнению Д. И. Багалея, относились – философ И. Е. Шад, филолог-классик Х. Ф. Роммель, астроном И. С. Гут, ветеринар Ф. В. Пильгер, философ и экономист Л. К. Якоб (немцы), историк А. А. Дегуров, филолог-классик Н. Н. Беллен де Баллю (французы) и физик А. И. Стойкович (серб)⁶. Трое из этих восьми – Гут, Роммель и Якоб – провели в Харькове менее трёх лет и за столь короткий срок не могли оставить существенный след. Ещё трое – Пильгер, Стойкович, Шад – вынуждены были оставить университет со скандалом. И только двое подготовили себе смену: Гизе воспитал будущего преподавателя химии И. И. Сухомлинова, а Шад – преподавателя философии А. И. Дудровича.

Помимо непосредственных своих обязанностей, иностранные профессора инициировали ряд общественно полезных начинаний, которые не были реализованы. Но профессор Ф. И. Гизе стал первым

⁵ Багалій Д. І. Вибрані праці. Т. 3. С. 693.

⁶ Там же. С. 498–500.

исследователем минеральных вод, залежей каменного угля и соды, профессор Ф. В. Пильгер издавал журнал «Украинский Домовод», в котором публиковал свои научно-публицистические статьи о лечении скота.

Важным фактором в процессе диалога культур является продолжительность контакта. В Харькове большая часть специалистов из Европы задержалась ненадолго. До 5 лет работали – 8 человек, до 10 лет – 11, до 20 лет – 6, свыше 20 лет – 4 человека. Но навсегда остались в городе, отработав в университете свыше 20 лет, в большинстве своём слабые как в научном, так и в педагогическом плане иностранцы – Ф. А. Делявинь, Н. Н. Паки де Совиньи, Б. О. Рейт, К. П. Паулович. Профессор Делявинь преподавал ботанику и короткое время зоологию на латинском языке. По-русски он научился читать по слогам только названия животных. Паки де Совиньи был, по словам Д. И. Багалея, «ничтожной личностью, предметом всеобщих насмешек»⁷. А выпускник Харьковского университета Н. И. Костомаров называл его шутком, у которого на лекциях «нельзя было научиться ни языку, ни литературе; студенты ходили на его лекции только для потехи»⁸. Обрусевший серб Паулович читал римское право на латинском языке. Студенты ценили его за «кротость и очень снисходительное отношение к студентам»⁹, начальство – «за христианское благочестие и благонамеренный образ мыслей»¹⁰. А коллеги Рейт и Осиповский критиковали его за непрофессионализм и малограмотность. Паулович был, безусловно, слабым преподавателем, но в 1830 г. он был единственным на факультете¹¹. Доктор философии Рейт в силу разных причин не сумел реализовать в Харькове свои потенциальные возможности.

Существенно снижал эффективность коммуникации языковой барьер между иностранными профессорами и студентами. Русским языком в полной мере овладели только славяне, учили и худо-бедно понимали Дорн, Паки де Совиньи и Роммель. А остальные читали свои лекции на латинском, французском или немецком языках. И вообще в отношениях со студентами они держали дистанцию.

Проанализировать встречу двух культур на бытовом уровне позволяют воспоминания проф. Х. Ф. Роммеля и студентов Харьковского университета. Внешне эта встреча произошла бесконфликтно. Иностранцам на первых порах предоставили бесплатные квартиры в

⁷ Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. / наук. ред. С. І. Посохов. Харків, 2008. Т. 1. С. 806.

⁸ Там же. С. 178.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Юридический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования. С. 168.

¹¹ Там же. С. 170.

общежитии казеннокоштных студентов и казенную бричку. Их радушно приняло местное высшее общество. Протестантская кирха появилась при университете раньше православной церкви, а до этого все молились в местных храмах. Некоторые иностранцы вступили здесь в брак. И хотя Роммель писал о ксенофобии, которая достигла «опасных размеров» после нашествия Наполеона, но сам же себя опровергал, рассказывая о «гостеприимстве, господствовавшем в Украине» и о радушии петербургской публики в 1814 г.¹²

В то же время отношение профессоров из Европы к местному населению было высокомерное и пренебрежительное. Роммель характеризовал харьковское дворянство как «честолюбивое и не склонное к учению», своих российских коллег – как больших лицемеров и хитрецов, а также как «глупых русских»¹³. Своими единомышленниками в этом вопросе он считал Шада («ненавистника россиян») и Дегурова («мастерски скрывавшего свое неуважение к русским»)¹⁴.

Однако смотреть сверху вниз с высоты своей европейской цивилизованности на российское варварство иностранцы серьёзных оснований не имели, ибо пропасти между квалификацией европейских и российских профессоров не было.

Культурное влияние иностранных профессоров оказалось неглубоким и непрочным, так как они не были идейными миссионерами, готовыми жизнь положить на алтарь просвещения аборигенов, и при первой же возможности покидали провинциальный Харьков. Кроме того, они не сумели создать привлекательный для подражания образ европейского учёного и педагога. Им присущи были такие пороки, как пьянство (злоупотребляли спиртным профессор Шад и Нельдеген¹⁵); стяжательство, в том числе взяточничество, ростовщичество, спекуляция (Стойкович обвинялся в торговле докторскими и магистерскими дипломами, Паки де Совиньи за деньги принимал экзамены по заранее подготовленному билету, Шад сколотил себе состояние в Харькове, давая своим коллегам деньги взаймы под проценты. На спекуляции заграничными винами и галантереей погорели Стойкович и Нельдеген¹⁶); лицемерие (Якоб публично обличал крепостнические порядки в России, а сам домогался дворянства и соответственно права на владение людьми¹⁷). Известны также случаи рукоприкладства в отношении низших сословий со стороны профессоров Дегурова, Пильгера, Шада.

¹² Роммель К. Д. Спогади про моє життя та мій час. Харків, 2001. С. 115, 119, 128, 167.

¹³ Там же. С. 115, 120, 121.

¹⁴ Там же. С. 122, 123.

¹⁵ Там же. С. 123.

¹⁶ Там же. С. 127.

¹⁷ Багалій Д. І. Вибрані праці. Т. 3. С. 746.

Но, несмотря на неоднозначность культурного взаимодействия европейцев с местной средой, первое десятилетие вошло в историю Харьковского университета как золотой век. Однако этот век оказался недолгим – в 30-е гг. XIX в. о нём сохранились лишь бледные воспоминания.

Таким образом, история Харьковского университета свидетельствует, что европейская университетская традиция была привнесена в Россию в начале XIX в. в виде матрицы. Первые европейские профессора-культуртрегеры выполнили важную функцию – обеспечили акклиматизацию новой культуры в чужеродной среде. Но качество и глубина их влияния оказались незначительными. Потребовались десятилетия упорного труда нескольких поколений российских профессоров для того, чтобы университеты окончательно укоренились на российской почве и дали богатые всходы.

Е. М. Голикова (ХНАУ, Украина)

**Ново-Александрыйский институт сельского хозяйства
и лесоводства: влияние европейских традиций
университетского образования на становление
высшей аграрной школы (1816–1921)**

В 2011 г. ведущий центр по подготовке агрономических кадров Украины – ХНАУ им. В. В. Докучаева – отметит своё 195-летие. Харьковский агроуниверситет был основан 5 октября 1816 г. по Указу императора Александра I как институт земледельческого хозяйства в Маримонте, пригороде Варшавы. Это было первое в Российской империи высшее сельскохозяйственное учебное заведение, историческое прошлое которого является отправной точкой в становлении высшего аграрного образования и аграрной науки современных России, Польши и Украины. Усиление польского национально-освободительного движения заставило российское самодержавие перевести институт подальше от Варшавы, в посад Ново-Александрия (до 1845 и с 1918 гг. – Пулавы) Люблинской губернии, где он и находился с 1862 г. до начала Первой мировой войны. В июле-августе 1914 г. институт, оказавшийся в зоне военных действий, был эвакуирован в Харьков. В 1917 г. на базе оставшихся в Ново-Александрии подразделений института, с разрешения австрийских оккупационных властей, был создан Государственный научно-исследовательский институт сельского хозяйства. После реформирования данного института в 1950 г., он был разделён на несколько специализированных учреждений, вошедших в состав различных институтов Академии наук Польши. В корпусе, принадлежавшем институту ранее, – а это был дворец князей Чарторыйских, конфискованный царским правительством после поражения польского восстания 1830–1831 гг., – был создан Институт почвоведения и растениеводства (Instytut Uprawy Nawożenia i Gleboznawstwa w Puławach) – главный центр сельскохозяйственных исследований в современной Польше.

Несмотря на то, что с 1914 г. судьба эвакуированного в Харьков института была всецело связана с этим городом, до 1921 г. учебное заведение сохраняло старое название – Ново-Александрыйский институт сельского хозяйства и лесоводства (в Харькове). Таким образом, фактически польский период истории ХНАУ длился более 100 лет – от 1816 г. до 1921 г., когда специальным Постановлением Совнаркома УССР от 26 марта 1921 г. институт был окончательно оставлен в Харькове и переименован в Харьковский институт сельского хозяйства и лесоводства (с 1991 г. – аграрный университет).

Целью данной статьи является исследование вопроса о влиянии европейских традиций образования, прежде всего университетского, на

становление высшей аграрной школы в Российской империи в контексте изучения польского периода истории ХНАУ им. В. В. Докучаева (1816–1921).

Вследствие недостатка документальных материалов польский период истории ХНАУ является едва ли не самым сложным для исследования. Источниковую базу образуют, прежде всего, материалы за 1816–1919 гг. Эти документы, вывезенные из Польши, находились на постоянном хранении в архиве учебного заведения до 1970 г., когда они были переданы в ГАХО. Составленная на момент передачи Опись документов свидетельствует, что переданные материалы были сформированы из «россыпи отдельных документов разных периодов»¹. В Опись было внесено 146 документов – всё, что сохранилось в архиве относительно польского периода истории агроуниверситета. Огромный пласт документов навсегда утрачен для исследователей. Из-за мощного национально-освободительного движения в Царстве Польском институт неоднократно подвергался сильнейшим разрушениям, вследствие чего много документов погибло. С другой стороны, кардинальные изменения в поступательном развитии учебного заведения происходили по причине мировых войн. В результате спешной эвакуации института из Ново-Александрии в Харьков в начале Первой мировой войны, в Польше остались не только бесценные библиотечные фонды (большинство – на польском языке), но и немало архивных материалов. В годы Второй мировой войны институт был эвакуирован в Узбекистан. В оккупированном фашистскими войсками Харькове погибло множество ценных документов. Существенное значение для данного исследования имеют также документы, находящиеся в РГИА. Речь идёт о материалах Комитета по делам Царства Польского за 1864–1881 гг. (Ф. 1270) и документах Департамента Народного образования (Ф. 733).

К сожалению, отдалённость от сегодняшнего дня изучаемых событий и, возможно, непростые взаимоотношения России, Украины и Польши послужили почвой для замалчивания, а временами – и полного забвения общих исторических корней и преемственности учреждений аграрной системы образования и науки трёх сопредельных государств. Например, украинские историки в своих исследованиях, непосредственно посвященных ХНАУ, не упоминают о тех научно-исследовательских центрах, которые возникли в городе Пулавы Люблинского воеводства после эвакуации оттуда в 1914 г. Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства². В то же время, польские

¹ Архив ХНАУ. Оп. 3. Арк. 20.

² Фурсенко И. Д. Харьковский ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственный институт им. В. В. Докучаева: Очерки истории. Киев, 1968; Харківський національний аграрний університет імені В. В. Докучаєва. 1816–2006: Нарис / Р. І. Киричок, О. М. Голікова, З. І. Грищенко та ін. Харків, 2006.

исследователи мало обращают внимания на тот период развития аграрного знания, когда с конца XVIII в. Польша временно потеряла свою независимость. Например, на сайте Института почвоведения и растениеводства (г. Пулавы) указывается, что традиции сельскохозяйственной науки в Пулавах восходят к 1862 г, когда здесь был создан Политехнический и земледельческо-лесной институт. Отмечается, что, несмотря на жесткую русификацию (особенно по Уставу 1869 г.), институт являлся «динамичным центром научных исследований»³. Однако нет ни слова о предшественнике учебного заведения – институте земледельческого хозяйства в Маримонте. Не упоминается также и факт переезда Ново-Александрийского института в Харьков и создание на его основе центра аграрного знания в Украине.

В свою очередь, российский учёный-животновод, профессор Л. В. Куликов, автор учебного пособия «История и методология зоотехнической науки», утверждает: «Прочное основание русская зоотехническая наука получила лишь с образованием специальных высших сельскохозяйственных школ. Первой подобной школой был Ново-Александрийский институт под Варшавой (с 1818 г.), расположенный в Польше и обслуживавшийся польскими преподавателями. В первый период своей деятельности он на русскую науку не оказывал влияния. Его влияние чувствуется лишь с 90-х годов, как научного центра агрономической и зоотехнической мысли»⁴. Согласиться с таким утверждением сложно. Во-первых, учебный процесс в учреждённом в 1816 г. институте начался в 1820 г., и поэтому трудно объяснить указанный автором год образования учебного заведения. Во-вторых, реформаторская деятельность В. В. Докучаева в 90-х гг. XIX в. и заложенные им новаторские принципы научной подготовки агрономов, действительно, превратили институт из периферийного учебного заведения в признанную в мире школу российских почвоведов, которая готовила кадры, прежде всего, для южных губерний России. Однако и предыдущий период – Маримонтский (1816–1861) и Ново-Александрийский (1862 – начало 90-х гг. XIX в.) – был достаточно важным в развитии как самого учебного заведения, так и всего высшего аграрного образования Российской империи. Министерство государственных имуществ, созданное в декабре 1837 г. для координации, в числе прочего, вопросов сельскохозяйственного образования в Российской империи⁵, и его руководитель граф П. Д. Киселёв, посетивший институт в 1838 г.,

³ URL: http://www.iung.pulawy.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=70&Itemid=71

⁴ Куликов Л. В. История и методология зоотехнической науки: учеб. пособие. М., 2001. С. 135.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VIII. 6567.

сочли необходимым обобщить и использовать опыт организации института в Маримонте для учреждения других сельскохозяйственных учебных заведений. В частности, опыт Маримонтского института повлиял на формирование Гори-Горецкой земледельческой школы, открытой в 1840 г. и преобразованной в 1848 г. во второй в империи сельскохозяйственный институт (с 1925 г. – Белорусская сельскохозяйственная академия). Так же можно вспомнить, что в течение 1835–1853 гг. институт возглавлял профессор агрономии и лесоводства Виленского университета М. Н. Очаповский, с деятельностью которого связан целый период в развитии аграрного образования в Российской империи⁶. Под руководством профессора Очаповского в 20-е гг. XIX в. осуществлялась подготовительная работа по учреждению земледельческого института при Виленском университете. В 1824 г. учёный представил в Министерство народного просвещения России все необходимые документы по организации института, включая его Устав. И только закрытие Виленского университета в 1832 г. стало непреодолимым препятствием на пути реализации этой идеи. Однако огромный опыт организационной работы и собственная убежденность в важности сельскохозяйственного образования позволили профессору Очаповскому заложить фундаментальные основы современного аграрного знания и осуществить широкую программу реорганизации в возглавляемом им Маримонтском институте. Член императорского вольно-экономического общества сельского хозяйства и Учёного комитета Министерства государственных имуществ, член Галицкого хозяйственного общества (Львов) и научного общества при Гори-Горецком земледельческом институте, профессор Очаповский является автором множества трудов по сельскому хозяйству.

Всё вышеизложенное позволяет говорить о необходимости объективного и всестороннего изучения польского периода истории ХНАУ как общего наследия в становлении высшего аграрного образования трёх европейских государств.

Систематическая деятельность российского правительства в области аграрного образования начинается в декабре 1837 г. с учреждением Министерства государственных имуществ. Вместе с другими задачами, на Министерство была возложена обязанность организации сельскохозяйственного образования в империи. Сейчас в бывших зданиях Министерства находится Всероссийский научно-исследовательский институт растениеводства им. академика Н. И. Вавилова. При институте находится коллекция семян и растений, насчитывающая 330 000 образцов.

⁶ Виленские Губернские Ведомости. 1854. № 19; Несколько слов о жизни и произведениях М. Н. Очаповского // Земледельческая газета. 1854. № 34; Земледельческая газета. 1855. № 20, 21; РБС: Обезьянинов – Очкин. СПб, 1905. С. 478.

Здесь же находится Санкт-Петербургская научная сельскохозяйственная библиотека, созданная одновременно с Министерством государственных имуществ. С того времени она выросла из восьми шкафов в более чем миллион единиц хранения. Эти обстоятельства, по нашему мнению, наилучшим образом характеризуют преэминентность в решении задач аграрного производства, чем собственно и занималось Министерство государственных имуществ.

Однако институт земледельческого хозяйства в Маримонте был создан в 1816 г. Как регулировался вопрос организации первого в Российской империи высшего учебного заведения до учреждения Министерства государственных имуществ?

В Европе первые сельскохозяйственные учебные заведения возникли в XVIII в. Раньше, чем в других европейских странах, становление сельскохозяйственного образования состоялось в Германии на почве университетской науки. Германское сельское хозяйство нуждалось в специалистах, сведущих в финансовых и экономических вопросах. По приказу прусского короля Фридриха Вильгельма в Галльском университете в 1727 г. была создана кафедра экономики и введён курс лекций по экономии, большую часть которого составляли лекции по сельскому хозяйству. В течение XVIII в. аналогичные кафедры были созданы практически во всех университетах Германии. Первая сельскохозяйственная академия была основана в г. Меглини в 1806 г. по инициативе известного немецкого агронома Альбрехта Теера (Thaer), отстаивавшего необходимость изучения сельскохозяйственных дисциплин в тесной связи с аграрной практикой. Вскоре подобные заведения были основаны в Хоэнхайме, Шлейсгейме, Таранте, Регенвальде, Эльдене, Проскау, Поппельсдорфе, Вильдау⁷. Впоследствии они послужили образцом и для некоторых российских университетов.

Резкое различие между состоянием сельского хозяйства в России и в западных странах не могло не тревожить правительство. Главной причиной создания высшей сельскохозяйственной школы было стремление российского правительства обеспечить практическую высококласную профессиональную подготовку агрономов и ветеринарных врачей. К началу XIX в. развитие аграрного образования в России носило бессистемный характер. Как свидетельствуют собранные историками факты, осуществлялись единичные попытки открытия аграрных учебных заведений, однако их количество было незначительным, а срок существования – непродолжительным⁸. Начиная с 1804 г. в учебные программы российских императорских университетов вводились

⁷ Школы сельскохозяйственные // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб, 1903. Т. 78. С. 627.

⁸ *Петренко А. Е., Корчанова Ю. А.* Генезис и развитие аграрного образования в Екатеринославской губернии (XIX – начало XX ст.) // Историчні записки: зб. наук. праць. Луганськ, 2008. Вип. 20. Ч. 1.

сельскохозяйственные науки, для преподавания которых учреждались специальные кафедры. Сначала это были кафедры минералогии и домоводства, в дальнейшем превращенные в кафедры земледелия. Например, в Московском университете лекции по минералогии и сельскому домоводству читал профессор М. Г. Павлов. Медик по образованию, он особенно интересовался научным сельским хозяйством, которое изучал за границей. Не довольствуясь преподаванием сельского хозяйства в стенах университета, он «читал публичные лекции о земледелии, на которые стекалась масса русских хозяев»⁹. Таким образом, истоки высшего сельскохозяйственного образования в России чётко просматриваются в истории императорских университетов. Вместе с тем, специальные сельскохозяйственные отделения открывались при медико-хирургических академиях. В 1808 г. было создано ветеринарное училище при Петербургской, а в 1809 г. – при Московской медико-хирургической академии. Эти процессы свидетельствовали о возросшем значении профессионального аграрного знания, потребность в котором оставалась не удовлетворенной. Первое в империи государственное высшее учебное заведение было открыто в 1816 г. в Маримонте. Оно получило название Института земледельческого хозяйства, практической ветеринарии и школы рукоделий, что отражало стремление правительства обеспечить подготовку специалистов для всех отраслей сельского хозяйства. Учреждение высшей аграрной школы было для российской власти делом новым, и поэтому для ознакомления с европейской практикой организации аграрного образования правительство отправило в Швейцарию и Германию известного учёного и общественного деятеля В. Флята, впоследствии директора института в Маримонте.

На практике основания первой в империи высшей аграрной школы отразился опыт правительства в деле учреждения российских университетов. Естественно, базовые принципы классического университета, к тому времени наработанные в Европе и зафиксированные в первом общем Уставе российских университетов 1804 г. (как то: обладание статусом относительной автономии, коллегиальность, академические свободы, активное включение в общественную жизнь и др.)¹⁰, на создаваемый институт не распространялись. Государство полностью контролировало процесс создания института, и поэтому на начальном этапе своего существования институт подчинялся Правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения, а также внутренних дел, полиции и финансов¹¹. Несмотря на определённый либерализм Александра I, такой подход более всего отвечал общему

⁹ URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/76362/Павлов

¹⁰ Устав Императорских российских университетов. СПб., 1804.

¹¹ Копия Указа Александра I о создании института земледельческого хозяйства в Маримонте: Выписка из протокола статс-секретаря Царства Польского // Музей истории ХНАУ.

направлению российской политической жизни. Тем более, что, начиная с 1817 г., было издано несколько высочайших указов, существенно ограничивших университетскую автономию¹².

В то же время, из опыта учреждения императорских университетов была позаимствована сама идея Устава, свидетельствующая о формировании определённой системы обустройства и функционирования учебного заведения. Идею Устава первый в империи сельскохозяйственный институт пронёс через все периоды своей истории. В утвержденном 12 сентября 1820 г. Уставе института определялась его главная задача: «...подготовка квалифицированных вотчинных землевладельцев, арендаторов и управляющих для крупных имений»¹³.

В 1840 г., после присоединения к земледельческому институту Варшавского лесного училища, был принят новый Устав института. Учебное заведение получило новое наименование – Институт сельского хозяйства и лесоводства в Маримонте. Институт освобождался от подчинения Правительственной комиссии и подчинялся непосредственно Министерству народного просвещения, имевшему в Варшаве своего попечителя¹⁴. Должность попечителя была введена в соответствии с утверждённым 25 июля 1835 г. новым Уставом российских университетов, полностью лишившим университеты автономии. Вся административная власть над университетами сосредотачивалась в руках попечителей учебных округов: «попечители, как главные после министра начальники университетов, сделаны ближайшими хозяевами сих заведений...»¹⁵. По новому же Уставу Маримонтского института на учёбу принимались лица, обязательно окончившие шесть классов гимназии. Студенты делились на «своекоштных» и «казённокоштных». Институт, как государственное учреждение, обязан был истребовать с «казённокоштных» студентов средства, израсходованные на обучение, в случае их отказа прослужить десять лет на государственной службе.

Следующий институтский Устав 1857 г. принимался в условиях усиления студенческого антироссийского движения, и поэтому предполагал уменьшение контингента студентов в целях обеспечения наилучшего наблюдения и надзора за ними¹⁶. По Уставу 1857 г. в институт

¹² Воробьев В. А. К истории наших университетских Уставов // Русская мысль. 1905. № 12. С. 3.

¹³ Цит по: Фурсенко И. Д. Указ. соч. С. 9.

¹⁴ Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Варшава, 1868. Т. 5. С. 62.

¹⁵ Обзорение хода народного просвещения в России за истекшее пятилетие. СПб, 1839. С. 11.

¹⁶ Объяснительная записка к проекту нового Устава (1857) попечителя Варшавского учебного округа тайного советника Муханова // Музей истории ХНАУ.

принимались только особы, окончившие полный курс гимназии или реального училища. Одновременно, в условиях чрезвычайного усиления крестьянских волнений, российское правительство осуществило ряд мер по нейтрализации его влияния на студенчество. По Уставу 1857 г. был существенно увеличен объём теоретического курса, в то время как сельскохозяйственная практика вообще отменялась.

Ужесточение надзора за студентами не могло пресечь их вольнодумства. Это явилось причиной того, что в 1861 г. набор студентов был прекращён. В соответствии со специальным правительственным распоряжением институт был переведён в Ново-Александррию (Пулавы). Согласно новому Уставу 1862 г., путём объединения Маримонтского института сельского хозяйства и лесоводства и Варшавской реальной гимназии, учреждался Политехнический и земледельческо-лесной институт в Ново-Александррии. В институте было открыто пять факультетов: гражданских инженеров, механическое и горное с трёхгодичным сроком обучения, а также сельскохозяйственное и лесное с двухгодичным курсом обучения. Предполагалось, что на всех факультетах будет обучаться около 500 человек. Одновременно рассматривался вопрос о переводе инженерных специальностей в город Лодзь – центр текстильной промышленности.

Столь широкая программа реформирования земледельческого института разворачивалась на фоне обещанной Александром II ревизии общего Устава (1835) российских университетов. Подтолкнуло правительство к этим действиям мощное общественное движение, студенческие выступления, которые приобрели в 1861 г. откровенно антисамодержавную направленность¹⁷. Однако грандиозным планам по обустройству Политехнического и земледельческо-лесного института в Ново-Александррии не суждено было осуществиться. После переезда в Ново-Александррию институт работал только полгода. Активизация национального движения в Польше в 1862 г. и участие в нём студентов и преподавателей стало причиной приостановки занятий в учебном заведении.

Только в 1868 г. министр народного просвещения граф Д. А. Толстой дал согласие на возобновление работы института. Однако условия открытия учебного заведения были определены жёстко. Чтобы институт не сделался вредным для России и опасным в политическом отношении, преподавание в нём может осуществляться только на русском языке¹⁸. По новому Уставу, утверждённому 8 июня 1869 г., директор и инспектор института назначались исключительно из числа лиц русского

¹⁷ *Искра* Л. М. Б. Н. Чичерин и университетская реформа 1863 г. // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века: сб. науч. тр. Воронеж, 1988. С. 66.

¹⁸ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 582. Л. 121.

происхождения, окончивших императорский университет и пользующихся доверием правительства. Такое же требование выдвигалось и при назначении профессоров и доцентов. Как считают польские исследователи, реорганизация Ново-Александрийского института в соответствии с Уставом 1869 г. своим конечным результатом имела полное уничтожение российским правительством высшего образования в Польше¹⁹.

Немало положений, вошедших в Устав института 1869 г., было воспринято от общеуниверситетского Устава 1863 г. И это существенным образом способствовало развитию учебного заведения. Среди обстоятельств, содействовавших росту института, отметим возросшую коллегиальность в принятии решений. Кроме директора и инспектора института, Уставом учреждались Совет и Правление, которые возглавлял директор. В состав Совета входили инспектор и профессора, а также секретарь, избираемый на два года. В случае необходимости, на заседания Совета с правом совещательного голоса приглашались доценты, преподаватели и управляющие имениями. Совет собирался пять-шесть раз в месяц. Одновременно с этим, попечитель учебного округа несколько утратил власть, не имел способов влиять на подчиненный ему институт, поскольку не имел права принимать участие в заседаниях Совета и Правления, получать информацию по всем институтским делам. Аналогичные процессы имели место и в российских университетах, действовавших по Уставу 1863 г., на что обратил внимание российский государственный деятель П. А. Капнист²⁰.

В XIX в. студенческие волнения и беспорядки неоднократно являлись причиной закрытия учебного заведения, что и произошло в очередной раз в апреле 1890 г. В 1891 г. в Ново-Александрию в составе специальной правительственной комиссии прибыл профессор Петербургского университета В. В. Докучаев для выяснения дальнейшего предназначения института. Фактически комиссия должна была решить судьбу двух последних высших аграрных учебных заведения империи – Ново-Александрийского института и Петровской земледельческой академии. Институт в Ново-Александрии решено было не закрывать, как и Петровскую земледельческую академию. Под давлением общественности она была реорганизована и в 1894 г. преобразована в Московский сельскохозяйственный институт.

В 1892–1895 гг. В. В. Докучаев исполнял обязанности директора института. В 1892 г. по инициативе Докучаева возглавляемый им вуз был приравнен к российским университетам²¹. Правда, исследователи

¹⁹ Pamietnik Puławski. Puławy. 1862–1962. Cieszyn, 1965. S. 25.

²⁰ Капнист П. Университетские вопросы. СПб, 1904. С. 25–26.

²¹ Левченко А. Чугуевский институт: несбывшаяся мечта // Красная звезда: общественно-информационная газета Чугуевского района (Харьковская область). 2010. 15 июня.

отмечают, что новый общеуниверситетский Устав 1894 г. «упразднил всякое выборное начало, порвал связь между университетской коллегией и органами университетского самоуправления, которые превратились в чиновничьи учреждения, подчиненные и руководимые исключительно высшей учебной администрацией на принципах бюрократической организации»²².

Однако Ново-Александрыйский институт действовал по собственному Уставу, принятому 17 апреля 1893 г. По этому Уставу, трёхлетний курс обучения был заменён четырёхлетним. От абитуриентов требовался аттестат зрелости или свидетельство об окончании курса реального училища с дополнительным классом. Окончившие институт, в зависимости от успехов, получали звание агронома или лесовода I или II разрядов, с правом ношения особого знака, а не имеющие по происхождению прав высшего состояния причислялись к личному почётному гражданству. В 1893 г. в Ново-Александрыйском институте была создана первая в мире кафедра генетического почвоведения. «Несмотря на всеобщее признание науки о почве, Докучаеву в «alma mater» не удалось открыть самостоятельную кафедру почвоведения»²³, – сообщают на сайте кафедры почвоведения и экологии почв Санкт-Петербургского университета последователи великого учёного заведующий кафедрой, профессор Б. Ф. Апарин и профессор Н. Н. Матинян. Кафедра почвоведения была создана в Ново-Александрыйском институте, что является проявлением несомненного влияния университетской науки на развитие высшей аграрной школы.

Заложенные В. В. Докучаевым принципы организации аграрного образования и аграрной науки позволили Ново-Александрыйскому институту на рубеже веков получить всемирное научное признание. Достаточно часто современные историки вспоминают слова И. А. Стебута о том, что Россия поддерживала свои сельскохозяйственные школы более из желания не отставать от других стран, нежели из общего сознания их необходимости для сельскохозяйственного дела. Тем не менее, школы возникали, школы развивались. В немалой степени под влиянием классических университетских традиций и в генетической связи с российскими университетами.

²² Капнист П. Указ. соч. С. 29.

²³ URL: <http://www.soil.pu.ru/index.php?p=3&a=54>

**Н. Н. Розенталь в первые послереволюционные десятилетия:
неудачная попытка адаптации или столкновение двух
враждующих традиций?***

Осмысление жизненного пути и творческого наследия выдающихся представителей науки является одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед современным гуманитарным знанием. Именно подведение итогов предшествующего развития позволяет по-новому сформулировать дальнейшие цели научного поиска, что особенно актуально в нынешней ситуации кризиса старых парадигм и методов исследования¹.

Изучение судьбы Николая Николаевича Розенталя (1892–1960), советского историка, литературоведа и театрального критика, даёт нам богатый эмпирический материал для подобной рефлексии. Более того, как мы отмечали в своих предшествующих публикациях, посвящённых судьбе учёного, исследование жизненного пути Н. Н. Розенталя позволяет нам составить более глубокое представление о целой когорте историков, получивших специальную подготовку ещё до революции и вынужденных адаптироваться к суровым реалиям советской действительности 1930–1950-х гг.²

Личность Н. Н. Розенталя долгое время была незаслуженно забыта историками науки, а его историографическое наследие на основании некоторых работ, написанных в соответствии с «духом эпохи», оценивалось чрезвычайно поверхностно³. Лишь появившаяся в начале 90-х гг. XX в.

* Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность тем людям, без которых эта публикация не смогла бы появиться. В первую очередь это – Дмитрий Олегович Смекалин, предоставивший в распоряжение автора некоторые архивные материалы, а также любезно согласившийся ответить на вопросы автора по биографии Н. Н. Розенталя. Благодаря Дмитрию Александровичу Гоголеву автор смог использовать документы, хранящиеся в архивах Тюмени, а Николай Вячеславович Салоников не только делился с автором своими наиболее свежими публикациями, посвящёнными историкам-медиевистам НГПИ, но, кроме того, вдохновлял автора на продолжение исследовательской работы.

¹ О проблеме кризиса историографии как науки см.: *Попова Т. Н.* Историография в поисках своего обновления // *Харківський історіографічний збірник*. Харків, 2008. Вип. 9. С. 44–60; *Попова Т. Н.* Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // *Історіографічні дослідження в Україні*: зб. наук. пр. 2008. Вип. 19. С. 42–72.

² *Майборода П. А.* Жизнь и творчество Николая Николаевича Розенталя // *Curriculum Vitae*: зб. наук. пр. Одеса, 2010. Вип. 2. С. 100–114.

³ *Свешников А.* Советская медиевистика в идеологической борьбе 20–30-х гг. // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 90. С. 86–112.

работа ученицы историка-медиевиста И. В. Завьяловой, а затем труды новгородских, тюменских и петербургских историков, написанные на основе архивных документов, в какой-то мере заполнили образовавшуюся лакуну⁴. Однако приходится констатировать, что до настоящего времени не предпринималось попыток комплексного исследования жизненного пути историка, практически не анализировалось его творческое наследие, тем самым оставалась в тени эволюция его личности и мировоззрения. Настоящая публикация, не претендуя на полноту, ставит своей задачей проанализировать перипетии судьбы историка в 20–30-е гг. XX в. на основании широкого круга не задействованных ранее источников. Такой анализ, по нашему мнению, позволит под несколько иным углом взглянуть на некоторые проблемы корпоративной этики исторического цеха⁵.

Кратко резюмируем жизнь и деятельность Н. Н. Розенталя, чтобы затем более конкретно обратиться к событиям 1920–1930-х гг. Будущий историк-медиевист родился в Петербурге в семье книгоиздателя, закончил одно из лучших учебных заведений столицы – Тенишевское училище, а затем историко-филологический факультет Петербургского университета. Работал в многочисленных советских учреждениях. В 1935 г. Н. Н. Розенталь депортирован в Казахстан, а со следующего года переезжает преподавать в Одессу. Выйдя на академическую пенсию, он в 1954 г. переезжает в Москву, где и проводит последние шесть лет своей жизни. Обратимся теперь ко времени революции 1917 г., и рассмотрим подробнее, как разворачивалась жизнь Н. Н. Розенталя в переломные для страны годы.

Одним из наиболее ценных документов, раскрывающих судьбу историка, являются его мемуары, иронически названные автором «Путешествие из Петербурга в Москву»⁶. Из этих воспоминаний мы

⁴ Завьялова И. В., Перишина З. В. Николай Николаевич Розенталь // Видные учёные Одессы. Одесса, 1992. С. 82–85; Александров П. С., Салонилов Н. В. Биографии историков-медиевистов НГУИ // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы VI науч. конф. историков-архивистов, 29–30 мая 2006 г. Великий Новгород, 2006. С. 177–185; Гоголев Д. О. Листування М. М. Розенталя з П. І. Рощевським (післямова О. О. Радзиховської) // Записки історичного факультету Одеського національного університету. Одеса, 2004. Вип. 15. С. 487–488; Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Первый заведующий (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: сб. ст. / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. Вып. 6. С. 3–14.

⁵ Подробнее о современных разработках в сфере научной этики см. концепцию Р. Мертона, изложенную, например: Мирская Е. З. Р. К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. 2005. Вып. 11. С. 11–28.

⁶ Розенталь Н. Н. Путешествие из Петербурга в Москву [Рукопись]. 1960. Л. 1–47. Личный архив Д. О. Смекалина.

узнаём, что в разгар революционных событий в Петрограде историк штудирует «Психологию социализма» Гюстава Лебона, заявлявшего, между прочим, что ему жалко ту страну, где постараются осуществить «социалистический эксперимент». Воспоминания Н. Н. Розенталя о революции – это, прежде всего, прения кадетских ораторов и неразрешённые (а часто и неразрешимые) вопросы, встающие перед индивидуумом, обществом, государством. Главным в человеческой природе Розенталю представляется свобода, за которую так ратовали кадеты и которую пытались уничтожить с помощью своей диктатуры большевики. Однако вместо прояснения позиции историка во время октябрьских событий, гражданской войны или послевоенного восстановления экономики, перед читателем возникают лишь новые загадки, так как мемуары Н. Н. Розенталя обрываются за миг до кульминации: на подведении итогов летних месяцев 1917 г.

О жизни историка-медиевиста вплоть до 1924 г. мы располагаем только обрывочными сведениями. В своём «Письме в ЛОКА» (которое будет проанализировано ниже)⁷ он сообщает, что с 1918 г., разочаровавшись в политической деятельности, всецело обратился к науке, сдал магистерские экзамены и приступил к написанию работы о Юлиане Отступнике. В 1919 г. историк впервые лицом к лицу столкнулся с новой советской действительностью, когда его во время наступления на Петроград войск Юденича заключили в тюрьму в качестве заложника⁸. Внук медиевиста Д. О. Смекалин вспоминает семейные рассказы, из которых следует, что «...условия (заключения. – П. М.) были самые ужасные. После провала наступления его (Н. Н. Розенталя. – П. М.) отпустили – совершенно больным, грязным и бородатым...»⁹. Тот краткий арест был лишь первой ласточкой многочисленных «гонений» на него со стороны власти, среди которых и обвинения в разнообразных «уклонах», буржуазности и даже национальном шовинизме, высылка из Ленинграда в 1935 г. и преследования как «безродного космополита» в Одессе.

В 1923 г. Н. Н. Розенталь публикует в качестве отдельной книги своё исследование «Юлиан Отступник: трагедия религиозной личности»¹⁰, а уже со следующего года начинает преподавание на факультете общественных

⁷ Письмо Н. Н. Розенталя // *Зайдель Г. С., Цвибак М. М.* Классовый враг на историческом фронте. Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединённом заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградском отделении общества историков-марксистов. М.; Л., 1931. С. 228–229.

⁸ *Липкович Я.* Слово о Тенишевском училище // *Звезда.* 1992. № 4. С. 138–148.

⁹ Письмо Д. О. Смекалина автору от 30 января 2010 г.

¹⁰ *Розенталь Н. Н.* Юлиан Отступник: трагедия религиозной личности. Пг., 1923.

наук¹¹ в Петроградском университете, образованном вместо историко-филологического факультета. Активной деятельности учёного, чтению лекций и написанию первых советских учебников по курсу Средних веков предшествует длительный период рефлексии, совпавший, кстати сказать, с расцветом НЭПа. В это время Н. Н. Розенталь выступает в качестве активного театрального критика¹², участвует в собраниях Вольной философской ассоциации (Вольфила), выступая там с докладами по вопросам, связанным с религиозными взглядами своего главного героя – Юлиана¹³. Можно высказать предположение, что тогда научные и культурные интересы историка, если и пересекались с новой действительностью, то отнюдь не в таких официальных учреждениях, как опекаемые властью Институт Красной профессуры, Комакадемия или университет.

Что же послужило причиной резкой перемены позиции историка в 1924 г.? Нам представляется, что на выбор Н. Н. Розенталя, главным образом, повлияло опубликование первой научной монографии, оставаться после которой в стороне от академической жизни означало вступить в прямую оппозицию к новой власти. К тому же, Н. Н. Розенталь был одарённым лектором, которого любили слушать школьники ещё в Тенишевском училище, а те выступления, которые получалось время от времени организовывать в Вольфила, не могли, очевидно, в полной мере удовлетворить историка.

Двухтомник «Западно-европейское средневековье»¹⁴ был первой попыткой осмысления историком нового подхода к исторической науке, который распространился в СССР под влиянием М. Н. Покровского. Последний придерживался концепции торгового капитализма, в соответствии с которой Н. Н. Розенталь рассматривал средневековое общество как эпоху господства натурального хозяйства, которое расшатывается только с зарождением и первыми успехами рынка. Необходимость монистичного взгляда на развитие общества, о котором говорил ещё К. Маркс, была истолкована историками «школы Покровского» (а сюда стали относить всех представителей цеха, пишущих в рамках обозначенной первым «красным профессором» терминологии)

¹¹ Александров П. С., Салоников Н. В. Указ. соч. С. 179; Завьялова И. В., Першина З. В. Указ. соч. С. 82.

¹² Н. Н. Розенталь выступает одним из наиболее продуктивных театральных критиков первой половины 1920-х гг. Его деятельности в этом качестве мы надеемся посвятить отдельную работу.

¹³ См.: Белоус В. Г. Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб., 2007.

¹⁴ Розенталь Н. Н. Западно-европейское средневековье. Л., 1924. Ч. 1; Розенталь Н. Н. Западно-европейское средневековье. Л., 1925. Ч. 2.

весьма своеобразно: место господствующего способа производства и производительных сил заняла торговля и развитие свободного рынка.

Книга «Западно-европейское средневековье» недолго была тем пособием, по которому обучались будущие советские историки. Вскоре на смену ей пришли иные (и справедливости ради следует сказать – более удачные) учебники¹⁵. В предшествующих публикациях нами уже были проанализированы положительные и отрицательные стороны этого первого медиевистического учебника в СССР¹⁶, и чтобы не повторяться, приведём отрывок из отзыва М. В. Бречкевича: «... книги Розенталя лучше читать тому, кто уже знаком с общим развитием средневековой истории. Если же кто-либо знакомится со средневековьем впервые из книжек Розенталя, то ему трудно составить себе ясное представление о развитии общества, главным образом, из-за того, что экономические события (первый раздел) происходили в тесной связи с жизнью общества (второй раздел) и государства (третий раздел). И книга Розенталя об одном каком-то явлении вынуждена рассказывать в трёх разделах... Такое распыление не позволяет составить от книги целостного впечатления»¹⁷.

Примерно в том же ключе написана Н. Н. Розенталем и продолжающая «Западно-европейское средневековье» «История Европы в эпоху торгового капитализма»¹⁸. Разница заключалась лишь в том, что, говоря о новом времени, историк-медиевист мог больше сослаться непосредственно на М. Н. Покровского, а также включил в свой труд небольшой фрагмент, относящийся к истории Российской империи. Обращение к отечественной истории спустя несколько лет, после того, как построения М. Н. Покровского были объявлены ошибочными, вызвало резкую критику на страницах официальной печати.

Гораздо более интересной в плане выявления характерных черт Розенталя-исследователя является его книга «Томас Мюнцер»¹⁹. Главный герой этой работы, подобно Юлиану Отступнику, личность которого привлекала внимание Н. Н. Розенталя на протяжении почти сорока лет, отвергает косность и лицемерие представителей официальной Церкви и совмещает евангельские проповеди с призывами к свержению феодалов.

¹⁵ О первых учебниках советских медиевистов см.: *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Университетские учебники и довоенная кафедра истории Средних веков ЛГУ // История. Мир прошлого в современном освещении: сб. науч. ст. к 75-летию со дня рожд. проф. Э. Д. Фролова / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 571–580.

¹⁶ *Майборода П. А.* Указ. соч. С. 104–105.

¹⁷ *Бречкевич М. В.* Доба західно-європейського феодалізму в новітніх працях радянських істориків // Записки Дніпропетровського інституту народної освіти. 1927. Т. 1. С. 284–285.

¹⁸ *Розенталь Н. Н.* История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927.

¹⁹ *Розенталь Н. Н.* Томас Мюнцер. М.; Л., 1925.

Одним из больших достоинств книги было стремление глубоко разобраться в психологии и чувствах Томаса Мюнцера. Благодаря живому и образному языку, отказу от изображения народного героя исключительно социальным революционером, для которого божественные «откровения» были лишь средством достижения цели, автор чрезвычайно убедительно изображает одно из главных событий истории Германии XVI в. – Крестьянскую войну. Тем более несправедливым кажется, что эта книга не упоминается даже в числе специальных работ, посвящённых Томасу Мюнцеру, не даёт на неё указаний и М. М. Смирин, перу которого принадлежит монография по указанной проблематике²⁰.

Ещё две книги Н. Н. Розенталя этих лет – «Исторический путь Запада» и «Рождение современной Европы»²¹ – являются своего рода хрестоматиями художественной литературы, написанной по истории Средних веков и Нового времени. Подводя итог перечисленным работам, важно отметить некоторые их черты, характеризующие самого автора. Прежде всего, библиографические описания в книгах Н. Н. Розенталя сделаны чрезвычайно небрежно: впервые рецензенты обратили на это внимание ещё после выхода «Юлиана Отступника»²², однако подобное замечание верно и для всех его работ о европейском Средневековье. Во-вторых, необычайная яркость и богатство языка сближает произведения Н. Н. Розенталя с художественной литературой, однако, когда учёный ссылается на первоисточники, то делает это зачастую вопреки академической традиции, по переводам, а не по подлинникам. Таким образом, Н. Н. Розенталь совмещает в себе черты как старой исторической школы, так и последователей М. Н. Покровского: у одних он перенимает манеру писать свои работы ярким литературным языком, глубину проникновения в предмет исследования, у других – небрежность в отношении справочного аппарата и пренебрежение цитированием подлинника.

Из других работ Н. Н. Розенталя, вышедших во второй половине 1920–1930-х гг., следует отметить специальные публикации в помощь школьным учителям²³. Ряд статей он посвящает дискуссионным вопросам

²⁰ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1947.

²¹ Розенталь Н. Н. Исторический путь Запада: Историко-беллетристический сборник. Л., 1926; Розенталь Н. Н. Рождение современной Европы: Историко-беллетристический сборник. Л., 1926.

²² Малейн А. И. Русская книга о Юлиане Отступнике // *Анналы*. 1923. Т. 3. С. 252–253; Введенский А. А. Н. Н. Розенталь. Юлиан Отступник... // *Записки Передвижного общедоступного театра*. 1923. 5 июня. С. 8–9.

²³ Розенталь Н. Н. Древние германцы // *История в средней школе*. 1934. № 2. С. 21–34; Розенталь Н. Н. Образование варварских государств // Там же. С. 34–49; Розенталь Н. Н. К вопросу о классовой сущности готического искусства // Там же. 1935. № 1. С. 29–38.

перехода от Античности к Средневековью, и хотя историк ссылается на опровергнутую впоследствии сталинскую концепцию «революции рабов», в целом для них характерен высокий уровень исследования поставленных проблем²⁴. Историк концентрируется на борьбе с эволюционной концепцией развития исторического процесса, которой придерживались Фюстель де Куланж и Альфонс Допп. Одной из главных социально-экономических проблем, решаемых в этих публикациях, является хронология появления различных видов ренты: Н. Н. Розенталь отмечает, что на заре Средневековья господствовала отработочная рента, впоследствии же возникла и денежная её форма²⁵.

Ещё одну большую теоретическую статью историк посвятил критической оценке достижений западной («буржуазной») науки в исследовании Средневековья. Эта работа была подробно проанализирована Г. Е. Лебедевой и В. А. Якубским²⁶, поэтому отметим лишь то, что, перечислив все грехи современной автору средневековедения, Н. Н. Розенталь не менее рьяно обрушился на своего бывшего коллегу по кафедре Л. П. Карсавина²⁷.

В этом месте нам предстоит коснуться, пожалуй, наиболее сложного периода жизни Н. Н. Розенталя. Связан он в первую очередь с установлением в стране культа личности Сталина, сопровождавшимся критикой различных «идеологически-чуждых» концепций. Для историка-медиевиста это было время сложнейших моральных дилемм, связанных с его выступлениями против коллег, начало которым положила критика «идеализма» Л. П. Карсавина. Ценным в связи с этим представляется замечание А. И. Добкина о том, что Н. Н. Розенталь «выступил против “врагов марксизма”, но либо уже мёртвых, либо арестованных. Своего наставника И. М. Гревса Розенталь ни в этом ряду, ни в положительном смысле не упомянул, в отличие от С. Н. Валка, попытавшегося защитить доброе имя своего покойного учителя А. С. Лаппо-Данилевского»²⁸. Прочитанное замечание ещё раз подчёркивает противоречивость позиции Н. Н. Розенталя во время «идеологической борьбы» на

²⁴ *Розенталь Н. Н.* К вопросу о развитии форм эксплуатации в западноевропейском обществе в период возникновения феодализма // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 47–55; *Розенталь Н. Н.* Римская империя в последние десятилетия своего существования // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 69–80.

²⁵ *Розенталь Н. Н.* К вопросу о развитии форм эксплуатации... С. 50.

²⁶ *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Первый заведующий... С. 7–11.

²⁷ *Розенталь Н. Н.* Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1934. С. 662.

²⁸ *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имён А. И. Добкина. М., 1992. С. 179. Прим. 26.

историческом фронте в 1930-е гг.: с одной стороны, историк старался не причинить вреда и критиковал лишь тех, чья судьба и так была решена соответствующими органами, с другой, не имел, подобно многим учёным, смелости выступить в защиту своих академических наставников.

Так, статья, опубликованная Н. Н. Розенталем в 1930 г.²⁹ и содержащая критику взглядов Д. М. Петрушевского, едва ли является характерным образцом «обличительной» литературы: прежде всего, благодаря эрудиции автора, его знанию истории вопроса (историк-медиевист вновь обращается к переходному периоду между Античностью и Средневековьем), признанию за Д. М. Петрушевским значительных достижений в сфере изучения средневековой истории. Однако все заслуги одного из крупнейших советских медиевистов перечёркиваются, по мнению Н. Н. Розенталя, его следованием концепции А. Допша, которая решительно должна быть признана антимарксистской, мешающей прогрессивному развитию советской науки³⁰.

Сам Н. Н. Розенталь также испытал на себе тяжесть критики, относившейся как к его книгам о торговом капитализме³¹, так и к ранней «идеалистической» работе о Юлиане Отступнике. Так, в отчёте о заседании ЛОКА от 5 февраля 1931 г.³² имя историка фигурирует в связи с расплывчатой формулировкой: «протаскивающие идеологические концепции», а сам историк называется не иначе, как «антимарксистским попутчиком».

Именно разоблачительное заседание ЛОКА, по нашему мнению, было одной из главных причин, по которым историк выступил в качестве одного из многочисленных критиков С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле, собравшихся в ЛОКА для обличения фигурантов «академического дела». Доклад, сделанный Н. Н. Розенталем, по поводу работы Е. В. Тарле «История Италии в средние века»³³, с самого начала не задался: выступавший перед медиевистом Х. Лурье заявил, что Розенталь должен отмежеваться от своих ранних идеалистических работ³⁴. Всё это, судя по

²⁹ *Розенталь Н. Н.* Проблемы Западно-европейской средневековой истории в освещении Допша-Петрушевского // Проблемы марксизма: ст. и исслед. Л., 1930. Т. 2. С. 54–85.

³⁰ Там же. С. 84–85.

³¹ *Волин М.* Против великодержавных традиций в истории. Н. Н. Розенталь «История Европы в эпоху торгового капитализма» // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 200–201. Анализ критики М. Волина см.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 64. Прим. 24; *Майборода П. А.* Указ. соч. С. 106.

³² *Кондратьева Т. Н.* «О положении и задачах на фронте исторической науки» в начале 1930-х годов // Европа. Международный альманах. 2004. Вып. 4. С. 206–207.

³³ Розенталь Н. // *Зайдель Г. С., Цвибак М. М.* Указ. соч. С. 190–193.

³⁴ Лурье Х. // Там же. С. 189–190.

стенограмме доклада, значительно отразилось на настроении Н. Н. Розенталя: предполагая выступать в качестве обличителя, он совершенно не ожидал критики в свой адрес. Его анализ труда Е. В. Тарле, хотя и был произведён в соответствии с характерными для историка академическими стандартами, однако, содержал ряд высказываний, переводящих дискуссию в далёкую от науки плоскость. Однако подобное выступление Н. Н. Розенталя, с помощью которого он в первую очередь хотел оградить себя от преследования (так как Е. В. Тарле и С. Ф. Платонов уже были осуждены), совершенно не устроило организаторов дискуссии М. М. Цвибака и Г. С. Зайделя. Так, М. М. Цвибак заявил, не стесняясь в выражениях: «Когда старый историк хочет говорить о том, что происходит сейчас на историческом фронте, то ему, прежде всего, нужно начинать с себя. А когда приходит Н. Н. Розенталь и начинает рассказывать о том, что Тарле в какой-то дрянной книжке написал отчаянную чепуху, то Розенталью нужно сказать, что таким образом марксистских крепостей не берут»³⁵.

Стараясь оправдаться, историк, спустя несколько дней, пишет открытое письмо в Комакадемию, в котором излагает весьма подретушированную историю своей жизни – от обучения в университете до написания книг, посвящённых торговому капитализму. Несмотря на определённые жанровые каноны, в которые пытался «втиснуться» Н. Н. Розенталь (характерно, например, такое выражение: «После пережитых мною колебаний и сомнений в годы революции, я решительно порвал со своим буржуазным прошлым и всецело связал себя с делом рабочего класса»), его история жизни – далеко не типичное жизнеописание, характерное для вставших на марксистские рельсы историков старой школы. Он решительно выступает в защиту своей работы о «Юлиане Отступнике», оригинально интерпретируя содержащийся там призыв к чисто религиозному духовному обновлению как требование покончить с буржуазным прошлым и принять новую советскую действительность. Вывод, сделанный Н. Н. Розенталем в этом письме, как по выразительности языка, так и по искренности чувств, которые историк смог изложить на бумаге, вступает в разительный контраст с другими подобными документами эпохи: «Если в отношении к нашим классовым врагам у меня нет надлежащей большевистской ненависти, то это объясняется отнюдь не моими принципиальными колебаниями, но лишь пережитками буржуазно-интеллигентской психологии. Я стремлюсь к социализму и ненавижу капитализм, но в условиях конкретно-практической деятельности мне легче любить, чем ненавидеть. Пролетарская молодёжь, с которой я веду большую педагогическую работу, знает меня как своего искреннего и верного друга.

³⁵ Заключительное слово. М. Цвибак // Там же. С. 210.

И большей частью она также расположена ко мне, хотя в начале знакомства со мной всегда обнаруживает более или менее острое классовое недоверие. В последнее время мои ученики всё настойчивее и настойчивее спрашивают меня, почему я не с ними в партии, что удерживает меня от формального заявления о желании вступить в неё. Я отвечаю им: я ещё не доверяю своей психологической подоплёке, я ещё не до конца изжил в себе старого интеллигента, я ещё не коммунист de facto, но думаю, что скоро стану им...»³⁶. Резолюция Комакадемии отличалась не в пример письму историка краткостью: «По поводу заявления Н. Н. Розенталя надо отметить его умолчание о том, что в партии кадетов он играл не последнюю роль... и даже написал очерк по истории своей партии. Эти обстоятельства диктовали, казалось, Н. Н. Розенталю необходимость развернуть и до конца вскрыть свои политические и идеологические ошибки... Приходится констатировать, что “пережитки буржуазно-интеллигентской психологии”... достаточно в нём сильны и сейчас»³⁷.

Итак, решительные попытки Н. Н. Розенталя попасть в обойму советских историков, борющихся с идеологическим врагом на историческом фронте, едва ли можно назвать удачными. Когда он выступал с критикой, его слова звучали слишком двусмысленно, академически, когда пытался отречься от своих прошлых кадетских взглядов, объяснения звучали слишком мудрёно, в образном языке формулировок медиевиста не находилось места простым и единственно верным терминам, вошедшим в употребление в сталинскую эпоху. Сам он, пожалуй, лучше всего резюмировал свои взгляды по поводу критического осмысления чужого творчества, выступая против интерпретации К. Каутским истории христианства: «Взгляды Каутского... должны быть нами решительно отвергнуты. Вопрос нужно изучить не с каутскианских, а с марксистско-ленинских позиций. Но в то же время необходимо помнить, что всякое неподготовленное выступление против классового врага легко может привести к торжеству последнего. Нельзя преодолеть Каутского путём конструирования абстрактных схем и произвольного обращения с фактами. Материалистическое понимание истории требует самого тщательного, самого вдумчивого изучения конкретной исторической действительности (курсив наш. – П. М.)».

То, что спустя несколько лет Н. Н. Розенталь становится заведующим кафедрой истории Средних веков возрождённого исторического факультета ЛГУ, может показаться некоторым противоречием изложенному выше. Однако нам представляется, что одной из главных причин такого карьерного взлёта была не борьба историка на

³⁶ Письмо Н. Н. Розенталя // Там же. С. 229.

³⁷ Приложение // Там же. С. 224.

идеологическом фронте, а его деятельность в различных научных учреждениях, а также необычайная творческая активность.

Так, например, летом 1933 г. Н. Н. Розенталь соглашается на преподавание истории средних веков в НГПИ³⁸. По условиям договора, историк обязался приезжать в Новгород раз в месяц, читая курсы истории Средних веков, торгового капитализма Востока и Запада в Новое время. Для большинства ленинградских историков, работавших в Новгороде, чтение лекций в НГПИ было возможностью дополнительного, а в некоторых случаях – и основного, заработка. Однако, на наш взгляд, такой мотив едва ли можно считать ведущим в случае Н. Н. Розенталя: в качестве профессора он работал в Ленинградском институте философии, литературы и истории, Педагогическом институте им. А. И. Герцена, Восточном институте им. А. Енукидзе. Быть может, для историка-медиевиста гораздо большей мотивацией являлось желание поделиться своими знаниями, донести до новгородских студентов научное понимание истории, желание «упрочить карьеру» за счёт «стахановских» объёмов чтения лекций. Как бы то ни было, в следующем, 1934 г., он получает звание мастера-педагога в пединституте им. А. И. Герцена, а также награждается Почётной грамотой на Всесоюзном соревновании высших школ³⁹. 1 июня историк был назначен заведующим кафедрой истории Средних веков ЛГУ; для работы на кафедре он привлекает старых учёных с мировым именем – О. А. Добиаш-Рождественскую и И. М. Гревса. Его отношения с этими маститыми медиевистами складывались непросто. И. М. Гревс, например, пишет в одном из писем: «С Н. Н. Розенталем отношения наружно дружественные, что внутренне – не разберёшь»⁴⁰, а сам историк, вспоминая старых коллег, замечает: «... в Ленинграде недостаточно знали меня, как неплохого научного работника... Ну, ладно, поставим на этом точку. Кто старое помянет, тому глаз вон, ... но кто старое забудет, тому оба вон»⁴¹.

Не проработав и года в качестве заведующего кафедрой, Н. Н. Розенталь в апреле 1935 г., в разгар чисток, развернувшихся после убийства С. М. Кирова, был выслан из Ленинграда как «сын

³⁸ Салоников Н. В. Историки ленинградской школы в Новгородском государственном учительском институте (1932–1941 гг.) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: труды междунар. науч. конф., 23–25 июня 2009 г. / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб., 2009. С. 402–419.

³⁹ Завьялова И. В., Перишина З. В. Указ. соч. С. 82.

⁴⁰ Цит. по: Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Первый заведующий... С. 14.

⁴¹ Письма П. И. Рощевского Н. Н. Розенталю // ГАСПИТО. Ф. 4060. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

домовладельца» и бывший гласный Петроградской думы от партии кадетов⁴². Пробыв некоторое время в Челкаре (ныне – Шалкар, Казахстан), он перебирается в Алма-Ату, где преподаёт в местном педагогическом институте⁴³. Интересно, что в 1937 г. НКВД фабрикуется дело о масонской организации, которая якобы планировала свержение советской власти. Одним из обвиняемых был востоковед Ф. Б. Ростопчин, в записной книжке которого был обнаружен адрес Розенталя⁴⁴. Выяснилось, что учёные познакомились в Челкаре, и некоторое время общались по переписке. Трудно, поэтому, назвать совпадением появление спустя несколько месяцев имени Розенталя в протоколе допроса другого участника процесса розенкрейцеров Г. В. Гориневского. Последний был соучеником историка-медиевиста по Тенишевскому училищу, продолжая поддерживать с ним дружеские связи и по окончании учёбы. Судя по протоколам следствия, Г. В. Гориневский смог оказать последнюю дружескую услугу Розенталю, решительно отрицая его связь с любыми организациями тамплиеров, и избавив тем самым историка от внимания органов ленинградского НКВД⁴⁵.

Не подозревая, что был спасён от репрессий благодаря твёрдости старого друга, Н. Н. Розенталь провёл 1936/1937 учебный год в Одессе. Однако вскоре после его приезда руководство Одесского университета сменилось, и учёный попал под огонь критики как «старый профессор». Газета «Черноморская коммуна» от 30 сентября 1937 г. даёт ему следующую характеристику: «Кадета Розенталя специально выписал для преподавания истории бывший ректор университета отчаянный троцкист Шмидт. Не нужно быть особенно дальнзорким, чтобы развенчать Розенталя. Его лекции часто бывают с националистическим душком. Недавно он освещал историю чешского народа с фашистско-националистических позиций. Всем известно выступление Розенталя с клеветническим заявлением против подготовки кадров историков-большевиков»⁴⁶.

Через некоторое время Н. Н. Розенталя вместе с множеством других заслуженных преподавателей отстраняют от чтения лекций, ему грозит обвинение в троцкизме и вредительстве⁴⁷. Правильно оценив ситуацию, он

⁴² *Розенталь Н. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Л. 47.

⁴³ *Завьялова И. В., Перишина З. В.* Указ. соч. С. 82.

⁴⁴ Ростопчин Фёдор Борисович // Орден российских тамплиеров / публ., вступ. ст., комм., указ. А. Л. Никитина. М., 2003. Т. 2: Документы 1930–1944 гг. С. 282.

⁴⁵ Гориневский Георгий Валентинович // Там же. С. 267.

⁴⁶ *Штенберг С.* Очистити Одеський університет від буржуазно-націоналістичної погані // Чорноморська комуна. 1937. 30 вересня. С. 2.

⁴⁷ *Петровський Е. П.* Кадрова ситуація на історичному факультеті Одеського державного університету в 1930-х роках // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. Київ, 2004. Вип. 13. С. 260–273.

решает уехать из Одессы в Курск, где один из его учеников П. И. Роцевский не так давно защитил диссертацию⁴⁸. Избежав, таким образом, ареста, историк проводит последние предвоенные годы в небольшом провинциальном городке, где занимается подготовкой окончательной версии своей диссертации.

Итак, сформулируем несколько промежуточных выводов. Изучение жизненного пути и творческой деятельности Н. Н. Розенталя в 20–30-е гг. XX в. позволяет сделать заключение о размытости корпоративных этических стандартов в этот период. В одно и то же время историк выступал в двух противоположных ролях: как «обличитель» и как объект критики, поэтому любое заявление в защиту своего творчества или умолчание о «прегрешениях» коллег требовало колоссального мужества. Н. Н. Розенталь в данном смысле – фигура противоречивая: у него хватало смелости защищать свои ранние работы, написанные вне рамок «ортодоксии», полученное в университете академическое воспитание уберегало его от вульгарной критики и перехода на личности, что, однако, не мешало историку выступать во время основных идеологических компаний с осуждением коллег. Важность личности историка-медиевиста для нас ещё и в том, что, выжив во время репрессий 1930-х гг., после войны он передал свои исследовательские приёмы и стремление к глубине научного поиска новому поколению университетских работников, перекинув тем самым мостик между дореволюционной и советской наукой. Быть может, одна из наиболее важных задач современной историографии как раз и заключается в том, чтобы осмыслить возможность передачи традиции от одной исторической эпохи к другой и субъективную роль «людей науки», которые, несмотря на все перипетии их жизни, несли этот Прометеев факел будущим поколениям?

⁴⁸ Письмо Д. О. Смекалина автору от 27 января 2010 г.

А. С. Крымская (СПбГУКИ),
С. А. Зюзин (ГУ ВПЦ «Дзержинец»)

**Университетская тема в истории общественной мысли:
вклад Г. А. Тишкина в её изучение**

В 2011 г. 22 августа из жизни ушёл доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ Григорий Алексеевич Тишкин, чьё научное творчество и педагогическая деятельность были тесно связаны с СПбГУ¹.

Впервые в стенах Петербургского (тогда – Ленинградского) университета Григорий Алексеевич появился в 1962 г. Поработав после окончания школы (1958 г.) на стройках Москвы, в родном городе Красный Луч, он посетил, по примеру А. М. Горького, Донбасс, Приазовье, Крым, Кавказ и Кубань, а в возрасте 21 года стал студентом исторического факультета. В то время на некоторых факультетах ввели углублённое изучение иностранных языков. Из трёх предложенных на выбор языков: английского, французского и испанского, Григорий Алексеевич выбрал последний в силу того, что в те годы была популярна кубинская революция. На факультете он оказался одним из самых активных студентов. Его избрали секретарём комсомольской организации курса. Неоднократно на традиционных конкурсах студенческих научных работ его сочинения были отмечены наградами. Кроме того, углублённая языковая подготовка позволила ему уже после окончания второго курса вести экскурсии на испанском языке при Ленинградском городском экскурсионном бюро.

Его первые публикации стали выходить в 1968 г., и были посвящены революционно-освободительному движению в России в XIX – начале XX в., студенческому движению в Петербурге в конце 1850 – начале 1860-х гг. В них особое внимание Г. А. Тишкин уделял студентам Петербургского университета. Итоги изучения истории студенческого движения в Петербурге середины XIX в. были им изложены в кандидатской диссертации, подготовленной под руководством профессора Н. Г. Сладкевича и защищённой в 1973 г.

В ходе изучения истории Петербургского университета и студенческого движения в творчестве Г. А. Тишкина возникло новое направление – «история женского вопроса в России во второй половине

¹ Подробнее о Г. А. Тишкине см.: Страницы истории: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию со дня рожд. проф. Г. А. Тишкина / отв. ред. Р. Ш. Ганелин; сост. А. С. Крымская. СПб., 2008; Тишкин Григорий Алексеевич // Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: биобиблиогр. словарь / сост. Г. А. Тишкин. СПб., 2004. С. 613–614.

XIX–XX вв.». Оно объединяло несколько тем: историю женского высшего образования, историю женского движения, судьбы женщин-учёных. Первые публикации по этому направлению стали появляться с 1976 г. Так или иначе, исследуя историю женского движения, Григорий Алексеевич связывал её с историей освободительного движения и с одной из его тем – университетской историей. Он писал о женщинах, которые боролись за свои права в получении высшего образования. Обобщающей работой в изучении истории женского вопроса стала монография «Женский вопрос в России в 50–60-е гг. XIX в.», получившая положительные отзывы как советских, так и зарубежных учёных. Первая рецензия на монографию – менее чем через два месяца после выхода её в свет – появилась в Японии под названием «Исследования истории женского вопроса, начавшиеся в Советском Союзе»². Её автор профессор Токийского университета Мичико Оно, указав на актуальность публикации книги, высказала такое мнение: «Для тех, кто хочет заняться женской проблемой в России, но мучается, размышляя, что бы почитать, книга эта станет и хорошим руководством по литературе вопроса. Это издание даёт основание надеяться, что в будущем в Советском Союзе исследования женского вопроса будут быстро развиваться»³. Судя по потоку литературы, посвящённой истории женского вопроса и женского движения, который стал появляться в России начиная с 90-х гг., а также по числу ссылок на монографию Г. А. Тишкина, можно с полной уверенностью заявить, что прогноз японского профессора сбылся. Известный историк женского движения Бьянка Петров-Энкер также высоко оценила книгу Г. А. Тишкина, отмечая, что он «добился того, что Ленинград смог стать центром международных встреч для всех, кто занимался российской гендерной историей. Этому способствовали не только регулярно проводившиеся им конференции по вопросам истории российских женщин, также и материалы этих конференций, которые он публиковал. Более того, для всех, кто приезжал в Россию из-за границы с целью проведения исследований по женскому вопросу, стало абсолютной необходимостью и одновременно важным поводом встретиться с ним и обратиться к нему за советом»⁴. И действительно, Г. А. Тишкин стал не только признанным научным лидером в этом вопросе, но и в 90-е гг. возглавлял движение женских общественных организаций⁵. За период с

² Оно М. Исследование женского вопроса, начавшееся в Советском Союзе [Рец.] // Муза. 1985. № 3. С. 50–52. [на японском яз.]

³ Марголис Ю. Д. Справка о научной и педагогической деятельности // Григорий Алексеевич Тишкин: библиогр. указ. тр. и цитирующей лит. / сост. Л. Д. Шехурина. СПб., 1994. С. 31–32.

⁴ Петров-Энкер Б. Григорию Алексеевичу Тишкину посвящается // Страницы истории... С. 75.

⁵ Об этом см.: Козлова Н. И. Г. А. Тишкин и женское движение 90-х годов XX в. // Там же. С. 63–74.

1993 по 2007 гг. он выступил организатором семи научных международных конференций по гендерной проблематике⁶.

И история студенческого, и женского движения рассматривались Г. А. Тишкиным в контексте истории университета. Поэтому закономерно, что он расширил рамки своего исследования, приступив к изучению более ранней истории университета, а именно установления даты его основания. Он стал интересоваться этим вопросом ещё в студенческие годы, разговаривал об этом с профессором ЛГУ В. В. Мавродиным. В одном из своих интервью Г. А. Тишкин вспоминал: «Владимир Васильевич меня тогда разочаровал, сказав, что на историческом факультете была попытка заняться историей Петербургского университета в XVIII в. Такую тему даже дали одному студенту, но после непродолжительных поисков он разочаровался и сказал, что он не нашёл никаких серьёзных материалов по этому вопросу. Позже я снова стал интересоваться этой проблемой, уже в связи с тем, что занимался историей нашего университета в XIX в. Естественно, мне в руки попадались какие-то материалы и по более ранней, и по более поздней его истории. Кроме того, познакомившись с историей европейских университетов, я увидел, что в деятельности многих известных университетов, например, Хельсинкского и Болонского, Тартуского и Вильнюсского, были перерывы. История университетов теснейшим образом связана с социально-политической историей тех государств, на территории которых они существуют. Знакомство же с русской историей заставляет увидеть ещё один любопытный факт: у нас всё делалось иначе, чем в других странах. Создание учебных заведений происходило долго, с трудом, с какими-то идеологическими оскалами в сторону: наш ли человек станет во главе, достоин ли тот или иной профессор читать лекции и пр.»⁷.

На рубеже 1982–1983 гг., когда Григорий Алексеевич встретился с только что приехавшим из Сыктывкарского университета после непродолжительной «ссылки» Юрием Давидовичем Марголисом, в местком, в большом красивом кабинете с видом на Неву, они обсуждали дату основания Университета и пришли к выводу о необходимости уточнения этой даты⁸. Так, в 1983 г. на страницах еженедельника «Ленинградский университет» появилась их статья «Сколько лет

⁶ См.: *Крымская А. С.* Библиографический указатель трудов Г. А. Тишкина и цитирующей литературы. Картографическое отражение его научной деятельности // Там же. С. 515–572.

⁷ *Тишкин Г. А.* Где учился и преподавал Ломоносов? Беседа с Г. А. Тишкиным / записал А. Шумилов // Санкт-Петербургский ун-т. 1997. № 2. С. 9–11.

⁸ В 1979 г. Г. А. Тишкин был избран на должность заместителя Местного (профсоюзного) комитета ЛГУ, а в 1982 г. – на должность председателя, которую занимал до 1984 г. – до перевода в Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской на должность проректора по научной работе.

Петербуржскому университету?»⁹, вылившаяся в важную тему, ставшую эпохой в отечественной историографии. В этой статье, а затем в книгах «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» (Л., 1988) и «Единым вдохновением» (СПб., 2000) Тишкин и Марголис доказали, что Петербургский университет – прямой преемник Петровского университета. Дискуссия вокруг этого вопроса сначала велась в университете, потом вышла за его пределы, на страницы ленинградских-петербургских газет и журналов, а затем распространилась и на центральные органы печати.

Спустя 14 лет после первой публикации историческая справедливость была восстановлена: Постановлением Правительства РФ № 1379 от 1 ноября 1997 г., подписанным премьер-министром В. С. Черномырдиным, была выделена сумма в размере 20 млн. руб. и 30 млн. долларов США, которая предназначалась для реконструкции помещений Университета в рамках подготовки к 275-летию юбилею. Данным Постановлением не только была гарантирована финансовая поддержка, но оно являлось и официальным признанием готовящихся торжеств. Таким образом, 1724 г. был признан как год основания СПбГУ.

Конец 1990-х гг. прошёл для Г. А. Тишкина под знаком 275-летия СПбГУ. Помимо появления фундаментальной книги «Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724–1999» (СПб., 1999), написанной в соавторстве с И. Л. Тихоновым и Г. Л. Соболевым, под руководством Г. А. Тишкина были подготовлены обзоры архивных документов «Материалы по истории Санкт-Петербургского университета 1917–1965» (СПб., 1999) и «Материалы по истории Петербургского университета. XVIII в.» (СПб., 2001). В последнем описан основной комплекс источников по истории Университета и Гимназии, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в Ф. 3 (Санкт-Петербургская Академия наук) и охватывающий период 1726–1805 гг.¹⁰ К 275-летию и 280-летию Университета Г. А. Тишкин написал сценарии, по которым были сняты в 1999 и 2004 гг. документальные фильмы.

На пресс-конференции в ИТАР-ТАСС в 1999 г. по случаю празднования 275-летия СПбГУ Григорий Алексеевич вспоминал начало их с Ю. Д. Марголисом работы: «Нашлось очень много здравомыслящих людей в Университете, на всех факультетах, которые, начиная с 1983 г., изучали с нами эту проблему. Все сомнения относительно “новой” даты

⁹ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Сколько лет Петербургскому университету? // Ленинградский ун-т. 1983. 18 марта. С. 6–7. Повторно статья была опубликована в еженедельнике «Санкт-Петербургский ун-т» (2003. 12 декабря. С. 42–46).

¹⁰ Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. XVIII век: Обзор архивных документов / сост. Е. М. Балашов, О. В. Иодко, Н. С. Прохоренко; под ред. Г. А. Тишкина. СПб., 2001.

основания Университета не выдерживают критики. Иначе “не может быть”, так как все должно опираться на документы, ведь речь идёт о науке. А документов никаких не представляют – используют в основном работы прошлого века, и вся полемика вокруг Дмитрия Толстого, который “сказал то-то”. Но ведь кроме Дмитрия Толстого были и другие авторы, которые и говорили иное. Мы плотно стали работать над архивными материалами, прежде всего над документами, которые хранятся в Петербурге (на Университетской набережной) в филиале Архива РАН. Там имеется масса не востребованных, не выявленных, не описанных, не осмысленных документов»¹¹.

Дата основания университета – 1724 г. – признана не только в России, но и в некоторых зарубежных изданиях¹². В отстаивании точки зрения на преемственность университетского образования в России Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина поддержали такие выдающиеся знатоки университетской истории, как Анатолий Евгеньевич Иванов (Москва)¹³ и Анатолий Ихильевич Аврус (Саратов)¹⁴. Петербургских историков активно

¹¹ Пресс-конференция в ИТАР-ТАСС [Г. А. Тишкин и др.] // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета: документы и материалы / сост. Г. А. Тишкин. СПб., 2003. С. 86.

¹² A History of the University in Europe / Ed. Hilder de Ridder-Symoens. Cambridge, 1996. Vol. 2. Universities in early Modern Europe (1500–1800) P. 48, 89, 94. Кроме этого, профессор Свободного университета в Берлине Клаус Майер неоднократно поддерживал Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина, выступая на страницах немецких научных изданий с рецензиями на их работы: *Meyer K. 275 Jahre Staatliche Universität St. Petersburg // St. Petersburg–Leningrad–St. Petersburg. Eine Stadt im Spiegel der Zeit / hrsg. von Stefan Kreuzberger. Stuttgart, 2000. S. 257–264* (пер. на рус. яз. см.: *Майер Клаус. 275 лет Санкт-Петербургскому университету / пер. А. Крымской // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета... С. 495–501*); *Meyer K. Russlands «erste» Universität. Zum Gründungsgeschichte der Universität Moskau (1755) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 50 (2002). S. 87–93*; *Meyer K. Die Universitätsgeschichte Petersburgs im Streit // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2002. Bd. 5. S. 255–257* (пер. на рус. яз. см.: *Майер К. Спор об университетской истории в Санкт-Петербурге / пер. Д. Киттель и Н. Раганьян // Страницы истории... С. 504–507*).

¹³ *Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991*; *Иванов А. Е. Учёные степени в Российской империи XVIII в. - 1917 г. М., 1994*; *Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999*. Ещё в 1983 г. А. Е. Иванов выступил с поддержкой идеи Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина. См.: *Иванов А. Е. Письмо из Москвы // Ленинградский ун-т. 1983. 18 нояб. С. 10*.

¹⁴ А. И. Аврус прямо заявляет, что историю российских университетов надо начинать с 28 января 1724 г. См.: *Аврус А. И. История российских университетов: очерки. М., 2001. С. 8*; *Аврус А. И. Новое слово в полемике о начале Санкт-Петербургского университета [Рец.] // Освободительное движение в России. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 233–236*.

поддерживал выпускник ЛГУ, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского аграрного университета Евгений Романович Ольховский (1931–2003), в своё время дававший рецензии на книги «Отечеству на пользу, а россиянам во славу», «275 лет. Летопись 1724–1999» и сборник архивных документов по истории Петербургского университета XVIII в.¹⁵ В марте 1999 г. на встрече авторского коллектива юбилейного издания Е. Р. Ольховский в своей речи поднял вопрос о целесообразности создания исследовательского центра по истории СПбГУ, в задачи которого входило бы «исследовать историю Университета и в этом же плане объединять усилия факультетов»¹⁶.

Григорий Алексеевич всегда с уважением относился к своим учителям и коллегам, среди которых В. В. Мавродин, Н. Г. Сладкевич, Ю. Д. Марголис, Е. Р. Ольховский, И. В. Дубов, Д. Н. Альшиц, А. Я. Дегтярев и др. Он был либо инициатором подготовки сборников посвящённых им работ, либо членом редколлегии и автором биографических очерков. Общей чертой названных учёных является то, что все они выпускники Петербургского университета, а значит, и часть его истории. Осознавая важность и необходимость биографических работ для исследователей, к 280-летию СПбГУ Г. А. Тишкин инициировал и подготовил биобиблиографический словарь «Профессора Санкт-Петербургского государственного университета», в котором представлены биографические очерки о 922 учёных¹⁷. В истории СПбГУ это – вторая подобная работа биографического характера с XIX в. после «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894», изданного в 1896–1898 гг. Не лишним будет процитировать слова Г. А. Тишкина, которые в полной мере характеризуют его уважительное отношение к учителям и коллегам: «Всегда мировую славу университетов создавали их питомцы. Понятно, что они не могли бы достигнуть вершин в научной или общественной

¹⁵ См.: *Ольховский Е. Р.* Юбилей Петербургского университета: прошедший и будущий [Рец.] // Звезда. 2000. № 1. С. 11; *Ольховский Е. Р.* Университетская история длиной в 275 лет и 2 года [Рец.] // Санкт-Петербургский ун-т. 2001. № 2. С. 3–6; *Ольховский Е. Р.* Пополнение документальной базы истории Санкт-Петербургского университета [Рец.] // Исторический архив. 2001. № 6. С. 212–216. *Olchovskij E. R.* Una storia universitaria lunga 275 anni [Рец.] // *Annali di storia delle universita italiane*. Bologna, 2000. № 4. P. 249–253;

¹⁶ Встреча ректора Л. А. Вербицкой с авторским коллективом юбилейного издания «275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись. 1724–1999» // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета... С. 118.

¹⁷ Профессора Санкт-Петербургского государственного университета...

деятельности, не будь рядом с ними профессоров, их наставников. Выдающийся учёный и знаменитый ректор нашего университета академик А. Д. Александров справедливо утверждал: «Университет – это профессора!». Мы с благодарностью вспоминаем первых в нашем университете профессоров, тех, кто в первой четверти XVIII в. по велению Петра на невских берегах Васильевского острова Санкт-Петербурга зачинал и поднимал науку и университетское образование»¹⁸.

Активное участие в общественной и научной жизни университета, а также выбор истории ЛГУ как основной темы для исследования обосновывает вхождение Г. А. Тишкина в качестве ответственного секретаря в 1976 г. в состав редколлегии III тома «Очерков по истории Ленинградского университета». С первого тома «Очерков» членами редколлегии были С. Н. Валк, В. В. Мавродин и В. А. Ежов, а Н. Г. Сладкевич являлся составителем и ответственным редактором этого издания. После смерти Н. Г. Сладкевича в 1978 г. бессменным ответственным редактором и составителем стал его ученик Г. А. Тишкин. Им были выпущены в свет IV–VIII тома. Своеобразие «Очерков» состоит в широте охватываемой тематики. За прошедшие более чем сорок лет на страницах этого издания было опубликовано много полезных материалов (105 статей по истории науки и высшего образования. Из них – 17 мемуарных очерков, 11 творческих портретов, 20 работ по общественному и студенческому движению, 15 историй научных школ, 3 библиографических указателя), принадлежащих перу авторов-преподавателей и питомцев не только Петербургского университета, но и тех, кто живёт и работает далеко за пределами Санкт-Петербурга: в Берлине, Москве, Саратове, Сыктывкаре, Тарту, Якутске, но интересуется судьбой старейшего университета России.

Неоценимая заслуга Г. А. Тишкина как составителя состоит в том, что с IV тома в «Очерках» начинают публиковаться работы справочно-библиографического характера. Так, например, вышли именные указатели «Универсанты – деятели культуры», «Универсанты-большевики»¹⁹. В VI томе были опубликованы материалы по истории управления университетом в 1724–1989 гг., подтверждающие самобытность

¹⁸ *Вербицкая Л. А., Тишкин Г. А.* Должность и звание «Профессор Университета» // Там же. С. V. Следует также указать, что в планах Г. А. Тишкина было создание биографического справочника о питомцах университета лауреатах Ленинских, Государственных и Университетских именных премий.

¹⁹ *Универсанты – деятели культуры* / сост. Н. Н. Кононова, С. А. Горяева, Е. В. Яковчук, Л. В. Творогова // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л., 1982. Т. 4. С. 142–151; *Универсанты-большевики: указатель* / сост. Н. Н. Каретникова, В. С. Брачев // Там же. Л., 1984. Т. 5. С. 165–179.

отечественного образования и более раннее начало жизни университетов в России, восходящее к петровскому времени²⁰. В этой работе впервые была представлена схема структурных изменений университета и учебных заведений-предшественников. Здесь также помещён список руководителей (ректоров, инспекторов и директоров) учебных заведений – предшественников ЛГУ, которые на разных этапах его истории входили в его состав (Петербургский университет и гимназия, существовавшие в составе Академии наук до 1805 г., Учительская семинария и Главный Педагогический институт, Высшие женские (Бестужевские) курсы). Именно этот список послужил основой для составления биографического словаря «Ректоры Санкт-Петербургского университета», в подготовке которого Г. А. Тишкин также принял участие²¹.

Многолетние творческие контакты и сотрудничество с европейскими университетами, в числе которых членство в Международной комиссии по истории университетов и участие в подготовке четырёхтомного издания «История европейских университетов», позволили Г. А. Тишкину привлечь к участию в последнем IX томе «Очерков» учёных из Германии, Италии, Испании и Польши. Им были отобраны доклады, прочитанные на научной конференции, организованной Международной комиссией по истории университетов в 2004 г. на о. Сицилия на базе Мессинского университета. Последний IX том «Очерков», подготовленный Григорием Алексеевичем, ждёт своего выхода в Издательстве СПбГУ.

Г. А. Тишкин всегда выступал инициатором и организатором научных мероприятий в Санкт-Петербурге, которые объединяли не только историков, но и философов, социологов, культурологов и специалистов других отраслей. В последние годы он руководил семинаром по истории высшей школы, который проходил вначале на историческом факультете, а потом в Музее истории университета. С 2005 г. на историческом факультете он читал специальный курс по истории Петербургского университета.

Одна из сторон педагогической деятельности Г. А. Тишкина, о которой необходимо сказать, - его работа со школьниками. С 2004 г. он сотрудничал с Дворцом творчества юных, был председателем Оргкомитета городских историко-краеведческих чтений школьников²². В 17 выпуске

²⁰ Тишкин Г. А., Керзум И. В. Материалы по истории управления университетом в 1724–1989 гг. // Там же. Л., 1989. Т. 6. С. 232–245.

²¹ К настоящему времени словарь в свет не вышел.

²² Ранее Г. А. Тишкин около двадцати лет работал с бывшим «Детгизом» (издательство «Лицей»), писал популярные очерки для детей о деятелях отечественной науки, которые публиковались в сборнике «Глобус». См.: Крымская А. С. Библиографический указатель трудов Г.А. Тишкина и цитирующей литературы... С. 515–572.

докладов учащихся на Чтениях 2008 г. помещена вступительная статья Г. А. Тишкина под названием «Советы учёного»²³.

Г. А. Тишкин выступил инициатором и организатором международной научной конференции «Санкт-Петербургский университет XVIII–XX вв.: Европейские традиции и российский контекст», которая прошла в Петербурге в июне 2009 г.²⁴ Ещё в 2005 г. в год 300-летия первого ректора Петербургского университета Герарда Фридриха Миллера у Г. А. Тишкина зародилась идея проведения конференции, посвящённой 300-летию ректора университета М. В. Ломоносова, который отмечался в 2011 г. Готовиться к конференции Григорий Алексеевич начал в 2007 г., приглашая учёных к участию²⁵. К сожалению, болезнь не позволила ему до конца реализовать задуманный проект. В октябре 2011 г. в Музее истории на семинаре по истории высшей школы был сделан доклад на тему: «М. В. Ломоносов и университетское образование в Санкт-Петербурге XVIII в.», была открыта одноимённая выставка. Начиная с сентября ряд научных встреч, приуроченных к юбилею Ломоносова, прошёл в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере), Академии художеств и в других научных учреждениях Санкт-Петербурга. Несомненно, Григорий Алексеевич мог стать их участником, призывая со свойственным ему обаянием, как он это умел делать, и других специалистов и учёных к изучению истории старейшего университета.

²³ *Тишкин Г. А.* Советы учёного // Наследники великого города: фрагменты докл. учащихся Санкт-Петербурга на городских историко-краеведческих чтениях 2008 г. / сост. Э. И. Архипова и З. А. Гурьянова. СПб., 2008. Вып. 17. С. 5–8.

²⁴ Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: труды междунар. науч. конф., 23–25 июня 2009 г. / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов; редкол.: Г. А. Тишкин и др. СПб., 2009.

²⁵ Одним из первых для готовящегося Г. А. Тишкиным сборника написал обширную статью о М. В. Ломоносове доктор физико-математических наук, профессор МГУ В. К. Новик. В ней прослежена эволюция отношения к личности М. В. Ломоносова вплоть до нынешнего времени. Эта статья, значительно дополненная автором, опубликована им в виде книги в год 300-летия выдающегося учёного. См.: *Новик В. К.* М. В. Ломоносов, личность и образы. М., 2011.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТРАДИЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

И. Р. Блохина (ТГУ)

Философ и его ученики (о роли наставничества Аристотеля в эллинском мире)

Четвёртый век до н. э. в истории Греции был поистине временем великих Учителей. Сама реальность порождала необходимость не только формирования философских систем, но и обеспечения преемственности, создания Школы как интеллектуального поля, противостоящего коллизиям сложного времени. В философских школах рождались идеи, заложившие фундамент европейской культуры, вместе с тем возникали социальные проекты и политические учения, предполагавшие изменить эллинский мир. Главной целью наставничества в самом высоком смысле слова было воспитание в человеке Добродетели, которая, по мнению древних, должна быть, прежде всего, добродетелью гражданской¹. Поэтому идеи мудрецов всегда искали выход в общественную практику. Показательно, что термины Философия (φιλοσοφία) и Пайдейя (παιδεία – воспитание) в IV в. употреблялись часто как синонимы (например: Isocr. III, 9; IV, 28 sqq.). В ряду Учителей этого времени по праву стоит и Аристотель.

Великий философ, родоначальник многих направлений мировой науки, был незаурядным педагогом, чьи идеи воспринимались современниками как жизненное кредо, а порой и как руководство к действию. Годы жизни философа (384–322 до н. э.) совпали с трагическим для судьбы эллинских государств периодом, который принято называть кризисом полиса. Греческий мир стремительно менялся, теряя устоявшуюся гармонию. В его тени набирала силу Македония, господство которой на Балканском полуострове было установлено Филиппом II в 337 г. до н. э. Семья Аристотеля была тесно связана с Македонским двором: он родился в греческом городе Стагиры, недалеко от границ Македонии, его детство прошло в Македонии, где отец Аристотеля, Никомах, был придворным врачом царя Аминты III, сам философ со временем стал воспитателем великого Александра. Эта близость к Македонии сыграла значительную роль в судьбе Аристотеля и его идей. Трагической и беспокойной, под стать эпохе, была и жизнь философа, полная перемен и опасностей. На всех её этапах он оставался Учителем, стремившимся повлиять через своих учеников на ход событий и осуществить идею создания совершенного государства. Таким

¹ Размышления на эту тему см.: *Йегер В.* Пайдейя. М., 2001. Т. 1. С. 167 и др.

государством Аристотель полагал политею (πολιτεία) – строй, в котором сбалансированы элементы лучших политических форм, а управление находится в руках среднего класса, что помогает избежать крайностей в общественной жизни: бесконтрольной власти имущих или разгула протестующей черни. Идеал такой политической конструкции очень чётко представлен им в «Политике».

Семнадцатилетним юношей Аристотель прибыл в Афины и стал учеником Платона. Двадцать лет, вплоть до смерти Платона, он провёл в Академии, будучи близким соратником философа. Аристотеля называют самым преданным учеником Платона (Diog. Laert. V, 1, 1). А сам Платон говорил о нём как о «разуме» своей школы, а его жилище называл «домом чтеца», подчеркивая его учёность (Ibid.). Именно здесь, в Академии, Аристотель получил первый опыт преподавания. Он с ведома и, видимо, по поручению Платона, стал читать лекции по риторике (Ibid. V, 1, 3), которую противопоставлял пустому политическому красноречию и в которой видел важное средство воспитания. О значительности роли Аристотеля-наставника в рамках Академии сообщает Цицерон, который редко ошибается в оценках (Orat. 32). Таким образом, из разряда учеников Аристотель уже в Академии перешёл в разряд учителей, сформировав при этом свой круг друзей, учеников и единомышленников.

После смерти Платона часть учеников покинула Академию, в их числе были наиболее выдающиеся философы – Аристотель и Ксенократ². Они отправились в Малую Азию к правителю небольших городков Ассоса и Атарнея – Гермия, которого в эллинском мире хорошо знали и как ловкого политика, и как философа, автора, например, упомянутого Свидой сочинения «О бессмертии души» (s. v. Ἑρμίας). Можно предположить, что философские взгляды Гермия были близки к платоновским и аристотелевским идеям (Strab. XIII, 1, 57). Переезд Аристотеля в Малую Азию можно объяснить дружбой с соратниками по Академии, уже жившими здесь, Эрастом, Кориском и самим Гермием, а также желанием Аристотеля в дружеском кругу продолжить занятия философией и, может быть, стать советником правителя: для исполнения подобных замыслов условия казались самыми подходящими.

В определении сложившегося в Ассосе союза все источники единодушны: это был союз близких друзей (Ἑρμίας καὶ ὑεταίροι – Strab. XV, 1, 57). Здесь возникло что-то вроде небольшого философского сообщества, которое исследователи жизни Аристотеля называют

² Вопрос о том, почему Аристотель не остался в Афинах и не принял руководство Академией, требует особого пояснения. Об этом см., например: Chroust A. H. Aristotle leaves the Academy // Greece and Rome. 1967. April. Vol. XIV. № 1. P. 39–43.

«дочерним отделением платоновской Академии»³. Там регулярно вели занятия ученики Платона и, прежде всего, Аристотель. Сам философ упоминает имена Кориска и его сына Нелея, ставшего впоследствии его ближайшим последователем (Arist. frg. 674–675). Очевидно, в этом сообществе занимался и знаменитый ученик Аристотеля Теофраст, живший неподалеку в Митиленах. Вполне убедительно предположение, что образовавшийся в Ассосе философский кружок стал основой будущей афинской школы Аристотеля⁴. Во всяком случае, для Аристотеля это был полезный опыт. Гермий также был причастен к занятиям философией. К сожалению, мы не располагаем никакими данными о том, сказались ли как-нибудь дружба с Аристотелем и занятия философией на практической политике правителя⁵. Аристотель пробыл у Гермия три года – с 347 по 344 гг. Он поспешно покинул Ассос после трагической гибели друга, которая была, очевидно, результатом сложной роли последнего в посредничестве между могущественной Македонией на западе и все ещё амбициозной Персией. Заподозрив атарнейского правителя в сговоре с Филиппом, персидский царь Артаксеркс III приказал захватить Гермия, пытать его, а затем казнить. По свидетельству Афинея, Гермий стойко перенёс истязания, и его последние слова были исполнены особого значения: «Передайте моим друзьям и соратникам, что я не совершил ничего недостойного философии и не изменил ей» (Deipnosoph. XV, 696). Атарней и Ассос были захвачены персами. Аристотель вынужден был бежать, поселился вместе с семьёй и друзьями в Митиленах на Лесбосе (Strab. VIII, 1, 57), продолжив там занятия с учениками.

В 343 г. Аристотель был приглашён ко двору Филиппа Македонского в качестве воспитателя его 13-летнего сына Александра, где провёл около восьми лет. Это приглашение было обусловлено, конечно, славой и авторитетом философа, а также, возможно, давними личными связями правителя с семьёй Аристотеля. В благодарность за согласие Филипп восстановил родной город Аристотеля – Стагиры, им же и разрушенный⁶. Македонский период жизни Аристотеля был плодотворным для обеих сторон. Философ, благодаря поддержке Филиппа, получил возможность заниматься широкими научными исследованиями. Его ученик, склонный к занятиям наукой, приобрёл не только систематические знания и любовь к философии, но и чувство кровного родства с эллинизмом. Прав А. Ф. Лосев, говоря, что главную заслугу Аристотеля

³ Лосев А. Ф., Тахо-Годи. А. А. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 232.

⁴ Там же.

⁵ О пребывании Аристотеля в Ассосе подробнее см.: Chroust A. H. Aristotle's sojourn in Assos // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1972. Bd. 21. P. 170–176.

⁶ По свидетельствам древних, Аристотель написал для восстановленного города законы. См.: Diog. Laert. V, 1, 5; Plut. Alex. VII.

следует видеть в том, что «хотя Александр всегда проводил политику македонского царя и полководца, всё же свою историческую миссию он ощущал связанной с судьбой греков»⁷. И в этом справедливо можно усматривать прямое влияние Аристотеля.

Нет недостатка в свидетельствах о наставлениях Аристотеля юному Александру. Плутарх пишет, что для занятий и бесед Филипп отвёл им рощу около Миезы, посвящённую нимфам (Plut. Alex. VII), и что Александр восхищался Аристотелем и «любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно» (Ibid. VIII). Любовь к чтению, к Гомеру (известную «Илиаду» из шкатулки» с комментариями учителя полководец всегда возил с собой, храня вместе с самыми драгоценными предметами – Ibid.), познания в медицине, которые Александр потом смог применять в походе, изучение географии, столь пригодившееся будущему завоевателю, и многое другое – таковы плоды этого удивительного по своей результативности наставничества. Аристотель написал для ученика не сохранившийся до наших дней трактат «Об управлении» (Plin. Natur. Hist. VIII, 44; Diog. Laert. V, 1, 22).

Вопрос о том, применил ли Александр в своей политике науку Аристотеля, очень не прост. Заслуживают внимания слова Плутарха в «Моралиях» («О судьбе и доблести Александра» – I, 4): «Александр выступал против персов, почерпнув для этого больше в учении своего наставника Аристотеля, чем в наследии своего отца Филиппа», там же о том, что самого Александра следует считать незаурядным философом (Ibid. I, 5). Но самым интересным является свидетельство самого Аристотеля. Описывая совершенный государственный строй в «Политике», он замечает, что «один лишь муж дал себя убедить ввести этот строй» (Pol., IV, 9, 12). Многие исследователи видят в этом «одном муже» Александра⁸. Мнения о том, что Александр основывал города, ориентируясь на политеию Аристотеля и что с помощью учителя выработал чёткую концепцию мирового государства, тоже, на наш взгляд, обоснованно имеют своих сторонников⁹. Ф. Шахермайр верно, с нашей точки зрения, отмечает: «Только во время похода взошли по-настоящему семена, посеянные Аристотелем»¹⁰. Однако наследник престола быстро вырос. Филипп привлекал его к военным кампаниям, у него всё меньше оставалось времени для занятий с Аристотелем. А после того, как управление государством перешло к Александру, Аристотелю пришлось уехать из Македонии и вернуться в Афины, которые по-прежнему считались центром философии и где Аристотель мог открыть свою школу.

⁷ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 234.

⁸ См.: Доватур А. И. Политика и «Политии» Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 46 и др., где передана дискуссия по этому вопросу.

⁹ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 55.

¹⁰ Там же.

Итак, в 335 г. Аристотель возвратился в Афины и основал Ликей¹¹. Школа получила название от избранной местности, рощи и храма, посвящённых Аполлону Ликейскому (Волчатнику). Иное название школы – Перипатос (περίπατος – отсюда: перипатетики) – происходит от названия крытой галереи у святилища Аполлона, где, прогуливаясь (обычай, введённый ещё Сократом и Платоном), Аристотель беседовал с учениками. О том, что представлял собой комплекс Ликейя, можно судить по завещанию одного из последующих схолахов, т. е. руководителей школы, Феофраста, приводимому Диогеном Лаэртским (V, 2, 51–52). Центром было святилище Муз, к которому примыкали портики и галереи, украшенные изваяниями Муз и картинами, изображавшими контуры земли (т. е. картами). Вокруг разбит был сад, где находились гробницы схолахов (Ibid.). Здесь же располагались и другие строения: помещения для научных занятий, библиотека (важная часть Ликейя), дома, где проживали сам Аристотель и его ученики, помещения для слуг. Школа содержалась на средства руководителя, получаемые за обучение (возможно, были и благотворительные взносы: например, известно, что Александр прислал учителю огромную сумму – 800 талантов (Athen. Deipnosoph. IX, 398e).

Как и Академия Платона, Ликей был религиозным, научным и дружеским сообществом, объединённым авторитетом Учителя, который был для учеников не только преподавателем, но, прежде всего, духовным наставником, «руководителем души», по выражению Анри Марру¹². Занятия включали лекции мэтра, чтение и обсуждение философских сочинений (часто – самого Учителя), но самыми важными были индивидуальные беседы – путь совместного отыскания истины, заложенный ещё Сократом. Логика, математика, физика, этика, риторика входили в состав обучения. Нам известно также о дружеских беседах во время совместных симпозиумов. Последнее – общие трапезы или пиры – были важной формой философского общения. Ещё Платон писал об исключительной роли пиров и о законах, регулирующих такое действие, «чтобы направить молодёжь в нужное русло» (Plat. Legg. 671 c). Афиней сообщает, что Аристотель для своей школы сочинил законы для пиров (Deipnosoph. IX, 680)¹³. Членов сообщества объединял, помимо научного, интерес к социальным и политическим проблемам.

Ликей в Афинах стал местом притяжения интеллектуальной элиты всей Эллады. Он оставался самостоятельным образованием, своего рода государством в государстве, с которым афиняне были принуждены

¹¹ О Ликее Аристотеля см.: Фролов Э. Д. Философские содружества // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002. С. 138–148; Morea J. Aristote et son école. Paris, 1962.

¹² Марру А. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 289, 292.

¹³ Свидетельство это согласуется со списком работ Аристотеля у Диогена. См.: Diog. Laert. V, 1, 26.

считаться – во-первых, потому что сам Аристотель был известной и уважаемой личностью, во-вторых, из-за покровительства Александра, связь с которым не прерывалась: в письмах Аристотель продолжал наставлять ученика. Деятельность в Ликее продолжалась до 323 г., когда Аристотель был вынужден покинуть Афины, передав руководство школой своему ближайшему ученику Теофрасту. Поспешный отъезд философа был связан со смертью Александра и вспыхнувшими антимакедонскими настроениями в Афинах. Формальным поводом обрушившегося на Аристотеля гонения стало обвинение в нечестии, ибо он в память своего друга Гермия установил в Дельфах кенотаф с посвятительной надписью и сочинил в честь собрата по философии гимн Добродетели, что было интерпретировано афинянами как неправомерное обожествление смертного. Философ бежал на остров Эвбею, в Халкиду, где вскоре и умер.

Подведём краткие итоги. В лице Аристотеля мы видим учителя, если так можно выразиться, новой формации, область наставничества и круг учеников которого были очень широки и не были скованы рамками полиса. Философ, жизнь которого была жизнью странника, изгнанника, метека, сумел найти в различных исторических условиях почву для компромисса, чтобы осуществить задачи воспитания. Продолжая традиции Платона, Аристотель завершил создание эллинской философской школы, которая представляла собой научное сообщество и объединение единомышленников, школы, заложившей систему, унаследованную эллинизмом, Римом, а затем и Средневековьем. Наконец, роль личности философа выходила за рамки научных занятий. Его наставничество имело выраженный социально-политический характер и оказало несомненное влияние на воспитание государственных мужей, в частности, на политику Александра Великого.

В. Г. Безрогов, Н. Б. Баранникова (УРАО)

**Мудрость, знание, понимание:
ученичество и высшее образование в эпоху раннего
Средневековья на христианском Востоке***

В истории образования доуниверситетского периода существует затруднение при отнесении той или иной образовательной практики или учреждения к начальному, среднему или высшему уровням обучения, к институализированным, либо неинституализированным условиям обучения (например, в сирийских источниках «школами» называли и собрания в локальных церквях ради начального назидания в вере; и учебные кружки в монастырях ради обучения братии; и отдельные образовательные учреждения ради детального обучения экзегезе с привлечением аристотелевской логики и других наук). Формализованное обучение, имевшее более или менее устоявшуюся программу, могло проходить в неинституализированных условиях (вне образовательного учреждения как такового).

В обращении к ученикам Нисибийской школы рубежа VI–VII вв. конечным результатом, ради чего они снялись с родных мест и стеклись в Нисибю, названо обретение мудрости, знания, понимания – по щедрому милосердию Божьему¹. Чем был процесс такого обретения? Как он выстраивался? Попробуем на материале истории школ городов Эдессы и Нисибии посмотреть, как могла в IV–VII вв. выглядеть граница между школой, высшей школой и ученичеством.

Эдесса возникла как селевкидский город в северо-западной Месопотамии. Впоследствии – столица небольшого государства Осроены, союзника Рима до начала III в., а затем римской колонии. Эдесса оставалась в византийской части империи вплоть до 639 г.² В двухстах километрах к востоку, также в пределах северной Месопотамии, находилась Нисибия, важный центр на границе Рима и государства Сасанидов. Принадлежа Сасанидам, она была открыта и для ромеев.

В римское время культура Эдессы как минимум двуязыка, а в одном фамильном архиве первой половины III в. найдено 17 греческих и всего 2 сирийских папируса³. Автор гимнов и поучений Ефрем Сирийский (ок. 306–

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 11-06-00277а

¹ Sources for the Study of the School of Nisibis / Ed. Adam H. Becker. Liverpool, 2008. P. 100.

² Ныне на территории Турции.

³ Feissel R., Gascou J. Documents d'archives romaines inédits du moyen Euphrate // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions. 1989. P. 535–561; Teixidor J. Deux documents syriaques du IIIe siècle après J.-C. provenant du moyen Euphrate //

373) значительную часть жизни провёл в Эдессе, но так и не удосужился выучить греческий. Вероятно, Ефрем не видел необходимости в сочинении текстов по-гречески, чтобы быть понятным аудитории. Он попал в Эдессу из Нисибии между 363 и 365 гг. Тогда римляне передали Нисибии персам, и все христиане стремились покинуть её вследствие неприятия христианства новой властью. Вокруг Ефрема в Эдессе сформировался кружок учеников. В сирийском житии Ефрема есть рассказ о том, как подвизавшийся недалеко от Нисибии отшельник был обнаружен монахом, который, удивившись мастерству составления Ефремом комментариев на библейские тексты, убедил его вернуться в мир, чтобы просвещать и учить⁴. Ефрем отвергал высшие ступени античного образования, хотя ему были ведомы принципы греческой риторики⁵. «Благословен тот, кто никогда не испробовал горькую мудрость греков, кто не отвергал простых слов мужей галилейских!»⁶ Сирийский наставник возвышал над «образованностью времени и среды» фигуры Моисея, Даниила и Павла. Образованность каждого из них, по мысли Ефрема, превосходила, соответственно, египетскую, вавилонскую, афинскую. Истинная мудрость, согласно Ефрему, – в простоте открытия-откровения Бога. Отвергнувший египетские науки, Моисей записал простую истину откровения, намного их превосходящую. «Отказываясь от всего, – говорит Ефрем о себе, – я обратил свой разум к Священному Писанию», а от него – к словам неизречённым⁷. Ефрем был, по всей видимости, более образован, чем он репрезентировал себя перед аудиторией, но он должен был показать, что есть путь «простой веры», для которой высший уровень обучения не

Comptes rendus de l'Académie des inscriptions. 1990. P. 146–166. Один из руководителей Эдесской школы раббан Киора (373–437) очень хотел использовать в преподавании толкования на Св. Писание Феодора Мопсуестского, но не мог, поскольку «они не были тогда переведены на сирийский язык» (Mar Barhadbsabba 'Arbaya. Cause de la fondation des écoles / publ. et trad. par A. Scher // Patrologia Orientalis / publ. par R. Graffin et F. Nau. Paris, 1907. T. 4. Fasc. 4. №. 18. P. 382. Есть сведения и о сознательном неприятии греческого языка в монашеских сирийских школах. Но сочинения Феодора были переведены в той же самой Эдесской школе.

⁴ Пугулевская Н. В. Культура сирийцев в Средние века. М., 1979. С. 132.

⁵ См.: Hidas S. Interpretatio Syriaca. Die Kommentar des heiligen Ephräm des Syrers zu Genesis und Exodus mit besonderer Berücksichtigung ihrer Auslegungsgeschichtlichen Stellung. Lund, 1974.

⁶ Beck E. Des heiligen Ephraem des Syrers Hymnen de fide. Louvain, 1955. Hymn 2: 24. Обсуждение взаимоотношений Ефрема с греческой философией см.: *Idem*. Ephräms des Syrers Psychologie und Erkenntnislehre // Corpus scriptorum Christianorum orientalium. Subsidia 58. Louvain, 1980.

⁷ *Idem*. Des heiligen Ephraem des Syrers Hymnen de fide. Hymn 47: 6; 64: 11.

связан ни с многознанием, ни с риторикой и диалектикой⁸. Можно ли самого Ефрема считать основателем в Эдессе так называемой «школы персов»? Ефрем учил в Эдессе библейской экзегезе, излагал доктринальные вопросы. Бархадбешабба, рассказывающий в конце VI в. о Ефреме как об основателе школы, присваивает ему титул мепашкана – «наставник, объяснитель, комментатор» и сообщает, что он носил его ещё в Нисибии⁹. Однако, скорее всего, «регулярная», т. е. не прекращающая работу при смене магистра, христианская школа была открыта учениками Ефрема после его смерти¹⁰. Первым дидаскалом «школы персов», как именовали западные сирийцы выходцев с Востока, стал Киора (373–437). В V в. «школы армян, персов и сирийцев» определяют в городе образовательные горизонты¹¹.

Школа «персов» репрезентирована как «собрание учеников», «ассамблея». Киора был единственным учителем, «исполнял в школе всю работу»¹². Киора учил и чтению, и произношению, риторике и

⁸ См.: *Palmer A. The Merchant of Nisibis: Saint Ephrem and his Faithful Quest for Union in Numbers // Early Christian Poetry: A Collection of Essays / ed. J. den Boeft, A. Hilhorst. Leiden, 1993. P. 167–233; Idem. «A Lyre Without A Voice»: The Poetics and the Politics of Ephrem the Syrian // Aram. 5, 1–2. 1993. P. 371–399.* Трудно сказать вполне определённо, отрицал ли Ефрем греческую философию только из-за её языческого характера (как и египетскую с месопотамской), или в этом сказалось его отвержение греческого вообще.

⁹ *Mar Barhadbsabba 'Arbaya. P. 377.*

¹⁰ Обыкновение «обходиться» не перераставшими в школу «школьными кружками», т. е. группками учеников, ходящих к учителю, характерное для Эдессы того времени, видно также из повествования Феодорита Кирского († 457, рассматриваемый текст написан в 449 г.) об учителе и пресвитере Протогене, отправленном в ссылку из Эдессы в греческую часть Египта при императоре Валенте (328–378) и организовавшем там подобный кружок: «Дивный Протоген, изучив священное Писание и быстро усовершенствовавшись в искусстве писать, нашёл удобное место для учреждения училища или воспитательного заведения и, сделавшись учителем детей, скоро выучил всех их писать и наставил в Божественном учении. Он произносил им песнопения Давидовы и заставлял изучать полезнейшие для них места из книг апостольских» (*Theodoret. IV. 18; см.: Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. М., 1993*).

¹¹ *Akten der Ephesinischen Synode vom Jahre 449 syrisch / hrsg. J. Flemming. Berlin, 1917. S. 24.* Если «персами» называли выходцев с Востока, из державы Сасанидов (Сасаниды происходили из Фарса, этнического центра персов), чьё самоназвание звучало в переводе как «государство ариев/иранцев» (Эраншахр), и по династии оно воспринималось как «государство персов»; – тогда «школа армян», вероятно, имела своим контингентом выходцев из соседней Армении, а «школа сирийцев» включала, по-видимому, представителей автохтонного населения Эдессы и всей западной Сирии.

¹² *Barhadbesabba Arbaia. La seconde partie de l'histoire ecclésiastique / ed. F. Nau // Patrologia Orientalis / publ. par R. Graffin, F. Nau. Paris, 1913. T. 9. P. 598.*

интерпретации. Важный шаг по пути превращения «ассамблеи» в учреждение сделает преемник Киоры Нарсай: введёт функциональное разделение и должности помощников главного учителя. При Нарсае школа превратилась в многоуровневое институализированное учебное заведение с немалым по тем временам штатом. Выходец из Курдистана, входившего в империю Сасанидов, Нарсай провёл изрядное количество лет в Эдессе в «школе для молодёжи»: с 7 до 16 лет. Эта «школа» явно представляла собой кружок учеников вокруг одного учителя, не привязанный к зданию и весьма мобильный. Рано осиротевший и потому попавший после «школы молодёжи» сначала в монастырь своего дяди, выдержавший в нём своего рода экзамен на глубину познаний, он был подвигнут на превращение в школу всей общины монастыря. Прослышав о «повышенной» Эдесской школе («собрании»), он несколько раз уходил из монастыря, тяготясь обучением братии и предпочитая этому продолжение обучения в Эдессе. После смерти дяди Эммануэля, Нарсай возвращается и год преподаёт в монастыре, а затем вновь уходит в Эдесскую школу. Став её руководителем, он укрепляет её, прежде всего, экзегетами, переводчиками и писцами. Главным считался *мепашкана*, «комментатор-экзегет», поскольку экзегеза включала в себя применение всего остального, чему учили в школе¹³. Главенство экзегезы определяло построение школьного курса не по предметам, а, прежде всего, по уровням постижения «божественных глаголов», обретения через них благочестивой и разумной мудрости, утраты «легкомыслия» и преображения природы ученика. Разъяснение, предостережение, исправление выступали главными сторонами педагогической деятельности. Предметы «прикреплялись» к тому уровню осмысления Писания, «прохождение» которого без них невозможно. Конфессионально ориентированное образование в своём распределении на низшее, среднее и высшее руководствовалось критерием углублённости в «духовную мудрость», а не сложностью и/или обширностью изучаемых «предметов». Построение обучения по уровням постижения «одного и того же» явилось характерной чертой доуниверситетского образования, сохранявшейся во многом и в средневековых университетах. Школа не следовала античным этапам обучения. Преподавание начиналось с пропедевтических дисциплин и заканчивалось детальным изучением Библии. Вокруг библейской экзегезы группировались орфография, правописание, лексика, история, филология,

¹³ Поставленная в центр функций христианской школы экзегеза определит в дальнейшем структуру учебного плана во всех конфессионально детерминированных школах в христианских странах. Библейский комментарий превратится в интегрирующую весь класс стержневую деятельность. Опыт сирийских школ оказался решающим для формирования педагогической парадигмы, которая просуществует затем более полутора тысячелетий.

греческое естествознание, география, риторика. Сирийская педагогическая доктрина считала, что обучение должно начинаться с Псалтири. Правильность чтения и произношения, столь важная для дальнейшей литургической практики, отработывалась уже на псалмах. Подготовительный уровень включал и обучение письму. От Псалтири переходили к другим библейским текстам, а также к сочинениям отцов Церкви и комментариям.

После 489 г. школы в Эдессе уже нет. Её деятельность прекращена из-за догматических разногласий с Константинополем¹⁴. Часть учеников («персы») отправилась в Нисибю вместе с Нарсаем. Епископом там был близкий Нарсаю Бар-Саума. Согласно житию, Нарсай бежал из Эдессы в одиночку, тайком, и малоизвестные люди помогли ему с транспортировкой книг¹⁵. Концом V–VII вв. отмечен расцвет «нисибийской академии».

Деятельность Нисибийской школы явилась моделью образовательной практики высшего религиозного образования на христианском Востоке. Библейской экзегезе посвящены все основные сочинения учителей первых 150–250 лет её существования. Однако, постепенно фокус внимания в школах, подобных Нисибии, перемещался на литургическую подготовку к церковной службе, поскольку выпускники христианских школ находили себе применение в основном внутри Церкви. Тексты, произносимые во время богослужения, даты церковного календаря, их значение и применение, история церковных школ и вообще вероучительной традиции уже в конце VI в. стали постепенно занимать всё более и более важное место в учебных планах. Процесс «смены акцентов» с «общего духовного» на «церковно-профессиональное» образование проходил медленно, в разных местах с различной скоростью. Были возможны и обратные движения от ритуала снова к экзегезе из-за инерции организационной памяти и учебного плана.

Школы подобно Нисибийской считались школами высшего уровня. Нисибийская школа – первая христианская школа, от которой сохранился устав, определяющий функционирование школы, поступление или исключение из неё учеников, правила внутреннего распорядка и поведения учеников во взаимоотношениях с людьми вне стен школы. Опыт разделения на предметы, обретённый в Эдессе, повторён в устройстве Нисибийской школы. Древнейшая часть «Правил святой школы города Нисибии»¹⁶ сформулирована, как сообщает преамбула, ещё до 496 г., расширение последовало в 496 и 590 гг. (полный текст утверждён в 602 г.).

¹⁴ «Собрание этой школы было изгнано, удалено из города Эдессы» (из преамбулы к «Правилам святой школы города Нисибии»; см.: *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в Средние века. С. 91).

¹⁵ Sources for the History of the School of Nisibis. P. 61.

¹⁶ Gli Statuti della scuola di Nisibi / ed. I. Guidi // *Giornale della Societa Asiatica Italiana*. 1890. 4. P. 165–195.

В школьном штате по прибытии Нарсая в Нисибю засвидетельствованы: экзегет (мепашкана, «толкователь»), учитель каллиграфического письма (сафра, «писец»), учитель философской премудрости и логики (бадука, от слова «изучать, искать, рассматривать, исследовать»), учитель «художественного» чтения (т. е. истинного в произношении, интонации и т. п.; макрейана, от сирийского корня, означавшего «читать»), учитель риторики (мехагйана)¹⁷. Учителя-экзегет и писец названы ещё и священниками. Учителя чтения и риторики занимали низшее место в иерархии преподавателей; в церковной иерархии первый из них являлся дьяконом. Руководил школой («братьями... собрания, которые живут в Нисибии») раббан («наш учитель»), которым обычно являлся толкователь-экзегет мепашкана, что было эдесской репликой¹⁸. Экзегеза считалась наиважнейшей школьной дисциплиной¹⁹. «Интерпретатор, комментатор, экзегет» выступал главой всей школы. В уставе его называют «наш раббан (учитель), мепашкана школы». Он избирался из учителей школы. В его ведении был общий надзор за ними. Правой рукой раббана-мепашканы

¹⁷ Вследствие совмещения реальными учителями ряда обязанностей, численность преподавательского состава можно полагать примерно в 2,5–5 раз меньше, чем количество названий учительских «должностей» (функций).

¹⁸ У школы было значительное материальное хозяйство, которым управляли экононом (раббайта) и гостинник (ксенодарх). С организацией при раббане Аврааме (571–572) больницы, по-видимому, связано появление в учебном плане, занятом практически полностью вероучительными предметами, медицины, которую позволялось изучать при школе лишь местным жителям, связанным с врачебной практикой. Изучение медицины, как утверждает устав 590 г., мешает духовным занятиям и даже в известном смысле оскверняет их. Вероятно, медицина стала первым предметом, не связанным с экзегезой сакральных текстов, противоречащим критерию углублённости в текст как показателю уровня образованности ученика. Углублённости в познание текста соответствовала углублённость в учителя. Интересен вопрос о подготовке преемника на посту раббана. Известно, например, что преемник Нарсая, названный им Авраамом († 569, раббан-мепашкана после 510 г.) и происходящий из семьи родственников или друзей мар Нарсая (поэтому его величали «Авраам де бет раббан», т. е. «Авраам из дома [нашего] учителя»), некоторое время жил с ним в одной келье («сын его кельи»), перенимая через смиренное подражание исполняемую Нарсаем дисциплинарную практику, работу, учёность и методы занятий, аскетизм повседневного существования. См.: *Vööbus A. Mar Abraham de-Bet Rabban and His Role in the Hermeneutic Traditions of the School of Nisibis // Harvard Theological Review. 1965. Vol. 58.*

¹⁹ «Это собрание предназначено для изучения божественных писаний и размышлений о них, ради имени истинного и прекрасного... Нам нужно, чтобы он [разум] открыто указал силу пронизательности, которая в нас, и перед каждым осветил содержание наших книг (писаний)» (из преамбулы к «Правилам святой школы города Нисибии»; см.: *Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в Средние века. С. 92, 94 и др.*).

являлся *раббайта*, одновременно управитель, эконоом и декан, надзиратель за студентами и библиотекарь.

После мепашканы и раббайты следующее место в иерархии персонала школы занимал макрейана. Его титул сформирован от слова «читать». Сфера деятельности макрейаны была достаточно обширна уже при Нарсае: от начальных наставлений в чтении до обучения продвинутых учеников текстологии, лексике, грамматике. Мехагйана во времена Нарсае выступал, скорее, учителем чтения, детализировавшим усилия макрейаны и готовившим учеников к более серьёзным занятиям с макрейаной. Термин *мехагйана* образован от корня «читать по слогам, учиться». Однако, другие значения того же корня – «вызывать размышление, обучать риторическому красноречию». Можно предположить, что мехагйана преподавал не только начатки словесности, но также риторику и медитацию. А. Баумштарк назвал мехагйану «учителем размышлений» (*Meditationsmeister*)²⁰. Большинство исследователей склоняется к вариантам расшифровки функционала мехагйаны как начального учителя либо ритора.

При школе также был сафра, «писец», обучавший письму как обязательному предмету. Чтению и письму сопутствовала выработка иных умений – литургических, пунктуационных, тоновой модуляции и др. После чтения, письма, интерпретации следовали хоровые занятия, обучение литургическим песнопениям. В дальнейшем в штате школы появился бадука-философ, подчинявшийся мепашкане. Мепашкану могли называть «главой бадук святой школы города Нисибии»²¹. Термин *baduqa* происходит из корня «искать, рассматривать».

Поступали учиться в школу лица, уже имевшие начальное образование. Из них готовили знатоков Писания. Не существовало жёсткого требования ухода в священники после окончания трёхгодичной программы обучения. Однако Нарсай позаботился теперь о постоянстве ученической братии, переходившей от наставника к наставнику в пределах одной школы, чего, вероятно, не было в Эдессе. Жизнь в школе мыслилась аналогичной пребыванию в монастыре, хотя знака равенства между ними не ставилось. Разновозрастные учащиеся и наставники жили одной общиной, назывались «братьями». Ученики и учителя составляли единое «собрание». На протяжении всего курса обучения школяры не могли жениться. Повседневное устройство напоминало общежительный монастырский устав. Здания школы были разделены на отдельные помещения для группового пребывания учеников. Никому не разрешалось

²⁰ Baumstark A. Geschichte der syrischen Literatur, mit Ausschluss der christlich-palästinensischen Texte. Bonn, 1922. S. 114.

²¹ Barhadbesabba Arbaia. La seconde partie de l'histoire ecclésiastique. P. 495, 631.

заниматься во время обучения торговлей или ремеслом, не поощрялась организация «братьями»-студентами «школы мальчиков в городе»²².

Школа в Нисибии была основана и реформирована церковными иерархами, правила её утверждались митрополитом, а устанавливались авторитетом «святых учителей, блаженных отцов и руководителей Церкви»²³. Учителя и студенты рассматривались принадлежащими к духовенству (чёрному – ученики, белому – учителя). Однако по окончании «братьями» школы им не возбранялось начать учиться какому-либо ремеслу. В последовательном соединении священнокнижной образованности и профессиональных ремесленных занятий, в постановке религиозного образования перед профессиональным проглядывает сходство с раввинистической педагогической традицией²⁴. Во времена кризиса школьного дела учащиеся стремились как можно больше «опроецировать» своё обучение в школах, подобных Нисибийской. Феодосию (853–858), несторианскому владыке (мафриан, католикос), приходилось настаивать на приоритете изучения священнокнижной герменевтики: «Готовят ли себя школяры к изучению науки врачевания или к тому, чтобы стать писцами: они не должны пренебрегать изучением толкования на Новый Завет и сочинения о таинствах, что составил мар Феодор, учитель учителей и толкователь толкователей»²⁵. Основой высшей ступени образования для творцов системы выступала, таким образом, всё же экзегеза Писания и изучение сакрального канона, несмотря на тенденцию к прагматизации обучения. Налицо сконструированная единая образовательная линия, критерием продвижения по которой выступала степень постижения одного и того же корпуса текстов. В первый год, сообщали «каноны», переписывали

²² Правила святой школы города Нисибии, ч. 2, правило 12 / пер. Н. В. Пигулевской // *Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в Средние века*. С. 104.

²³ Правила святой школы города Нисибии, предисловие / пер. Н. В. Пигулевской // Там же. С. 90.

²⁴ См.: От глиняной таблички – к университету. Образовательные традиции Востока и Запада в эпоху Древности и Средневековья / В. Г. Безрогов, Т. Н. Матулис, И. С. Ключков и др. М., 1998; *Strassburger B. Geschichte der Erziehung und Unterrichts bei den Israeliten*. Stuttgart, 1885. S. 31–32, 67, 92; *Taylor Ch. Sayings of the Jewish Fathers* (Pirge Aboth). Cambridge, 1897. P. 40.

²⁵ *Mai A. Scriptorum veterum nova collectio*. Romae, 1838. Т. 10. Ebediesu *Collectio canonum syndicorum*. P. 275. Феодор Мопсуестский (ок. 350 – ок. 428) имел титул «вселенский толкователь» и почитался несторианами как самый крупный экзегет. Его сочинения служили основными пособиями по экзегетике и гомилетике во всех несторианских учебных заведениях на протяжении многих столетий.

«первую часть молитвословий²⁶, книгу Павла²⁷ и Пятикнижие»; во второй год дописывали и доучивали «вторую часть молитвословий Давида», трудились над книгами ветхозаветных пророков и текстами литургических молитв; на третий год переписывались «книги Нового Завета» и ещё не обработанные в течение второго года литургические тексты.

Не только удельный вес экзегезы в структуре занятий, но и состав изучаемых канонических текстов мог быть предметом полемики. Так, католикос Сабришо в постановлении 834 г. критикует данный план, отмечая «ветхозаветный критерий» построения плана занятий первых двух лет как не соответствующий «текущему моменту»: «По древнему обычаю, после того как мальчики прочтут псалмы, учителя, согласно правилам, действующим в школах, читают с ними Пятикнижие, песнопения и книги пророков. Когда же они доходят до чтения Нового Завета, прекращают юноши (учение) и уходят, чтобы учиться ремеслу. Установил я, патриарх Сабришо, каноническое правило, чтобы юноши, после того как прочтут псалмы и славословия богослужения, изучали бы Евангелие и Апостолов, а потом те части Ветхого Завета, которые читаются в праздничные дни. Остальное предоставлялось желанию и свободному выбору»²⁸. Таким образом, католикос «прагматизировал» учебный план, чтобы ученики успевали за более короткий срок познакомиться с Новым Заветом и минимумом ветхозаветных текстов, – лишь тех, которые впоследствии понадобятся им в любом случае, если они займут те или иные церковные должности.

Ещё на рубеже VI–VII вв. была заложена и вовсе возможность обмирщения учебного плана школы, когда в добавлениях к изначальным правилам школы было прописано существование двух параллельных учебных планов. Один из них – для стремившихся к религиозному образованию, другой – для ищущих светского обучения (речь шла о врачебных умениях, которые преподавались только уроженцам Нисибии).

²⁶ Очевидно, имеется в виду Псалтирь. Не вполне ясно, принадлежали ли «псалмы, молитвы» Давиду или это была часть изучаемой литургии, одно из наиболее важных направлений для наставления в дальнейшей профессиональной практике по окончании школы. Источник сообщает, что все три года часть учебного времени уделяется *bet maute*, т. е. изучению фрагментов церковной службы. В связи с этим возникает вопрос, не происходила ли трансформация всего школьного цикла, переходящего от библейской экзегезы как стержня всего обучения на разбор храмовой службы. Смена целей школы меняла её функцию и содержание обучения. Если такая трансформация происходила, то и развитие учебного плана должно её отражать. Именно такое развитие учебного плана и предстаёт перед нами в этих загадочных «канонах школы Нисибии».

²⁷ Не вполне ясно, имеется ли в виду апостол, на этот счёт есть в литературе разные мнения.

²⁸ *Mai A. Op. cit. P. 274.* (Пер. Н. В. Пигулевской).

Подобной мерой стремились сохранить «чистоту» религиозного образования. Разделение учеников было произведено, как сказано в уставе школы, «чтобы книги мирского искусства со святыми книгами в одном (месте. – *В. Б., Н. Б.*) не читались». В исторической перспективе, однако, такой мерой «ревнители» растворяли каноническую часть учебного плана в монастырской повседневности и больше навредили школе, чем послужили ей на пользу, поскольку приблизили «духовную часть» школы к монастырскому уставу, создав вероятность организационного растворения школы в монашеском движении.

Устав школы поднимал тех, кто пришёл за теологическим, высшим знанием, за словом Истины, – тех «братьев, которые прибыли в школу ради учения», над другими, уже ищущими ремесла. Прибывшие «ради учения» не только не должны были заниматься в свободное время светскими науками, но и давать начальные уроки городской детворе, чтобы не уклоняться от созерцания. По прохождении всего курса на ученика возлагалась обязанность стать учителем в том или ином поселении региона: «Братья, преуспевшие в учении и показавшие, что они достаточно (подготовлены. – *В. Б., Н. Б.*), чтобы учить других, получив приказ учителя идти и учить, но из-за привязанности к школе и долгого учения в городе не склонные отделиться от неё, не смеют оставаться ни в школе, ни в городе»²⁹.

Целью всего курса школы провозглашается в уставе «проницательное постижение» и толкование Св. Писания с помощью «различающего разума». На интерпретацию канона было направлено основное учебное время каждого дня. Переписывание, толкование, чтение толкования и просто декламация, хоровое пение – таков набор учебных занятий. Восприятие и постижение материала считается зависящим от добродетельности ученика. Порицается корыстолюбие, своеволие, прелюбодеяние, развращённость, воровство, колдовство, недогматические мнения (противоречащие принятым в школе толкованиям вероучения), суетность, клевета, злословие, ложь, пьянство, гневливость и бунташность, равнодушие к соученикам, упрямство и скрытность, зависть и высокое самомнение, лень, стремление к уединённости и отделению от других, чревоугодие, неумеренность в одежде и причёске, нелояльность к властям и подогревание внутренних раздоров. Недобродетельный может «отстать» от «духовных занятий» из-за «ошибок мерзких страстей». При поступлении «абитуриенту» сообщались правила поведения, принятые в школе, и он должен был осознанно решиться на следование им.

Нисибийская школа внутри сирийской Церкви, находившейся на этапе становления, исполняла важную задачу подготовки клира, миссионеров, монахов, учителей к систематическому профессиональному

²⁹ Правила святой школы города Нисибии, ч. 2, правило 7 / пер. Н. В. Пигулевской // *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в Средние века. С. 103.

служению. Она оказала большое влияние как в своём регионе (особенно на развитие монашеской школы VII–XIII вв.), так и на утверждение институциональной школьной традиции в христианском мире в целом (как на Востоке, так и на Западе). В ней были выработаны основные принципы построения критериев, определяющих содержание образования в христианской школе, сформулированы требования к организационным принципам функционирования такого учебного заведения, проработана модель ученика и выпускника подобного рода школы. Нисибия выступила образцом высшей христианской школы. Её идеи и достижения были подхвачены многими монастырскими и церковными школами, из её стен вышли многие видные деятели Церкви, учёные, специалисты-переводчики и т. д. Руководители Нисибийской школы посылали своих преподавателей в другие поселения, чтобы там тоже основывались школы³⁰. Начальная, средняя, или высшая степень обучения определялась глубиной работы с канонами одних и тех же текстов, степенью проникновения в них.

Эдесса и Нисибия продемонстрировали возможность существования христианского образования вне территории употребления еврейского, греческого или латинского языков. Обучение и самовыражение ученика-христианина на родном языке явилось для сирийских учителей очень важным опытом и испытанием. Стержнем учебного плана, направленного на формирование «благоразумных, поступающих правильно» (устав Нисибии) учеников, было сделано изучение и переписывание канона. Его сопровождал, с одной стороны, молитвенный опыт, а с другой – обучение всем тем знаниям («предметам»), каковые необходимы для понимания текста на максимальном количестве уровней, вплоть до навыков перевода на сирийский и привлечения некоторого числа античных произведений и терминов.

Сирийский опыт существования христианских школ был, прежде всего, связан с распространением нового просвещения и образования на границе эллинистического мира и за его пределами. Христианское ученичество и школьное дело внутри греко-римского мира опиралось на соответствующую языческую образованность своей аудитории. Сирийское общество не имело такого многослойного ветхозаветного, греческого, римского наследия. Христианство принялось строить свои образовательные институты в сирийской традиции на ином фундаменте, с привлечением лишь доли античного наследия. «Пограничный опыт» оказался решающим для последующего распространения христианской

³⁰ Выходцы из Нисибии основывали другие школы. Например, мар Аба, бывший учителем раббана Эдесской школы Киоры, преподавал в Нисибии ещё до переезда туда Эдесской школы и основал школу в Селевкии. См.: *Пигулевская Н. В.* Мар Аба I. К истории культуры VI в. н. э. // Советское востоковедение. 1947. № 5. С. 73–84.

школы на всей территории *Rex Christiana*, для утверждения средневековых дефиниций высшего образования, как духовного вообще, так и церковного в частности. Мудрость обретали с помощью Писания, знание – через изучение наук, понимание – объединяя одно с другим, проверяя мудрость знанием, а знание испытывая мудростью, постигая искусство быть образованным и добродетельным одновременно, соединяя на высшей ступени обучения веру и науку, проходя необходимые уровни в постижении канона. Глубина постижения, многочисленность уровней отделяли высшее образование от предыдущих школьных ступеней, сохраняя, однако, и в нём базовые характеристики феномена духовного и профессионального ученичества.

А. М. Болгова, Н. Н. Болгов (БелГУ)

Ранневизантийская школа: античное и христианское (по Хорикию из Газы)*

Известный топос гласит: в Византии почти все были грамотными, но где и как они учились – почти неизвестно¹. Также общим местом считается, что по античной традиции на начальной и средней («энкиклиос») ступени образования византийца преобладала частная школа набиравшего себе учеников педагога², а высшее образование в ранневизантийский период (IV – начало VII в.) было сосредоточено в крупных регионально-специализированных школах. Региональных потому, что они были сосредоточены в том или ином провинциальном центре, специализированных потому, что они давали специализированное образование в какой-то определенной области (например, юридическая школа в Берите, риторическая школа в Газе и др.).

Риторские школы были одними из наиболее универсальных из таких специализированных высших школ, где сохранилась в наибольшей степени классическая традиция, так как в слово облекалась и словом выражалась сама суть античной культуры. Школа риторов в Газе Палестинской, газская «академия»³ была одной из самых ярких центров такого рода в V–VI вв.

Уже после Константина Великого именно в Палестине угасающее язычество сохраняло свои позиции сильнее, чем в других частях империи, и держалось оно в ней ещё особенно упорно во многих местностях. За исключением Маюма, обратившегося в христианство, все прибрежные города региона – Газа, Тавааф, Анфедон, Рафия, Вефилия, Аскалон и Иоппия – оставались преимущественно языческими. В них, в отличие от Антиохии эпохи Юлиана Отступника, продолжали функционировать храмы богов. Даже в окрестных малолюдных городах и селениях возведённые на искусственных холмах великолепные храмы, окружённые

* Исследование подготовлено в рамках работ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Госконтракт ПЗ22 от 28.07.2009 г. «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия», 2009–2011 гг.

¹ См.: Безрогов В. Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., 2008. С. 280–331.

² Скабеланович Н. Византийская наука и школа // Христ. чт. 1884. Май; Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005. С. 168. Эта система не изменилась, как считает А. П. Каждан, по меньшей мере, до XII в.

³ Seitz K. Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892.

колоннадами и портиками, продолжали быть главными топографическими доминантами всей местности.

Во внутренней части района Газы, в Панаеде, у подножья Ливанских гор, по-прежнему существовала в качестве святилища пещера, посвящённая Пану, с рядом надписей⁴. Севастия в Самарии и подошвы Гаризима, Скифополь на берегах Иордана и далее между Мёртвым морем и границами Аравии, Ареополь, Пера, Фэно и посвящённая Афродите Елуза, несмотря на императорские указы, оставались вполне языческими.

Цитаделью язычества считалась сама Газа с восемью храмами в честь Гелиоса, Афродиты, Аполлона, Коры, Гекаты, Тихе и Героя (*Vita Romph.*, 64). Самым известным из них был храм Зевса-Марны⁵, возвышавшийся в виде огромной круглой башни, окружённой двойным рядом портиков, и в течение почти столетия сохранявшийся после императорских указов о его уничтожении. Вокруг Газы были расположены селения и небольшие города, для которых она служила сакральным и идеологическим центром и которые оказывали ей поддержку в её сопротивлении христианизации⁶.

Наряду с этим, город Газа, начиная с IV в., был важным христианским и монашеским центром в Палестине наряду с Египтом, Синаем, Иудейской пустыней и Иерусалимом⁷. Истоки местного монашества восходят к св. Илариону Газскому (ок. 291–370), современнику св. Антония Великого⁸. Место рождения Илариона – Тавата – находится рядом с Газой, а его могила, расположенная неподалёку, уже в VI в. становится объектом почитания и паломничеств. После Илариона надо назвать Силуана († 412), который, придя с учениками из Скита, поселяется в Гераре близ Газы. Грузинский князь Набарнугий, позднее монах Петр Ивер (ок. 417–491), проходит из Иерусалима близ Газы, основывает там монастырь и в 458 г. становится епископом Маюма. Около 431 г. в Беф-Далфе, принадлежащей региону Газы, поселяется Исаия Скитский.

⁴ *Di Segni L.* Dated Greek Inscriptions from Palestine from the Roman and Byzantine Periods. Jerusalem, 1997.

⁵ Марна – местное верховное божество Газы, которому Прокл посвятил один из гимнов (Марин. Прокл, 19); слился в синкретический образ Зевса-Марны; *Чехановец Я. М.* «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // МНЕМОН: исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. Вып. 5. С. 437–439.

⁶ *Курэ А.* Палестина под властью христианских императоров (326–636). СПб., 1894.

⁷ *Glucker C. A. M.* The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods. Oxford, 1987.

⁸ Житие св. Илариона написано бл. Иеронимом.

При Юлиане Отступнике язычники Газы, Анфедона, Аскалона и Вефилии напали на христиан, жгли церкви, разорили монастырь св. Илариона и его самого преследовали до Брухиумского монастыря близ Александрии. Более всех потерпел Маюм – город-порт Газы⁹ – оплот христианства в регионе; по просьбе газских жителей Юлиан отменил все данные ему Константинополем преимущества, подчинив его городскому управлению Газы, предместьем которого он и остался навсегда, хотя Церковь не подчинилась решению Отступника, не лишила Маюм утверждённого за ним самостоятельно епископского престола, что и было подтверждено за ним Палестинским собором V в.

Ситуация в Газе на рубеже IV–V вв. описана в «Житии св. Порфирия Газского», созданном, как считается, около 600 г. Марком Диаконом. Как следует из этого источника, на 30 тысяч жителей епископу Порфирию в 394 г. удается собрать не более 300 верных христиан, а христианская церковь действует всего одна (*Vita Porph.*, 19). В 398 г. Порфирий закрывает все языческие храмы, а в 402 г. разрушается оплот язычества Марнейон.

Мозаическая карта из Мадабы¹⁰ (Медвы, совр. Иордания) середины VI в. представляет Газу как типичный ранневизантийский «мегаполис», устроенный по римскому образцу: улица с колоннами с севера на юг, амфитеатр и две христианские базилики. Сообщение паломника из Пьяченцы (ок. 570 г.) подтверждает это: «Газа – великолепный и восхитительный город, жители его очень почтенны и отличаются щедростью, они любят чужестранцев. В двух милях от Газы покоится святой отец Иларий».

Газа поддерживала отношения с Александрией, Константинополем и Антиохией. Благоприятное географическое положение у моря и на пересечении торговых путей в Египет и в Петру сделало город важным экономическим и культурным центром. Императорский двор постоянно демонстрировал внимание к Газе. Имеются сведения об императорских дарах, как, например, корабль с 30 колоннами зелёного мрамора, преподнесённый городу императрицей Евдокией (401–460) для постройки одного из храмов. Город Газа возводил статуи императоров¹¹ и с большой пышностью праздновал их дни рождения. Газа была крупным экономическим центром, из города шёл экспорт вин. Палестинские

⁹ *Kingsley S.* Decline' in the ports of Palestine in Late Antiquity // *Recent Research in Late-Antique Urbanism*. Portsmouth, 2001. P. 69–88.

¹⁰ *Avi-Yonah M.* The Madaba Mosaic Map. Jerusalem, 1954.

¹¹ Эта античная традиция была весьма характерна для ранневизантийской культуры, как и некоторые другие явления материальной культуры. Подробнее см.: *Болгов Н. Н., Иваницкая Я. Ю.* Античные памятники Константинополя. Белгород, 2010 (в печати).

амфоры LRA 1 и 4 найдены на пространстве от Кипра до Крыма, Дуная и Галлии¹².

Христианизация города Газы окончательно побеждает ко второй половине V в. Парадоксальным образом именно с этого времени начинается общеимперская слава высшей риторической школы в Газе. Гленвилл Дауни в своей статье нарисовал яркую картину интеллектуальной жизни в ранневизантийской Палестине¹³. Его исследования в области истории образования эпохи поздней Античности уникальны. Однако роль риторических школ в ранневизантийском синтезе классического и христианского в регионе¹⁴ ещё предстоит уяснить.

На протяжении всего позднеантичного (ранневизантийского) периода Газа оставалась городом с преимущественно светским образом жизни и окружением¹⁵. Все источники рисуют её как процветающий город и центр учёности. Ритор Хорикий характеризует Газу как город, «который, по общему признанию, не мог соперничать лишь с красотой, богатством и пышностью Антиохии, Тира и Кесарии, но не уступал им достоинствами своих горожан» (Choric. VIII. 13).

Существование многочисленных и влиятельных монастырей в округе города ставит вопрос об отношениях, существовавших между ярким светским обществом Газы и церковной иерархией¹⁶. В самом центре этих взаимоотношений оказались виднейшие представители риторской школы в Газе – Эней Газский, Прокопий Газский и самый яркий из них – Хорикий.

Эней Газский († после 518) – христианский философ; после него остались 25 писем и сочинение «Феофраст или о бессмертии души и воскресении». Эней принадлежал сначала к школе неоплатоников, а потом принял христианство. Время его жизни относят к концу V в. Сочинение Энея «Феофраст»¹⁷ с богословской точки зрения имеет глубокий интерес, потому что в нём, вместе с основательным раскрытием христианских догматов бессмертия души человеческой и будущего воскресения, излагаются автором мнения по этим вопросам древних философов и

¹² *Laiou A. E., Morrisson C. The Byzantine Economy. Cambridge, 2007. P. 35.*

¹³ *Downey G. The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Bulletin. 1958. 12. P. 297–319.*

¹⁴ *Van Dam R. From Paganism to Christianity in Late Antique Gaza // Viator. 1985. 16. P. 1–20; Чехановец Я. М. Указ. соч. С. 421–456.*

¹⁵ *Ashkenazi Y. Paganism in Gaza in the Fifth and Sixth Centuries // Cathedra. 1991. 60. P. 106–115.*

¹⁶ *Idem. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Ariele Kofsky. Brill; Leiden, 2004. P. 195.*

¹⁷ *Введенский Д. Эней Газский и его сочинение «Феофраст или о бессмертии души и воскресении» // Православный собеседник. 1902. Апрель.*

основательно разбирается весьма распространённая в древнее время теория переселения душ.

Прокопий (ок. 475 – ок. 528) – грекоязычный экзегет и писатель. Родился и жил в Газе, где руководил школой риторики. Прокопий являет собой образец того нового формирующегося типа христианского учёного и учителя, который объединяет в своих сочинениях языческие и христианские темы. Этот «сплав» станет одной из наиболее характерных черт ранневизантийской культуры. Кроме светских произведений, ему принадлежат толкования почти на все книги Ветхого Завета. Эти толкования, дошедшие до наших дней не полностью, представляют собой катены из отцов Церкви и Филона Александрийского. Касался он и античных мифологических тем, внося вклад в адаптацию христианством античного культурного наследия¹⁸. Библейские комментарии Прокопия написаны вполне классическим языком со всем богатством классических выражений. В чисто классической манере Прокопий написал панегирик императору Анастасию¹⁹, похвальное слово родному городу²⁰ и монодию на землетрясение в Антиохии²¹.

Хорикий (ок. 500 – ок. 590)²², наиболее известный греческий ранневизантийский оратор, был учеником Прокопия и наследником его кафедры риторики в Газе, христианином. Ему принадлежат несколько сохранившихся похвальных речей (*λογοί, oratio*) в честь светских и церковных сановников (среди них две речи в честь епископа Маркиана (520–540), содержащие описание церквей в Газе и их росписей), погребальных (над могилой матери, на смерть Прокопия) и свадебных (для своих учеников) речей. Он написал также 14 лекций (*dialekxeis*) и 25 школьных декламаций – мелетий (*meletai*), т. е. введений в речи. Аттисцист, он писал в риторическом стиле, старательно избегая несоответствий и используя акцентирующие паузы (*κλαυζυλῆς*)²³.

¹⁸ *Talgam R.* The «Ekphrasis Eikonos» of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia During the Fifth and Sixth Centuries // *Christian Gaza in Late Antiquity*. P. 209–234; *Hunger H.* On the Imitation (Mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature // *Greek Literature in the Byzantine Period* / ed. Gregory Nagy. Routledge, 2001. P. 80–102.

¹⁹ *Chauvot A.* Procopius de Gaza, Priscien de Caesaree, panegyriques de l'empereur Anastase I. Bonn, 1986.

²⁰ *Jones C. P.* Procopius of Gaza and the Water of the Holy City // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2007. 47. P. 455–467.

²¹ *Курбатов Г. Л.* Риторика // *Культура Византии*. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 355.

²² *Abel F. M.* Gaza au VI-e siecle d'apres le rheteur Chorikios // *Revue Biblique*. 1931. 40. P. 5–31.

²³ *Litsas F. K.* Choricius of Gaza: An Approach to His Work. Chicago, 1980; *Browning R.* The Language of Byzantine Literature // *Greek Literature in the Byzantine Period*. P. 118.

По сути, если не знать времени и обстоятельств жизни Хорикия, многие его тексты будут казаться чисто античными, и в этом смысле прав Роберт Пенелла, исследователь трудов этого ратора, который видит в Хорикии завершение второй софистики, нашедшей блестящее выражение в сочинениях Либания, Фемистия, Гимерия²⁴. С другой стороны, христианское вероисповедание нашло отражение в целом ряде мест текстов Хорикия, и его интонации характерны именно для культурного состояния VI в., когда Античность перестала быть живой и опасной, а оказалась уже «засушенной» и «препарированной» для учебных и научных целей. В этом плане похожим на Хорикия делается ещё один автор из Газы (живший при Анастасии на рубеже V–VI вв.) – Тимофей, автор трактата «О животных»²⁵ и грамматического сочинения.

Все произведения Хорикия, независимо от типа, принадлежат ко всем известным жанрам эпидейктики (красноречия). Это экфрасис (описание памятника), эпитафия (надгробная речь), энкомий (хвалебная речь), этопия (описание характера персонажа), монодия (песнь по торжественному или трагическому поводу), панегирик, эпиталамий (свадебная речь), апология (речь в защиту кого-то или чего-то).

Сочинения Хорикия дают прекрасный образец того, как античная форма и даже античное содержание находят византийское выражение. Античная форма используется ритором и для изложения христианского содержания, например, экфрасис храмов.

Как и другие софисты и риторы Газской школы, Хорикий смело использовал всё богатство античного наследия, писал и на чисто античные сюжеты (например, одна из декламаций – о том, какие слова должна была произнести Афродита в поисках Адониса). Можно сказать, что античная тематика в названиях сочинений Хорикия преобладает. Среди основных речей (λογοι) Хорикия мы видим следующие названия: 1) Эпитафия Прокопию, газскому софисту; 2) Энкомий и прохирон Сумму, достопочтенному военачальнику; 3) Эпитафия Марии, матери газского епископа Маркиана и элевтеропольского епископа Анастасия; 4) мелетия «Тираноубийца»; 5) Слово I к епископу Газы Маркиану; 6) Слово II к Маркиану; 7) Слово к дуксу Палестины Аратию и архонту Стефану (консуляру Палестины I); 8) «О розе»; 9) этопия «Пастух»; 10) этопия «Купец»; 11) этопия «Афродита»; 12) этопия «Финикиец»; 13) экфрасис «Хорология» (Времена года); 14) экфрасис об установленном в городе Газа образе; 15) «О весне»; 16) Монодия; 17) панегирик «Об отторгнутой

²⁴ Penella R. Introduction // *Rhetorical Exercises from Late Antiquity: A Translation of Choricus of Gaza's Preliminary Talks and Declamations* / ed. Robert J. Penella. Cambridge, 2009. P. 1–32.

²⁵ См.: Тигрица и грифон. Сакральные символы животного мира / подг. текста А. Г. Юрченко. СПб., 2002.

части»; 18) лекция «О воздаянии»; 19) мелетия «Дитя-убийца»; 20) мелетия «Патроклу от Ахилла»; 21) 2-е слово «Об отторгнутой части» и др. Не менее античными являются названия (и содержание) мелетий: 1) Полидамас; 2) Приам; 3) Лидийцы; 4) Мильтиад; 5) Юный герой-воин; 6) Сердитый старец; 7) Тираноубийца; 8) Спартанский гражданин; 9) Дитя-убийца; 10) Патрокл; 11) Герой-воин; 12) Оратор. 25 введений в речи носят более громоздкие наименования, в которых не всегда видно античное содержание, но иногда прослеживаются учебные цели и «рекомендации» для обучающихся «студентов». Содержание же их полностью античное.

Собственно для античности представляет немалый интерес юношеская апология Хорикия «В защиту мимов» (*Hyper ton en Dionysu ton bion eikonizonton*), представляющая ценный источник для изучения античных драматических форм²⁶.

Даже в чисто христианские сюжеты (Энкомий Прокопию) Хорикий вводил имена персонажей классической мифологии, примеры из жизни исторических деятелей античных времён²⁷. По подсчётам Г. Л. Курбатова, Хорикий 274 раза упоминает Гомера, 356 раз Платона, 493 раза антиохийского ритора Либания²⁸. Речь «В защиту мимов» защищала это осуждаемое Церковью искусство, ссылаясь на «мимесис», характерный и для деятельности Церкви. Христианство повлияло на особую эмоциональность стиля Хорикия, на элементы поэтического изложения, фигуративность и символизм.

Произведения Хорикия были вдохновлены его учителем Прокопием и матерью последнего – Марией. В речах ритор восхваляет добрые нравы указанных лиц и их благодеяния для городской жизни. Как можно понять из слов Хорикия, он благодарит Прокопия и Марию за приверженность христианству.

Читая Хорикия²⁹, мы обнаруживаем его умеренное и деликатное отношение к христианству и Церкви. С одной стороны, ритор хвалит своих героев за религиозное благочестие, а с другой – открыто говорит о том, что христианским священникам необходимо классическое образование³⁰.

Во II речи к Маркиану Хорикий говорит об образовании епископа. При этом он употребляет термин «поэтические врата» (*ποιητικάς θύρας*), заимствованный у Платона («Федр»). Это синоним грамматической школы. Главой риторической школы Газы в период обучения там

²⁶ *Litsas F. K. Choricus of Gaza and His Description of Festivals at Gaza // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. 1982. 32–33. S. 427–436.*

²⁷ Несколько ранее в Египте в той же манере писал Исидор Пелусиот.

²⁸ *Курбатов Г. Л. Указ. соч. С. 356.*

²⁹ *Choricii Gazaei Orationes Declamationes Fragmenta / ed. J. F. Boissonade. Lipsiae, 1846; Choricii Gazaei Opera / ed. R. Forster, E. Richsteig. Leipzig, 1929.*

³⁰ *Ashkenazi Y. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor. P. 196.*

Маркиана был знаменитый Прокопий Газский. Хорикий проводит аналогии со своим собственным опытом обучения в этой школе. Вывод, проистекающий из речи, вполне однозначен: епископ должен быть лицом с классическим образованием и добропорядочным гражданином города. Хорикий пишет, что епископ Маркиан получил широкую известность не только в Газе именно благодаря своему классическому образованию, полученному в родном городе Газе. В речи, посвящённой Прокопию, Хорикий пишет о «палестре Гермеса» (Ἐρμού παλαίστραν), т. е., опять же о школе риторов³¹.

По Хорикию, создается впечатление, что в христианской Газе, как и в других городах позднеантичного мира, граждане обучались в муниципальных школах. И место школ в жизни города Газы было выше, чем во многих других городах. Хорикий даёт очень мало информации о специальном христианском (богословском) образовании в школах Газы. Как представляется, христианское образование в школах Газы не включало подготовку священников. Поскольку Эней Газский, знаменитый софист и философ, был братом Марии, матери епископа Маркиана, мы можем заключить, что между Церковью и риторической школой существовали особые отношения. Христианское образование было частью образовательной программы Газской «академии». Хорикий отмечает, что глава школы Прокопий был очень искущён в Св. Писании (Or. fun. in Proc., 21). При этом Прокопий не был монахом и, как утверждает Хорикий, не был и священником.

Эней Газский, вполне вероятно, был епископом. Тот факт, что христианский епископ возглавлял короткое время риторическую школу, является исключительным. Он демонстрирует сотрудничество софистов и клириков в отдельно взятом высшем учебном заведении.

Как известно, епископ в позднеантичном городе был одним из его руководителей, вёл активную общественную, а нередко и хозяйственную деятельность³². Хорикий описывает епископа Маркиана как организатора общественных празднеств, раздачу хлеба нуждающимся и т. п.

В посвящённой речи Марии Хорикий провозглашает, что священство выше всех городских чиновников (собственно – «лучше» – τὼ καλλίστῳ). Епископ и его клир были частью среднего класса муниципалов своих городов в Поздней империи. Агиография изображает епископов святыми, акцентируя внимание на чудесах и т. п. Хорикий в

³¹ Невероятно интересно употребление Исидором Пелусиотом (несколько ранее) термина «палестра монахов» – παλαίστήριον μοναχικά (I, 262), где прямо смешано (лексически) античное и христианское.

³² *Brown P. Poverty and Leadership in the Late Roman Empire. Hanover; New Hampshire, 2002.*

своих речах изображает преимущественно общественную деятельность епископа, активное его участие в гражданской администрации.

Из речей Хорикия мы можем заключить, что Церковь в Газе была неотъемлемой частью городской муниципальной и общественной жизни³³, а классическая риторическая высшая школа Газы обеспечивала образовательные потребности не только города, но и клира, включая значительную часть всего Палестинского региона³⁴.

Фотий, читавший Хорикия в IX в. (*Miriobibl.*, cod. 160), отмечал, что оратор «находит свои лучшие проявления в описаниях и хвалебных речах». Стиль Хорикия характеризуется частым и чрезмерным украшательством речи.

Судьба Хорикия и его произведений была в целом достаточно позитивной в последующей византийской культуре. Свидетельство этому – сам факт сохранения его произведений. Но прямых цитат и рецепций все-таки не так много³⁵.

Особенностью всей ранневизантийской эпохи было то, что императорская власть и государство поддерживали существование городской риторики и, соответственно, риторических школ вплоть до упадка городов со второй половины VI в. Риторические школы сыграли важную роль в христианской адаптации античного наследия³⁶.

Впоследствии Газа была известна не только классической интеллектуальной традицией, но также и великими христианскими учителями второй половины и конца VI в. – Авва Исая, Варсануфий и Иоанн, Дорофей Газский, Север Антиохийский, Захария Ритор и др. Арабское завоевание первой половины VII в. положило конец развитию христианства в регионе и ранневизантийскому периоду его истории³⁷.

³³ *Di Segni L.* The involvement of local municipal and provincial authorities in urban building in Late Antique Palestine and Arabia // *The Journal of Roman Archaeology (JRA)*. Suppl. 14. München, 1974. P. 312–332.

³⁴ *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. Oxford; N. Y., 2008; Gaza dans l'antiquité tardive. Archeologie, rhétorique et histoire / ed. C. Saliou. Paris, 2005.

³⁵ *Amato E.* Epilogue. The fortune and reception of Choricus and his works // *Rhetorical Exercises from Late Antiquity...* P. 261–302.

³⁶ *Cameron Av.* Christianity and the Rhetoric of Empire. Berkeley, 1991.

³⁷ *Dauphin C.* La Palestine Byzantine: peuplement et population. Oxford, 1998.

А. К. Гладков (ИВИ РАН)

**«*Omniū expetendorū prima est sapientia*».
Иерархия знания и классификация искусств
в «Дидаскаликоне» Гуго Сен-Викторского**

В истории западноевропейской науки и образованности эпоха «Ренессанса XII в.»¹, уникального по наполнению культурного феномена, представленного именами Петра Абеляра, Иоанна Солсберийского, Гильберта Порретанского и Гуго Сен-Викторского, занимает выдающееся место. Его исключительность состоит в том, что в стремлении усвоить основные уроки античной цивилизации путём постижения мудрости, заповеданной потомкам мыслителями эллинистически-римского мира (Платоном, Аристотелем, Вергилием, Овидием, Цицероном и Сенекой), «великие магистры» намечали в своих трактатах *пути* и *способы* постижения человеком вселенной, пытались «вписать» индивида в контекст окружающей его среды²; они «возрождали» дух классической Древности и тем самым передавали в руки современников своеобразные интеллектуальные «инструменты» познания видимого мира.

¹ Классической работой, в которой анализируется культурное своеобразие стран Западной Европы и обосновывается термин «Возрождение» применительно к эпохе XII в., является исследование Ч. Х. Хаскинса, увидевшее свет в 1927 г. и оказавшее заметное влияние на последующие изыскания в области «средневекового ренессансоведения». См.: *Haskins Ch. H. The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge, 1971. Вслед за книгой Ч. Х. Хаскинса, появилось исследование Г. Паре, А. Бруне и П. Трэмбле, посвящённое анализу структур и идеологических установок французских «школ» XII в. (Петра Абеляра, Гильома из Шампо и др.) в связи с развитием теологических представлений. См.: *Paré G., Brunet A., Tremblay P. La Renaissance du XII-e siècle. Les Écoles et L'Enseignement*. Paris; Ottawa, 1933. Качественно новый уровень изучения различных сторон «Ренессанса XII в.» – правовых, философских, филологических и богословских идей – реализован в сборнике, вышедшем в 1982 г. под редакцией Р. Бенсона и Дж. Констебла, см.: *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / ed. by R. L. Benson and G. Constable with C. D. Lanham*. Oxford, 1985.

² Об этой важной составляющей интеллектуальных поисков латинских авторов XII в. справедливо писал М-Д. Шеню. Выходя за рамки анализа противопоставления веры и разума, характерного для схоластической мысли эпохи Средневековья, исследователь предложил акцентировать внимание на изучении трактовок соотношения происхождения и устройства человека и мира (микро- и макрокосмосов), «природы» и «благодати». См.: *Chenu M-D. Nature, Man, and Society in the Twelfth Century. Essays on New Theological Perspectives in the Latin West / selected, ed. and transl. by J. Taylor, L. K. Little*. Chicago; London, 1968. P. 1–48.

Одним из таких «орудий» являлась классифицированная система знания, построенная на логически организованной иерархии ценностей и преследующая задачи постепенного, предписанного и установленного свыше, изучения Божественной Истины. Поиск особого «метода» (*methodus*) постижения был одной из основных целей интеллектуальных построений западноевропейских (преимущественно французских) магистров XII в. В лекциях и учёных диспутах нередко возникали «особые» вопросы, но далеко не всегда на них сразу находились должные ответы. И опытные наставники, и школяры пытались понять: что, каким образом и в какой последовательности следует изучать, может ли знание обладать животворной силой, способно ли оно навредить человеку или, напротив, принести ему пользу?

Истина, как известно, никогда не рождалась в споре: она открывалась лишь смиренным и отстранённым от мирской суеты учёным мужам, отказавшимся от земных удовольствий ради небесных. Одним из тех, кто, по мнению людей Средневековья, удостоился счастья обретения Истины (*veritas Dei, veritas Domini*), был Гуго³ Сен-Викторский (ок. 1096–1141)⁴. Выдающийся теолог, ученик прославленного Гильома из Шампо – одного из главных оппонентов Петра Абеляра, экзегет и мистик, прозванный за широту интересов и проникновенность «Вторым Августинном» (*Alter Augustinus*)⁵, Гуго, происходивший из древнего саксонского аристократического рода⁶, оказал глубочайшее влияние на развитие схоластической мысли западноевропейского Средневековья.

³ В отечественной историографии (главным образом, в историко-философской литературе) также используется менее распространенная форма именования мыслителя – Гугон Викторинец. Правда, указанное употребление, введённое С. С. Неретиной вслед за дореволюционными медиевистами, в России не утвердилось. См.: *Неретина С. С.* Тропы и концепты. М., 1999. С. 94, 267.

⁴ Подробнее см.: *Kaulich W.* Die Lehren des Hugh und Richard von St. Viktor. Prag, 1865; *Baron R.* Science et Sagesse chez Hugues de St.-Victor. Paris, 1957; *Taylor J.* The Origin and Early Life of Hugh of St. Victor: An Evaluation of the Tradition. Notre Dame, 1957; *Baron R.* Études sur Hugues de St.-Victor. Paris, 1963; *Sicard P.* Hugues de St.-Victor et son École. Turnhout, 1991; *Harkins F. T.* Reading and the Work of Restoration: History and Scripture in the Theology of Hugh of St Victor. PIMS, 2009; *Rorem P.* Hugh of Saint Victor. Oxford, 2009; *Coolman B. T.* The Theology of Hugh of St. Victor: An Interpretation. Cambridge, 2010.

⁵ Современники также считали Гуго «глаголом» и «душой» Августина («*lingua Augustini*», «*anima Augustini*»).

⁶ Следует отметить, что в современной научной литературе нет единого мнения относительно того, где родился Гуго Сен-Викторский. Источники указывают на три возможных места появления на свет мыслителя – Саксонию, Фландрию и Лотарингию. Подробнее см.: *Croydon E.* Notes on the Life of Hugh of St. Victor // *Journal of Theological Studies*. 1939. Vol. 40. P. 232–253; *Rorem P.* Op. cit. P. 9–11.

Его многочисленные труды⁷ были неизменно популярны у читателей вплоть до начала Нового времени; однако особой востребованностью пользовался трактат «Дидаскаликон»⁸ («*Didascalicon*», распространённый также под другими названиями – «Наставление к обучению» («*De studio legendi*»), «Наставительное поучение» («*Eruditio didascalica*»), дошедший более чем в тысячи рукописей. Данное сочинение, состоящее из шести книг, является одним из ранних в собрании творений схоласта; его можно датировать лишь приблизительно: в трактате «О таинствах христианской веры» («*De sacramentis christianae fidei*»), написанном после февраля 1130 г. и завершённом около 1133 г.⁹, имеется отсылка к «Дидаскаликону». Располагая этим указанием, а также рядом косвенных данных,

⁷ Творческое наследие мыслителя огромно; «собрание сочинений» схоласта, опубликованное Ж.-П. Минем в «Латинской патрологии», включает в себя, кроме нескольких десятков трактатов по богословию, философии и мистике, также эпистолярный корпус (3 письма). Среди трудов Гуго выделяются, помимо «Дидаскаликона», следующие работы, отражающие различные интересы автора: «О таинствах христианской веры» («*De sacramentis christianae fidei*»), «О власти и воле Божией» («*De potestate et voluntate Dei*»), «О девстве блаженной Марии» («*De beatae Mariae virginitate*»), «О наставлении новоначальных» («*De institutione novitiorum*»), «О Ноевом ковчеге в моральном [смысле]» («*De arca Noe morali*»), «О Ноевом ковчеге в мистическом [смысле]» («*De arca Noe mystica*»), «Комментарии к [трактату] “О Небесной иерархии” св. Дионисия Ареопагита» («*Commentaria in Hierarchiam caelestem S. Dionysii Areopagitae*»). См.: *Hugo de S. Victore. Opera omnia* // PL / ed. J.-P. Migne. Paris, 1854. Т. 175–177 (далее – с указанием года выхода, тома и колонки).

⁸ *Hugo de Sancto Victore. Didascalicon* // PL. 1854. Т. 176. Col. 741–812; *Hugonis de Sancto Victore. Didascalicon de studio legendi* / ed. by Ch. H. Buttimer. Washington, 1939; *The Didascalicon of Hugh of St. Victor. A Medieval Guide to the Arts* / transl. by J. Taylor. N. Y., 1961; *Hugues de Saint-Victor. L'Art de lire. Didascalicon* / Introd., trad. par M. Lemoine. Paris, 1991; *Hugo de Sancto Victore. Didascalicon de studio legendi*. Freiburg im Breisgau, 1997. На русском языке имеются следующие издания переводов фрагментов «Дидаскаликона»: *Гуго Сен-Викторский. Наставительное поучение* / пер. В. П. Зубова // *История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли*: в 5 т. М., 1962. Т. 1: Античность. Средние века. Возрождение. С. 278–279; *Гуго Сен-Викторский. Семь книг назидательного обучения, или Дидаскаликон* / пер., вводная ст. Ю. П. Малинина // *Антология педагогической мысли христианского Средневековья*: в 2 т. / сост. В. Г. Безрогов, О. И. Варьяш. М., 1994. Т. 2: Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами учёных наставников и их современников. С. 49–93; *Гуго Сен-Викторский. Наставление к обучению. Об искусстве чтения* / пер. В. П. Гайденко // *Историко-филологический сборник '98*. М., 2000. С. 76–92. Подробнее о трактате см.: *Illich I. In the Vineyard of the Text. A Commentary to Hugh's Didascalicon*. Chicago; London, 1993; *Rorem P. Op. cit.* P. 21–34.

⁹ *Baron R. Science et Sagesse chez Hugues de St.-Victor*. P. XLV.

исследователи предположили, что «педагогический свод» Гуго Сен-Викторского был закончен в 20-е гг. XII в. «Дидаскаликон», продолжающий древние традиции «наставлений», представляет собой, как и произведения бл. Августина, бл. Иеронима, Кассиодора, Исидора, попытку систематизации разрозненных знаний о человеке и мире, построенной по принципу своеобразной «энциклопедии» – краткого, но ёмкого изложения значений и толкований отдельных понятий, смысла многих явлений «общественной жизни», типологии «искусств».

* * *

В основе педагогической системы Гуго Сен-Викторского лежит идея постепенного, «поступательного» постижения вещей видимого мира, плодов божественного творения, ведущего в итоге к восприятию трансцендентной мудрости (*divina sapientia*), содержащей, как отмечает схоласт, «форму совершенного блага» («*omnium expetendorum prima est sapientia, in qua perfecti boni forma consistit*»). Правильное обретение знания непременно сопровождается «открытием самого себя», ибо человек способен всё постичь только с помощью «чтения» (*lectio*) или «рассуждения» (*meditatio*)¹⁰. Каждый из этих процессов тесно связан с определённой стороной человеческой природы. Развиваемый принцип «подобное постигается подобным» предполагает, что познание божественного, сокрытого от «плотского» восприятия, возможно только с помощью души, состоящей из нескольких природных начал, позволяющих исследовать многообразие окружающего мира, и обладающей силой (*vis*) житнетворчества, наделяющей человека чувствами и разумом¹¹; отсюда важную функцию играет «ум» (*ratio*), потенциальная способность которого заключена в понимании устройства и движения все сущего.

В антропологических изысканиях Гуго, непосредственно связанных с его педагогической программой, видно, что душа (*anima*) человека не является статичной, напротив, она постоянно меняется; главной причиной эволюции является факт слияния с телом (*corpus*), материальная природа которого влияет на «перерождение» души¹². Впрочем, мыслитель, как кажется, не принимает неоплатоническую метафору «плотской тюрьмы», в которую заключена душа и из которой она стремится вырваться; напротив, Гуго полагает, что соединение души и тела представляет собой гармонию, основанную на «влечении» (*affectio*)¹³. Первоначально совершенная природа человека после грехопадения подверглась глубоким изменениям,

¹⁰ *Hugo de S. Victore. Eruditionis didascalicae libri septem // PL. 1854. T. 176. Col. 741.*

¹¹ *Ibid. Col. 743.*

¹² *Ibid. Col. 753.*

¹³ *Ibid. Col. 756.*

повлѣкшим потерю «божественного подобия»; восстановить его возможно двумя способами, с одной стороны – праведной жизнью, а с другой, – постоянным стяжанием знания ради обретения истины¹⁴. Обладая божественным даром рассудительности (*intelligentia*)¹⁵, человек применяет одно, подражательное в своей основе знание (*scientia*)¹⁶ для получения другого, и в конечном счѣте коренным образом изменяет собственную жизнь. Многие способности (например, воображение и память¹⁷) и навыки, полученные или приобретѣнные индивидом на протяжении долгих лет, преображают его внутренний мир, выделяя среди всех тварей.

Гуго Сен-Викторский выделяет важное положение, отличающее человека, от природы не имеющего ни когтей, ни клыков, ни шкуры, от представителей «животного мира»¹⁸. Человек превосходит все другие создания не только совершенством своей души и различными способностями, но и разумом (*ratio*), постоянно собирающим знания и дарующим правильное видение. Применяя теоретические знания на практике, человек выступает в роли творца (и в данном случае, как отмечает схоласт, он действует как подобие Бога), одновременно «наблюдателя» и «подражателя» природы¹⁹. Стать созидателем индивид может лишь в том случае, если в противоборстве добра и зла, добродетели и порока, победу одержит нравственное начало²⁰. Только «чистый сердцем», праведный, делающий главным правилом своего существования – «смирненное бытие», способен не только успешно освоить курсы тривиума (*trivium*) и квадривиума (*quadrivium*), постичь наставления античных авторов, отцов Церкви и схоластов, но и воспринять мудрость Св. Писания. Для этого ему необходимо пройти своеобразную школу – изучить науки, обрести необходимые навыки, изучить свойства и природу вещей, а лишь затем приступать к чтению Библии. Ветхозаветные и новозаветные сюжеты представлены по большей части в форме аллегорий²¹ и метафор, объяснить и истолковать которые невозможно без глубоких знаний и опыта. Именно поэтому Гуго посвятил анализу структуры Библии последние книги «Дидаскаликона».

* * *

Итак, всякое исследование, в итоге направленное на постижение «науки наук» – *высшей философии*, опирается на четыре вида познания:

¹⁴ Ibid. Col. 747.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. Col. 743.

¹⁸ Ibid. Col. 744; Col. 748.

¹⁹ «qualiter autem opus artificis imitetur naturam...». Ibid. Col. 748.

²⁰ Ibid. Col. 745.

²¹ Ibid. Col. 802–805.

проистекающую из размышлений и упражнений ума «теорию», «практику», «механику» и «логику»²²; указанные составные элементы овладения сведениями о вещах видимого мира соответствуют четырёхчастному устройству души²³.

Созерцательная составляющая познания, т. е. «теория», состоит из теологии, математики и физики²⁴. При этом математика содержит в себе арифметику, музыку, геометрию и астрономию²⁵. Теология (*theologia*), как учебная дисциплина, представляет собой рассуждения человека о природе и творениях Бога²⁶. Предметом математики является изучение «видимого» и умопостигаемого, нередко основанного на исчислениях количества с помощью абстрактных символов; фундаментом данной дисциплины Гуго Сен-Викторский считает арифметику, выявляющую чётные и нечётные числовые (*parem et imparem*)²⁷ соотношения вещей²⁸, музыку (*musica*), «незримой связью» объединяющую природы мира, человека и материального предмета (инструмента) и несущую пример совершенного союза противоположностей – гармонию (*harmonia*), лежащую в основе устройства мира и индивида. Гармония упорядочивает добродетели (справедливость – *justitia*, благочестие – *pietas*, воздержанность – *temperantia*) и соотносит их с разумом (*ratio*)²⁹, гневом (*ira*) и вожделением (*concupiscentia*), уравнивая эти противоположности³⁰. Следующими компонентами, составляющими «математику», являются геометрия (*geometria*), измеряющая видимые объекты различных размеров в пространстве³¹, и астрономия (*astronomia*), уделяющая внимание исследованию движения звёзд и планет³². «Физика» (*physica*), последняя из частей, входящих в «теорию», изучает причины и следствия деятельности вещей или законов³³.

Сферы повседневной жизни, система ценностей и восприятие труда, концепции власти и общественных отношений, нашедшие отражение в

²² «*Philosophia dividitur in theoreticam, practicam, mechanicam, et logicam*». Ibid. Col. 752.

²³ «*Hic itaque non absurde ille quaternarius animae intelligi potest*». Ibid. Col. 750.

²⁴ «*Theorica dividitur in theologiam, mathematicam et physicam*». Ibid. Col. 752.

²⁵ «*Mathematica igitur dividitur in arithmetica, musicam, geometriam, astronomiam*». Ibid. Col. 755.

²⁶ Ibid. Col. 752.

²⁷ Ibid. Col. 756.

²⁸ Ibid. Col. 755.

²⁹ Речь, вероятно, идёт о «заражённом» греховными помыслами разуме, все силы которого устремлены ко злу.

³⁰ Ibid. Col. 756.

³¹ Ibid. Col. 755–756; Col. 757.

³² Ibid. Col. 756; Col. 757.

³³ Ibid. Col. 757–758.

экономике (oecconomica), этике (ethica) (создателем которой Гуго полагал Сократа³⁴) и политике (politica), вошли в состав так называемой «практики»³⁵ – области активной человеческой деятельности, реализующей теоретические идеалы. «Practica» представлена в трёх измерениях: личном, связанном с индивидом, частном, имеющем отношение к ведению домашнего хозяйства отдельной семьёй или родом, и общественном, отражающем процесс развития социума, его институтов и структур, направленном на достижение «всеобщего блага»³⁶.

Новую грань практического приложения знаний и навыков, полученных человеком в процессе обучения, является «механика». Названная Гуго «искусством», она включает в себя различные области деятельности индивида на поприще подражания природе и осуществления им созидательных функций: сукноделие, производство инструментов и оружия, навигацию, агрикультуру, охоту, медицину и театральное «мастерство»³⁷. «Механика» представляет собой своеобразную имитацию тривиума и квадравиума³⁸; в ней находит идея подражания мастера Творцу. При том, что «механические искусства» терминологически и содержательно отличаются от «свободных», ориентированных на людей, обладающих выбором и прилагающих силы на получения знания, но и они являют собой пример добровольного приложения сил (физических) к достижению высшего результата³⁹. «Artes mechanicae» реализуют эстетические каноны, сформулированные в «учёных» дисциплинах и отражающие различные представления человека о форме и материи. Созерцая красоту и гармонию природы, совершенное устройство мироздания и логичность божественного замысла, человек передаёт всё им увиденное и услышанное, используя ткань⁴⁰, дерево или камень (в связи с изготовлением орудий и инструментов, предназначенных для строительного, кузнечного или литейного дел)⁴¹.

Частная сфера жизни общества представлена в трёх категориях. Подражая природе, индивид обрабатывает землю, осваивая пустующие поля и леса, разбивая сады, выращивая плодовые деревья⁴², и обеспечивает себе тем самым благоденствие. Наряду с овощами и фруктами, из окружающего мира человек, кроме хлеба, изготавливаемого из различных

³⁴ «Ethicam inventor Socrates fuit...». Ibid. Col. 766.

³⁵ Ibid. Col. 759.

³⁶ Ibid. Col. 759–760.

³⁷ «Mechanica septem scientias continet: lanificium, armaturam, navigationem, agriculturam, venationem, medicinam, theatricam». Ibid. Col. 760.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. Col. 760–761.

⁴² Ibid. Col. 761.

зерновых культур, получает рыбу (рыболовство – piscatus) и мясо (охота – venatio)⁴³; болезни и недуги тела лечит «медицина» (medicina)⁴⁴, фактически совмещающая сведения из различных наук, а «театральное знание» (theatrica scientia) улучшает настроение и веселит народ⁴⁵. Развитие цивилизации невозможно без налаживания торговых отношений с соседями, открытия новых, неведомых земель, постижения тайн мира; всем этим занимается «навигация» (navigatio) – одна из главных частей «механики»⁴⁶.

Важнейшей составляющей постижения является «логика», включающая в себя, согласно Гуго, грамматику (grammatica) – дисциплину, посвящённую анализу букв, слогов, слов и предложений⁴⁷, и «порядок рассуждения» (ratio disserendi), в задачи которого входит выявление истины и обличение лжи⁴⁸.

Дисциплины, составившие «свободные» и «механические» искусства, были унаследованы от мыслителей Древности, разработавших наилучший способ постижения предметов видимого мира; знания, полученные через чтение, размышления или опыт, позволяют человеку принять высшую Истину. Однако не стоит чрезмерно усердствовать в деле стяжания scientia; такая «жадность» может только навредить⁴⁹ и отвлечь от главной цели человеческого бытия – обретения мудрости, являющейся, как пишет схоласт, животворящим и самодостаточным умом – единой первопричиной всех вещей⁵⁰. Каждой ступени познания соответствует определённая «дисциплина»; так от «простого» к «сложному» формируется путь, ведущий к высшему из искусств – философии⁵¹. Путь этот, сложный, протяжённый во времени и фактически обнимающий всю человеческую жизнь, начинается с первичного усвоения принципов рассуждения (disserendi). Только «свободные искусства» могут предоставить человеку, обладающему природными данными (natura), упорством (exercitium) и организованностью (disciplina)⁵², шанс путём углублённых раздумий и самоотречения постичь истинную философию.

* * *

Интересным фактом усвоения отдельных идей Гуго Сен-Викторского, изложенных им в «Дидакаликоне», может служить текст трактата

⁴³ Ibid. Col. 761–762.

⁴⁴ Ibid. Col. 762.

⁴⁵ Ibid. Col. 763.

⁴⁶ Ibid. Col. 761.

⁴⁷ Ibid. Col. 763; Col. 763–764.

⁴⁸ Ibid. Col. 764–766.

⁴⁹ Ibid. Col. 769.

⁵⁰ «Nullius indigens, vivax mens, et sola rerum primaeva ratio est». Ibid. Col. 751.

⁵¹ Ibid. Col. 741.

⁵² Ibid. Col. 770.

«Поликратик, или о забавах света и заветах философов»⁵³, принадлежащий перу выдающегося английского мыслителя XII в. Иоанна Солсберийского. Данное сочинение, завершённое в 1159 г. и посвящённое канцлеру Фоме Бекету, будущему архиепископу Кентерберийскому, содержит структуру знания, напоминающую классификацию, разработанную Гуго⁵⁴. Иоанн Солсберийский пишет о магии и астрологии, театральном «искусстве» и охоте, играх и развлечениях, но не задаётся целью привести все действия человека в строгую *универсальную* систему. Он, в отличие от Гуго Сен-Викторского, даёт этим «греховным проявлениям человеческой природы» моральные оценки; его интересует то, как «забавы» воздействуют на душу индивида, а затем влияют на всё общество. Гуго, в данном случае, напротив, выступает в роли отстранённого от мирской суеты философа, беспристрастно констатирующего законы социального развития, основанные на тех или иных «дисциплинах»⁵⁵.

Принципиальное различие между Гуго Сен-Викторским и Иоанном Солсберийским состоит в том, что один был «теоретиком», смотрящим на мир из «окна монашеской кельи», а второй – «практиком», пришедшим к необходимости обобщения и формулирования собственной этико-политической и философской системы, основываясь на богатейшем жизненном опыте, многолетнем ведении переговоров и дипломатической переписки с людьми разного происхождения, характера и поведения. Тем не менее, не приходится говорить о важности созданного Гуго сочинения, разворачивающего масштабную панораму зарождения и становления «свободных искусств».

* * *

«Любомудрие» Гуго Сен-Викторского не является абстрактным знанием, оно представляет собой Истину, т. е. самого Создателя. «Дидаскаликон», традиционно воспринимаемый исключительно как произведение назидательного характера, адресованное школярам и их наставникам, предназначенное для улучшения качества образования,

⁵³ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / Introd. by P. McNulty. N. Y., 1979. Vol. 1–2. (1 ed. – 1909).*

⁵⁴ Действительно, Иоанн вполне мог использовать некоторые сюжеты «Дидаскаликона», который, скорее всего, изучал в период своего длительного обучения во французских школах. Подробнее о занятиях мыслителя см.: *Гладков А. К. «Интеллектуальная география» средневековой Франции (парижские школы XII века глазами современников) // Долгое Средневековье: сб. в честь проф. А. А. Сванидзе / отв. ред. А. К. Гладков, П. Ю. Уваров. М., 2011. С. 325–334.*

⁵⁵ *Гладков А. К. Средневековый придворный в зеркале развлечений // Европа. Международный альманах / отв. ред. С. В. Кондратьев. Тюмень, 2008. Ч. 8. С. 32–38.*

восприятия и усвоения искусств, представляет собой *теологический* трактат, в котором описывается сложный механизм последовательности освоения наук, намечается путь восхождения «души к Богу», отстранения от мирских забот, приобщение к аскезе, и самосовершенствования. Описываемая схоластом эволюция человека (от «неведения» к «знанию»), придерживающегося сформулированных Гуго правил, фактически воспроизводящих многие положения учений отцов Церкви, призвана наглядно показать дорогу совершенствования души, которой постепенно открывается божественная мудрость. Из трактата схоласта следует, что знание не является самоцелью, главной и ведущей задачей человеческого существования; напротив, оно – лишь инструмент, позволяющий обрести высшую милость – *спасение души*.

Направленность сочинения даёт убедительные основания полагать, что Гуго предпринял один из немногих удачных экспериментов в Средние века, попытавшись изложить идеи «мистического восхождения» человека к Богу в «педагогических» категориях, анализируя природу и значение таких понятий, как «чтение», «образование», «дисциплина», «искусство», «память», «воображение» и др. Гуго Сен-Викторский акцентировал внимание читателей на необходимости искоренения злонравия, нежелания или неспособность людей изучать науки⁵⁶, постигать мир, развиваться и совершенствоваться; без знания невозможно обретение истины, а без истины – недостижимо спасение. Напротив, отказываясь от радостей земной жизни, человек, обладающий свободной волей, навыками умственной деятельности, получает подлинное удовольствие от размышления; так от познания малого (нравов и различных заповедей) индивид переходит к постижению «божественных деяний»⁵⁷.

Важным фактором исправления греховной природы человека являются смирение и кротость⁵⁸, низвергающие гордыню и себялюбие, и дающее ему правильное видение мира. Конечно, и до Гуго Сен-Викторского латинские и греческие авторы обращались к теме преподавания и наилучшего восприятия знания, но именно «второй Августин» сумел, классифицируя искусства, показать необходимые для совершенствования *corporis et animae* ступени познания. Итогом является приобщение к «науке наук» (*scientia scientiarum*) – высшей философии, отличающейся от «земной теологии» (*theologia mundana*) и идентифицируемой автором с «теологией божественной» (*theologia divina*).

⁵⁶ *Hugo de S. Victore. Eruditionis didascalicae libri septem // PL. 1854. T. 176. Col. 770–771.*

⁵⁷ *Ibid. Col. 772.*

⁵⁸ *Ibid. Col. 773–775.*

Учитель, школа, ученик в пространстве раннего Ренессанса (по письмам и диалогам Петрарки)

История средневекового образования в разных странах Западной Европы продолжает оставаться одной из притягательных для исследователей областей изучения как в силу многообразия вопросов, которые ещё далеко не достаточно изучены, так и ввиду возможностей использования самых разных подходов – от новой социальной истории до визуальной антропологии. В случае Петрарки (1304–1374), первого гуманиста эпохи Возрождения, великого поэта и учёного, яркой общественной личности, отца, вложившего много сил и времени в воспитание и образование двоих детей, особый интерес теме придаёт то обстоятельство, что именно в его век начался огромный культурно-исторический разлом, который привёл к формированию личности нового типа и к рождению ренессансных представлений об обществе и человеке. В кругу этих представлений находится место и учителям, и ученикам, и учёным. Изучение петрарковских писем и трактатов позволит глубже уяснить, какую подготовку в школе проходило первое поколение гуманистов, с каким наследием пришлось иметь дело гуманистам-педагогам следующего поколения, от чего именно отказываться при формулировании своих представлений о школе, программе обучения, учителе, а что – развивать и трансформировать.

В данной статье предпринимается попытка выявить, какие оценки ученикам, учителям, школе своего времени давал Петрарка в письмах, насколько эти оценки были впитаны его диалогами в трактате «О средствах против превратностей судьбы» и насколько сквозь их призму начинают проступать новые ренессансные представления о знаниях и образовании.

Материалом для статьи послужили знаменитые послания Петрарки, включённые им в сборник «Книг писем о делах повседневных»¹. Из них были отобраны для анализа те, которые содержат материал о школе, учениках и учителях. Большая часть писем цитируется в замечательных переводах В. В. Бибихина². Кроме того, на интересующую нас тему было написано шесть диалогов, включённых Петраркой в названный выше трактат «О средствах против превратностей судьбы». Это сочинение стало одним из важных продуктов зрелого периода творчества гуманиста, оно

¹ *Petrarca F. Familiarum rerum // Edizione nazionale delle opera di Fr. Petrarca. Firenze, 1926–1942. Vol. 1–4.*

² *Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты / пер. с лат., вступ. ст. и примеч. В. В. Бибихина. М., 1982. Добавим, что некоторые письма из сборника переведены и опубликованы Н. Х. Мингалеевой.*

создавалось в 1354–1366 гг.³ Ради целей сравнения мы старались использовать письма, также написанные в эти годы.

И письма, и трактат, конечно, не ушли от внимания исследователей, но по данному сюжету дело в основном ограничилось публикацией переводов диалогов американским исследователем К. Равски, предпославшим текстам статьи текстологического характера⁴. В двуязычной публикации 2002 г. французские переводчики и исследователи (прежде всего, Кр. Карру), блестящие знатоки языка и эрудиты, проделали огромную текстологическую и справочную работу, дали ёмкий, по большей части филологический комментарий к названным диалогам. Это издание и было использовано при подготовке статьи⁵.

Нельзя не отметить, что анализ интересующих нас писем и диалогов опирался на огромный пласт наблюдений, сделанных серьёзной научной литературой последнего столетия, в том числе – в трудах Э. Х. Уилкинса, Дж. Биллановича, А. Бернардо, Дж. Велли, М. Фео, Э. Биджи, У. Догги, Н. Манна, Т. Кейкэя, Фр. Рико, Ж. Марголена, Ф. Вагнера, М. Ариани, М. Сантагаты, К. Равски, Кр. Карру, К. М. Монти, М. Петолетти, К. Берра, Л. Маркоцци.

В России исследование творчества Петрарки была начато М. С. Корелиным, М. О. Гершензоном и А. Н. Веселовским и тоже получило немалое развитие как в общих, так и в специальных трудах А. К. Дживелегова, М. А. Гуковского, А. Х. Горфункеля, С. М. Стама, М. Л. Абрамсон, Л. М. Брагиной, Р. И. Хлодовского, Н. В. Ревякиной, Л. М. Баткина, В. В. Бибикина, О. Ф. Кудрявцева, Е. Г. Рабиновича, В. Микушевича, М. Л. Андреева и др. 700-летнему юбилею поэта и гуманиста были посвящены разделы разных сборников и два специальных издания⁶.

Напомним, что во времена Петрарки в Италии в области образования можно было найти всё: от высокой схоластической науки в Болонье до домашнего начального обучения с самыми скромными учителями. Время

³ Назвать более точные даты для избранных диалогов пока не представляется возможным.

⁴ *Rawski K. H. Petrarch's Remediis for Fortuna, Fair and Foul / A Modern Eng. Transl. Bloomington Ind., 1991. Vol. 5.*

⁵ *Petrarque F. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par. Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol. 1–2.*

⁶ См.: *Феррари М.* 2004 год, 700 лет со дня рождения Петрарки // Диалог со временем. М., 2004. Вып. 12. С. 20–29; *Девятайкина Н. И.* Дом-музей Петрарки в Арква: штрихи к портрету поэта и гуманиста // Там же. С. 30–40; *Девятайкина Н. И.* Проблема войны и мира в диалогах трактата «О средствах против превратностей судьбы» // Там же. Вып. 13. С. 16–40; *Петрарка в русской литературе.* М., 2006. Кн. 1–2; *Франческо Петрарка и европейская культура / отв. ред. Л. М. Брагина.* М., 2007.

гуманистических школ и педагогов было ещё впереди, хотя намётки новой, ренессансной по сути, программы образования Петрарка изложил в письме (1352) к Никколо Аччайуоли (1310–1365), известному в это время политическому деятелю, «Великому сенешалю», советнику при Неаполитанском королевском дворе, который попросил гуманиста дать рекомендации по воспитанию и обучению молодого правителя⁷.

Однако важность образования была очевидна уже «поколению отцов и дедов» первых ренессансных гуманистов и их современников. К нему толкали деловые потребности города, активные внутренние и внешние политические связи, задачи управления и др. В любом случае, отец Петрарки был нотариусом, скорее всего, имел правоведческое образование сам и твёрдо планировал направить на ту же дорогу двух своих сыновей. Судьба забросила его, политического флорентийского изгнанника, в далёкий Авиньон, где в это время пребывало папство. Жилья там было мало, и отец вскоре перебрался в городок неподалеку – Карпентра. В городе какой-то учитель вёл грамматическую школу. Как пишет Петрарка другу детства и юности Гвидо Сетте, они там вместе «пили нежное молоко детской науки, подходящей для ещё неокрепшего ума, дабы набраться сил для более грубой пищи»⁸. Как видим, Петрарка вполне доброжелательно на склоне лет (письмо написано в 1367 г., когда ему было уже за 60)⁹ вспоминает о «детской» школьной науке и вообще о том школьном времени, называя его весёлым и беззаботным. Он называет и срок обучения в школе – четыре года. Судя по всему, жили школяры очень скромно, а сама школа была одновременно и местом для занятий, и местом для жилья: «на рассвете начинающейся жизни, – красиво говорит Петрарка, – соломенная подстилка в грамматической школе была нашим домом». И это замечание звучит не как жалоба, а как напоминание об одной из деталей школьного быта.

Проследим ещё один период учёбы юного Петрарки. Очевидно, четырёхлетнего срока хватило для постижения не только азов «детской науки», но и для укрепления в латинском языке, потому что после грамматической школы оба друга были «перевезены для изучения права в Монт-Пессулан, цветущий в то время город». Речь идёт о Монпелье, в котором, как известно, с XII в. был университет, окончательно

⁷ Послание также включено автором в состав «Книги писем о делах повседневных». См.: *Petrarca F. Familiarum rerum // Edizione nazionale delle opera di Fr. Petrarca. Vol. 3. Lib. XII. Ep. 2. P. 5–16.*

⁸ *Петрарка Фр.* Письмо к Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, об изменении времён / пер с лат. Л. М. Лукьяновой // *Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: сб. текстов / пер. с лат. и коммент. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой; вступ. ст. и ред. С. М. Стама. Саратов, 1984. Ч. 1. С. 84.*

⁹ См.: Там же. С. 83.

оформивший свой статус через столетие¹⁰. Родители мальчиков сделали следующий шаг к осуществлению планов. И вновь Петрарка с восторгом вспоминает школярскую жизнь: «Какой там был в это время покой, какое множество купцов, какая масса школяров, сколько учителей!»¹¹ Здесь друзья проучились ещё четыре года. Скорее всего, они могли быть приняты на факультет свободных искусств, а потом обратиться к постижению начатков права. Обратим внимание, жажда обучения в университете наводняет город множеством юных студентов, что позволяет нам укрепиться во мнении, что образованность превращается в одну из важных ценностей горожан: не случайно Петрарка перечисляет рядом купцов, учителей, школяров.

О своих занятиях в Монпелье, а затем и Болонье Петрарка вспомнит не один раз. В письме к Марку из Януи (Генуи) он пишет: «...когда мне только исполнился двенадцатый год, отец определил меня заниматься правом, и сперва в Монпелье, а потом в Болонье я потратил на неё целых семь лет, усвоив её начатки, насколько позволял ум и возраст»¹². Нам здесь важно обратить внимание на такую деталь, как возраст, который считался нормальным для начала обучения на факультете свободных искусств. По современным меркам – это шестой или седьмой класс школы. Т. е. в университет приходили мальчики, едва достигшие подросткового возраста. И у них начиналась совсем другая жизнь¹³.

Иными словами, у самого Петрарки и его брата с учёбой дело складывалось неплохо, он вращался в кругу любознательных соучеников, обучался у неплохих учителей. И школьная жизнь была достаточно наполненной, яркой, хотя и не баловала житейскими условиями. Но ряд посланий, в том числе и знаменитое «Письмо к потомкам» (начатое между 1350–1351 гг., продолженное в 1367–1368, дополненное в 1371–1374, но так и незавершённое) показывает, что мнение о школе и учителях своего

¹⁰ См.: *Тушина Г.* Монпелье: город и университетский центр // *Город в средневековой европейской цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 1999. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. С. 334–335.*

¹¹ *Петрарка Фр.* Письмо к Гвидо Сетте. С. 85.

¹² *Петрарка Фр.* Письмо к Марку из Януи, совет упорствовать в начатых занятиях, а также о древних ораторах и правоведах и о стряпчих нашего времени (Книга писем о делах повседневных, XX, 44 Милан, между 1355–1359) // *Петрарка Фр.* Эстетические фрагменты. С. 177.

¹³ Правда, на таком факультете, а, возможно, и в школе могли начать заниматься люди взрослые. Об одном из таких людей, который из увлечённости трудами Петрарки, забросил свою мастерскую и начал осваивать «семь свободных искусств», став «на диво прилежным», рассказывает сам гуманист. Его имя названо в письме – Энрико Капра. См.: *Петрарка Фр.* Письмо к Нерию Моранду из Форли об одном своём друге, преданнейшем и удивительном человеке (Книга писем о делах повседневных, XXI, 11, Пагаццано, 15 октября 1359) // *Петрарка Фр.* Эстетические фрагменты. С. 190–193.

времени у зрелого Петрарки было достаточно критическое. В «Письме к потомкам» он повторяет, что «полных четыре года прожил в Карпентра, небольшом и ближайшем с востока к Авиньону городке»¹⁴. А о школе далее говорит следующее: «Я усвоил там начатки грамматики, диалектики и риторики, сколько позволял мой возраст или, вернее, сколько обычно преподают в школах, – что, как ты понимаешь дорогой читатель, немного». В этой фразе несколько интересных моментов. Первое – нам становится понятно, что программа обучения в грамматической школе оставалась во времена детства Петрарки вполне традиционной, он называет предметы привычного «тривиума»¹⁵.

Эта программа не поменялась и ко времени обращения с посланием к потомкам: уже зрелый гуманист и поэт, находившийся на пороге 50-летия, говорит читателю о том, что *обычно* преподают в школах «немного». Ясно, что за этими словами стоит скрытая критика школьного образования. Мы найдем её и в диалогах, которые гуманист начал писать через три-четыре года после того, как приступил к посланию.

В ряде писем, относительно близких по времени к процитированному, есть прямые отзывы о названных школьных предметах. Так, в письме к Томмазо (Фоме) из Мессины (1304–1341), поэту и близкому другу с болонских лет, Петрарка критикует диалектиков, а о самой диалектике отзывается так: «Если поиграв детьми в школах диалектики, мы не можем оставить её в старости, то с равным основанием нам не стыдно будет играть в чёт и нечет, скакать на гибкой хворостинке или опять качаться в младенческой люльке»¹⁶. Не очень ясно, имеет ли в виду Петрарка какие-то особые школы диалектики, в которых, как мы знаем, преподавали с XII в. выдающиеся учёные вроде Абеляра и Ансельма Ланского, или речь идёт только о самом предмете, но очевидно, что гуманист отрицает за диалектикой своего времени роль самостоятельной серьёзной науки, отводя ей место только школьной дисциплины, одного из методов развития ума.

¹⁴ *Петрарка Фр.* Письмо к потомкам / пер. с лат. М. О. Гершензона // *Петрарка Фр.* Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты. М., 1974. С. 15.

¹⁵ Напомним, что преподавали грамматику по учебникам Доната, Присциана или «Детским доктриналиям» Александра из Виладье, потеснившим с начала XIII в. прежних авторов. См.: *Уваров П. Ю.* Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе // *Город в средневековой европейской цивилизации Западной Европы.* Т. 2. С. 227. Петрарка с уважением относится к Донату, римскому автору, называя его «вождём грамматиков». См.: *Петрарка Фр.* Франциску, приору св. Апостолов о том, что люди больше заботятся о стиле, чем о жизни (Книга писем о делах повседневных, XVI, 14, Милан, 10 января 1354) // *Петрарка Фр.* Эстетические фрагменты. С. 167.

¹⁶ *Петрарка Фр.* Фоме из Мессины против старцев диалектиков (Книга писем о делах повседневных, I, 7, Авиньон, 1350–1351) // Там же. С. 76.

Особо следует выделить послание, которое адресовано учителю, флорентийскому грамматiku и другу Петрарки по имени Дзаноби да Страда, с которым гуманист познакомился в 1349 или 1350 г. и сразу начал активно переписываться. В письме речь идёт о грамматике, о труде учителя и его взаимоотношениях с учениками. Гуманист полагает, что «ни грамматика, ни какое другое из свободных искусств не достойны того, чтобы в занятиях ими состарился благородный ум: они путь, а не цель»¹⁷. Иными словами, и к этим предметам он относится как к элементам обучения, но не связывает их с чем-то новаторским и требующим особой учёности и культуры. Он уговаривает Дзаноби бросить школу, видя в нём человека талантливого и способного ко многому. «Пусть молодость обучают такие же люди, какие учили нас в наши ранние годы».

Надо заметить, что учили по-старинке, но крепко: Петрарка много раз свободно цитирует в своих письмах и других текстах десятки стихов из числа звучавших в ту пору «под сводами грамматической школы». Например, в следующем письме к тому же Дзаноби он приводит стих римского поэта Лукана из исторической поэмы «Фарсалия»: «Придал умелый язык ненадёжному делу надёжность» (VII, 67)¹⁸, ещё в одном – изречение грамматика, «выходящее из рамок грамматики»: «Среди человеческих творений нет всесторонне совершенных»¹⁹. В школе, по свидетельствам Петрарки, не только многое заучивали наизусть из латинских текстов, но и «приобщали к латинской беседе», т. е. учили говорить на латинском языке²⁰.

Но в этом же обучении грамматике Петрарка отмечал и недостатки: например, далеко не всегда учителя проникали в глубинные смыслы того произведения, на примере которого изучали те или иные особенности латинского языка. Он вспоминает в одном из писем строки из «Сатир» римского автора Ювенала, которые читались в школе и которым соученики и учитель «дивились только грамматике и искусности слова». Они, по словам, Петрарки «не замечали» в тексте «чего-то другого в таинственной глубине»²¹.

При этом гуманист вполне уважительно отзывается об учителе, хотя и не называет его по имени, как о «сведущем в началах наук». Кстати,

¹⁷ *Петрарка Фр.* Зиновию, флорентийскому грамматiku, совет бросить грамматическую школу и стремиться к высшему (Книга писем о делах повседневных, XII, 3, Авиньон, 1 апреля 1349 или 1352) // Там же. С. 123.

¹⁸ *Петрарка Фр.* Зиновию, флорентийскому грамматiku, с радостью по поводу принятия его совета им и другими друзьями (Книга писем о делах повседневных, XIII, 9, У истока Сорги, 10 августа, 1349 или 1352) // Там же. С. 146.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Петрарка Фр.* Николаю Сигеросу, греческому претору, благодарение за присылку Гомеровою книги (Книга писем о делах повседневных, XVIII, 2, Милан, 10 января 1354) // Там же. С. 172.

²¹ *Петрарка Фр.* Филиппу, епископу кавейонскому, о неудержимом беге времён (Книга писем о делах повседневных, XXIV, 1, ок. 1360) // Там же. С. 220.

далее Петрарка перечисляет, кого ещё из авторов он и его товарищи изучали в школе на уроках грамматики: Горация, Вергилия, «восклицающего божественными устами», Овидия с его «прихотливой музой». Он «слышал» и Сенеку, и Цицерона.

Особо интересно, как будущий поэт и гуманист в «ранней молодости горел при чтении» текста: он оставлял пометы, которые самого удивляли содержательностью по прошествии лет²². «Отмечал я, – рассказывает Петрарка адресату, Филиппу Кабассолю (1305–1372), одному из самых близких друзей, знавшему гуманиста с “юных лет”, – точно помню не словесные блёстки, а сами вещи – тесноту нашей жалкой жизни, её краткость, бег, спешку, ускользание, скачку, полёт, тайные ловушки... Что товарищам по школе и сверстникам показалось бы каким-то сном, мне уже тогда виделось чуть ли не уже наступившим»²³. Но такое проникновение в текст происходило не благодаря учителям, а в силу особенностей личного восприятия ученика.

Вернёмся к письму, адресованному Дзаноби. Оно позволяет убедиться, что во времена Петрарки коренного переворота в школьном образовании не происходит. Правда, уже есть выдающиеся учителя, имена которых входят в историю. Среди них – и сам адресат Петрарки. Флорентийский хронист Маттео Виллани пишет о Дзаноби так: «Его отец учил грамматике флорентийских детей, а этот его сын был такого сильного ума, что 20-летним после смерти отца продолжал вести его школу и, не учась ни у какого другого наставника, усовершенсился и превзошёл отца в знании грамматики, добавив к ней ясную и рассудительную риторику»²⁴. Можно добавить, что Дзаноби был не только учителем, но и учёным, поэтом, коллекционером манускриптов. Его поэтическая слава привела к коронации лавровым венком, который он принял из рук императора Карла IV, его учёность сделала его секретарём папы Иннокентия VI, его библиотека была предметом благородной зависти многих образованных людей²⁵. Ради всего этого Петрарка и предложил ему расстаться со школой и учениками, что тот и сделал.

Среди друзей Петрарки был ещё Донато Альбанцани (1326–1411), тоже учитель грамматики в Равенне и Венеции. Он знал латинский язык столь серьёзно, что перевёл на итальянский сочинения Петрарки и Боккаччо, написанные на латыни. У первого – «О знаменитых мужах», у второго – «О выдающихся женщинах». Петрарка посвятил ему одно из самых знаменитых своих полемических сочинений – инвективу

²² Там же. С. 221.

²³ Там же. С. 223.

²⁴ *Виллани Маттео. Хроника // Виллани Дж. Новая хроника, или история Флоренции / пер. М. А. Юсима. М., 1997. С. 458–459.*

²⁵ См.: *Zanobi da Strada // Kleinhenz Chr. Medieval Italy: an Encyclopedia. N. Y., 2004. Vol. 2. P. 1174.*

«О невежестве своём собственном и многих других» (1367). Словно открывая дорогу гуманистической педагогике, Альбанцани стал учителем гуманиста-педагога старшего поколения Джованни Конверсино да Равенна. Но таких наставников было мало. По наблюдениям авторов, для подобных учителей школьная карьера была первым, часто кратковременным этапом жизненного пути после обучения в университете. Потом они пополняли ряды городских чиновников, секретарей при духовных лицах, жили на ренты²⁶.

Большинство же оставалось иным. Петрарка в первом письме к Дзаноби называет их труд «нудным» и полагает, что его друг рождён к более высоким занятиям. А затем он даёт выразительную, и одновременно сатирическую характеристику «типичного учителя». Вот она: «Пусть обучают мальчишек те, кто не способен на большее, люди усидчивые, щепетильные, с медлительным умом, размягчённым мозгом, бескрылым талантом, ледяной кровью, с терпеливым в трудах телом, пренебрегающие славой, любящие сколотить небольшой достаток, не ведающие благородного негодования»²⁷. Получается, что в глазах Петрарки учительство как профессия выбирается «по остаточному» принципу: если на большее нет способностей. Отсюда и такие характеристики, как «размягчённый мозг», «бескрылый талант», отсутствие стремления к общественному признанию. Однако отмечается важность для учителя таких качеств, как терпение, трудолюбие, усидчивость. Портрет получается противоречивый.

Самое сильное впечатление производит последняя часть описания Петраркой школьной жизни и учительской психологии. Он прибегает к нему как к решающему аргументу, способному окончательно склонить Дзаноби к принятию решения об оставлении школы. Позволим себе привести весь фрагмент. «Пускай, – пишет Петрарка, – за неуверенными пальцами, блуждающими взорами и путаной ребяческой болтовней следят те, кому нравится эта работа, пыль, гам, смешанные с мольбами и слезами, крики визжащих под ферулой²⁸ учеников; кому любо впадать в детство, стыдно общаться с мужами, тягостно жить среди равных, нравится властвовать над меньшими, всегда хочется кого-то устрашать, мучить, притеснять, подавлять, и видеть в отношении к себе смешанный с ненавистью страх»²⁹. И дальше – излюбленный и не один раз вспоминаемый пример сиракузского тирана Дионисия (376–344 гг. до

²⁶ См.: Уваров П. Ю. Указ. соч. С. 252.

²⁷ Петрарка Фр. Зиновию, флорентийскому грамматiku, совет бросить грамматическую школу и стремиться к высшему. С. 123.

²⁸ Ферула – линейка, которой провинившегося ученика били по ладони.

²⁹ Петрарка Фр. Зиновию, флорентийскому грамматiku, совет бросить грамматическую школу и стремиться к высшему. С. 123.

н. э.), который бежал на Юг Италии, где организовал школу для детей, дабы было над кем проявлять свою власть.

Петрарка мастерски рисует нервную атмосферу школы, где учатся не только за совесть, но и за страх, да заодно ещё раз её стеснённые и не очень гигиеничные условия. Упоминание о феруле мимоходом, без какого-то особого комментария, лучше всего убеждает, что и в XIV столетии методом воспитания прилежания по-прежнему остаются физические наказания, при этом публичные. Жёсткими красками нарисован учитель-тиран. Его действия могут служить сжатой характеристикой крайних «педагогических приёмов» середины названного столетия: устрашать, мучить, притеснять, подавлять. Отсюда становится особенно ясна актуальность забот гуманистов-педагогов о перестройке системы воспитания и образования в школе, в первую очередь – об отмене наказаний.

Забегая вперёд, заметим, что также мимоходом о наказаниях говорится в нескольких диалогах трактата «О средствах против превратностей судьбы», который мы будем рассматривать дальше: «Когда заносчивый ученик не считает нужным подчиняться и пренебрегает учёбой, он будет с досадой подставлять руку розгам, душу – науке, уши – наставлениям, шею – хомуту»³⁰. А значит, многие ученики делали подобное как само собой разумеющееся. Розги не раз упоминаются Петраркой в диалогах то как метафора (I, 105), то как возможное средство домашнего воспитания (II, 43, 44).

В целом письма Петрарки дают возможность составить достаточно полное представление о том, какой была школа его лет, чему и как там учили. Попытаемся сопоставить теперь его непосредственные воспоминания и впечатления с рассуждениями участников диалогов трактата «О средствах против превратностей судьбы», т. е. с осмыслением проблемы в рамках большого специального текста, созданного в жанре «утешения». Диалоги, некоторые материалы из которых уже приводились выше, разделены на две большие книги, в первой участниками являются аллегорические персонажи Радость (*Gaudium*) и Разум (*Ratio*), во второй – Печаль (*Dolor*) и Разум. Как выявлено авторами, в большинстве случаев устами Разума говорит Петрарка, а устами его собеседника – представители тех или иных групп современного ему общества. В интересующих нас диалогах – учителя и ученики.

Начнём с диалога «О звании учителя» (I, 45)³¹. Главная тема небольшой беседы – звание учителя и его образование. Радость произносит

³⁰ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae*, II, 41 «De discipulo indocili et superbo» // *Idem. Les remedes aux deux fortune. Vol. 1. P. 738*. Римская цифра в сносках и в основном тексте после цитирования того или иного диалога означает номер книги, арабская – диалога.

³¹ *Idem. De remediis utriusque fortunae*, I, 45 «De magisterio» // *Ibid. Vol. 1. P. 230–231*.

четыре реплики, почти одинакового содержания: «Мне присвоено звание учителя», «Я по заслугам стал учителем», «Меня называют учителем», «Я отмечен званием учителя». Мы слышим теперь голос самого учителя, современника Петрарки. В его восклицаниях явно звучит гордость за себя, за такое звание. Уже это интересно. В глазах «высоколобого» Петрарки особого признания, как мы видели из письма к Дзаноби, учительская профессия вроде бы и не достойна, в глазах рядового учителя – это общественно значимое занятие, дающее повод для уважения к себе и ожидания восхищения собой. Титулование явно почётное, иначе Радости не было бы смысла подчёркивать, что его «называют» учителем. Гордость за себя могло вызывать и то, очевидно, что удалось проучиться в университете, сдать экзамены, получить это звание, судя по заголовку – магистерское.

Гуманисту и в подобном видна обратная сторона. Он сатирическими красками подробно рисует картину сдачи экзамена на учёное звание: «Приходит к храму неразумный юноша, наставники отзываются о нём с похвалой, прославляют то ли из-за любви к нему, то ли заблуждаясь относительно его способностей. Он пыжится от надменности, народ столбенеет от изумления, знакомые и друзья рукоплещут. Самого его заставляют подняться на кафедру, и вот он, уже взирая на всех с высоты, путаясь, бормочет не весть что; старшие наперебой возносят до небес его слова, как божественные, меж тем звонят колокола, громко трубят трубы, являются перстни, запечатлеваются поцелуи, макушка покрывается круглым черным лоскутом. На кафедру поднимался глупец, а спустился мудрец. Превращение совершенно удивительное, неведомое Овидию»³².

Позволим себе вначале некоторые пояснения по процедуре. Итак, экзамен на звание, скорее всего, как раз магистра проводился публично, торжественно, в особом месте, в данном случае – в храме. Он вызывал то самое благоговение народа, которое и позволяет Радости гордо заявлять в диалоге «О звании учителя», что к его имени все добавляют титул «магистр». Потом соискателю торжественно вручаются символические атрибуты – перстень, обручающий его с наукой, и специальная шапочка. Петрарка не упомянул ещё про плащ, который тоже входил в состав отличительных знаков учёного, выдержавшего испытание на звание. Что касается гуманиста, то он рассмотрел во всей этой процедуре лишь формальное следование традиции, не ставившее целью выявить действительную подготовленность будущего обладателя учёного звания. Потому и заканчивает характеристику едким замечанием насчёт глупца, волшебным образом превратившегося в мудреца. Он, очевидно, не раз мог наблюдать подобное. Отсюда, как сейчас увидим, скепсис в словах Разума диалога «О звании учителя». Разум в ответ на первую же реплику Радости

³² *Idem*. De remediis utriusque fortunae, I, 12 «De sapientia» // *Ibid*. Vol. 1. P. 64. Фрагмент цитируется в переводе Л. М. Лукьяновой.

парирует: «Я предпочёл бы, чтобы ты был отмечен не званием, а учёностью, ибо нет ничего презреннее необразованного учителя». Нетрудно видеть: как и в письме к Дзаноби да Страда, в диалоге образ учителя начинает обростать негативными характеристиками. От реплики к реплике Петрарка настаивает на разграничении похвальных самооценок и действительного состояния дела. Он полагает, что учителя нередко начинают уверяться в собственных словах, «хотя и не были истинными учителями». Заканчивается диалог такой афористической сентенцией: «Если звание учителя незаслуженное, то оно приносит с собой две беды: и учиться стыдно, и больше видно твое невежество».

Правда, Разум не отрицает, что звание может быть и вполне заслуженным, хотя и не видит в этом «ничего необычного», т. е. не видит в этом повода для счастливых и напыщенных восклицаний. Контекст диалога оставляет впечатление, что учителей в эпоху Петрарки было много, и больше среди них оказывалось, на его взгляд, не очень образованных. Мы понимаем, что диалог и письма перекликаются между собой, не дают однозначной оценки учительству и его труду.

В первой книге есть ещё два диалога, к которым мы уже имели случай обращаться в одной из статей, – «О замечательном наставнике» (I, 80) и «О замечательном ученике» (I, 81). Поэтому проанализируем только те рассуждения гуманиста, которые прямо касаются образованности и культуры учителя. В первом из названных диалогов разговор теперь идёт между учеником (Радостью) и его собеседником Разумом. Радость несколько раз повторяет, что у него замечательный наставник, а потом заявляет, что его наставник «наделён знаниями»³³. Разум ни в этом случае, ни на протяжении диалога вообще не высказывает сомнений относительно познаний наставника. Тем самым стоящий за ним Петрарка признаёт, как и в письмах, что и в его время встречаются образованные учителя. Правда, примеры он всё-таки предпочитает вспомнить из античных времён, адресуясь к таким фигурам, как греческие философы и наставники Сократ и Платон, и римские учёные Кратипп и Цицерон. При этом Петрарка не идеализирует и античных наставников как таковых, приводя оценки Горация, который ничего не мог вспомнить о своём учителе, кроме того, что «тот пускал в ход розги» (речь идёт об Орбилии) или Цицерона, который «не захотел бы, да и не смог прославить своего наставника похвалами».

Пафос диалога в том, что по-настоящему учёный и талантливый наставник может стать примером, что его знания «могут быть полезными ученику, но не могут стать предметом хвастовства для него». Здесь Петрарка выходит на одну из главных тем его гуманистической

³³ *Idem*. De remediis utriusque fortunae, I, 80 «De excellenti preceptore» // *Ibid*. Vol. 1. P. 360–362.

концепции, связанных с вопросом о славе и о личных усилиях всякого человека для развития и совершенствования самого себя. Целый ряд примеров рассматриваемого диалога доказывают, каких высот человек может достичь и вовсе без наставников, насколько может превзойти их. Среди имён – любимый Вергилий, и уже названный выше Платон, который «гордился наставничеством Сократа, однако его превзошёл, и то, чему он выучился сам, принесло ему большую славу». В диалогах на тему учителя и ученика второй книги трактата (II, 40–41) к этим примерам добавятся ещё три очень разных: древнегреческий философ Эпикур (342/41–271/70), «у которого вовсе не было наставника»³⁴, знаменитый отец Церкви Августин (354–430), который даже с учением Аристотеля справился «без всякого наставника», и Бернар Клервоский (1090–1153). Этот средневековый богослов, моралист и мудрец те науки, в которых он превзошёл всех своих современников, изучил в лесах и полях без чьих бы то ни было наставлений, только с помощью размышлений и молитв, как он сам говорит, «наставниками его были только дубы и буки»³⁵.

Заметим попутно: Петрарка называет имена, не оглядываясь на идейную и религиозную позицию тех философов или писателей, которые приведены в пример, собирая в один ряд материалистов и идеалистов, религиозных писателей раннего Средневековья или мистиков следующей эпохи. Это – одна из важных черт его гуманистического мировоззрения.

Тема учёности, образованности, знаний всплывает в диалогах нередко и как попутная. Петрарке важно подчеркнуть в одном случае, что в его время «некоторые, хоть их и немного, вполне образованные»³⁶. Или с огорчением повторить, что его век «озабоченный кухней, презирает науки»³⁷. Он не сомневается, что «образованный раб настолько выше необразованного господина, насколько дух сильнее самой благосклонной судьбы»³⁸. Это показывает нам, что в глазах Петрарки важнейшим «цензом» при характеристике человека становится не социальный, не статусный, не имущественный признак, но культурный. Кроме того, и физические качества он ставит на второй план, выдвигая на первый знания и нравственность: «Стремись превзойти других не силами тела, не мужественной осанкой, не мощью, но знаниями и добродетелями»³⁹. Здесь можно усмотреть скрытую критику рыцарских идеалов.

Диалог «О замечательном ученике» (I, 81) продолжает тему ученик-учитель, только теперь учитель-Радость рассуждает о замечательном

³⁴ *Idem*. De remediis utriusque fortunae, II, 40 «De indocto preceptore» // *Ibid*. Vol. 1. P. 736.

³⁵ *Ibid*.

³⁶ *Petrarca Fr*. De remediis utriusque fortunae, I, 12 «De sapientia» // *Ibid*. Vol. 1. P. 62.

³⁷ *Idem*. De remediis utriusque fortunae, I, 43 «De librorum copia» // *Ibid*. Vol. 1. P. 218.

³⁸ *Idem*. De remediis utriusque fortunae, II, 7 «De servitute» // *Ibid*. Vol. 1. P. 588.

³⁹ *Idem*. De remediis utriusque fortunae, I, 29 «De ludis palestricis» // *Ibid*. Vol. 1. P. 148.

ученике и ждёт себе славы через него. Разум по-прежнему уверен, что «никто не сделает тебя известным, если ты сам не будешь сиять; а истинный свет идёт изнутри»⁴⁰. Здесь мы можем вновь заметить: получается, Петрарка не исключает, что учитель может достичь славы как учёный человек и талантливый наставник, что «свет» может сиять и внутри представителей этой профессии. Иными словами, подтекст выдаёт, что гуманист не всех учителей хулит и критикует, не всех расценивает однозначно негативно.

Тема учителя, степени его подготовленности, образованности продолжает занимать Петрарку и во второй книге трактата. Там он помещает подряд два упомянутых выше диалога «О неучёном наставнике» (II, 40) и «Об ученике неспособном, но надменном» (II, 41). В первом из названных разговоров Печаль-ученик трижды произносит почти одно и то же: «Наставник у меня неучёный», «Поневоле я слушаю неучёного наставника», «Я едва переношу неучёного наставника»⁴¹. Оставим в стороне эмоции ученика, обратим внимание на то, что устами Печали обозначается проблема, которая памятна нам из писем: в них Петрарка немало рассуждает о том, что среди учителей часто встречаются малообразованные люди. Тема кажется автору важной и для специального диалога, т. е. требующей обобщения. Самое любопытное, Петрарка вовсе не пускается в детальную критику учителя-невежды, как, скажем, в письме к Дзаноби да Страда, а стремится доказать ученику, что можно обрести серьёзные познания и без всякого наставника. Он разворачивает разговор в гуманистическом ракурсе и вновь ставит на первый план усилия самого человека.

Попутно есть и житейские советы: он рекомендует бежать от неучёного наставника к учёному. Значит, опять подчеркнём, такие тоже во времена Петрарки «водились». Более того, в первой же фразе устами Разума говорит: «Общее правило должно быть такое: «Умение обучать – дело знающего». Иными словами, гуманист требует ответственного отношения к учительскому делу от всякого, кто за него берётся. Следовательно, было, кому обращать такие слова. В конце диалога Петрарка вообще переводит рассуждение на высокий регистр: «Если у тебя не окажется наставника смертного, на помощь придёт вечный Наставник, от Которого все мы и Который создал всё: и ум, и знания, и учителей». Выделение учителей как дела рук Создателя выказывает очень почтительное к ним отношение. Не менее высоко оцениваются знания.

В диалоге «Об ученике неспособном, но надменном» (II, 41) Петрарка вне рамок такого высокого рассуждения признаёт, что во все времена были прославленные учителя, есть они и в его эпоху. Отвечая на

⁴⁰ *Idem*. De remediis utriusque fortunae, I, 81 «De insigni discipulo» // *Ibid*. Vol. 1. P. 364.

⁴¹ *Idem*. De remediis utriusque fortunae, II, 40 «De indocto preceptore» // *Ibid*. Vol. 1. P. 734–736.

название диалога, он пишет, что даже такие учителя не могут превратить неспособного и надменного ученика в учёного человека. «Все, кто когда-либо жил, и будет жить, и сейчас живёт, как бы ни были они прославлены своими добродетелями и учёностью, – не могли и не смогут воспламенить ни один ум, если в душе ученика нет хоть какой-то искры, которая попала бы на хороший горючий материал и которую могло бы раздуть дыхание наставника»⁴². Кажется, что под теми образованными учителями, которые «сейчас живут», Петрарка подразумевает и Дзаноби да Страда, и Донато Альбанцани, т. е. обобщения впитывали в себя и реальный опыт жизни.

В целом материал писем и диалогов Петрарки показывает, что в пространстве раннего Ренессанса, по крайней мере, в эпоху молодости гуманистов первого поколения (Петрарки, Боккаччо), учителя и школа в большей мере продолжали ориентироваться на традицию. «Классический» тривиум и квадравиум составляли основу образования в грамматических школах, а сами школы вполне утвердились как составной компонент городской жизни, по крайней мере, в Италии и на Юге Франции.

По наблюдениям Петрарки, большая часть учителей рассматривали свой труд как ремесло, которое замыкалось воспроизведением привычного круга знаний, а сами знания по-прежнему полагали допустимым «вбивать» в учеников не только при помощи слов, но и розог, ферул и т. д. Ремесло учителя в глазах самых разных групп общества выглядело малопочтенным и не очень престижным. При этом, заметим, традиционный круг знаний, в том числе – латинской грамматики, обретенный в школе, оказывался достаточным для обучения в университете, как ясно видно на примере Петрарки и его школьных и студенческих друзей.

Однако и в школах находились такие учителя, которые явно впитывали в себя новые веяния времени, обращались к серьёзному изучению латинских античных авторов и к грамматике стремились добавить значительные познания в области римской истории и культуры. Мы видели также, что такие учителя становились первыми проводниками рождающейся ренессансной этической и исторической литературы в широкие круги общества. Их переводы на живые языки произведений гуманистов одновременно способствовали проникновению их идей не только в университеты, но и в школы нового, ренессансного типа. Новое продолжало сочетаться со старым на пространстве всего раннего Ренессанса, шаг за шагом трансформируя школу и самих учителей.

⁴² *Idem. De remediis utriusque fortunae*, II, 41 «De discipulo indocili et superbo» // *Ibid.* Vol. 1. P. 738.

Хирургия между двух миров: корпорация св. Космы и проблемы хирургического образования во Франции XV–XVI вв.

Существует традиционное мнение, что в Средние века хирургия оставалась в медицине падчерицей. В Европе первым документом, определявшим особое и низшее положение хирургии по отношению к медицине, считается клятва Гиппократов, где содержатся слова: *«Я ни в коем случае не буду делать сечения у больных, страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом»*. Присягу приносили только врачи, занимавшиеся внутренними болезнями; клятва хирурга, если и существовала в Древнем мире, то её текст до нас не дошёл. Но резкое разделение хирургии и медицины наблюдается ещё в Античности и проходит через всё Средневековье. Исследователи видят для этого несколько причин. Прежде всего, хирургия находилась в зачаточном состоянии, её возможности были чрезвычайно ограничены, а смертность при оперативных вмешательствах очень велика. Смерть могла наступить не только вследствие самой операции, но от болевого шока или послеоперационных осложнений. Хирургическое вмешательство производилось только в крайнем случае, что подтверждает знаменитый афоризм Гиппократов: *«Чего не излечивает лекарство, излечивает железо. А чего железо не излечивает, излечивает огонь. А чего огонь не излечивает, то должно считать неизлечимым»*. Кроме того, историки медицины подчёркивают, что хирурги зачастую были безграмотны, их возможности ограничивались ампутациями, вправлением вывихов, кровопусканиями, вскрыванием нарывов и выдиранием больных зубов. Презрительное прозвище «цирюльников» приклеилось к хирургам ещё в эпоху Возрождения: действительно, обучение хирургии носило не университетский, а цеховой характер и они, бывало, входили в один цех с цирюльниками. *«В подавляющем большинстве средневековых университетов хирургия не преподавалась и в число медицинских дисциплин не входила. Ею занимались банщики, цирюльники и хирурги, которые университетского образования не имели и в качестве врачей не признавались»*¹. Но это сложившееся клише многого не объясняет в истории медицины, а эпоха Возрождения стала временем, когда хирургия не только расширяла свои профессиональные возможности и сферу применения, но и искала своё место в структуре наук.

¹ Сорокина Т. С. История медицины. М., 1992. Т. 1. С. 176.

Обратимся к труду по истории французской хирургии Ф. Кене². Он считает, что резкое разделение между медициной и хирургией возникло только в эпоху университетского образования и было связано в значительной степени с влиянием Церкви: медицину изучали студенты-клирики, которые в силу ограничений, накладываемых их статусом, не могли лечить женские болезни, «постыдные» болезни, не могли навещать больных на дому: им оставалось только давать советы, и их медицина уходит в сферу умозрительную³.

К этой версии примыкает часто высказываемая мысль о том, что Церковь «запрещала кровопролитие» («*Ecclesia abhorret a sanguine*»), что особо подчёркивалось постановлением Турского собора 1163 г., а следовательно, клирики не могли производить никаких хирургических операций⁴. Но в постановлении собора речь идёт только о запрете людям Церкви принимать участие в военных действиях. Более того, как показала современная исследовательница Д. Жакар, кровь в средневековой системе ценностей никогда не считалась «нечистой»; более того, она была составным элементом гуморальной теории, или теории «четырёх жидкостей», выработанной в Античности и ставшей теоретическим фундаментом всей средневековой медицины⁵.

Ещё одна версия была выдвинута современными историками медицины, и она связана с особым положением медицины в ряду университетских дисциплин. В самом деле, если теология и право – это чисто интеллектуальные дисциплины, не предполагавшие никаких практических действий и не требовавшие умения держать в руке что-либо, кроме письменных принадлежностей, то медицина, и особенно хирургия, требовала практических навыков. Здесь и обнаруживается точка расхождения. Вспомним Гуго из Сен-Виктора с его жёсткой классификацией наук и ремёсел на «мыслительные» и ручные, которая автоматически низводила хирургов к «низшим ремёслам». Гуго перечисляет семь «механических искусств»: ткачество, изготовление оружия, торговля, сельское хозяйство, охота, театр, медицина. Но медицина, став университетской дисциплиной, получала свой интеллектуальный статус, связь с основами естествознания⁶, хирургия же шла другим путём. Университеты отвергли хирургию как сферу чисто

² *Quesnay F.* Histoire de l'origine et des progrès de la chirurgie en France. Paris, 1749. Франсуа Кене (1694–1774), известный нам сейчас более как философ-«физиократ», был профессиональным хирургом и автором первого труда по истории французской хирургии.

³ *Ibid.* P. 16–17.

⁴ См., например: *Haliqua B.* Histoire de la médecine. 2 éd., Paris, 2004. P. 94.

⁵ *Jacquart D.* La médecine médiévale dans le cadre parisien. Paris, 1998. P. 18–19.

⁶ *Jacquart D., Micheau F.* La médecine arabe et l'Occident médiévale. Paris, 1990.

ручного труда, и за ней прочно закрепился статус «механического искусства». Знаменитый французский хирург Ги де Шолиак (1290–1368) ищет категорию и останавливается на слове *science*. При этом он оговаривается, что слово это спорно, что в некоторых случаях хирургия называется искусством (*ars*), ибо ещё Аристотель определял ей место среди механических искусств (*ars mechanica*). Вот почему Шолиак применяет к своим коллегам термин *mechanici*⁷.

Так или иначе, профессию врача структурировало именно университетское образование. Врачом считался тот, кто окончил университет и получил свидетельство об этом. Хирургическое же образование расплывалось между цехами, школами, сливалось со смежными специальностями, и не в последнюю очередь благодаря этому отношение к хирургам в среде учёных медиков оставалось несколько пренебрежительным. Отношения хирургов и врачей в Средневековье напоминали отношение современных врачей и среднего медицинского персонала. Тем не менее, существуют факты, не позволяющие считать хирургию некоей медицинской «провинцией», бесправной и полностью презираемой. Особенно это ясно видно на примере Италии, которая в рассматриваемую эпоху явно задавала тон как в хирургии, так и в медицине в целом.

В литературе по истории средневековых университетов, как правило, акцент делается на сходстве университетских структур в разных городах и странах: те же три «высших факультета», тот же «факультет свободных искусств», та же латынь, наконец, создающая единое понятийное поле для интеллектуалов по всей Европе. Но, все же каждый университет имел своё лицо, и «программы преподавания» на медицинских факультетах различались, как различался, очевидно, и уровень профессоров: иначе трудно объяснить известный феномен студенческих «кочевий», когда школяры перемещались из одного университета в другой. Применительно к рассматриваемой здесь проблеме становится ясным следующее. То, что хирургия в университетах не преподавалась, очевидно, неверно. Она преподавалась хотя бы чисто теоретически. Среди книг, обязательных для изучения на медицинских факультетах Парижа и Падуи, был трактат по хирургии византийца Павла Эгинского⁸, а впоследствии и труды арабских хирургов, в первую очередь Абулкасиса.

Итальянские хирурги получали университетское образование в Болонье и Падуе. В итальянских университетах хирургия преподавалась, ещё в XIII в. Вильгельм из Саличето, учившийся в Болонском университете, написал труд «*Chirurgia*» (1268) на латинском языке. Эта традиция не прерывалась и в дальнейшем: Джакомо Беренгарио да Карпи

⁷ *Malgaigne J. Préface // Paré A. Oeuvres / ed. J. Malgaigne. Paris, 1841. Vol. 1. P. XLIII.*

⁸ *Haliqua B. Op. cit. P. 77.*

(1460–1530) был профессором хирургии в Болонье, а до него лекции по этой дисциплине читал Мондино де Луцци⁹. Число трактатов по хирургии продолжало расти. Н. Сирейси подчёркивает, что саму по себе мысль о написании особой книги по хирургии можно считать инновацией в западной медицине XII–XIII вв., и поэтому авторы всегда предваряли издание обоснованием: для чего нужна такая книга. При этом они считали необходимым не только распространять античные и особенно арабские хирургические тексты, но и ссылаться на собственный клинический опыт¹⁰. Эта инновация имела место, труды по хирургии на латинском языке находили аудиторию, что само по себе опровергает мысль о поголовной неграмотности представителей этого ремесла. Так, среди первых трактатов по этой специальности, послуживших образцом для медиков грядущих веков, были творения хирургов болонской школы Бруно Лангобардского (1252), Вильгельма из Саличето (1275) и др.

В XIV–XV вв. в Европе появляется огромное количество трактатов по хирургии: Ла Франко и Дж. Виго в Италии, Ги де Шолиак и Анри Мондевиль во Франции, Иероним Бруншви́г и Ганс фон Герсдорф в Германии и многие др.¹¹ При этом хирургических трудов выходило гораздо больше, чем чисто медицинских. Хирурги, даже если они учились вне высокого научного университетского круга, гордились своим ремеслом, настаивая, что в самых сложных случаях следует прибегать не к терапии и не к фармакологии, а именно к хирургии. Анри де Мондевиль, хирург Людовика Святого и Филиппа Красивого, подчёркивал, что превосходство хирургии над медициной явлено, во-первых, в том, что она может лечить наиболее тяжёлые болезни, во-вторых, в том, что именно хирургия способна излечивать болезни, которые не лечатся ни природой, ни лекарствами¹². Если врачи ошибаются, их ошибка не видна, если они и убили больного, это заметно не сразу, а ошибка хирурга видна немедленно, и он не может ни оправдаться, ни обвинить другого. Специфика хирургии для Мондевиля – это именно ответственность «на кончиках пальцев».

При этом «учёные» хирурги постоянно боролись за повышение своего статуса, что выливалось, в частности, и в борьбу и за повышение статуса ручного труда. Итальянский хирург Лафранко из Милана писал: «Боже, почему столь велика разница между врачом и хирургом? Бог-Творец и Иисус творили руками, а пульс и мочу не исследовали»¹³.

⁹ *O'Malley C. D. Berengario da Carpi // Dictionary of scientific biography. N. Y., 1970. Vol. 1. P. 617–621.*

¹⁰ *Siraisy N. Medicine in the Italian Universities. Leiden, 2001. P. 42.*

¹¹ См., например: *Зудгоф К. Медицина средних веков и эпохи Возрождения. 2-е изд. М., 1999. С. 149–150; Porter R. The greatest benefit to Mankind. N. Y.; London, 1998. P. 128–130.*

¹² *Jacquart D. La médecine médiévale dans le cadre parisien. P. 29–30.*

¹³ *Ibid. P. 53.*

Важно, что хирурги чётко осознавали свою профессию равноправной ветвью медицины. Профессии врача и хирурга были строго разграничены, но хирурги высокого класса, как Анри де Мондевилль и Ги де Шолиак, резко выступали против такого разделения. «Лучше будет тем ученикам, кто знает, по крайней мере, основные принципы медицины и понимает термины этого искусства»¹⁴, – писал Мондевилль, читавший публично лекции по хирургии в Париже и по медицине в Монпелье. В классическом труде «*Chirurgia magna*» он подчёркивал, что «невозможно быть хорошим хирургом, если незнаком с основаниями и общими правилами медицины, и невозможно ни для кого быть хорошим врачом, если он совершенно незнаком с хирургией»¹⁵.

Итальянские университеты, видимо, с самого начала или достаточно рано включили хирургию в число преподаваемых предметов; во Франции же эта проблема решалась иначе. Там появилось единственное учебное заведение, готовившее хирургов высшей квалификации и составлявшее серьёзную конкуренцию медицинскому факультету. Это был коллеж св. Косьмы и Дамиана (*Collège Saint-Côme*) в Париже, и в этом заведении, как и на медицинском факультете, «носили мантии, читали лекции, присваивали степени»¹⁶. Российский историк медицины С. Ковнер утверждает, что французские хирурги «для допущения в коллегию... должны были знать латинский язык, прослушать в университете курс философии и медицины; два года заниматься хирургией и получить степень магистра философии»¹⁷.

Отметим с удивлением, что это учебное заведение до сих пор не удостоилось особого внимания историков. По-видимому, это объясняется тем, что изучение истории коллежа на современном этапе практически не представляется возможным, поскольку почти никаких источников, отражающих его деятельность, не сохранилось. Изучены королевские ордонансы и статуты, регламентирующие статус хирургов и их отношения с медицинским факультетом, ставшие притчей во языцех медицинского мира. Но остается без ответа самый важный вопрос: чему, собственно, там учили и как проходил процесс этого обучения?

Остается дискуссионным вопрос о времени создания корпорации св. Косьмы. Большинство историков медицины считают, что парижские хирурги стали последователями не врачей, а цирюльников. Права и статус нового заведения регулировались городским правом и королевскими ордонансами. По одной версии, корпорация хирургов Парижа, считавшая своими небесными покровителями св. Косьму и Дамиана, существовала с

¹⁴ *Chirurgie de maitre Henri de Mondeville, chirurgien de Philippe le Bel, roi de France, composée de 1306 à 1320 / trad. française... par E. Nicaise. Paris, 1893. P. 4.*

¹⁵ *Porter R. Op. cit. P. 1.*

¹⁶ *Malgaigne J. Op. cit.*

¹⁷ *Ковнер С. Медицина средних веков. М., 1898. С. 133.*

1033 г. Согласно второй традиции, она была основана около 1260 г. Жаном Питаром (1238–1315), медиком Людовика Святого, и первый известный документ, подтверждающий её статус – хартия Людовика Святого 1268 г.¹⁸ Ж. Мальген, впрочем, подчёркивает, что самая ранняя сохранившаяся копия этой хартии относится лишь к 1379 г., и эта копия вызывает серьёзные сомнения, хотя бы потому, что в ней не упоминается Людовик Святой¹⁹. Поэтому Ж. Мальген считает первым достоверным документом ордонанс 1301 г., запрещающий хирургическую практику лицам, не сдавшим специального экзамена. В этом ордонансе к хирургии применяется термин «ремесло» (*métier*), тогда как для медицины более характерным является термин «искусство» (*ars*).

В 1311 г. появляется ордонанс Филиппа Красивого, предписывающий принимать меры по борьбе с хирургами-шарлатанами, поскольку хирургией в Париже занимаются «...грабители, фальшивомонетчики, соглядатаи, воры...». Согласно этому ордонансу, хирурги должны были сдавать экзамен на право профессиональной деятельности; этот экзамен проводили два королевских хирурга и прево корпорации. Они должны были также принести присягу (*serment*), получить лицензию и поместить на окне вывеску. Следует отметить, что ордонанс допускает возможность хирургической практики и для женщин (*chirurgiens ou chirurgiennes*). В этот период мы не встречаем упоминания о существовании при корпорации хирургов какого-либо учебного заведения. Предполагается, что обучение носило «цеховой» характер, т. е. ученик просто сопровождал магистра при его визитах к больным (члены корпорации бесплатно помогали тем бедным, кто был не в состоянии добраться до больницы). Возможно, обучение проходило в Отель-Дье. После обучения испытуемый сдавал экзамен, приносил присягу и после торжественной церемонии в капелле Отель-Дье получал лицензию. За лицензию неопит должен был заплатить двенадцать золотых эку, отдельно оплатить магистерскую шапочку и перчатки, а также дать обед корпорации. Но вопрос о сути обучения по-прежнему остаётся открытым. Важно, что в эти же годы Анри де Мондевилль предложил программу обучения хирургов, куда входили как теоретическая, так и практическая подготовка. Но эта программа никогда не была воплощена в жизнь²⁰.

Разумеется, одним из ключевых вопросов существования коллежа было его сосуществование с медицинским факультетом университета. Публикация документов по истории медицинского факультета Парижского университета доказывает, что отношения коллежа с факультетом хотя и не были безоблачными, но развивались достаточно активно. Особая хартия

¹⁸ *Malgaigne J. Op. cit. P. CXXIII.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Jacquart D. La médecine médiéval dans le cadre parisien. P. 37–45; Porter R. Op. cit. P. 1.*

1360 г. запрещала медицинскому факультету вмешиваться в дела коллежа²¹. Однако на протяжении следующего столетия две группы сближались, и в 1436 г. хирурги провозгласили себя учениками факультета, хотя продолжали присваивать степень магистра в своей корпорации. «Точками пересечения» стали, например, анатомические вскрытия, обязательный элемент обучения для обеих специальностей. При этом занятия приходилось координировать, как из-за дефицита анатомического материала, так и в силу того, что факультет запрещал хирургам проводить вскрытия без присутствия доктора медицины, который интерпретировал увиденное.

Для вступления в корпорацию требовалось хорошее знание латинского языка, на нём же сдавались экзамены, что подтверждают статуты коллежа, изданные в 1544 г. Именно знание латинского языка, а значит и чтение профессиональной литературы, определяло принадлежность к кругу «учёных хирургов», в отличие от цирюльников, которые могли быть и вовсе неграмотными. Латынь была нужна для того, чтобы сделать возможным процесс обучения, в котором, по логике вещей, должны были сочетаться как теоретические дисциплины (иначе не нужен латинский язык), так и практическое обучение (без которого немислимо формирование хирурга).

Сообщество цирюльников-хирургов, специалистов «низшего ранга», не проходивших обучение ни в коллеже св. Косьмы, ни тем более на факультете, неоднократно вызывало справедливое беспокойство властей, поскольку квалификация цирюльников зачастую оставляла желать лучшего. К тому же они не знали латинского языка, что делало почти невозможным создание системы их обучения под эгидой факультета или коллежа св. Косьмы.

Сфера деятельности цирюльников, или хирургов «*de robe courte*», как они зачастую назывались, регулировалась властью. По эдикту 1372 г. цирюльники имеют право лечить ушибы, нарывы, вывихи и открытые раны, «кроме смертельных»²². Остается неясным, кто и по каким критериям определял тяжесть состояния больного. Не исключено, что данная ситуация связана не только с низким профессиональным уровнем цирюльников, но и с тенденцией вовсе не пытаться лечить умирающих больных, характерной для средневековой медицины в целом, как показало исследование Д. Жакар: «В Средние века мысль не вмешиваться в безнадежных случаях наиболее четко выражена в хирургических трудах. Лафранко из Милана в последние годы XIII века объяснял это ясно в

²¹ *Malgaigne J.* Op. cit.; *Ковнер С.* Указ. соч. С. 133; *Commentaires de la Faculté de médecine de l'Université de Paris: 1395–1516 / publ. par E. Wickersheimer.* Paris, 1915. P. 353.

²² *Ibid.* P. 297.

советах хирургу: «пусть он не стремится к трудным случаям и никоим образом не вмешивается в случаях безнадёжных»²³.

Отношения корпорации св. Косьмы с цирюльниками складывались не лучшим образом: те претендовали на «высокую хирургию» и не без основания видели в цирюльниках конкурентов, к тому же весьма сомнительной профессиональной подготовки. В результате ситуация складывалась таким образом, что сфера действия «высокой хирургии» сужалась: Лафранко из Милана утверждал даже, что лечение вывихов и переломов ниже их достоинства и советовал назначать терапевтические средства; а это была уже сфера врачей с факультета. В результате за хирургами «*robe longue*» оставалась та самая хирургия, где возможности были слабее всего, а смертность – самой высокой.

В начале XV в. хирурги неоднократно подавали жалобы в Парламент с просьбой запретить цирюльникам занятия хирургией, но эти жалобы регулярно отклонялись. С начала XVI в. цирюльники постепенно добивались своего: они слушали курс анатомии в университете, и особый статут предписывал читать этот курс на французском языке. Этот факт неумовимо повышал их статус, и с 1505 г. корпорация именуется «хирурги-цирюльники», *barbiers-chirurgiens*. Но в среде «учёных» хирургов за ними, по-видимому, прочно закрепилась дурная репутация, и не исключено, что это предубеждение (наряду с дурным знанием латыни) помешало сдать с первого раза экзамен в коллеже св. Косьмы в 1554 г. сорокачетырёхлетнему Амбруазу Паре²⁴.

Таким образом, во Франции и в Италии мы наблюдаем разное решение вопроса о статусе хирургов и хирургии. В Италии «высокая» хирургия продолжала иметь университетский статус, что, разумеется, не исключало существования хирургов низшего класса. Медицинская среда во Франции была социально неоднородна, и эти социальные барьеры мешали сделать практические выводы из очевидной мысли, что хирургия является неотъемлемой частью врачевания. Эту мысль не случайно доказывают все большие хирурги в предисловиях к своим трудам, приводя всё новые аргументы, от теологических до чисто бытовых. Этой традиции отдал дань и Амбруаз Паре, устанавливая не только словами, но и делом новые границы медицины. Хирургия захватывала всё новые плацдармы (лечение огнестрельных ран, послераневые инфекции, акушерские вмешательства), и в силу этого требовала к себе иного отношения. Но в Париже медицинский факультет держал оборону от хирургов-практиков ещё более столетия, серьёзно уступая университетам Лейдена, а потом Вены – пионерам университетского обучения клинической медицины.

²³ *Jacquart D.* Le difficile pronostic de mort (XIVe–XVe siècles) // *Médiévales*. Paris, printemps 2004. № 46. Éthique et pratiques médicales. P. 11–22.

²⁴ *Le Palmier S.* Ambroise Pare d'après des nouveaux documents. Paris, 1878.

Л. А. Бортник (ХНУ, Украина)

Истоки университетского образования в Восточной Европе

«Университетский комплекс представляет собой противоречивый институт [...] как учебное заведение он имеет корни в далёком прошлом, смотрит далеко в будущее и часто не ладит с настоящим. Он служит обществу, общество же его критикует, и порой безжалостно. Призванный обеспечивать равенство возможностей, он сам является классовым обществом».

Кларк Керр

Современный университет прошёл тысячелетний исторический путь. Возникнув в начале XII в. как средневековая корпорация, он стал универсальной системой высшего образования, особым типом учебно-научного учреждения. Утверждение идеи университета разрушало границы между государствами и народами, способствуя распространению знаний, культуры, университетских традиций.

Особую актуальность приобретает вопрос становления и развития университетского образования в Восточной Европе в свете современных исследований по истории университетов, в которых рассматривается проблема истоков университетской системы, прежде всего в Российской империи¹. Как подчёркивают исследователи, у истоков европейских университетов лежат две противоположные тенденции: одна из них – нацеленность на получение и тиражирование фундаментальных знаний, другая – стремление получить практическую высококлассную профессиональную подготовку.

Возникнув в европейских городах в XII в. как сообщества тех, кто хотел и умел учить, и тех, кто хотел учиться, сообщества профессоров и студентов *Universitas*, которые стремились освободиться от всевластия Церкви и феодальных пут, приобрели некоторую автономность внутри

¹ *Петров Ф. А.* Зарождение системы университетского образования в России // *Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия.* М., 1997. С. 65; *Петров Ф. А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998–2001. Кн. 1–4; *Чесноков В. И.* Пути формирования и характерные черты университетского исторического образования в дореволюционной России // *Российские университеты в XIX – начале XX века: сб. ст. Воронеж, 1996.* Вып. 2. С. 3–28; *Лантева Л. П.* История российских университетов в XVIII – начале XX века в новейшей отечественной литературе // *Российские университеты в XVIII – начале XX века: сб. ст. Воронеж, 2000.* Вып. 5. С. 3–27.

городской социальной организации. Они стали не только хранилищами знаний, центрами развития теоретической мысли, высшими учебными заведениями, которые готовили священников, адвокатов, врачей, но и своеобразными центрами интеллектуальной жизни города, региона, страны и целого континента. Именно такими были первые университеты Италии, процветание которых в первую очередь основывалось на богатстве городов. Важными условиями возникновения университетов стали политические, социальные, культурные условия; наблюдалась явная корреляция между общим культурным уровнем общества, мерой его просвещённости, духом народа и появлением университетов.

Собственно, со Средних веков и начинается «официальная» история университета – сообщества преподавателей и учеников, которая стала возможной с возвышением средневековых городов, с появлением новых потребностей государства. Согласно периодизации университетской истории², доклассический университет – это своеобразный «цех учёных», и эта особенность нашла отражение в названии учебного заведения, которое было основано в XII в. (*Universitas magistrorum et scholarum*), и в привилегиях императора и папы Римского, которые были схожи с цеховыми уставами. Внутреннее управление, финансирование доклассического университета обуславливались его корпоративной природой. Главным источником дохода были взносы студентов и деньги за оплату дипломов о получении научной степени. Средневековый университет не подлежал местным законам, не имел постоянного места, способствуя формированию уникального «академического пространства» без границ между государствами³.

На демократичную организацию университетов сверху была наложена могучая власть Рима, что выражалось в получении университетами с XIII в. привилегий от папы Римского, аналогичных императорским. Церковь пыталась использовать самые разнообразные средства, чтобы заставить университеты служить своим интересам. Как отмечает Н. С. Суворов, Церковь стремилась утвердить свою монополию на новые формы умственной деятельности⁴.

Однако это удавалось далеко не всегда, поскольку рядом с папством в качестве «охранителей» университетов стояли королевская и императорская власть, городские коммуны. Города, вначале враждебно настроенные на разноязычную студенческую вольницу, в дальнейшем научились использовать университеты для удовлетворения своих

² Андреев А. «Национальная модель» университетской освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії // Схід–Захід: Історико-культурологічний зб. Харків, 1998. Вип. 7. С. 77.

³ Игнатенко В. В. Болонский университет в средние века. СПб., 1848.

⁴ Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 1898. С. 17.

умственных запросов и практических нужд, а иногда и для теоретического обоснования своих прав перед папской и светской властью. Этот союз городов и университетов скреплялся уплатой жалованья профессорам из городской казны. Он часто нарушался из-за произвола городских властей или вольного поведения школяров, но имел постоянную тенденцию к возобновлению⁵.

Первыми документами, свидетельствующими об интересе королевской власти к университетам, явились грамоты Фридриха Барбароссы болонским школам (1158) и грамота Филиппа II Августа Парижскому университету (1200), которые заложили основы «университетской» политики европейских государств. Следует отметить, что традиция издавать утвердительные грамоты (папские, императорские, королевские) стала обязательным условием основания университета и существовала вплоть до XX в. Так, 12 декабря 1802 г. Дерптский университет первым в России получил Утвердительную грамоту с обозначением своих привилегий⁶.

Постепенно университетская идея продвигалась в Восточную Европу: 1348 г. – создание Карлова университета в Праге, 1364 – Ягеллонского университета в Кракове, 1579 – Виленской «Академии и университета Общества Иисуса», 1632 – Дерптской Академии Густавиана. Примечательна в этой связи грамота чешского короля Карла I Люксембурга от 7 апреля 1348 г. «Об основании университета»: «...пусть будет, из-за нашей дальновидности, украшено в наши дни это королевство изобилием учёных мужей. И да не будут наши подданные, неустанно стремящиеся к плодам познания, принуждены выпрашивать милостыню в других странах, но пусть находят уже здесь в королевстве накрытый стол для своего питания. И пусть те, кого отличает природный ум и способности, станут образованными посредством изучения наук и не будут более принуждены – и будут считать уже совершенно излишним ради поисков науки обходить далекие края света»⁷.

Далее на восток университетская идея продвигалась в двух направлениях: юго-восточном и северо-восточном. Первое из них представляла Киево-Могилянская академия, основанная в начале XVII в. Это был некий симбиоз средневекового университета и католических (иезуитских) и православных коллегиумов. Созданная по примеру западноевропейских высших учебных заведений, академия давала широкое светское образование. В ней изучались языки, история, математика, астрономия, поэтика, риторика, философия и др. Естественно, что в этом

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Документы по истории университетов Европы XII–XV вв.: учеб. пособие. Воронеж, 1973. С. 17.

⁷ Цит. по: *Халоупецкий В.* Карлов университет в Праге. Прага, 1948. С. 128.

учебном заведении преобладало католическое начало, даже с иезуитским оттенком, что лишь постепенно (со второй половины XVII в.) начало меняться, когда стены академии пополнились учениками из Болгарии, Сербии, Молдавии и Греции⁸. Можно назвать и Острожскую Славяно-греко-латинскую академию – первое в Украине и в Восточной Европе высшее учебное заведение, основанное в 1576 г. князем Василием-Константином Острожским, и Львовский коллегиум, созданный в начале XVII в. и переживший в 1661 г. неудачную попытку превращения его в университет. Созданные в границах Речи Посполитой, эти учебные заведения были частью общеевропейской системы становления высшего образования.

Северо-восточное направление нашло своё воплощение в создании Московской Славяно-греко-латинской академии, Академического университета в Петербурге и, наконец, Московского университета.

В 1685 г. в Москве была открыта Заиконоспасская школа – зародыш будущей Славяно-греко-латинской академии, которая должна была представлять собой школу всех «свободных учений» – от низшей грамматики до «вещей божественных». В целом же, академия должна была заниматься вопросами контроля за чистотой православной веры и борьбой с религиозным инакомыслием и, таким образом, отражала стремление царской власти полностью контролировать вопросы веры и образования, которые были неразрывно связаны между собой.

Однако следует отметить, что эти академии постепенно трансформировались в корпоративные высшие школы для подготовки к церковной службе преимущественно детей духовенства и с идеей превращения их в «полные» университеты было покончено. Тем не менее, эти учебные заведения внесли определённый вклад в становление университетского образования в России, поскольку в их стенах начинали учиться многие будущие студенты и профессора Московского университета, однако ни Киево-Могилянская, ни Славяно-греко-латинская академии не смогли стать основой для будущего развития университетского образования в России.

Впервые университетская идея реализовалась в России в 1725 г. учреждением в Петербурге Академического университета. По указу Сената при Петербургской Академии наук были созданы университет и гимназия. Главной задачей Академического университета была подготовка кадров для самой Академии наук, и поэтому по своему организационному устройству он был совершенно не похож на западноевропейские университеты. В отличие от них, 1) обучение в нём велось по «классам» (отделениям) Академии наук; 2) отсутствовала в нём университетская

⁸ *Петров Ф. А.* Зарождение системы университетского образования в России. С. 65.

автономия; 3) он был единственным учреждением в системе Академии наук: члены Академии должны вести занятия в университете, а студентов для университета – готовить университетская гимназия. Как пишет А. Е. Иванов: «Это была российская модель университета, “растворённого” в структуре Академии наук»⁹.

Во второй половине XVIII в. Академический университет прекратил своё существование, практически исчерпав педагогические ресурсы для продолжения своей деятельности. По мнению С. В. Рождественского, «академический университет не смог заложить основы высшего научного образования, ибо постоянно сбивался на роль профессионального училища, не было столь важного для дворян свободного удовлетворения потребностей». В итоге, в XVIII в., по его мнению, «обе столицы как бы поделили между собой две системы высшего образования: Московский университет [...] становился во главе общеобразовательных, средних и низших школ; петербургские корпуса [...] стали центром высшего профессионального образования»¹⁰.

Предыстория создания классического университета берёт своё начало с основания в 1700 г. Фридрихом Брауншвейским-Люксембургским «Общества наук», преобразованного Фридрихом Великим в Прусскую Академию наук, и реформирования в XVI–XVIII вв. университетов Йены, Галле, Гёттингена. В дальнейшем попытка Гумбольдта привлечь профессоров этих университетов к реализации идеи, которую он выразил логически и попытался утвердить в истории, привела к созданию нового типа университета. Это переход от корпорации к государственному учреждению, занимающемуся образовательной и научной деятельностью.

К началу XIX в., когда наука начала интенсивным образом отвоёвывать позиции у моральной философии и значимость соединения обучения с исследованием стала очевидна, Гумбольдт, Фихте, Шеллинг, Шлейермахер, Штеффенс и Энгельс разработали модель, получившую с открытием в сентябре 1810 г. Берлинского университета реальное воплощение. Именно в нём началось формирование «классической университетской модели».

Базовые принципы университета сводились к следующему. Университет должен обладать статусом относительной автономии. Идея академической свободы должна стать основополагающей. Исследование и обучение являются сущностью образования. Университет предполагает

⁹ *Иванов А. Е.* Университеты Российской империи XVIII – начала XIX века. Типология, формирование системы // Страницы истории: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию со дня рождения Г. А. Тишкина / отв. ред. Р. Ш. Ганелин. СПб., 2008. С. 162.

¹⁰ *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. Т. 1. С. 176.

активное включение в общественную жизнь, возрождение её целостности, а также этическое обоснование достоинства знания и учёности.

В Европе опыт немецких университетов был известен давно. Россия имела возможность изучать кардинальные изменения, происходящие в них, и использовать их в построении собственной системы высшего образования. Первым образцом классической для университета формы стал Московский университет, основанный в 1755 г. М. В. Ломоносовым, И. И. Шуваловым «для дворян и разночинцев [...] кроме крепостных людей, по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются»¹¹.

В отличие от Академического университета, Московский университет действовал как самостоятельное учебное заведение с чисто образовательными функциями и руководствовался полноправным университетским уставом¹². Как и в европейских университетах, в нём было три факультета – юридический, медицинский и философский. Отсутствие в университете богословского (православного) факультета, как, например, католического – во французских университетах, протестантского – в германских, было отличительной чертой Московского университета. Другой отличительной чертой университета был его правовой статус. Это была уже не самоуправляющаяся учёная корпорация, а государственное, особо управляемое учреждение¹³.

В 80-е годы XVIII в. активно обсуждается вопрос о реформировании Московского университета и открытии новых университетов. Комиссии об училищах указом Екатерины II было предписано подготовить проект основания университетов, первоначально в Пскове, Чернигове и Пензе по образцу австрийской модели образования (северо-восточный вектор)¹⁴. Также предлагались такие города, как Киев и Чернигов (1764), Сумы (1767), Глухов (1781), Екатеринослав (1784) (юго-восточный вектор)¹⁵. Но эти попытки не увенчались успехом, хотя и стали ещё одним шагом на пути создания университетской системы. И лишь в начале XIX в., когда произошёл сдвиг в представлениях о содержании и задачах университетов, удалось вплотную приблизиться к решению вопроса о создании новой системы образования в России. Из средневековых корпораций они были преобразованы в государственные учреждения, соединяющие образовательную и научную деятельность.

¹¹ История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 31.

¹² Высочайше утверждённый проект об учреждении Московского Университета 1755 Генваря 12 // *Соловьев И. М.* Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. СПб., 1914. С. 19.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ *Иванов А. Е.* Указ. соч. С. 166.

¹⁵ *Кравченко В. В.* Університет для України // *Схід-Захід: Історико-культурологічний зб.* С. 129.

В 1802 г. было впервые учреждено в России особое Министерство народного просвещения и созданы учебные округа: Петербургский, Московский, Виленский, Харьковский, Казанский, Дерптский. Были назначены попечители округов, главной задачей которых было сначала учредить в трёх округах университеты (Харькове, Петербурге, Казани). Решить эту проблему предстояло Главному управлению училищ – коллегиальному органу управления при Министерстве народного просвещения, созданному в 1803 г. Возглавил его М. Н. Муравьёв. Основная задача Правления – разработка университетской реформы, подготовка уставов Академии наук и Московского университета. Члены Правления – акад. Н. И. Фус, гр. П. А. Строганов, кн. А. Чарторыйский, В. Н. Каразин, Н. Н. Новосельцев, С. Я. Румовский, Н. Я. Озерецковский и др. – тщательно изучили и проанализировали опыт европейских университетов. Однако единства среди членов правления не было. Так, М. Н. Муравьёв и С. О. Потоцкий отдавали предпочтение немецким университетам. Н. И. Фус и П. А. Строганов были сторонниками французской системы преподавания. А. Чарторыйский считал, что польский опыт организации образования более всего приемлем для России¹⁶.

Особую позицию занимал В. Н. Каразин. Он считал, что в деле образования университетов в России не следует ориентироваться на готовые образцы Запада, которые уже устарели. Основатель Харьковского университета, он предлагал создание вместо обычного университета нескольких высших профессиональных сословных училищ, собранных в единое целое и названных университетом согласно старой традиции¹⁷. Управлять университетом должен был, по замыслу Каразина, особый комитет, состоящий из выборных профессоров, и директор, назначаемый дворянством. Специальная комиссия, контролируемая представителями губернского дворянства, должна была ведать назначением профессоров и учебными делами. Предполагалось, что губернное дворянство будет содержать университет собственными силами, не привлекая средств государственной казны. В таком случае правительство потеряло бы самый эффективный способ влияния на университетские дела, а это, конечно, никак не согласовывалось с централизаторской политикой государства в области просвещения.

В итоге проект университетского устава, представленный в начале 1804 г. М. Н. Муравьёвым, предлагал создание будущего российского университета по образцу обновлённого немецкого¹⁸. Как отмечает

¹⁶ Андреев А. Ю. Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // ОИ. 2004. № 2. С. 40.

¹⁷ Каразин В. Н. Сочинения, бумаги, письма. Харьков, 1910. С. 523–534.

¹⁸ См.: Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 271–283.

Ф. А. Петров, первые русские университеты были созданы по образцу протестантских университетов Германии, хотя и не являлись их копией. Учитывались и особенности французских и английских высших школ. Но главное отличие русских университетов от европейских заключалось в том, что были максимально учтены российские условия, традиции культуры, уровень духовной жизни и, разумеется, общественный порядок. Российские университеты не имели богословского факультета, являясь учреждениями государственными, хотя и пользовались автономией, были демократичными по своему составу¹⁹.

Таким образом, в России высшее образование заявило о себе как об определённой системе лишь в начале XIX в., с принятием в 1804 г. первого общего устава российских университетов и учреждением на его основе в 1805 г., в дополнение к Московскому и Дерптскому, университетов в Казани и Харькове. С этого времени начинается «связная история» российских университетов²⁰. Как система университетское образование предполагало, прежде всего, наличие сети университетов, в функционировании которых нормы и принципы организации учебной и научной работы имеют общее применение. После 1805 г. сфера действия этой системы распространилась «вширь» в связи с открытием новых университетов: Петербургского (1819), св. Владимира в Киеве (1834), Новороссийского в Одессе (1865), Варшавского (1869), Томского (1888) и Саратовского (1907).

Итак, истоки университетского образования в Восточной Европе уходят своими корнями в XII столетие. Пройдя путь от средневековой корпорации, коллегиеумов, академий до классических университетов в XIX в., университетская идея реализовалась в Восточной Европе в виде развернутой сети высших учебных заведений, которые вобрали в себя отличительные черты немецких, французских и английских высших школ.

¹⁹ *Петров Ф. А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования в России.

²⁰ *Милюков П.* Университеты в России // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1902. Т. 68. С. 789.

Альтернативные маршруты высшего образования в Англии эпохи Просвещения

Педагогическая мысль эпохи Просвещения настолько разнообразна, что попытка дать ей обобщённую характеристику неизбежно наталкивается на необходимость редуцировать многое во взглядах мыслителей в угоду общей концепции. Вообще, поиск «общих точек», позиций, мнений, которыми оперировали авторы XVIII в., относимые к категории «просветителей», таит в себе опасность определённого упрощения и искажения. Вместе с тем, такой подход, безусловно, необходим, чтобы выявить специфику эпохи Просвещения по сравнению с ренессансным гуманизмом и последующими идейно-политическими и культурными течениями.

Большинство современных попыток определить коренные для просветительской педагогики черты включают в себя признание лежащей в её основе эмпирической теории познания. Новое направление философской мысли несло в себе, по выражению М. Поджеро, «зёрна настоящей педагогической революции», центральной идеей которой стало представление о важности чувственного опыта при заполнении *tabula rasa* будущего просвещённого гражданина¹. Педагогическая мысль эпохи исходила из того, что расширение контактов с окружающим миром позволит ребёнку вырасти ответственным и деятельным членом общества и одновременно позволит государству подготовить специалистов для своих нужд. Отсюда проистекал реформаторский порыв, охвативший все уровни образования и признавший необходимость получения образования для всех слоёв общества и даже (со многими оговорками) для женщин. В первую очередь жёсткой критике были подвергнуты принципы, на которых строилось обучение в высшей школе – сознательная отстранённость от прикладного знания, барьер между универсантами и остальным миром в виде латыни, незнание которой делало невозможным приобщение к миру науки. В 50-х гг. XVIII в. со страниц «Энциклопедии» Ж.-Л. Д'Аламбер обрушился на эти принципы, клеймя их на примере иезуитских колледжей. Со своей стороны, в статье «Путешествие», написанной для той же «Энциклопедии», шевалье де Жокур указывал возможную альтернативу неповоротливым образовательным институтам, называя в числе побудительных причин для совершения вояжа образование и любознательность.

¹ Мир Просвещения / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 248

Самым действенным способом познания окружающего мира, начиная с эпохи Великих географических открытий, безоговорочно признавалось путешествие. Просветители не замедлили этим воспользоваться, сделав перемещение в пространстве педагогическим инструментом. Поток травелогов, обрушившийся на европейские книжные рынки в XVIII в., позволил использовать этот инструмент и в отношении тех сословий, которые не могли позволить себе дорогостоящее европейское турне. Воображаемое путешествие с книгой в руках тоже было способно воспитывать и прививать нужные ценности. Не случайно многие программные произведения просветителей использовали мотив путешествия или вообще стилизовались под путевой дневник – от декартовских «Рассуждений о методе» до свифтовских «Путешествий Гулливера».

Несмотря на разницу британской и французской образовательной модели эпохи Просвещения – их компаративный анализ является общим местом работ, посвящённых педагогическим воззрениям эпохи Просвещения – одним из объединяющих сюжетов является отношение к путешествиям. Последователи Дж. Локка и его младшего современника Ж.-Ж. Руссо по-разному интерпретировали полезность путешествий, предлагали отличные друг от друга маршруты и содержательную сторону вояжа, но сходились в том, что путешествие является неотъемлемым атрибутом образованного человека и играет важную роль в воспитании. «Мы не будем путешествовать как курьеры, – писал Руссо в пятой книге “Эмиля”, – но как открыватели. Мы не просто думаем о начале и конце, но и о том, что лежит между. Само путешествие есть наслаждение». Наслаждение, добавим мы, сопряжённое в сознании просветителей с несомненной пользой.

Наиболее распространённой моделью путешествия в рассматриваемую эпоху выступало «Большое турне», зародившееся в конце XVI в. при английском дворе. Елизаветинцы принялись интенсивно расширять свои представления о континенте; во многом этот интерес направлялся активной морской экспансией Англии. Инициатива придворных поддерживалась королевой, и континентальный Grand tour достаточно быстро стал излюбленным и почти обязательным элементом аристократического времяпрепровождения.

Разработка вопроса, связанного с образовательной ценностью путешествий, велась на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. Впрочем, как и все периодизации истории общественной мысли, такое деление достаточно условно: например, ещё в издании 1625 г. «Опытов» Ф. Бэкона (последнем, вышедшем при жизни автора) появилось эссе «О путешествиях». В нём Бэкон подробно обосновывал необходимость путешествий с целью совершенствования образования.

С большой долей вероятности можно утверждать, что его размышления и наставления проистекали из осмысления собственного

опыта и сведений, полученных от окружения. Так, в своё время сам Бэкон после окончания Тринити-колледжа Кембриджского университета провёл три года во Франции в свите английского посла. Много позже с опальным вельможей делился своими впечатлениями от посещения Франции и Италии Т. Гоббс; он общался с Бэконом в промежутках между своим первым и вторым континентальным турне, которые он предпринял в качестве наставника лорда Хардвика из семьи Уильяма Кавендиша, впоследствии графа Девонширского. Кстати, знакомство молодого и зрелого философа состоялось благодаря подопечному Гоббса, с которым он был неразлучен до конца дней. Путешествие 1610 г. сыграло важную роль в оформлении философских воззрений молодого Гоббса: он увлёкся античными авторами и приступил к критике положений аристотелизма.

Неудивительно, что Бэкон был весьма оптимистичен в оценках педагогической ценности турне («в юности путешествия служат пополнению образования, а в зрелые годы – пополнению опыта»). Большую роль он отводит наставнику путешественника, которому следовало знать язык посещаемой страны – «в этом случае он сможет указать юношам, что в посещаемой стране достойно внимания, чьего общества следует искать, чему можно там научиться и в чём упражняться». Наставнику «надлежит собрать сведения... обо всех достопримечательностях» – с его компетентностью Бэкон связывает образовательный успех путешествия, ибо в случае незнания языков есть опасность «путешествовать как бы с закрытыми глазами»².

В 1644 г. Д. Мильтоном, в том числе под влиянием собственного педагогического опыта, был создан трактат «О воспитании». Центральной мыслью автора стал поиск ответа на вопрос: каким образом следует воспитать человека, способного «исполнять надлежащим образом, умело и со всею душой любые обязанности – как личные, так и общественные, как мирные, так и воинские». Помимо прочего, для достижения поставленной цели Мильтон призывал дополнять теоретическое обучение путешествиями.

Наиболее полную разработку вопрос образовательной ценности «Большого турне» получил в «августинской Англии»³. Этот процесс происходил на фоне философского подъёма эпохи Просвещения, частью которого стали педагогические штудии, и поддерживался общим ростом европейской мобильности. Показательно, что существенную часть стремительно возросшего литературно-публицистического потока XVIII в. составляли описания реальных и вымышленных путешествий и труды, в которых поднимались проблемы образования и воспитания.

² Бэкон Ф. *Опыты, или Наставления нравственные и политические* // Бэкон Ф. *Сочинения*. М., 1978. Т. 2. С. 390–391.

³ Под английским «Августинским веком» в зарубежной историографии традиционно понимается период 1688–1760 гг.

Что заставляло аристократов изыскивать новые способы образования для своих отпрысков? Несмотря на начавшиеся в эпоху гуманизма преобразования в университетах в сторону их либерализации, образовательные программы Оксфорда и Кембриджа были ещё весьма далеки от того, что хотели бы видеть в них просветители. Классический средневековый комплект для изучения – произведения греческих и римских авторов (Сократа, Цицерона, Плутарха и др.) был дополнен работами гигантов гуманизма – Ф. Петрарки, Эразма Роттердамского, Т. Мора. Однако университеты ещё во многом оставались оплотами схоластики и не отвечали требованиям просветителей. А требовалось как образовывать, так и воспитывать студентов, формируя из них не просто образованных, а разносторонне просвещённых и готовых применить полученные знания на практике индивидуумов.

Наиболее полно размышления об образовательных возможностях «Большого турне» отразились в трудах ключевой фигуры раннего английского Просвещения – Дж. Локка. В «Некоторых мыслях о воспитании» (1693) теме вояжей юношей отведено немало места.

В описываемый период путешествия уже закрепились в сознании образованной части общества как завершающая часть образовательного маршрута, следующая за университетом или даже заменяющая его собой. Локк, описав предметы, требующиеся для изучения в детском и подростковом возрасте (и отдавая предпочтение домашнему воспитанию перед обучением в грамматической школе), сразу же переходит к теме турне: «Последней частью воспитания обыкновенно является путешествие, в котором обычно видят завершение дела – то, что заканчивает формирование джентльмена». В отличие от Бэкона, Локк мог уже опираться на определённый накопленный к концу XVII в. практический опыт образовательных путешествий. Но он часто оказывался далёк от идеальных представлений о нём. Заявленные как образовательные, путешествия часто на практике перерождались в обычный развлекательный тур. Реальные турне выявили принципиальную проблему: наставник, находившийся в подчинённом положении, не мог контролировать своего подопечного, стоявшего неизмеримо выше по социальной лестнице. Жёсткая сословная структура общества раз и навсегда закрепляла определённые социальные роли и отношения, соблюдать которые было принято и вдали от дома. Поэтому Локк, не отказываясь от бэконовской оценки образовательной пользы путешествий, существенно развивает эту мысль. Он не просто декларирует, а детально обосновывает необходимость совершения зарубежного турне. Локк вписывает вояж в программу воспитания и образования истинного джентльмена – так же детально, как он объясняет каждый заявленный в программе учебный предмет, делая акцент на утилитарной полезности его

изучения. В развитие общих бэконовских рассуждений об образовательной пользе путешествий, существенно скорректированных реальностью, Локк выступает с конкретной программой оптимальной, с его точки зрения, модели вояжа. Главной целью путешествия он считает изучение языков, наиболее эффективное при погружении в языковую среду, поэтому – делает вывод Локк – ехать необходимо, но в возрасте 7–16 лет, когда юноша ещё способен подчиниться авторитету наставника и наиболее восприимчив к лингвистическим занятиям. Роль путешествующего тьютора – не медиаторская, как её видел Бэкон, а организующая. Если Бэкон практически ставил знак равенства между тьютором и слугой, Локк пытается выделить в социальной иерархии особое место для наставника.

Второй вариант – совершить путешествие самостоятельно уже в более зрелом возрасте (старше 21 года). Этот вариант для Локка явно предпочтительнее. Он отмечает, что в этом возрасте юноша «уже зная хорошо законы и обычаи, природные и моральные преимущества и недостатки своей страны, может уже о чём-то обменяться мыслями с иностранцами и может надеяться, что извлечёт из беседы с ними какие-либо знания». Ещё одним доводом служит то, что «молодой джентльмен и иностранец с внешностью взрослого человека, обнаруживающий желание познакомиться с обычаями, нравами, законами и образом правления страны, в которой он находится, повсюду найдёт благожелательное содействие и радушный приём у лучших и наиболее сведущих людей, готовых принять, поощрить и поддержать неглупого и любознательного иностранца»⁴.

Впрочем, Локк не тешит себя иллюзиями: «Как бы эти соображения ни были справедливы, боюсь, однако, что они не заставят изменить обычай, который отнёс время путешествия к самому неподходящему периоду человеческой жизни по причинам, не имеющим никакого отношения к усовершенствованию молодых людей». Увы, *Grand tour* в качестве образовательного маршрута не оправдал тех масштабных надежд, которые возлагали на него просветители. С течением времени пришлось признать, что в большинстве случаев континентальное путешествие не стало достойной заменой или удачным дополнением университетской системы образования. Сатирическое изображение юношей, вернувшихся из «Большого турне» и не приобретших ожидаемых знаний, но усвоивших навыки фатовства – популярный сюжет в литературе XVIII в. «Офранцузенный» англичанин появляется на страницах произведений Г. Филдинга, Т. Смоллетта и других авторов того времени, фигурирует в карикатурах и памфлетах.

⁴ Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Собрание сочинений. М., 1988. Т. 3. С. 603–604.

Яркой иллюстрацией к метаморфозе общественного мнения служит и материал знаменитых писем графа Честерфилда к сыну, значительная часть которых датируется 40-ми гг. XVIII в. Сам совершивший по окончании Кембриджа *Grand tour* и подолгу живший за границей в качестве дипломатического представителя, граф проявлял постоянное беспокойство по поводу дурного влияния, под которое его сын мог попасть в ходе путешествий по Европе. Примечательно, что Честерфильд признаёт правильной саму идею совершения «Большого турне»: «Я учусь их (иностранцев. – Н. Б.) языку и, беседуя с ними, изучаю их нравы – для этого ведь нас и посылают за границу, не так ли?»⁵. Разделяя мнение Локка о том, что для джентльмена воспитание приоритетнее, чем образование, граф видит пользу путешествия именно в этом и призывает сына: «Воспитывай себя, сообразуясь с другими людьми, положив в основу то, что, как тебе кажется, нравится в них тебе»⁶. Наибольшее же опасение у Честерфилда вызывала не возможная некомпетентность тьютора, а пример совершающих *Grand tour* англичан. Не сомневаясь в успехе турне сына, он не устаёт предостерегать его об опасностях, грозящих ему от соотечественников. Страх увидеть сына присоединившимся ко множеству бессмысленно проводящих время за границей англичан со временем становится едва ли не основным лейтмотивом писем графа. «Я позабочусь о том, – не устаёт повторять он, – чтобы, посещая разные города, ты не пробегал их бегом, как большинство твоих соотечественников»⁷.

Однако для читателей, ознакомившихся в 1774 г. с этими письмами после смерти Честерфилда, эти описания путешествующих аристократов стали лучшим подтверждением справедливости критики в адрес *Grand tour*. Кроме того, как известно, и преждевременно скончавшийся сын Честерфилда не оправдал возлагавшихся на него отцовских надежд, так что и его турне рассматривалось в качестве вынужденного и не слишком удачного образовательного эксперимента над незаконнорожденным Филиппом Степхопом.

Резкий и однозначный вывод о несостоятельности *Grand tour* в качестве альтернативы университетскому образованию сделал А. Смит, посвятив этому вопросу несколько страниц опубликованного в 1776 г. «Исследования о природе и причинах богатства народов». Феномен продолжающейся, несмотря ни на что, популярности европейских турне среди своих соотечественников, он объяснял «только дурной репутацией, до которой университеты позволили себе докатиться»⁸.

⁵ Честерфилд. Письма к сыну. М., 1978. С. 103.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Подробнее см.: Белякова Н. Ю. *Grand tour* или университет: образовательная альтернатива XVIII в. глазами А. Смита // Историк и его дело / под ред. Н. Г. Шишкиной и др. Ижевск, 2007. С. 73–77.

Не выполнив в полном объёме тех задач, которыми отяготили континентальное турне просветители, Grand tour, тем не менее, внёс важный вклад в развитие образовательной парадигмы эпохи. Поиск путей оптимизации образования и воспитания, поставленных отныне на службу обществу и ставших зоной серьёзной государственной ответственности, был продолжен. В Британии в XIX в. он привёл к последовательному реформированию образовательной сферы и, в частности, высшей школы. Grand tour продолжил своё существование как развлекательный и познавательный маршрут, не сопряженный, однако, с требованием переносить за рубеж многие пункты учебной программы – их теперь обеспечивало более приближенное к жизненным реалиям университетское образование. Тем не менее, важнейшие задачи «Большого турне» – практика иностранного языка и приобретение широкого жизненного опыта – продолжили выполняться, надолго закрепившись в качестве традиции обеспеченных слоёв общества. Можно без преувеличения сказать, что континентальное турне надолго вошло в программу-максимум британского воспитания.

И. В. Якубовская (НовГУ)

**Высшее образование для народа:
из истории университетского образования в Англии
последней трети XIX в.**

Доступность и массовость образования является важным фактором, влияющим на стабильное и поступательное развитие общества, одним из направлений в движении к равным возможностям. На протяжении XIX в. проблемы образования приобретали всё большее значение и занимали всё более важное место в общественной жизни всех стран Европы, в том числе и наиболее экономически развитого государства мира XIX в. – Англии. Образование сложными отношениями связано с развитием политической культуры страны, опосредовано воздействуя на коллективные и индивидуальные ценности и ментальные установки.

Основные цели и ориентиры образования в либеральной концепции были сформулированы ещё в конце XVII–XVIII вв.: формирование свободной, способной к самостоятельному выбору и ответственной за сделанный выбор личности. В Англии в период правления королевы Виктории (1837–1901) постепенно росло осознание ценности образования для формирования политической культуры личности и общества, значение роли и места государства в создании системы образования. Английский историк XX в. С. Бринтон отметил, что известный философ и политический мыслитель Т. Х. Грин, повлиявший на становление целого поколения интеллектуальной и политической элиты, утверждал, что у государства есть не только негативные (охранительные), но и позитивные функции, что означало необходимость защиты законодательным путём социальных и экономических прав граждан¹. К числу социальных прав принадлежит и право на образование.

Изучение вопросов, связанных с созданием массового высшего образования, должно основываться на комплексном подходе, учитывая, среди прочих факторов, предпосылки демократизации высшего образования – всеобщее начальное, доступное среднее и доузовское (доуниверситетское) образование.

К началу XIX в. большинство англичан не умело ни читать, ни писать. Средние школы (grammar school), частные публичные школы и университеты Оксфорда и Кембриджа были доступны узкому кругу богатых и наиболее одарённым единичным выходцам из других социальных групп. Народное образование в первой половине XIX в.

¹ *Brinton C.* English political thought in the nineteenth century. London, 1933. P. 221–222.

состояло в изучении религиозной доктрины и освоении грамоты. Преподаванием занимались, прежде всего, воскресные школы, вместе с детьми их посещали многие родители, обучаясь письму и чтению. К середине XIX в. воскресные школы существовали по всей стране, в них обучалось около 2,5 млн. человек, примерно 13% населения². Но количество школ всё равно было недостаточно, и многие дети, занятые на работе, их не посещали. Даже в 30-х гг. XIX в. современники замечали, что «ни одна страна не имеет столь старинных и почтенных заведений как Англия», и «столь жалких результатов при таких обширных средствах»³.

Реформы народной школы начались почти одновременно с парламентскими реформами, так что демократизация политической системы и демократизация системы образования развивались параллельно. Но традиция сословной школы, пренебрежение образованием низших слоёв общества, сохранялись в Англии до 60-х гг. XIX в. Отчёт королевской комиссии под руководством герцога Ньюкасла в 1861 г. зафиксировал, что 80% детей покидали школу по достижении 12 лет и не получали при этом необходимых навыков. При этом комиссия исходила из весьма умеренных требований: дети должны были уметь читать, писать, иметь скромные познания в географии, но от двух третей до трёх четвертей детей, оканчивая начальное обучение, не имели даже этих познаний⁴. Образование народа постепенно превращалось в острую социальную и политическую проблему, что было связано с радикальными изменениями в экономической и общественной жизни страны, требовало дальнейших усилий и вмешательства государства. После второй парламентской реформы и формирования в 1868 г. либерального министерства, вопрос о реформе народной школы стал одним из наиболее неотложных.

В 1870 г. был принят «Акт об образовании», создавший национальную систему начального образования⁵. До принятия закона 1870 г. 2 млн. детей школьного возраста вообще не получали никакого образования. В 1870 г. уровень неграмотности мужского населения Англии старше 13 лет составлял 20%, в конце века этот уровень составлял менее 2%⁶. Очень медленно и трудно, но обществом была признана идея равных возможностей получения образования выходцами из всех социальных групп. Вторая половина 70-х и начало 80-х гг. XIX в. стали в

² *Hugget F. E.* A dictionary of British history. Oxford, 1974. P. 260.

³ *Раумер Т.* Англия в 1835 году // Библиотека для чтения. 1836. Т. 17 (III). С. 1–12.

⁴ The Newcastle report on popular education / English historical documents / ed. by G. M. Young & W. D. Handcock. London, 1956. Vol. XII (1). P. 896.

⁵ Hansard's Parliamentary Debates. 3-r. ser. House of Commons. London, 1870. Vol. 199. Col. 443–444, 457–458; London, 1870. Vol. 202. Col. 1015, 1667–1668.

⁶ *Smith G.* A constitutional & legal history of England. N. Y., 1955. P. 217; *Gregg P.* A social & economic history of Britain. 1760–1972. London, 1973. P. 510–511.

Великобритании новым этапом развития народной школы. В 1876 г. в Англии был принят новый Закон об образовании, который создавал школьные комитеты в округах, где не существовало ранее школьных советов. В Отчёте по образованию комитета Тайного совета за 1876 г. отмечалось, что в начальной школе обучаются в Англии и Уэльсе 2.943.377 детей. Причём из каждых 100 учащихся – 87 выдержали экзамен по чтению, 79 по письму и 70 по арифметике. Субсидии, выдаваемые правительством на создание новых или расширение старых школ, позволили обучать дополнительно около 300 тыс. детей⁷. Таким образом, наблюдался несомненный прогресс в состоянии обучения в народной школе, по сравнению с результатами 50-х гг. XIX в., отражёнными в отчёте комиссии Ньюкасла. Началось сближение уровня преподавания в начальной школе (для низших слоёв) и уровня среднего образования, ранее доступного в основном представителям обеспеченных групп населения. Возникли и получили распространение новые типы школ. Школьные советы могли создавать классы с углублённым преподаванием, где дети изучали математику, химию, физику, латынь и французский язык⁸. В начальной школе преподавались также пение, география, история. Началось создание семилетней школы, при этом школьные советы (комитеты) могли воспользоваться государственной субсидией⁹. Но получение выходцами из народа высшего образования по-прежнему оставалось проблемой: Оксбридж и «краснокирпичные» колледжи¹⁰ оставались недоступны рядовому британцу. Поддержку и осуществление просветительских начинаний взяли на себя благотворительность, местные органы власти и сами университеты.

С 1884 г. в рабочем районе Восточного Лондона, где «более тридцати процентов принадлежало к беднякам», и, как писал вдумчивый

⁷ The Report of the Privy Council on Education to the Queen's Most Majesty in Council, for the year 1876. London, 1878. P. VII, IX.

⁸ Gregg P. Op. cit. P. 515.

⁹ В отечественной историографии проблемам реформирования и состоянию начальной школы Англии посвящён ряд работ, среди них, см., например: Дымова Л. А. Состояние школы и педагогической мысли в Англии периода промышленного капитализма (30–70-е гг. XIX в): дис. ... канд. пед. наук. М., 1977; Якубовская И. В. Государство и реформы народного образования 1860-х–1880-х гг.: опыт Англии и Россия // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 29.

¹⁰ Название «Оксбридж» было придумано знаменитым писателем У. Теккереем. «Краснокирпичными» называют университеты, основанные в основном в XIX в. Они часто строились в распространённом в викторианскую эпоху «псевдоготическом» стиле, и как правило, из красного кирпича. См.: Шестаков В. П. Русские в британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб., 2009. С. 71, 79.

исследователь социальных проблем современной ему Британии И. И. Янжул, – «дурно одетые, дурно питаемые, кое-как перебиваясь изо дня в день» они проводили жизнь «в непрестанной борьбе с нуждой в отсутствии всякого комфорта» начал создаваться «Народный дворец». Дворец был создан на собранные по инициативе известного филантропа Эдмунда Керри средства – более 50 тыс. ф. ст., что составляло примерно около миллиона русских бумажных рублей. Дворец был открыт 14 мая 1887 г., в присутствии королевы Виктории, которая также участвовала в этом благотворительном проекте. Одной из основных целей создания дворца было содействие народному образованию. При дворце была создана техническая школа, вечерние классы для мужчин и женщин, при этом на так называемом отделении «*общего обучения*» велась подготовка и к сдаче университетских экзаменов. В первый же год число обучающихся на вечерних курсах дошло до 3700 человек¹¹.

Важную роль в распространении просвещения и пропаганде идеи высшего образования для народа сыграл так называемый «Тойнби холл» – «университетское поселение» в Восточном Лондоне, основанное известным благотворителем – священником Барнетом. Как отмечал И. И. Янжул, члены и участники этого проекта, воодушевлённые «одной и той же идеей общего блага для народа», стремились «содействовать посылно поднятнью и улучшению [его] ... быта», на путях благотворительности, развития здравоохранения и просвещения. Цель этого начинания состояла в том, чтобы выпускники университетов Кембриджа и Оксфорда, поселяясь в Лондоне, содействовали развитию народного образования, организуя публичные лекции, чтения и даже целые курсы. В 1889 г. в Тойнби-холле проживало и работало 22 студента и выпускника различных университетов¹². Название «университетскому поселению» было дано в честь Арнольда Тойнби-старшего. Он прожил короткую жизнь и умер в 30 лет, но, по словам современного биографа, «воплотил [в себе] всё то, чему поклонялись интеллектуалы викторианской эпохи»¹³. Главное убеждение А. Тойнби состояло в том, что элита призвана служить народу, именно поэтому после ранней смерти А. Тойнби-старшего было основано «университетское поселение» в Восточном Лондоне.

Активную инициативу в развитии высшего образования для народа проявили и старейшие университеты. В стране возникло движение за

¹¹ Янжул И. И. Практическая филантропия в Англии. I. – «Народный дворец» // Янжул И. И. В поисках лучшего будущего. Социальные этюды. СПб., 1893. С. 63.

¹² Янжул И. И. Университетское поселение в Восточном Лондоне // Там же. С. 6–7, 13, 15, 33–36.

¹³ Корневский А. В. Три Тойнби // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д, 2007. Вып. 4. С. 86.

распространение университетского образования (University Extension Movement). Началось оно с создания ассоциаций женского образования, предназначенных для чтения лекций и научных занятий исключительно для женщин. Лекции читались университетскими преподавателями и пользовались большой популярностью. Но опыт показал, что существуют три категории лиц в Англии, лишённых возможности получить образование. Это женщины, часть торгово-промышленной городской социальной страты, и рабочие. Движение развивалось в различных формах, поскольку инициировалось различными университетами.

Инициатором нового движения стал Ноттингем, представители местного управления которого обратились официально к Кембриджскому университету с просьбой выработать план развития высшего образования для народа. Активно заявили о себе и другие промышленные и городские центры – Ливерпуль, Шеффилд, Лидс, Брэдфорд, Галифакс. Профессура Кембриджа предложила, первоначально в виде опыта, в течение двух лет устроить лекции и специальные классы в тех городах, откуда поступили предложения. Опыт не просто удался – желающих посещать курсы, и даже сдавать по их окончанию экзамены, оказалось невероятно много. Лекции стали превращаться в постоянные. Они читались компетентными университетскими преподавателями, после каждой лекции следовал «класс» – разновидность коллоквиума или семинара. Перед каждым курсом выдавался краткий конспект читаемого. Слушатель, по желанию, сдавал экзамены в письменной форме и получал соответствующее удостоверение от представителей Кембриджского университета.

Первоначально обучение было платным, но и здесь на помощь пришла благотворительность, а также и поддержка местных властей. Постепенно образовалось в различных центрах по два факультета: естественно-математический, – включающий химию, физику, минералогия, геологию, географию, ботанику, физиологию, анатомию, зоологию и ряд других дисциплин, а другой – исторический и обществоведческий, включавший английскую конституционную историю, всеобщую историю, английский язык и литературу, правоведение и философию. Наряду с обычными, стали выдаваться и специальные удостоверения лицам, прослушавшим на одном факультете шесть курсов или шесть же курсов на двух факультетах (четыре на одном и два – на другом). Обучение продолжалось 6 семестров – три года. В 1886 г. было принято постановление, допускавшее аффилиацию таких центров.

В 1889–1890 гг. было уже 47 центров Кембриджского университета в Англии – стены Кембриджа раздвинулись на десятки городов страны. Экзамены по-прежнему были добровольными, и, как правило, их сдавали лица, собиравшиеся продолжать образование в самом Кембридже. Общим

правилом было, что лекции и экзамены проводят и принимают разные преподаватели, однако для допуска к экзамену было необходимо одобрение лектора. Удостоверение, выдаваемое такими «аффилированными» центрами, облегчало поступление в Кембридж и сокращало на один год обучение в нём, необходимое для получения университетской степени (два года вместо трёх). На аффилированных Кембриджских курсах (по существу младших колледжах) самое серьёзное внимание уделялось самостоятельной работе студентов – Home Study. Она включала работу с дополнительной литературой, консультации преподавателей, методическую помощь (советы, всевозможные указания, отзывы на письменные работы и т. д.). Такой контроль осуществлялся за дополнительную плату¹⁴. Таким образом, выходцы из наименее обеспеченных слоёв населения получали, преодолев определённые трудности, прежде всего, материального характера, возможность получить высшее образование.

Последняя треть XIX в. стала рубежом в развитии образования в Англии, в том числе и высшего образования для народа. Активная позиция государства, конфессиональных общин, частная благотворительность и усилия отдельных лиц¹⁵ способствовали тому, что право на образование как свобода получать это образование, постепенно становилась частью ментальности англичан. Образование оказалось важным инструментом трансформации политической культуры страны, содействуя её постепенной демократизации и формированию основ либерально-демократического общества. Но даже и в XXI в. полноценное университетское высшее образование в Англии остается привилегией.

¹⁴ Янжул И. И. Национализация университетского образования // Янжул И. И. Указ. соч. С. 61–65.

¹⁵ Обо всех инициативах в сфере развития высшего образования для народа невозможно написать в небольшой статье. Так, например, одной из инициатив Оксфордского университета было создание «Оксфорд-холла», по образцу созданного в память Арнольда Тойнби.

Т. А. Сидорова (филиал РГСУ, Сочи)

Традиции и проблемы университетского образования на рубеже XIX–XX вв.: Оксфорд – Кембридж

Старинные классические британские университеты Оксфорд и Кембридж, автономные миры и системы высшего образования, «сиамские близнецы» (отсюда широко распространённое в бытовой лексике – «Окс-кем») и блистательные соперники и конкуренты, славятся своими традициями, начало которых восходит к XIII столетию.

Консервация университетских традиций по мере их укоренения порождает немало проблем, многие из которых остро проявились в XIX в., и оказались созвучными современным. Среди них весьма актуальные для университетов сегодняшних: проблемы финансирования, кадровый состав, дисциплинарная структура учебного процесса, базовый уровень студентов, отсутствие должной согласованности исследований представителей смежных областей научного знания, преемственность научных школ, внутри- и межсхоларная коммуникация.

XIX век, как известно, вошёл в историю как век великих историков, судьбы которых в Великобритании были преимущественно связаны с Оксфордом и Кембриджем. Имена этих историков хорошо известны: Г. Галлам, Э. Фримен, Т. Карлейль, Ф. Пэлгрев, С. Р. Гардинер, Ф. Сибом, У. Стеббс, Дж. Актон, У. Кеннингем, Ф. Поллок, Ф. У. Мейтленд¹.

Деление британской исторической науки той эпохи на Оксфордскую и Кембриджскую исторические школы достаточно условно и затрудняет определение однозначной принадлежности того или иного учёного, Ф. У. Мейтленда, например, к одной из них. Действительно, по кругу научных интересов, исследовательской проблематике Ф. У. Мейтленд тяготеет к Оксфорду; по роду деятельности и территориально – к Кембриджу, с которым была неразрывно связана его двадцатидвухлетняя жизнь в науке, где он создал свои фундаментальные труды (более ста), читал многочисленные курсы лекций по истории английского права, конституционной истории Англии, английскому позитивному праву, руководил изданием английских средневековых источников в «Сельденском обществе», вёл активную переписку с коллегами из разных стран, написал множество научных статей и рецензий, снискав прижизненное заслуженное признание международного сообщества

¹ Ф. У. Мейтленд (1850–1906) – основатель и крупнейший представитель критического направления в британской историографии второй половины XIX – начала XX вв., Кембриджский историк средневековой Англии, историк средневекового английского права. Исследование построено на материалах, связанных, в основном, с творчеством Ф. У. Мейтленда и его эпохой.

историков². Более плодотворно поэтому говорить о своеобразной интеграции английских научных университетских традиций в рамках «невидимого колледжа», «членство» в котором не было предписано извне и определялось исключительно стилем мышления, духовной и интеллектуальной близостью. «Невидимый колледж» тех лет, удивительно созвучный современному понятию «интеллектуальные сети», являлся моделью интеллектуально-профессионального сообщества, типичной формой кооперации британских историков викторианской эпохи.

Если систему британских колледжей XIX столетия упрощённо сравнить с факультетской структурой современных российских университетов, то можно обнаружить ряд схожих проблем, порождённых их разобщённостью. Специфической особенностью учебного процесса в британских университетах XIX в. была система децентрализации, т. е. дробление на колледжи, которые являлись не только общежитиями студентов, но и союзами учёных-преподавателей.

Особенности университетского учебного процесса в Англии обусловили возникновение весьма существенной дистанции между студентами и профессорами, обозначившейся ещё в конце Средневековья. Британские профессора занимали почётное и более обеспеченное положение, чем на континенте, но они дальше отстояли от студентов и оказывали на них меньше влияния, чем тьютеры. Студенты были больше связаны с колледжами, чем с университетом в целом и практически не знали профессоров других колледжей своего же университета. Не удивительно поэтому, что по отношению к студентам университетские профессора находились в «блестящем уединении»³.

Профессора были перегружены разного рода «технической» работой, которую могли бы выполнять тьютеры, что обусловило нерациональное использование творческого и научного потенциала крупных учёных, преподававших в университетах. По этому поводу приведём компетентное мнение современника той системы преподавания в Англии, крупного кембриджского профессора Ф. Поллока: «Великое заблуждение относительно полезного знания отравило молодость наших отцов; реформаторы наших университетов умножили число экзаменов за счёт знаний. Когда человек размеров Мейтленда приходит раз в два или три поколения, мы заставляем его разбирать экзаменационные списки и исполнять механическую работу в комиссиях и советах. А если молодежь

² Мейтленд был удостоен звания почётного доктора университетов в Кембридже, Оксфорде, Глазго, Кракове. См.: *Plucknett T. F. T. Maitland's View of Law and History // The Law Quarterly Review. Vol. 67. April 1951. P. 180.* В 1902 г. Тринити колледж присвоил ему звание почётного члена Совета колледжа; в том же году Судебная корпорация Линкольнс Инн избрала его своим членом. См.: *Holland H. A. F. W. Maitland. A Memorial Adress. London, 1953. P. 15.*

³ *Савин А. Н. Английский юрист в роли историка // ЖМНП. 1900. № 11–12. С. 90.*

выразит намерение поучиться у него вещам, которые приносят мало пользы на экзамене, тьютеры колледжа будут бранить его за легкомыслие»⁴.

Сопутствующие обязанности в значительной степени отвлекали учёных от творческой и преподавательской деятельности, о чём с горечью говорил в своём последнем докладе в 1901 г. на заседании Кембриджского юридического общества его председатель Ф. У. Мейтленд: «Что было сделано для права в Англии профессорами и преподавателями, призванными обучать праву? Я не буду возвращаться к Блэкстоуну и разделю ваше смущение, ничего не сказав о Кембридже. Но вспомните тех, кто сейчас или ранее преподавал право в Оксфорде, вспомните книги, которые они написали – разве они не относятся к числу лучших книг, написанных в современной Англии, и разве могли бы они появиться на свет, если бы не добровольные пожертвования? ... Обстоятельства таковы, что единственным вознаграждением, которое способно отвлечь от проторённого и доходного пути практической юриспруденции и заставить написать что-либо полезное в области права, является университетская должность... Я думаю, что при таком положении дел в Англии мы будем испытывать потребность либо в новых профессорских должностях, либо в специальных вознаграждениях тем, кто уже является профессорами»⁵.

Одной из самых злободневных проблем университетского образования и науки той поры в Англии являлось его недостаточное финансирование, что негативно отражалось на качестве преподавания, уровне научных исследований, издательской деятельности, профессорско-преподавательском корпусе. В этой коренной проблеме Ф. У. Мейтленд видел ответы на вопросы о том, почему в Кембридже нет лектуры по римскому праву и общей юриспруденции, почему не университет, а Судебные Инны субсидируют деятельность Сельденского общества, почему так мало сделано в области истории и теории права, которые он назвал «неприбыльными, невыгодными». К числу не менее важных проблем системы университетского образования Ф. У. Мейтлендом были отнесены также: недостаточно высокий возрастной ценз студентов юридических факультетов, очерёдность преподавания учебных дисциплин, экзаменационная система, острая конкуренция со стороны быстро и успешно развивающейся исторической школы в Кембридже⁶.

Ф. У. Мейтленд был не одинок в такой оценке системы образования в Англии. Почти в той же тональности, не скрывая сожаления, ему вторил А. Дж. Тойнби, выпускник Кембриджа. Самым существенным недостатком в карьере преподавателя он считал цикличность ритма работы. «Каждый год

⁴ Там же.

⁵ *Fisher H. A. L. The Collected Papers of Frederic William Maitland. Cambridge, 1911. Vol. 3. P. 424.*

⁶ *Ibid. P. 423–431.*

конвейер приносит преподавателю новую группу учеников того же возраста, что и те, которых он только что выпустил; и преподаватель должен каждую очередную группу учить одному и тому же. И то, что ново для учеников, для преподавателя становится с каждым годом все более и более избитым»⁷. Другая сложность состояла, по мнению А. Дж. Тойнби, в специфических возрастных особенностях студентов, которыми не мог пренебрегать профессор: «Студент университета – это в некотором смысле неклассифицируемое существо – ни рыба, ни мясо, ни птица, – что делает отношения между ним и преподавателем двусмысленными. Искусство обращения со студентами университета заключается в том, чтобы им казалось... будто к ним относятся как к взрослым, и это при необходимости держать их в жёсткой узде, а иногда даже и стегануть кнутом. Дело это сложное, и преподаватели в Оксфорде и Кембридже разработали собственный метод общения со студентами»⁸. Он состоял в выработке особого имиджа – старшего по возрасту современника, нежели преподавателя старшего поколения, сохранить который на протяжении всей жизни удавалось далеко не каждому преподавателю. Кроме того, неизбежное повторение циклов, определяющих ритм преподавательской работы («цикличное движение – самое близкое к статичности»)⁹, необходимость приспособлять, адаптировать, и, следовательно, снижать свой научный уровень до уровня студенческой аудитории, порождали всё возрастающее чувство неудовлетворённости.

Как это нередко встречается в современной университетской практике, специальные научные курсы лекций не пользовались широкой популярностью у британских студентов XIX в. и неизбежно, в силу их сложности, были адресованы очень узкому кругу слушателей. «Его лекции, – писал О. Браунинг о спецкурсах Мейтленда, – никогда не собирали многочисленной аудитории, во всяком случае, на моей памяти. Более её половины составляли женщины, быть может, один юрист выпускного курса и четыре-пять студентов Королевского колледжа»¹⁰. Но количественные показатели не могут служить мерилем заслуг Ф. У. Мейтленда перед наукой или показателем уровня его профессионального мастерства как лектора. Истинное значение его лекций по истории и истории права, действующему английскому праву состояло в том, что целое поколение студентов-юристов Кембриджа, обучавшееся под его руководством, твёрдо осознало, что право есть не только средство к существованию, но и профессия, призвание, наука. Среди тех, кто посещал лекции Мейтленда, были студенты, ставшие впоследствии выдающимися

⁷ Тойнби А. Дж. Пережитое // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996. С. 242.

⁸ Там же. С. 243.

⁹ Там же.

¹⁰ Bell H. E. Maitland. A Critical Examination and Assessment. Cambridge, 1965. P. 141.

государственными деятелями, учёными-правоведами, историками – Э. Дженкс, У. Уиттакер, Г. Холлонд, М. Бэйтсон, Дж. М. Тревельян.

Проблемы университетского образования звучали уже в инаугурационной лекции Ф. У. Мейтленда 1888 г. В её названии «Почему история английского права не написана?» звучал вызов, а содержание повергло академическую аудиторию в состояние глубокого смущения. Такой инаугурационной лекции Кембридж ещё не слышал¹¹. В этой лекции, продуманной до мелочей, блестяще выстроенной в структурном отношении и основанной на фундаментальном знании предмета, было всё: глубокая тревога за состояние теоретической юриспруденции, частью которой считалась история английского права, и традиции её преподавания в университетах; широкая панорама задач, стоящих перед национальной наукой (исторической и юридической); неутешительные прогнозы относительно перспектив выполнения гигантского объёма предстоящей работы по обнаружению, изучению, систематизации и опубликованию средневековых правовых текстов – не ранее, чем через столетие; обострённое болезнью чувство времени, ощущение предельности человеческих возможностей, придававшие его словам оттенок горечи и пессимизма¹².

Не способствовала академическому развитию истории английского права и существовавшая в Великобритании устойчиво-консервативная система обучения юридической профессии, в которой не было главного – единства. Английское право было отделено от изучения других наук, предусмотренных учебной программой, и традиционно преподавалось в Иннах на высоком уровне, но это было современное действующее право, основанное на прецедентах и, следовательно, имевшее отношение к праву средневековому, но лишь опосредованно. Преподавание истории права требовало сравнительного изучения и специальной подготовки преподавателя. Практикующие же юристы были слишком поглощены профессиональной деятельностью, не оставлявшей свободного времени для науки. Оставались университеты. Но и здесь прогнозы были далеки от радужных. Университетские профессора права и профессора истории были не связаны между собой, работая изолированно в своих научных сферах. В Иннах обучали лишь практической юриспруденции. Поэтому за два предвыпускных года научить студентов даже действующему праву было весьма проблематично, не говоря уже об истории права. Ф. У. Мейтленд вообще был не уверен в том, что студенты юридических факультетов были готовы осознанно воспринимать сложнейшие проблемы теоретической

¹¹ *Plucknett T. F. T. Op. cit.* P. 182, 189.

¹² Мейтленд страдал тяжёлым легочным заболеванием, и с 1896 г. по предписанию медиков вынужден был проводить холодные месяцы года за пределами Англии – на Канарских островах или Мадейре. Причиной его смерти в первом часу ночи 20 декабря 1906 г. стала острая форма пневмонии. См.: *The Letters of Frederic William Maitland / ed. by C. H. S. Fifoot. Cambridge, 1965. P. 189.*

юриспруденции, которые предусматривались университетской программой обучения. Они были слишком молоды, не имели жизненного опыта, их кругозор был узок и примитивен (Мейтленд настоятельно рекомендовал им больше читать, особенно газет, прежде всего «Таймс»)¹³, знания в различных научных областях поверхностны. Да и могло ли быть иначе, если теория, преподававшаяся в университетах, и практическая юриспруденция, которую они постигали в Иннах, не только не сопрягались, но прямо противостояли друг другу: профессора прилагали массу усилий, чтобы вложить в «пустые» головы студентов хоть какие-то знания, если не теории, то конкретных правил, которые они с трудом могли выучить, повторить, но не понять, а юристы Иннов советовали студентам не забивать себе головы теориями, предназначенными для детей, и упорно заниматься серьёзным делом – практикой¹⁴.

Система обучения, последовательность и очерёдность расположения правовых курсов не выдерживали критики: прежде, чем изучать общий курс теоретической юриспруденции, студентам следовало изучить римское право, право Англии, право Германии, уголовное английское право, а не наоборот. По наблюдениям Ф. У. Мейтленда, несовершенство существующей в Великобритании системы преподавания права в ближайшем будущем могло обернуться отсутствием достойной смены, сокращением профессорско-преподавательского корпуса. Теоретическая юриспруденция становилась всё более «неприбыльным», «невыгодным» занятием, утрачивала привлекательность для молодых людей и сдавала позиции исторической школе, составлявшей в Кембридже острую конкуренцию праву. Заслуга в этом принадлежала лорду Актону, который так высоко поднял статус исторической науки, что едва ли кто-то из юристов был способен сделать то же самое для права¹⁵. Ф. У. Мейтленд не надеялся на то, что молодые юристы в ближайшее время будут проявлять желание и интерес к написанию диссертаций по юриспруденции, и, если таковые всё же появятся, то не будут блистать умом и эрудицией. Он больше уповал не на выпускников юридических факультетов, а на стипендиатов-исследователей, но соответствующих стипендий в Кембридже и Оксфорде было слишком мало.

Таким образом, в инаугурационной лекции Ф. У. Мейтленд формулировал и раскрывал две фундаментальные проблемы: научную, приобретающую в его постановке и видении академическую широту и глубину, и образовательную, вытекающую из научной, но имеющую самостоятельное значение. Фокусом первой проблемы являлась история английского права, которую, по его убеждению, следовало отделить от действующего права и включить в общеисторический контекст, сделал

¹³ *Maitland F. W. Law at the Universities // The Collected Papers of F. W. Maitland. Cambridge, 1911. Vol. 3. P. 428.*

¹⁴ *Ibid. P. 428–429.*

¹⁵ *Ibid. P. 423–431.*

частью истории, так как английское право можно было понять только исторически. Суть второй проблемы состояла в том, чтобы университеты могли давать студентам право и ничего кроме права и называть это гуманитарным образованием. Университеты не обязаны дублировать деятельность Иннов в натаскивании студентов практическим навыкам в области юриспруденции. Никто не должен приходить в университет, чтобы просто изучить право. Университет может предложить большее, нежели обучение профессии, нечто такое, что не только сделает студента более хорошим юристом, но более хорошим человеком. Юриспруденция, преподаваемая в университетах, должна дать гуманитарное образование и оказать гуманизирующее влияние на людей в процессе изучения ими английского права. Изучение английского права может сделать студента счастливым человеком на всю жизнь, ибо таит в себе интерес к самому захватывающему из всех известных предмету исследования¹⁶.

Кембриджский историк Ф. У. Мейтленд в начале профессиональной деятельности, в 1883 г., предпринял безуспешную попытку получить лектуру в Оксфорде¹⁷. Оксфорд стал его первым выбором неслучайно. Ведь именно Оксфорд славился выдающимися историками и юристами. Там работали Э. Фримен, Дж. Фруд, С. Р. Гардинер, М. Крейтон, У. Стеббс. Спустя годы, уже будучи именитым профессором Кембриджского университета, Ф. У. Мейтленд охотно принимал приглашения читать лекции в Оксфорде, где его считали своим. С оксфордскими корифеями исторической науки исследователи последующих поколений сравнивали Ф. У. Мейтленда, справедливо указывая, что, несмотря на их талант, достижения и заслуги, каждому было чему поучиться у Ф. У. Мейтленда. По сравнению с ним Э. Фримену не доставало глубины и проникновенности, С. Р. Гардинеру – формы и искусности выводов, Дж. Фруду – исторической скрупулёзности и беспристрастности, М. Крейтон – слишком был склонен к парадоксам и нечёткости в исследовании, У. Стеббс слишком неуклюже излагал абстрактные идеи по-английски и неожиданно мог проявить робость или ограниченность¹⁸. В Оксфорде состоялась знаменательная встреча Ф. У. Мейтленда с П. Г. Виноградовым. Именно учёные Оксфорда написали первые биографии Мейтленда¹⁹.

Так судьбы Оксфорда и Кембриджа переплелись в судьбе одного учёного, посвятившего жизнь науке и преподаванию.

¹⁶ Ibid. P. 419–431.

¹⁷ *Hanbury H. G. The Vinerian Chair and Legal Education. Cambridge, 1958. P. 101.*

¹⁸ *Smith A. L. Frederic William Maitland. Two Lectures and Bibliography. Oxford, 1908. P. 52.*

¹⁹ *Smith A. L. Op. cit.; Fisher H. Frederic William Maitland. A Biographical Sketch. Oxford, 1910.*

Проблема возникновения регулярной школы в Европе и сравнительно-исторический метод М. М. Ковалевского*

Современные общественные науки уделяют большое внимание изучению социальных институтов, ставя это понятие в центр анализа общественной жизни. Как правило, насчитывают пять главных социальных институтов: семья и брак; государство; производство; образование; религия¹. Таким образом, образование относят к важнейшим социальным институтам, учитывая, что его характер во многом определяет облик современного мира.

Важное значение в этой связи имеет проблема исторического генезиса системы образования. Существует понятие «формального образования», предполагающее наличие в обществе специальных учреждений, осуществляющих процесс обучения². Появление его предпосылок специалисты связывают с цивилизациями Древнего Востока, которые дали первые образцы школ, и датируют начало этого процесса примерно V тыс. до н. э.³ Вместе с зарождением государственных структур и завершением дописьменного периода для подготовки интеллектуальной элиты (жрецов, чиновников, полководцев) начинает складываться особый социальный институт – школа.

Письменность возникла в Месопотамии из нужд государственного управления и религиозного культа, а позднее – торговли, из бытовых и других массовых потребностей⁴. Школы для обучения писцов появились здесь в III тыс. до н. э. Они получили название «домов табличек» (по-шумерски – эддубы). Первые школьные таблички появились в III тысячелетии до н. э. Клинопись наносилась на сырую глиняную табличку, которую затем обжигали. С начала I тысячелетия до н. э. вошли в употребление деревянные таблички, покрытые тонким слоем воска, на котором выцарапывали письменные знаки (в римскую эпоху восковые таблички стали называться церрами). Вначале эддубы появились при семьях писцов, а потом – при дворцах и храмах, где постепенно сложились и большие библиотеки (Ниппур, Ниневия). Универсальными приёмами

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-11-53003а/З

¹ Комаров М. С. Введение в социологию. М., 1994. С. 197. См. также: Батулин В. К. Социология образования. М., 2011. С. 9–11.

² Комаров М. С. Указ. соч. С. 272–273.

³ История педагогики и образования: От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учеб. пособие для пед. вузов / под ред. А. И. Пискунова. 2-е изд. М., 2001. С. 19–20.

⁴ См.: Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 181.

обучения в эддубах были запоминание табличек-моделей и изготовление табличек-упражнений путём заучивания текста наизусть и его переписывания. Эддубы впитали традиции патриархально-семейного, ремесленного воспитания и ученичества. Быт и учёба в них напоминали жизнь большой семейной общины. Возглавлял эддубу отец-учитель; остальные учителя именовались братьями отца. Сами ученики делились на младших и старших детей эддубы. Шумерский язык как язык религиозного культа и науки существовал и изучался в школах до I в. н. э., после чего клинопись вместе с шумерским и аккадским языками была окончательно забыта⁵.

В задачи школ Древнего Востока входило также формирование типа личности, её нормативных образцов⁶. Эта традиция была характерной чертой образовательной системы Древнего Египта, цивилизация которого отличалась сильным консерватизмом. Первичным звеном обучения была семья, а его целью – подготовка к профессии, которой традиционно занимались члены семьи. Учебные заведения возникали при храмах и дворцах царей и вельмож. Ученик должен был научиться правильно и красиво писать и читать, а затем – составлять деловые бумаги. Для этого следовало запомнить не менее 700 иероглифов, различать беглое, упрощённое и классическое письмо. В итоге ученик осваивал деловой стиль для светских нужд и уставный – для составления религиозных текстов. Уже в эпоху Древнего царства для письма использовали папирус, ставший позднее основным писчим материалом. Почти весь текст писали чёрной краской. Красную применяли для пунктуации и выделения главных фраз. Существовали свитки-пособия, которые переписывали и заучивали.

Нравственный престиж учителя и школы был очень высоким и в другом государстве Востока – Древнем Израиле. Школа почиталась там наравне с храмом, а пророки считались учителями народа. Главными предметами обучения у древних евреев были Тора и Талмуд. Произошла сакрализация текста Писания – Тору заучивали наизусть. Согласно иудейским мистическим представлениям, буква не только сакральна, но и бессмертна: «Можно сжечь свиток, но буквы неуничтожимы»⁷. В школах древнего Ирана и древней Индии изучались – соответственно – Авеста и Веды. Культ образования как части государственной политики уже в глубокой древности сложился в Китае, где основным предметом изучения в школах были трактаты, излагающие основы этико-политической системы конфуцианства – китайской государственной религии, сформировавшей

⁵ Дандамаев М. А., Клочков И. С. Древние цивилизации Месопотамии // Древние цивилизации / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989. С. 91.

⁶ Торосян В. Г. История образования и педагогической мысли. М., 2006. С. 35.

⁷ Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религии. М., 1998. С. 70.

актуальные и донныне принципы жизненной организации и управления Поднебесной, всё то, что принято именовать китайской традиционной культурой. Основанная на конфуцианстве система образования, как база официальной идеологии империи, просуществовала в Китае до начала XX в.

История европейской традиции института образования восходит к Крито-Микенской эпохе, когда письменность имела широкое распространение – существовали целые библиотеки табличек. Однако гомеровская Греция не знала ни грамотности, ни школьных форм обучения. В «Илиаде» (VI, 168–179) повествуется о том, как царь Арголиды Прет, замыслив погубить Беллерофонта, посылает героя с письмом в Ликию, к царю Иобату: «В Ликию выслал его и вручил зловещие знаки, много на гибель его начертав их на дощатом складне. ... Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть, кои принёс он ему от любезного зятя, от Прета. И когда он принял зловещие зятевы знаки, юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру...»⁸. С. Я. Лурье так комментирует этот эпизод: «С точки зрения Гомера, умение читать “зловещие знаки”, начертанные на табличке, – один из видов колдовства, вызывающий суеверный ужас рассказчика... В языке автора этой песни нет даже слова “читать”! Это единственное упоминание письма, и не может быть сомнения в том, что общество, слушавшее эту песнь, было совершенно безграмотным, и умение писать и читать считало чуть ли не волшебством. Единственным видом литературы были эпические поэмы, распевавшиеся под аккомпанемент кифары певцами-аэдами. Они частью заучивались наизусть, частью тут же импровизировались по старым образцам»⁹. При этом герои Гомера владеют яркой образной речью, знают мифы, деяния богов и предков, историю своего рода, поют и играют на музыкальных инструментах.

Общеизвестно, что истоки европейской системы образования, распространившейся по всему земному шару, восходят к классической древности. Древнегреческие концепции образования были различны: Сократ считал основой всякого образования добродетель; софисты – интеллектуализм, рассматривая его как залог жизненного успеха; для Платона целью образования было создание истинного человеческого сообщества, основанного, в духе Сократа, на добродетели; Аристотель идентифицировал мудрость и универсальное знание. Концепция Аристотеля, с её «посюсторонней» направленностью, приобрела решающее значение в формировании цивилизации Средневекового Запада.

⁸ Цит. по: Лурье С. Я. История Греции / сост., авт. вступ. ст. Э. Д. Фролов. СПб., 1993. С. 120.

⁹ Там же.

По замечанию Л. П. Карсавина, «в результате распространения римлянами эллинистической культуры Европа унаследовала от Рима некоторые основные элементы культурной жизни»¹⁰. Именно в Античности был впервые в общих чертах сформирован канон и структура учебных дисциплин, было положено начало институализации образования, включая появление регулярной (правильной) школы на основе преподавания «свободных искусств»¹¹. Платон выдвинул идею государственных школ, что было реализовано в эллинистическую эпоху. Именно тогда учебные заведения, подчинённые полисам или монарху, переживают расцвет, становясь хорошо организованными учреждениями со своим помещением, правилами внутреннего распорядка, библиотеками, театрами, регулирующими содержание образования, выбором учителя и заключением с ним соглашения. По характеру обучения римская школа мало отличалась от эллинистической. Однако цели римских учебных заведений были более прагматичны, что превращало их в типичные «школы учёбы», развившиеся в эпоху Средневековья в странах Запада.

В результате рецепции христианством античной образовательной традиции в Западной Европе уже в V–VII вв. складываются предпосылки для формирования регулярной школы¹². Со времени Миланского эдикта христиане получили возможность преподавать в тривиальных и грамматических школах, толкуя античную историю, литературу и философию с христианских позиций. Обучение, неразрывно связанное с нравственным воспитанием, стало пониматься как богоугодное дело, содержание образования – ориентироваться на Библию. В задачи образования входили катехизация и борьба с ересями. Хотя программу церковного обучения в общих чертах сформировал уже Аврелий Августин, первые церковные школы появились в Ирландии и Британии в VII в. Несмотря на то, что древнейший памятник германской письменности «Серебряный кодекс» (перевод Евангелий Ульфилой на готский язык) датируется VI в., письменность появляется в германских странах вместе с принятием христианства, соответственно – с VII по XIII в.

Мир западно-католического христианства отличали «посюсторонняя» направленность и выраженная роль светской культуры. Проявление трансцендентного Бога для католиков дано в действиях, в природном совершенстве мира. У истоков средневековой школьной

¹⁰ Карсавин Л. П. История европейской культуры. СПб., 2003. Т. 1. Римская империя, христианство и варвары. С. 72.

¹¹ См., в частности: Григорьева И. Л. Гуманитарная составляющая семи свободных искусств: от античной образовательной традиции к школьной (схоластической) // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. / отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2009. С. 80–84.

¹² См., в частности: Там же. С. 87–93.

традиции на континенте стояли деятели Каролингского Возрождения, возродившие практику преподавания «свободных искусств». Однако в раннее Средневековье сфера десакрализованного знания в качестве самостоятельной отсутствовала, светское знание играло подчиненную роль. Интеллектуальный переворот XII в., сделавший западноевропейский город средоточием образовательных усилий, привёл к появлению университетов, в деятельности которых ведущую роль играл схоластический метод. Уже расцвет соборных школ, основа «Возрождения XII века», продемонстрировал стремление усвоить главные уроки античной цивилизации: великие магистры намечали в своих трактатах пути и способы постижения человеком вселенной, пытались вписать индивида в контекст окружающей его среды, возрождали дух классической Древности, передавая в руки современников своеобразные интеллектуальные «инструменты» познания видимого мира. Схоласты культивировали логику: методы мышления и искусство спора, сыгравшие главную роль в формировании богословия как науки, основанной на дискурсивной мыслительной практике. На Западе сложилась прочная база для светской культуры, которая в эпоху Возрождения начала претендовать на самостоятельность¹³.

Со временем это привело к господству нового мировоззрения. После Французской революции 1789 г. победил принцип индивидуализма, ведущий к рационалистическому пониманию событий. «Теперь понятно, что “рационализм” – это такое мировоззрение, которое считает действительными лишь строгие всеобщие закономерности и исключает всё “иррациональное” (свободное, осмысленное, не связанное с жесткой каузальностью) как противоречащее требованиям разума. Ибо Просвещение и его наследники полагали, что с требованиями разума согласуется лишь такой ход событий, который строго детерминирован законами природы», – резюмирует итоги развития западноевропейской мысли О. Шпанн¹⁴.

Если романо-германские народы не приняли притязаний Византии на руководящую роль в христианском мире, то Восточная и Юго-Восточная Европа признали её духовное доминирование. Идеалу образованной личности в Византии соответствовало сочетание православного мировоззрения с литературно-гуманистической образованностью. Византийские учёные преподавали в основном риторику и другие дисциплины филологического цикла. В отличие от западноевропейских схоластов, традиция византийской учёности опиралась в основном на Платона. Византия обладала широкой сетью элементарных школ, представлявших собой христианизированное продолжение

¹³ Там же.

¹⁴ Шпанн О. *Философия истории*. СПб, 2005. С. 104.

эллинистической элементарной школы. Господствовала методика заучивания текста наизусть, оправданная, среди прочего, тем, что язык школы и книги отличались от разговорного греческого языка. В школьном обучении использовались традиционные учебные тексты античных школ (Гомер, басни и др.), дополненные Псалтирью и Житиями святых. В некоторых элементарных школах учили исключительно по Библии и сочинениям христианских писателей. Повышенное образование давали грамматические школы, где преподавали грамматику, риторику, диалектику и поэтику. Науки квадривия изучали немногие. Существовала и высшая школа – по юриспруденции, медицине, философии, однако не в форме университетской корпорации. Высшее богословское образование получали при монастырях, сохранивших важную роль в деле образования вплоть до XV в. Традиции монастырских форм образования восходили к концу античной эпохи, когда в восточных провинциях Римской империи стали создаваться христианские училища, во многом напоминавшие раввинские школы.

Античная традиция (Плотин, Прокл, Порфирий, Ямвлих) развивалась высшими философскими школами Греции, Малой Азии, Сирии, Александрии вплоть до закрытия их Юстинианом. Влияние языческого неоплатонизма на византийскую философскую мысль предопределило ориентацию в процессе воспитания и образования на мир вечных идей – не столько на мир внешний, сколько на познание самого себя и собственной души. Идеи в области образования определялись греческой патристикой: учениями Григория Богослова, Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста. Светскую образованность Василий Великий признавал полезной в земном мире и бесполезной в ином. Образ Божий, по его мнению, заключён в душе и уме человека. Знания, полученные посредством ощущений, полагал он, нельзя считать истинными. Главным условием правильного воспитания и образования является удаление от мирских дел, погружение в молитву и пост. По Иоанну Златоусту, главным источником знания является Библия. Максим Исповедник считал целью образования поэтапное слияние с Богом, а содержанием образования – Логос, Божественное Слово. Иоанн Дамаскин рассматривал «учение книжное», дающее ответ на вероучительные вопросы, как главное в образовательном процессе. Естественные знания, почерпнутые из античной литературы, могут, по его мнению, составить лишь начальный этап школьного образования. Симеон Новый Богослов (949–1022), мистик, философ и поэт, несмотря на блестящее светское образование, отрицательно относился к светской образованности, ратуя за монастырское обучение, в котором ученика ведёт выбранный им учитель-старец, поскольку целью обучения является не постижение наук, а мистическое просвещение во имя «обожения» (theosis) – евангельской

жизни «во Христе» и в «общении Святого Духа»¹⁵. Деятельность Симеона Нового Богослова, продолжая традиции «синайского исихазма», предвосхищала возрождение исихазма в XIV в., его догматическое закрепление.

В отличие от Западной Европы и Византии, средневековая Русь оказалась совершенно чужда секулярной культуре. Она приняла христианство позднее ряда стран континентальной Европы и, соответственно, позднее получила письменность. Древнейшим памятником восточнославянской письменности является Новгородская восковая Псалтирь, датируемая рубежом X и XI вв.¹⁶ Образование на Руси носило религиозный характер: обучение грамоте и обучение вере воспринимались как единый процесс. Пришедший из Византии исихазм принял на Руси форму личного поведения, духовным стержнем которого было православное благочестие¹⁷. «Русский народ был глубоко набожен, предан Церкви, от всего сердца почитал святыми все её обряды и установления. Поэтому ему более всего подходила такая педагогическая система, которая отличалась религиозным духом, носила ореол святости, утверждалась на слове Божьем. И вот древний русский человек заимствовал себе педагогическую систему из Библии, из боговдохновенных книг...» – отмечал П. Ф. Каптерев¹⁸. Образование на Руси, будучи тесно связанным с монашеской средой, имело своей главной целью воспитание человека в духе ценностей Православия¹⁹. Большое значение имело изучение Писания, отдельные книги которого – Псалтирь, Евангелия, Апостол заучивались преимущественно наизусть²⁰. «Аскетическая культурная установка сложилась у восточных славян под непосредственным влиянием греческих миссионеров, приезжавших из Византии на Русь... Исторические обстоятельства способствовали тому, что сугубо аскетическая духовность ... надолго закрепились в качестве

¹⁵ Мейендорф Иоанн, протоиерей. Византийское богословие. Минск, 2007. С. 7–10.

¹⁶ Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородская псалтирь начала XI в. – древнейшая книга Руси (Новгород, 2000) // Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 153–164.

¹⁷ Григорьева И. Л. Гуманитарная составляющая семи свободных искусств. С. 93–94.

¹⁸ Каптерев П. Ф. История русской педагогики. М., 2004. С. 20.

¹⁹ См., в частности: Григорьева И. Л. Гуманитарная составляющая семи свободных искусств. С. 93–94; Григорьева И. Л., Мельников Д. В. К вопросу о византийской традиции в богословии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 2009. С. 21–29. См. также: Каптерев П. Ф. Указ. соч. С. 20–26.

²⁰ См.: История педагогики и образования. С. 154 и др.; Каптерев П. Ф. Указ. соч. С. 51 и др.

культурной доминанты Древней Руси»²¹. Регулярная школа на Руси не существовала: её заменяло семейное обучение, у «мастеров грамоты», а также при монастырях²².

Регулярная школа – средняя и высшая – возникает в России лишь в конце XVII в., а её создателями явились учёные греческие иеромонахи братья Иоанникий и Софроний Лихуды²³, основавшие два учебных заведения – Московскую Славяно-греко-латинскую академию (1685 г.) и Новгородскую школу (1706 г.). Таким образом, почти тысячелетний временной разрыв между странами Запада и России в формировании одного из важнейших социальных инструментов современного мира налицо. Попробуем посмотреть на эту научную проблему с точки зрения метода основателя социологии в России М. М. Ковалевского. При этом, однако, отметим, что специально изучением социального института образования учёный не занимался.

Крупнейший русский социолог конца XIX – начала XX в., историк, правовед, этнограф, М. М. Ковалевский в годы профессионального становления сформировался как юрист, ориентированный на историю в её обобщённом виде. В методологии он был, подобно Конту и Спенсеру, сторонником эволюционизма и объективизма (в сочетании с признанием многофакторности всемирно-исторического процесса), пытаясь на этой основе синтезировать историко-социологическую мысль своего времени. Одной из центральных тем современной учёному русской социологической литературы было обсуждение проблем социальной динамики – эволюции и прогресса и, соответственно, возможностей применения историко-сравнительного метода. Ковалевский считал этот метод особенно эффективным, способным открыть основные законы функционирования человеческого социума и наметить основные этапы его развития. Он был сторонником идеи объективной закономерности исторического прогресса, возможности объективного и беспристрастного подхода к исследованию различных проявлений общественной жизни. Вся деятельность учёного имела своей целью стремление вывести русский народ на магистральную дорогу цивилизации.

Ковалевский формировался в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. под влиянием различных идейно-политических течений, из которых важнейшими были позитивизм и либерализм, а также – частично катедер-социализм и марксизм. Определённую роль сыграла и традиция

²¹ Темчин С. Ю. Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике. Krakow, 2010. Т. 5. С. 256.

²² См., в частности: Григорьева И. Л. Почему Древняя Русь не имела регулярной школы? // Духовные начала русского искусства и образования: материалы III Всерос. науч. конф. / сост. А. В. Моторин. Великий Новгород, 2003. С. 255–256.

²³ См.: Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. 2009. С. 216.

общественной жизни народнически ориентированной интеллигенции. Основываясь на своём сравнительно-историческом методе и теории прогресса, учёный написал множество работ по истории политической мысли и истории социологии, обеспечивших ему имя в мировой науке.

В создании историко-сравнительного метода Ковалевский опирался на труды Монтескье²⁴. Но при этом, изучая развитие политических и социальных учреждений, он идёт дальше него: «Сопоставительному методу, которым пользовался Монтескье, не под силу разобраться в этом сложном явлении. Здесь нужно приложение иного метода – сравнительно-исторического, который есть достояние нового времени и которому мы обязаны созданием современной сравнительной истории не только права и учреждений, но и мифов, легенд, сказаний и т. д.»²⁵

М. М. Ковалевский делает краткий экскурс в историю этого научного метода: «Известно, какое значение имел для всех описательных наук и прежде всего для биологии сравнительный метод. Без анатомии и сравнительной физиологии едва ли возможно было бы само построение науки о живых организмах. Новых путей в применении того же сравнительного метода ищет для себя и психология. Обращаясь к наукам, ставящим себе задачей изучение таких продуктов общественной жизни, как язык, религия, нравы, обычаи и учреждения, мы встречаемся с тем же сравнительным методом, как с главнейшим фактором их поступательного движения. ... Попытки применения его к области общественных явлений начались, прежде всего, в области филологии. ... Сравнительное языкознание – в настоящее время всеми признанная наука. ... Меньшим признанием пользуется сравнительная история религий. Долгое время она игнорировала тот необходимый способ проверки своих обобщений, какой представляет знакомство с верованиями и религиозной символикой народов диких и варварских. ... Вот почему сравнительная история религий сделала быстрый шаг вперед только с того момента, когда сравнительное изучение древних религиозных памятников арийских, семитических и туранских народов было восполнено таким же сравнительным изучением верований и культа современных отсталых народностей. С приобретением с помощью данных сравнительной этнологии эволюционной точки зрения, сказания, символы и обряды, над происхождением которых ломали себе головы сравнительные мифологи и лингвисты, пришлось признать пережитками порядков и воззрений, с большей полнотой раскрываемых в быте дикарей. ... Те трудности, какие стояли на пути сравнительно-исторического изучения религиозных представлений и обрядов культа, а также сказок, легенд, былин и всего,

²⁴ Ковалевский М. М. Социология: соч. в двух томах / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб., 1997. Т. I. С. 58.

²⁵ Там же. С. 59–60.

вообще, народного поэтического творчества, представились и тогда, когда предметом исследования сделались юридические обычаи и учреждения»²⁶.

«Таким образом, через всю историю человечества красной нитью проходит смена общественных и политических укладов. ... Основатели социологии доказали, что человеческие общества становятся сложнее и совершеннее параллельно раскрытию человечеством законов природы и всё большему и большему подчинению её собственным целям, благодаря переходу от априорного мышления к опыту, наблюдению и научному синтезу. ... Сравнительная история учреждений, отправляясь от основного закона социологии, закона прогресса, ставит себе задачей раскрыть одинаково и те перемены в общественном и политическом укладе, в которые вылился этот прогресс, и те причины, которыми он обусловлен»²⁷. «Сравнительная история права и учреждений наравне со сравнительным языкознанием, со сравнительной историей литературы, со сравнительной историей пластических искусств и музыки, сравнительной историей хозяйственного развития и т. д. принадлежит к числу конкретных наук об обществе. Она доставляет социологии материал для построения общей теории прогресса»²⁸.

Поступательное развитие общества, полагает учёный, объясняет наука о порядке и прогрессе человечества. Считая историю упорядоченным процессом, он был противником субъективизма в исторической науке. Веру в прогресс, который он отнюдь не считал автоматическим, Ковалевский сохранял в течение всей жизни, считая закон прогресса главным в социологии. При этом сущность общественного прогресса он связывал с ростом человеческой солидарности, которую пытался объяснить, обращаясь к биологии и социальной жизни животных. Не отрицая борьбы за существование, он полагал, что сфера борьбы будет сокращаться и исчезать, а солидарность крепнуть и расширяться. В будущем человечество станет единым союзом, где будет господствовать солидарность. Родовое единство, патриотизм, космополитизм – таковы, по его мнению, основные этапы развития чувства солидарности, соответствующие определённым историческим формам социального уклада²⁹.

На определённой стадии, полагал он, религиозные верования служат расширению солидарности, уступая затем место «гуманитарной», «положительной» философии. Большие надежды он возлагал на прогресс знаний, освобождающий от суеверий, распространяющий научное

²⁶ Там же. С. 60–64; 66–68; 71; 73–74.

²⁷ Там же. С. 79.

²⁸ Там же. С. 79–81.

²⁹ См.: *Козаков А. П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. СПб., 2006. С. 109–110.

понимание окружающего мира. По Ковалевскому, все народы участвуют в мировом прогрессе, все народы проходят одни и те же его стадии, хотя и не одновременно. Историческая дискриминация отдельных народов, по его мнению, недопустима³⁰.

Таким образом, Ковалевскому удалось развить сопоставительный метод Монтескье, используя приём соединения и сопоставления исторического и этнографического материалов. Под влиянием работ Г. С. Мэна учёный открыл специальный курс в Московском университете по сравнительной истории права. Он первым развил и применил этот метод в своих исследованиях, сопоставляя право исторических народов, зафиксированное письменными источниками, и право обычное, создаваемое при распаде первобытного общества. Его основными темами в изучении первобытной истории были: семья, род, община, история собственности. На этом пути он ввел в науку совершенно неизвестный ей кавказский и славянский материал. «Вы, конечно, позволите моему патриотизму русского заявить, что этнография славянского мира и стран, находящихся от него в зависимости, имеет капитальное значение для истории права», – так начинает учёный свою первую лекцию по истории семьи и собственности в Стокгольмском университете в 1890 г.³¹ «Всякое обобщение остаётся неполным, пока Восток не выдаст тайны происхождения социальных явлений. Конт ошибался, воздвигнув здание позитивизма только на истории римско-католического мира. Необходимо ввести в поле изучения жизнь Востока, особенно же славянского мира», – писал учёный³².

М. М. Ковалевскому принадлежит также важное место в ряду создателей генетической социологии, среди которых Л. Г. Морган, Д. Ф. Мак-Леннан, А. Пост, Г. С. Мэн, И. Бахофен, Э. Б. Тэйлор. Работы Ковалевского по генетической социологии принесли ему славу крупнейшего учёного с мировым именем. По его мнению, генетической социологией называется та «часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право»³³. Она изучает законы эволюции на основе конкретных фактов, в частности – добытых этнографией – «о быте отсталых, недоразвившихся племён, обыкновенно обозначаемых эпитетами: диких и варварских. ... Вопросы

³⁰ Там же. С. 112.

³¹ *Ковалевский М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с франц. С. П. Моравского; под ред. с предисл. и прим. проф. М. О. Косвена. М., 1939. С. 17.

³² Там же. С. 18.

³³ *Ковалевский М. М.* Понятие генетической социологии и ее метод // *Ковалевский М. М.* Социология. Т. I. С. 272.

генетической социологии ... имеют особый интерес для русских ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося в их руках и далеко ещё не разработанного, несмотря на целые поколения исследователей»³⁴. Генетическая социология занимается и миром «невидимым, духовным». Вера в его существование, вера «в посредническую роль между обоими мирами особых лиц – кудесников, чародеев, магов, или каким бы другим именем мы их ни называли, принадлежит к числу тех, которые встречаются у самых отсталых народностей земного шара»³⁵. И далее: «Из сказанного ясно, что каждому, занимающемуся генетической социологией, предстоит обращение одновременно к разным научным дисциплинам описательного характера и ко взаимной проверке выводов, добытых каждой из этих дисциплин в отдельности. Ему приходится одновременно быть знакомым и с историей религии, и с древнейшими правовыми институтами, и с народным литературным творчеством, и с пережитками, держащимися или державшимися в форме обычаев и обрядов не в одном современном быту, но и при тех порядках, которые отошли уже в область прошедшего. Но так как следы этого прошлого сохранились у одного народа в одной особенности, а у другого – в другой, то социологу, занятому воссозданием в уме того отдалённого периода, когда зарождались общественные отношения и складывались те учреждения, какими в широком смысле можно назвать одинаково и сумму верований, и сумму обычаев того или другого народа, необходимо вносить в общую сокровищницу все эти разбросанные следы архаических порядков»³⁶.

Таким образом, цель генетической социологии – проследить происхождение различных общественных институтов у различных народов, что, по мнению Ковалевского, создаст картину их типологического единства. По замечанию А. О. Бороноева, «генетическая социология, основанием которой служила этнография, была направлена на изучение эволюции социальных институтов в этническом “облике”»³⁷. Генетическая социология М. М. Ковалевского, предполагающая сочетание этнографических и социологических методов, представляет собой своеобразный вид социокультурной антропологии, включающей в себя поиск объективных закономерностей развития форм социальности, а также интерпретацию тех или иных норм «невидимого» духовного мира, связанного с переживаниями, верованиями, идеологиями и суевериями³⁸.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 274.

³⁶ Там же. С. 275; 286.

³⁷ *Бороноев А. О.* М. М. Ковалевский – первый русский социолог // Там же. С. 15.

³⁸ Там же.

В работе «Очерки по истории политических учреждений в России» М. М. Ковалевский высказывается о наиболее принципиальных, с его точки зрения, моментах русской истории. Так, в первой главе, посвящённой тому, «как сложилась Россия», учёный пытается ответить на вопрос: «В какой мере дух и учреждения Московского государства изменились под влиянием более передовых народов?»³⁹ Указывая на отсутствие просвещения в Московском царстве, он связывает это с влиянием на Россию византийской цивилизации и византийских теорий в эпоху правления Ивана III, констатируя: «Духовный склад народа развивался в значительной степени под влиянием восточного деспотизма, тяготевшего над ним в течение нескольких веков»⁴⁰. При этом он ссылается на мнения посетивших Московию иностранцев: Сигизмунда Герберштейна, Якова Маржерета, Антонио Поссевина и других⁴¹. «Спрашиваю себя, отсутствие ли просвещения в народе сделало необходимым тиранию правительства, или тирания сделала народ невежественным и жестоким?», – цитирует он Герберштейна, а далее – Поссевина: «Чтение и письмо им разрешены, другие знания преследуются правителями, чтобы легче было ими управлять». Как отмечают заезжие иностранцы, «русские стоят в храме по 16 часов, часто по ночам, полумёртвые от голода и бдения. Это чрезвычайная набожность укоренилась, главным образом, в результате брака Ивана III с Софьей Палеолог, что внушило москвитянам убеждение, что Москва – третий Рим». Приведённые мнения Ковалевский считает «преувеличениями», однако соглашается с ними в главном: «Коренная реформа, которую Пётр хотел провести в обществе и моральном быту нации, не могла быть совершена собранием людей, пропитанных религиозными суевериями и классовыми предрассудками, очень часто безграмотных и потому совершенно не заботившихся об образовании народа. Русские соборы, вероятно, первые представительные собрания, которые никогда ни словом не обмолвились о науке и искусстве»⁴².

Подводя итог проделанному анализу научной методологии М. М. Ковалевского, отметим, что исходя из применявшегося учёным сравнительно-исторического метода, его концепции генетической социологии, теории прогресса, которой он следовал, изучаемая научная проблема предполагает лишь одно решение: столь позднее появление регулярной школы в России, возникшей с более чем тысячелетним, по сравнению со странами Запада, опозданием, является фактом

³⁹ Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений в России. М., 2007. С. 33.

⁴⁰ Там же. С. 45, 83.

⁴¹ Там же. С. 84–86.

⁴² Там же. С. 88.

исторического отставания, проявлением архаики в общественной и духовной жизни Руси, обусловленным как рецепцией византийского религиозного наследия, так и традициями восточного деспотизма, присущими политическому строю страны. Представляется всё же, что, несмотря на плодотворность отдельных методов исторического исследования, разработанных М. М. Ковалевским, для решения указанной научной проблемы необходимы отказ от методологии позитивизма и эволюционизма, возникших на базе развития естественнонаучного знания, и применение ценностного подхода к историческим исследованиям, характерного, в частности, для младшего современника М. М. Ковалевского ученого-историка А. С. Лаппо-Данилевского.

Попутно также отметим отсутствие в исторической концепции М. М. Ковалевского специального анализа восточных цивилизаций. Между тем, образовательная концепция Древней Руси во многом напоминает образовательные модели стран Древнего Востока. Кроме того, на Руси существовали прочные традиции устной культуры, которые нуждаются в специальном рассмотрении и оценке. Всё это позволяет ставить вопрос о вариативности исторических путей человечества. Необходимо также учесть сокрушительную критику старой классической модели человека в современной философской литературе и попытки поисков новой антропологии (С. С. Хоружий и др.).

ИСТОРИЯ КНИГИ И БИБЛИОТЕК

О. Р. Хромов (РАХ)

К вопросу о формировании нового жанра в искусстве русской рукописной книги XVII–XVIII вв. (Гравюра в рукописях)

Русская рукописная книга прошла сложную эволюцию на протяжении своей многовековой истории. При этом, если её содержание оставалось традиционным, хотя и связанным с рядом изменений историко-литературного характера, то форма книги, её внешнее убранство и организация испытывали большее внешнее влияние и связанные с ним изменения, определяемые как материалом, так и орудиями письма. Отразились на облике русской книги и художественные явления, определяемые как развитием больших стилей, так и проявлением или появлением специфических художественных явлений, исключительно относящихся к искусству книги.

Вторая половина XVII в. и особенно последняя четверть дали нам такой пример изменения художественной формы книги, определившей появление особого жанра, связанного с её оформлением, и просуществовавшего в русской книге до XIX в. Это явление было порождено появлением и распространением гравюры на меди в русских рукописях.

Гравюра как средство украшения рукописной книги получила распространение в России с XVI в. Преимущественно это были ксилографии. Их появление и распространение во многом связано с началом книгопечатания. В типографской книге ксилография использовалась для украшения. Вслед за тем, как гравюра на дереве прочно вошла в русскую печатную книгу, она получает распространение и в книге рукописной. В большинстве случаев это были элементы книжного декора, заимствованные из печатных изданий, причём не только московских. Вместе с тем, в XVI в. появляется и оригинальная гравюра в украшении рукописной книги. Однако она не меняет художественного облика книги, не создает нового стиля украшения и оформления. Она соединяется с рукописным декором, дополняя, либо заменяя его. В настоящее время известен лишь один случай гравированного декора – оригинального набора заставок, по сути, просто заменивших их

рукописные варианты¹. Такое положение гравюры позволяет говорить о ней только как о новом техническом элементе украшения книги. Положение меняется лишь в последней трети XVII в. В определённой степени это было связано с изменениями орнаментальных стилей, появлением новых декоративных украшений книги и замены старой орнаментальной системы.

Новые орнаментальные стили появляются в московской рукописной книге уже в 50–60-х гг. XVII в., в это же время они проникают и в другие области декоративно-прикладного и изобразительного искусства². Их появление нередко связывают, например, с деятельностью белорусских резчиков в Москве в 1660–1670-х гг. при изучении «фряжских резей» в московских иконостасах и украшении новых царских палат западноевропейскими орнаментальными образцами, копируемыми русскими миниатюристами и иконописцами. Однако по сей день, несмотря на многолетние поиски, точных аналогов «фряжского стиля» (по определению В. Н. Щепкина) не найдено.

Очевидно, что для сложения новой орнаментальной системы в русской книге потребовалось время, очевидно, что её осознание и окончательное определение как единой художественной системы складывалось под воздействием различных влияний, среди которых важнейшее место занимали западноевропейские образцы, но, по всей вероятности, наши мастера заимствовали отдельные мотивы, модули, варианты, из которых сочиняли свои композиции. Это характерно в целом для работы любого мастера-орнаменталиста.

Появление новых орнаментальных мотивов в русской рукописной книге относится к 50-м гг. XVII в., а их зрелое осознание и систематическое употребление – к концу 60-х – 70-х гг. этого же столетия. Заметим, что в 1677–1678 гг., по наблюдениям А. С. Зёрновой, произошла полная смена орнаментики в изданиях Московского печатного двора³. Этими же годами датируется и начало деятельности Верхней типографии со своим особым, новым стилем оформления книги. К этому времени, по мнению А. А. Сидорова, относится и распространение гравюры на металле в Москве. Главным аргументом в этом утверждении известного учёного

¹ Турилов А. А. Из истории книгописания и книжной гравюры в Ярославле на рубеже XVI–XVII веков (сборники старца Авраамия – Антония Дьяконова и рукописи его круга) // 200 лет первому изданию Слова о полку Игореве: материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России, 27–29 августа 2000 г., Ярославль – Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 191–194.

² Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. М., 1998. С. 91–92.

³ Зёрнова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. С. 26.

было указание на отсутствие сведений о наличии металлографской мастерской в Москве до начала деятельности Верхней типографии⁴. Сегодня эта аргументация не может быть признана удовлетворительной. Открытие В. Г. Брюсовой металлографской мастерской на дворе Симона Ушакова разрешило окончательно вопрос о месте появления гравюры на металле в Москве в 60-е гг. XVII в.⁵

К концу 1660-х гг. относятся и первые гравированные на меди образцы, предназначенные исключительно для украшения русской рукописной книги. В этом отношении новая, редкая, неизвестная ранее и потому необычная, удивительная техника гравюры на металле оказалась более восприимчивой к новым орнаментальным стилям, получившим известность, вызвавшим живой интерес в Москве⁶. Именно гравюра на металле узаконила, утвердила и распространила их в русской рукописной книге XVII в. Конечно, первые образцы этого практически неизвестного ранее искусства находили место в книгах, создававшихся по заказам представителей высшего общества, и потому относятся к памятникам придворной культуры. Однако тиражность гравюры и стремление к распространению новой книги, определённых (новых) сочинений московскими книжниками, рассматривавших эту деятельность как своеобразную просветительскую миссию, привела к быстрому и широкому распространению гравюры, но только в следующем – XVIII столетии.

Гравюра на меди в умелых руках книжных мастеров XVII в. не просто внедрялась в книгу, заменив рукописные украшения, а изменяла её художественную форму, создав, таким образом, особый стиль и тип рукописной книги с гравюрами.

Если ранее до 60–70-х гг. XVII в. гравюра в рукописях лишь заменяла рукописные украшения либо дополняла их, то с этого времени гравюра в рукописной книге стала определять её внешность, менять её

⁴ Сидоров А. А. Графика XVII века // История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 498. В более ранней работе А. А. Сидоров склонялся к мысли о появлении в Москве «эстампной гравюры» в 60-х гг. XVII в., указывая, прежде всего, на офорты Симона Ушакова «Семь смертных грехов» и «Отечество» – 1665 и 1666 гг. Однако в этом же труде он утверждал, что лишь в конце 70-х гг. XVII в. у нас начинается «серьёзная работа» по освоению гравюры на металле. В работе 1959 г. А. А. Сидоров уже серьёзно сомневался в выпуске гравюр Симона Ушакова в 1660-х гг. в силу отсутствия сведений о деятельности металлографской мастерской в Москве до основания Верхней типографии в 1678 г. См. также: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 255, 256–258.

⁵ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 41. См. также: Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. С. 95.

⁶ Об отношении к гравированным изданиям в Москве XVII в. см. подробнее: Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. С. 91 и др.

художественный облик, создавая типическую форму, своеобразный художественный шаблон-структуру книги. Специально для этой цели стали создаваться гравированные заставки-рамки, которые организовывали новую художественную структуру рукописной книги, дополняемую другими гравированными и рукописными украшениями. Наиболее ранняя гравированная рамка-заставка встречается уже в рукописи 1670 г.⁷ Однако на протяжении почти десятилетия она практически не употреблялась книжниками.

Настоящий всплеск и широкое проникновение гравюры в рукописную книгу начинается в 80-е гг. XVII в. Любопытно, что это совпадает с активной сменой орнаментики в печатной книге. Так же, как в типографской в гравированной орнаментике, появляются четырёхконечные кресты, которые, по мнению А. С. Зёрновой, отличали новоисправленную книгу от старой (до Никоновской). Возможно, появление в богослужебной рукописной книге новой орнаментики имело тот же смысл: наглядно, ясно указывать на новоисправленный текст в отличие от старообрядческого⁸.

60–70-е гг. XVII в. можно охарактеризовать как время появления и постепенного проникновения гравюры на меди в рукописную книгу. Это время первого серьёзного взаимодействия двух художественных форм, определения и выбора «высокоинтеллектуальной», по словам А. С. Зёрновой, орнаментики. 1680-е гг. – период интенсивного создания гравированной орнаментики для рукописной книги, призванной сопровождать любые создаваемые рукописи, обеспечить их ясный художественно-символический образ, придать книге единую органичную художественную форму.

В эти годы, кроме традиционной сюжетной иллюстрации, создаются целые серии, своеобразные комплекты для определённых типов книг гравированных заставок-рамок с сюжетными средниками в заставках и просто орнаментальных рамок-заставок, вобравших в себя всё множество новых орнаментальных мотивов и форм, получивших распространение в новой интеллектуальной московской книжности⁹.

⁷ РГАДА. Ф. 188/1. Д. 1028. Л. 1. Рукопись «Венец Веры Кафолической» Симеона Полоцкого 1670 г. Благодарю за указание на этот оттиск Е. А. Мишину.

⁸ Зёрнова А. С. Указ. соч. С. 26.

⁹ О распространении гравированных рамок-заставок см.: *Винокурова Э. П.* К вопросу о генезисе поморского орнамента // *Литература Древней Руси. Источниковедение.* Л., 1988. С. 259–289; *Хромов О. Р.* Русская лубочная книга XVII–XIX веков. С. 101–103; *Мишина Е. А.* Гравированные рамки-заставки XVII века // *Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII века.* Ростов, 2006. С. 270–279; *Хромов О. Р.* Гравированные заставки-рамки в рукописных книгах XVI–XIX вв. (Принципы описания и составления каталога-определителя) // *Записки НИОР РГБ.* М., 2010. Вып. 54.

Многообразие награвированных рамок-заставок определяло и их издание специально для различных форматов рукописных книг: в 8°, 4°, 2° доли листа. Конечно, более всего вариантов было изготовлено для книг в 4° долю листа. Чтобы представить многообразие и масштабность этого явления, укажем, что в XVII в. было исполнено для получения гравированных рамок-заставок, по самым условным данным, более 50 досок. С каждой из этих досок тиражом в среднем около 1000 экземпляров было осуществлено до 1700 г. три-четыре издания, хотя это достаточно приблизительные данные, ясно, что такое количество гравированных украшений исключительно для книг могло быть сделано только при условии их чрезвычайной востребованности в интенсивной книгописной деятельности.

В последнее двадцатилетие XVII в. гравированные заставки-рамки использовались уже не только в Москве. Они привозились в другие города, например, Холмогоры, где их можно увидеть в рукописях архиерейского скриптория. В эти годы гравюра достаточно быстро распространяется по стране, и всё же она остаётся ещё дорогим, не доступным каждому, по-своему редким украшением. Неслучайно рукописи с гравюрами этого времени, как правило, созданы по заказам представителей высшей иерархии, состоятельной и аристократической части светского общества. В этом смысле частое утверждение, что гравюра появилась в книгах тогда, когда не было хороших иконописцев и миниатюристов, глубоко ошибочно для XVII в. Ярко характеризует этот факт история Синодика патриарха Адриана. Книга была вложена им на помин души в московский кремлёвский храм Двенадцати апостолов¹⁰. Синодик состоит из рукописной части, созданной задолго до смерти патриарха Адриана, ещё во время патриаршества Иоакима, дополнена рядом новых предисловий и гравированной частью с рукописными дополнениями. Среди гравюр листы первого издания Синодика Леонтия Бунина, несколько гравированных рамок-заставок, среди которых рамка с поминанием рода патриарха Адриана и его портретом в заставке. Очевидно, что патриарх мог призвать любого из иконописцев, но он остановил свой выбор на гравюрах Л. К. Бунина. Подобных фактов можно найти много. Они свидетельствуют в пользу того, что выбор и использование гравюры в рукописной книге, кроме тиражных достоинств, определялись особым эстетическим пониманием гравюры в книге, её высокой оценкой как художественного элемента книги, что, конечно, сыграло важную роль в формировании нового типа рукописной книги с гравюрами.

Важную роль в формировании нового типа в искусстве рукописной книги играло символическое толкование гравированных украшений, их, в ряде случаев, изначальное назначение для определённых типов книг. Мне

¹⁰ ГИМ. Синод. собр. № 291.

известны многочисленные примеры, когда книжный мастер вырезает, заклеивает сюжетное изображение в среднике заставки и вписывает в него, например, крест. Эти факты указывают на сознательное отношение мастера к орнаментальным украшениям рукописи, их сочетание с текстом. Даже в тех случаях, когда мы видим идентичность орнаментики в сюжетных рамках-заставках, всегда есть небольшие различия, акценты, позволяющие подчеркнуть, поддержать смысл сюжета, либо его толкование. Например, две идентичные по орнаментике заставки-рамки с изображениями Св. Троицы и Успения Богоматери в средниках заставки различаются только композициями в базах колонок. В первом случае изображены пышные расцветающие цветки, во втором – поникшие лилии или тюльпаны. Очевидно, что художник, обращавший внимание на столь малозаметные детали, делал это сознательно и понимал смысл орнаментальных композиций, окружавших конкретные изображения и сопровождавший конкретные тексты. Смысл орнаментики, скрытый от нас в значительной степени сегодня, понимал и книжный мастер. Поэтому мне представляется абсолютно исчерпывающей характеристика типографской орнаментики, данная А. С. Зёрновой, полностью применимая и для гравированных украшений рукописей как «высокоинтеллектуальной орнаментики»¹¹.

Появление многообразия гравированных украшений для рукописных книг, их конкретное назначение, внутреннее содержание, наконец, эстетическая оценка гравюры позволяет говорить о 1680–1700 гг. как времени окончательного формирования жанра рукописной книги с гравюрами. В этот период появляются и мастера такой книги, создавшие шедевры жанра. Среди них можно назвать Диомида Яковлева сына Серкова, Никиту Михайлова Москвитина, работавшего в Соловецком и Антониево-Сийском монастырях в начале XVIII в., соловецкого мастера иеромонаха Иосифа Мяснова и др.¹²

¹¹ Зёрнова А. С. Указ. соч. С. 26.

¹² О рукописях Диомида Серкова см.: Буланин Д. М., Турилов А. А. Серков Диомид Яковлев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII). Ч. 3. П–С. С. 351–354; Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. С. 96–99, 110; Семячко С. А. Об автографах Диомида Серкова и сборнике «Крины сельные» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. LIV. С. 613–622; Хромов О. Р. Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XIX веков. Каталог коллекции Отдела письменных источников Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. М., 2010. № 111. Укажем также несколько рукописей Никиты Михайлова (РО БАН, С. 224; ОР РНБ. Соловецкое 592/611; НИОР РГБ. Ф. 354. № 149); наконец, рукописи иеромонаха Иосифа Мяснова (ГИМ. Собр. Щукина. № 511; Епархиальное № 942). См. о нём и его рукописях: Панченко О. В. «Акафист Ангелу Хранителю» и его создатель соловецкий священноинок Иосиф Мясной // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. LX. С. 473–508.

В XVIII столетии продолжается развитие жанра и его окончательное оформление в искусстве рукописной книги. Принципы украшения книги гравюрами в целом сохраняются. Однако интеллектуальный уровень выбора и сочетания орнаментальных форм, сюжетных иллюстраций существенно снижается. В это время мы более сталкиваемся с устоявшейся традицией, определившей форму отдельных книг. Причём последние нередко тиражируются в рукописной форме, повторяя, копируя гравированный декор рукописной книги с гравюрами. Прежде всего, это относится к певческим рукописям, известным под названиями Октоих, Праздники. Любопытно, что в них мы встречаем как гравюры XVII, так и XVIII в.

В XVIII в. искусство рукописной книги и гравюры в рукописях по-прежнему многообразны. Эта эпоха дала нам не только копии произведений XVII столетия, но и новые самостоятельные композиции в духе характерных для времени орнаментальных форм в стиле барокко, рококо и даже классицизма¹³. Заметим, что эти же формы и близкие гравированным повторялись в украшениях переплётов XVIII в.

Гравированные украшения XVII в. не исчезли из книжного обихода. Во второй половине XVIII в. заставки-рамки Василия Андреева и Леонтия Бунина были вновь скопированы в технике офорта и обрели новую жизнь в рукописях. Их мастер копиист оставил нам свою подпись «рещ а к» («рщ. А К»). Все эти факты ясно говорят о том, что в XVIII – начале XIX в. тип рукописной книги с гравюрами не только получил новые орнаментальные формы, но и окончательно определился, занял своё место в книжной культуре России Нового времени.

Обычно в рассуждениях о рукописной книге Нового времени говорят исключительно о старообрядческой рукописной традиции как связующей Древнюю и Новую Русь, хранившую глубинную культуру народа. Однако изучение жанра рукописной книги с гравюрами позволяет говорить о том, что рукописная книга в эпоху Нового времени не являлась исключительным достоянием старообрядческой книжной культуры.

Рассматривая рукописи с гравюрами, в них нередко обнаруживаешь листы со следами обжима доски по размеру, соответствующему помещённым в рукописи гравюрам. Такой лист использовался при печати гравюр, накладывался в качестве прокладки под сукно на лист, на котором отпечатывался оттиск с доски. Помещение такого листа в кодекс с текстом указывает на то, что переписка рукописных книг, их создание было

¹³ В целом, стилевое развитие орнаментики в гравированном декоре рукописной книги близко наблюдениям В. Н. Щепкина. См.: *Щепкин В. Н.* Русская палеография. 3-е изд. М., 1999. С. 89–96.

непосредственно связано с металлографской мастерской, в которой печатались гравюры для книги. Можно расценивать этот факт и как указание на книжный центр по изготовлению рукописной книги, в составе которого находилась гравёрная мастерская. Заметим, что большинство таких рукописей – певческие, попытки печати которых подвижными литерами оказались непродуктивными, а издание их в форме цельногравированных книг – предприятием дорогим и потому экономически невыгодным. Именно поэтому создание этих книг до распространения литографии и фоторепродукционных техник печати оставалось в традиционной с XVII в. рукописной и рукописно-гравированной форме.

Продолжая краткий и общий обзор темы, не вдаваясь в конкретные детали и многообразие применения гравюры в рукописной книге Нового времени, можно отметить, что на протяжении XVIII–XIX вв. рукопись в сочетании с гравюрой сохраняла актуальные позиции в книжной культуре, создав особый жанр книги, прежде всего, там, где применение типографской печати было технически сложно, а цельногравированная форма оказывалась экономически невыгодной – дорогостоящей.

В силу сказанного можно думать, что изучение функционирования в обществе Нового времени рукописной книги позволит увидеть полноценную картину развития книжной культуры России.

Книги-ученические награды XVII–XVIII вв.: учебные заведения Франции

Традиция награждения лучших учеников учебных заведений книгами появилась, вероятно, ещё до изобретения книгопечатания. Однако закрепилась эта традиция позже, когда стоимость таких наград позволила сделать награждения массовыми. К сожалению, немногочисленность сохранившихся «наградных» экземпляров не позволяет охарактеризовать репертуар изданий, предназначенных для поощрения учащихся. Как правило, в большинстве светских учебных заведений XVII–XVIII вв. предпочтение отдавалось античным авторам, в духовных (прежде всего – иезуитских) – богословской литературе¹. Каждая награда снабжалась особым наградным листом, в котором указывались, помимо персональных данных, категория ученического состязания (как правило, участники соревновались в сочинении латинских речей либо в переводах с греческого на латынь, реже – с французского на латынь), время и место вручения книжного приза. В крупных учебных заведениях наградные листы готовились заранее – в печатной форме – и экзаменатор заполнял от руки только пустые строчки. В большинстве случаев экзаменатором был один из руководителей заведения; последний и заверял наградной лист. Наградной экземпляр книги брали, судя по всему, из библиотеки данной школы и переплетали в дорогой переплёт с украшениями.

Ниже описаны экземпляры, полученные учениками-победителями школьных (студенческих) состязаний различных учебных заведений Франции XVII–XVIII вв. Следует отметить, что речь идёт как о слушателях подготовительных отделений (пансионах) при коллегиях Парижского университета, которые посещали *классы (ordine)*, так и о собственно студентах, которые осваивали *ступени (sholae)*. В них учащиеся были приписаны к различным *коллегиям (collegium)*; последние возникли в Средневековье как общежития студентов и впоследствии получили статус самоуправляемых филиалов университета. Судя по формулярам наградных листов, конкурсные состязания учащихся проходили именно на общих собраниях коллегий, но не в рамках факультетов университета.

Здесь представлены книжные награды, полученные как в стенах древнейших коллегий, ведущих свою историю с первых веков существования Парижского университета, таких как Наваррская

¹ Королёв С. В. Сочинения по античности и труды античных авторов – ученические награды // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2008. Вып. 7. С. 467–490.

(осн. в 1305 г.), д'Аркур (осн. в 1311 г.); Плесси (осн. в 1323 г., в 1646 г. объединена с коллегией Сорбонны), Деламарш (осн. в 1360 г.) или Дорман-Бовэ (осн. в 1370 г.), так и сравнительно новых коллегий: Грассен (осн. в 1569 г.) и Четырёх наций (осн. в 1661 г., открыта в 1688 г. под именем Коллегии Мазарини).

Кроме того, описаны 6 наградных экземпляров, вручённых в стенах парижской Коллегии Людовика Великого – одного из престижнейших учебных заведений Франции той эпохи, основанного иезуитами в 1561 г. под названием Клермонтской коллегии, а также награды, полученные учениками иезуитских коллегий в Бурже (осн. в 1573 г.), Руане (осн. в 1592 г.) и Лионе (осн. в 1607 г.). Светские учебные заведения представлены Королевской коллегией в Шартре (осн. в 1572 г.) и военной школой в Тироне (основана бенедиктинцами из конгрегации св. Мавра в XVII в.)².

Выявленные в фондах РНБ книги-ученические награды описаны в следующем порядке:

- оригинальное название учебного заведения и дата вручения награды;
- персональные сведения об ученике-лауреате и его статус (У);
- оригинальная категория учебного состязания; рукописные вставки в печатную форму даны курсивом (К);
- фамилия и должность экзаменатора, подписавшего наградной лист (Э);
- описание наградного экземпляра и переплёта (дано после астериска);
- источник поступления экземпляра в РНБ – при возможности установления (И);
- шифр РНБ.

Издания расположены согласно дате выдачи наградного листа.

1. Коллегия д'Аркур (*Collegium Narcourianum*), 1600-е гг.

(рукоп. форма повреждена)

*Valeriano Bolzani, Giovanni Pierio.

<...> *Hieroglyphica seu de Sacris Aegyptorum aliarumque gentis commentarii* <...>. Lugduni: Sumptibus Pauli Frelon, 1610. 2°. [xliv], 644, [44], 100, 212, [7] p.

² Сведения об учебных заведениях и преподавательском составе извлечены из следующих изданий: *Vallet de Viriville. Histoire de l'instruction publique en Europe et principalement en France*. Paris, 1849; *Jourdain Ch. Histoire de l'Université de Paris au XVII-e et au XVIII-e s.* Paris, 1862; *Franklin A. Les Ancienes bibliothèques de Paris*. Paris, 1867–1873. Т. 1–3; *Dictionnaire géographique et administratif de la France et de ses colonies* / publ. sous direction de Paul Joanne. Paris, 1890–1905. Т. 1–7; *Fouqueray H. Histoire de la Compagnie de Jésus en France*. Paris, 1910. Т. 1–2; *Irsay S. d'. Histoire des universités françaises et étrangères*. Paris, 1935. Т. 1–2.

Переплёт телячьей кожи; корешок украшен позолоченным тиснением королевских лилий. Крышки снабжены тиснением позолоченной монограммы коллегии: «СН» под королевской короной.

И: собрание ректора Санкт-Петербургской семинарии Иннокентия (Дубравицкого) (автограф, датированный 15 января 1793 г.)

РНБ: А-6/17.

2. Королевская Наваррская коллегия (*Collegiae Regiae Navarrae*), 8 августа 1604 г.

У: Savoye, Gabriel, 2-я ступень.

К: «*secundum strictae latinae orationis praemium*» (печат. форма).

Э: Jean Guignard (принципал коллегии).

*Vergilius Maro, Publius.

P. Virgilii Maronis Opera, quae quidem extant, omnia: cum veris in Bucolica, Georgica, & Aeneida Commentarijs Tib. Donati & seruij Honorati, summa cura ac fide à Georgio Fabricio Chemnicense emendatis. <...>. Basileae: Per Henricum Petri, <1561>. 2°. [xiii] ff, col. 1–2174; index.

Переплёт телячьей кожи; обрез позолочен. На крышках переплёта – позолоченное тиснение герба короля Генриха IV.

РНБ: 7.5.1.69.

3. Иезуитская коллегия св. Марии в Бурже (*Collegium Bituricense Societati Jesu*), 5 августа 1638 г.

У: Joseph de Saint-Gelais de Lusignac (статус не указан)³.

К: «*in secundum carminis latini praemiae in rhetorica*» (рукоп. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: Joannes Alexander (студенческий префект).

*Turnèbe, Adrien.

<...> *Adversariorum libri XX, in quibus variorum auctorum loca inricata explicantur, <...>. Avreliopoli: Excudebat Petrus Quercetanus, 1604. 4°. [viii], 694, [75] p.*

Переплёт телячьей кожи, корешок и крышки украшены позолоченным тиснением в виде геометрического орнамента. На крышках – гербовый суперэкслибрис XVII в. неустановленного владельца, кавалера ордена св. Михаила.

И: собрание знаменитых польских библиофилов Анджея-Станислава (1695–1758) и Юзефа-Анджея (1702–1774) Залуских.

РНБ: 7.10.12.2.

³ Представитель знатного рода из Пуату. См.: [Aubert de La Chenay Des Bois, Fr.-A.] *Dictionnaire de la noblesse*. 2e éd. Paris, 1778. Т. 12. P. 445.

4. Иезуитская коллегия в Руане (Collegium Rothomagensis Societati Jesu), 3 августа 1639 г.

У: Thomas Corneille, 3-я ступень⁴.

К: «*secundus solutae orationis Graecae praetium*» (рукоп. форма; печать коллегии на кустодии). Награда выдана от имени Жака Тюрго, советника Руанского Парламента в середине XVII в.

Э: Jacques Lemerier (студенческий префект).

*Théophraste.

<...> Theoprasti Notationes morum. Isaaci Casaubonis recensuit, in Latinum sermonem vertit, & Libro commentario illustravit. Editio ultima recognita <...>. Lugduni: Apud viduam Ant. de Harsy, 1617. 8°. [xvi], 367, [15] p.

Переплёт телячьей кожи; обрез позолочен. Крышки снабжены позолоченным суперэкслибрисом Тюрго.

И: собрание Залуских.

РНБ: 7.23.6.29.

5. Коллегия Грассен (Grassin), 1641 г.

У: François Doujat, 5-я ступень.

К: «*secunda praetium*» (рукоп. форма).

Э: Coqueret (доктор теологии и принципал коллегии).

*Aristoteles.

<...> Rhetoricorum libri tres. Ejusdem. De Poetica liber unus. Parisiis: Apud Ioann. Libert, 1629. 8°. [iv], 550, 86 p.

Переплёт телячьей кожи; обрез позолочен. Крышки снабжены сплошным позолоченным тиснением орнамента в виде королевских лилий. В центре крышек – герб Пьера Грассена, основателя коллегии.

РНБ: 7.15.6.15.

6. Иезуитская коллегия Людовика Великого (Collegium Claeromontanum), 27 августа 1644 г.

У: Jean Verry, 2-й класс.

К: «*latina carminum*» (рукоп. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: Pierre Deschamps-Neufs (Boriau, *dit*) (1602–1675) (студенческий префект).

*Quintus Horatius Flaccus.

<...> Opera omnia, a Petr. Gualt. Chabotio viro in omni literatura perrectissimo <...>. Nunc verò a I. Iac. Grassero <...>. emendata & illustrata. 3 pts en 1 vol. Colon. Munatianaе <Basel>: Apud Ludovicum Regem, 1615. 2°. [xxx], 545 + [ii], 231 + [ii], 274, [48] p.; titre gr.

⁴ Обладатель награды – впоследствии знаменитый комедиограф Тома Корнель (1625–1709); подробнее об этом экземпляре см.: Альбина Л. А. Книга, принадлежавшая Тома Корнелю // Книга: исследования и материалы. М., 1993. Сб. 66. С. 219–224.

Переплёт телячьей кожи; обрез позолочен. Бинты снабжены позолоченным тиснением монограммы «L» под королевской короной, крышки – гербом Людовика XIII.

И: Д. Г. Гинзбург (1857–1910), русский ориенталист и библиофил (экслибрис конца XIX в.)

РНБ: А-6/47.

7. Иезуитская коллегия Людовика Великого (Collegium Claeromontanum), 1664 г.

У: Renè-François Coustol, 5-й класс.

К: «*primus ad praemium doctrina christiana*» (рукоп. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: Briet, Philippe († 1668) (студенческий префект).

*Le Brun, le P. Laurent.

<...> *Juventus Sancta, variis opusculis ad juventutis institutionem spectantibus aucta*. Parisiis: Apud Sebastianum Cramoisy, & Sebast. Mabre-Cramoisy, 1664. 4°. [xvi], 902, [15] p.

Переплёт телячьей кожи; обрез позолочен. Бинты снабжены позолоченным тиснением монограммы «L» под королевской короной, крышки – гербом Людовика XIV.

И: собрание Залуских.

РНБ: 15.51.7.34.

8. Королевская Наваррская коллегия (Collegiae Regiae Navarrae), 9 августа 1669 г.

У: Jean-Étienne Volland, 2-я ступень⁵.

К: «*primum strictae orationis praemium*» (печат. форма).

Э: Nicolas Tavernier (1620–1698) (директор коллегии, впоследствии – ректор университета).

**Adagiorum chiliades quatuor cum sesqui centuria*, Des. Erasmi Roterodami. <...> *Henrici Stephani animadversiones in Erasmicas quorundam adagiorum expositiones*. <Genevae:> Oliva Roberti Stephani, 1568. 2°. 32 ff; col. 1–1126.

Переплёт телячьей кожи; обрез позолочен. Бинты снабжены позолоченным тиснением монограммы «MN» под королевской короной, крышки – гербом Маргариты Наваррской, основательницы коллегии.

⁵ Обладатель награды – Жан-Этьен Воллан († 1719), впоследствии – советник Парижского парламента и главноуправляющий соляными откупами Франции. Он был дедом Софи (Луизы) Воллан, подруги и многолетнего корреспондента энциклопедиста Дени Дидро. Подробнее об истории экземпляра см.: Королёв С. В. Книги-ученические награды лиц из окружения Дени Дидро // Книга: исследования и материалы. М., 2005. Сб. 83. С. 315–317.

И: Предположительно – библиотека Дени Дидро; Императорская Эрмитажная иностранная библиотека (гравированный экслибрис начала XIX в.)

РНБ: 36.7.1.5.

9. Коллегия Сорбонна-Плесси (Collegiae Sorbonna Plessae), 20 августа 1680 г.

У: Louis de Vitry (статус не указан)⁶.

К: «*secundum solutae orationes Latina praemium*» (рукоп. форма).

Э: Gobinel (директор гимназии при коллегии).

*Auctores Latinae linguae in unum redacti Corpus: Quorum auctorum veterum & neotericorum elenchum sequens pagina docebit. Adjectis notis Dionysii Gothofredi I. C. Una cum Indice generali in omnes Auctores. S. Gervasii: Apud Iacobum Chouët, 1602. 4°. [iv] f.; col. 1–1294; [xxxvi] f.; col. 1–106; titre grave.

Переплёт телячьей кожи; корешок утрачен. Крышки снабжены позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента и королевских лилий. В центре крышек – тиснение супреэкслибриса коллегии – монограммы «PS».

И: собрание Залуских.

РНБ: 7.50.3.6.

10. Королевская коллегия в Шартре (Collège Rolyale de Chartres chez Rosquet), апрель 1693 г.

У: Pierre Bonnel jr. (статус не указан).

К: «*orationis Graecae praemium in Rhetoricâ jurementium*» (рукоп. форма).

Э: Cordier (суперинтендант коллегии, каноник и бакалавр Сорбонны).

*Lambin, Denis.

In Q. Horatium Flaccum, Dionysii Lambini Monstroliensis Regii professoris, Commentarius locupletissimus. Sexta et postrema editio emendatissima, <...> Ps. I–II. Aureliae Allobrigorum: Excudebat Petrus de La Roviere, 1605. 4°. [xvi], 255, [xviii], 351 p.; titre grave.

Переплёт телячьей кожи; крышки и корешок украшены позолоченным тиснением в виде королевских лилий.

И: Никола Бургонь (Бургундиус) (1586–1639), бельгийский историк и правовед, профессор в Ингольштадте (автограф на титульном листе).

РНБ: 7.68.2.13.

⁶ Обладатель награды – Луи де Витри, который в 1686 г. выступил с поздравительной речью в Коллегии Деламарш. См.: Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale. Paris, 1975. T. 212. Col. 839.

11. Иезуитская коллегия Людовика Великого (Collegium Claeromontanum), 3 августа 1694 г.

У: Philippe Padeloup (4-й класс младшей школы)⁷.

К: «*praemiae doctrinae christiana primus accessit*» (рукоп. форма).

Э: Charles [Hallot] de Mérrouville, (студенческий префект).

*Panegyrici veteres, interpretatione et notis illustravit Jacobus de La Baune Soc. Jesu. Jussu Christianissimi Regis, ad usum Serenissimi Delphini. Parisiis: Apud Simonem Bernard, 1676. 4°. [xxiv], 350 p., index; frontisp. grave.

Переплёт телячьей кожи, корешок позолочен.

И: собрание Залуских

РНБ: 7.15.4.19.

12. Иезуитская коллегия Людовика Великого (Collegium Claeromontanum), 1690-е гг.

У: Étienne Quiquebeuf<?> (2-й класс).

К: «*Latine sermoni in gallicum conversi in secundo ordine praemium*» (рукоп. форма).

Э: [Charles Hallot] de Mérrouville (студенческий префект).

*Jésus en son bas aage, pour servir de modelle à la jeunesse chrestienne. Par un P. de la Compagnie de Jésus. 2e éd. T. I. Paris: Gaspar Meturas, 1660. [xlviiii], 262 p.

Переплёт телячьей кожи, корешок позолочен.

И: собрание Залуских.

РНБ: 36.62.9.14.

13. Иезуитская коллегия Людовика Великого (Collegium Claeromontanum), 1690-е гг.

У: Louis-Charles Le Quin (Leguin?) (статус не указан).

К: «*primum inter veteranos solutio orationis praemium dedit*» (рукоп. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: [Charles Hallot] de Mérrouville (студенческий префект).

*Varia de variis argumentis Carmina a multis è Societati Jesu. 8 pts en 1 vol. Parisiis: Apud Viduam Simonis Bernard, 1696. 8°.

Переплёт телячьей кожи, корешок снабжён позолоченным узором.

И: собрание Залуских.

РНБ: 6.78.120.

⁷ Возможно, этот студент принадлежал семье знаменитых переплётчиков Паделу, однако в сведениях о деятельности Филиппа Паделу 2-го (1680–1765) нет указаний на его учёбу в школах Парижского университета. См.: *Thoian E. Les Relieurs français (1500–1800)*. Paris, 1839. P. 361.

14. Неустановленное учебное заведение, 10 августа 1703 г.

У: Catherine Oudouart (2-й класс для девочек).

К: «*la solemnelle distribution des prix*» (рукоп. форма).

Э: Maupassant.

*Cathèchisme dogmatique et historique, ou Instruction chrétiennes pour la jeunesse. <...> Par le R. P.*** prêtre de l'Oratoire. Paris: Louis Roulland, 1701. 12°. [xxxii], 308, [6] p.

Переплёт телячьей кожи, корешок снабжён позолоченным узором.

И: собрание Залуских.

РНБ: 16.148.4.34.

15. Коллегия Сорбонна-Плесси (Sorbonna Plessae), 13 августа 1704 г.

У: Claude-Martin Coquinet, 3-й класс.

К «*primum strictae orationis latina praemium*» (рукоп. форма).

Э: Thomas Durieux (принципал коллегии).

*[Loberan de Montigny, Gabriel de?]

Les Grandeurs de la maison de France. Paris: Louis Bilaine, 1667. 4°. [xx], 143 p.

Переплёт телячьей кожи; корешок снабжён позолоченным узором.

И: собрание Залуских.

РНБ: 12.6.8.50.

16. Коллегия Сорбонна-Плесси (Sorbonna Plessae), 18 августа 1706 г.

У: Pierre-Henri d'Antraigue, вольнослушатель во 2-й ступени⁸.

К: «*praemiae proxime accesserit*» (рукоп. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: Thomas Durieux (принципал коллегии и доктор теологии).

*Quintilianus, Marcus Fabius.

M. Fabii Quintiliani Oratores eloquentissimi Institutionum Oratoriarum Libri XII, incredibili cum studio tum iudicio ad fidem vetustissimi exemplaris recens jam recogniti. Ejusdem Declamationum Liber. Basileae: Ex Aedibus Ioannis Bebelii, 1529. 2°. [viii], 198, [i], 54, [i] ff.

Переплёт мраморированной телячьей кожи. Крышки снабжены позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента и королевских лилий. В центре и в углах крышек – тиснение супреэкслибриса коллегии – монограммы «PS».

И: собрание Залуских.

РНБ: 7.34.2.300.

⁸ Пьер-Анри д'Антренъ – представитель знатного рода из Оверни. См.: Dictionnaire de la noblesse. Paris, 1774. Т. 1. P. 445.

17. Коллегия Четырёх Наций (Коллегия Мазарини, Collegium Mazarinaeum), 1707 г.

У: Philippe-Étienne Vallon (статус не указан).

К: «*praemia memoria primum*» (рукоп. форма).

Э: не указан.

*Petit-Peid, Nicolas.

Traité du droit et des prérogatives des ecclésiastiques dans l'administration de la justice séculière. Paris: Fr. H. Muguet, 1705. [xii], 911, [3] p.

Переплёт телячьей кожи, корешок украшен позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента. Крышки снабжены тиснением суперэкслибриса коллегии, рисунок которого повторяет герб кардинала Мазарини. Экземпляр содержит гербовый гравированный экслибрис обладателя награды с подписью: «Ex libris P. S. Vallon, in Sup. Paris. Curia Patroni».

И: собрание Залуских.

РНБ: 10.22.3.19.

18. Коллегия Деламарш (Collegium Marchianum), 19 августа 1712 г.

У: Jean de La Guillaumie <?> (статус не указан).

К: «*in tertio ordine quartum memoria praemium meritum*» (рукоп. форма).

Э: De La Pierre (принципал коллегии и доктор теологии).

*Cicatelli, le P. Sansio.

Vita P. Camilli de Lellis fundatoris religionis clericorum regularium infirmis ministrantium. Scripta Italice <...>, Latinitate donata à P. Petro Halloix. Antverpiae: Ex Officina Plantiniana /Balthasaris Moreti, 1632. 8°. [xxx], 448, [16] p.; portr. gr.

Переплёт телячьей кожи. В центре крышек – позолоченное тиснение букв «*Collegium Marchianum*».

РНБ: 15.51.7.9.

19. Иезуитская коллегия в Лионе (Коллегия св. Троицы или Grand Collège) 1727 г.

(рукоп. форма повреждена; печать коллегии на кустодии)

*[Du Londel, le P. Jean-Étienne].

Les Fastes des rois de la maison d'Orléans et de celle de Bourbon, depuis 1497 jusqu'à 1697. Paris: Jean Anisson, 1697. 8°. [x], 298 p.; tables.

Переплёт телячьей кожи, обрез окрашен в красный цвет. Крышки снабжены позолоченным тиснением герба Лиона.

И: Императорская Эрмитажная иностранная библиотека (гравированный экслибрис начала XIX в.).

РНБ: 32.3а.4.28.

20. Коллегия Четырёх Наций (Коллегия Мазарини, Collegium Mazarinaeum), 13 августа 1729 г.

У: Charles de Jonzac, статус не указан.

К: «*hoc decundum Latinae orationes in Gallicum sermonem conversae*».

Э: Mougín (принципал коллегии).

*[Prestet, le P. Jean.]

Eléméns des mathématiques, ou Principes généraux de toutes les sciences, qui ont les grandeurs pur objet. <...> Paris: André Pralard, 1675. 4°. [xvi], 418 p.; table.

Переплёт телячьей кожи, корешок украшен позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента. Крышки снабжены тиснением суперэкслибриса коллегии, рисунок которого повторяет герб кардинала Мазарини.

И: собрание Залуских.

РНБ: 4.3.1.53.

21. Коллегия Сорбонна-Плесси (Sorbonna Plessae), 21 августа 1729 г.

У: Charles-Louis de La Haye (5-й класс)⁹.

К: «*secundum praemium Latina*» (печат. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: Gaillande, Noël (принципал коллегии).

*Sidonius, Caius Sollius Apollinarius.

C. Sol. Apollin. Sidonii Arvernorum episcopi Opera, Iac. Sirmondi Societ. Iesu Presb. cura & studio recognita, notisque illustrata. Ed. secunda. Parisiis: Sumptibus Sebastiani Cramoisy, et Gabrielis Cramoisy, 1652. 4°. [xvi], 418, [xviii], 168, [xvi] p.

Переплёт телячьей кожи. Крышки снабжены позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента и королевских лилий. В центре и в углах крышек – тиснение суперэкслибриса коллегии – монограммы «PS».

И: собрание Залуских.

РНБ: 7.9.2.10.

22. Коллегия д'Аркур (Collegium Harcourianum), 11 августа 1742 г.

У: Marius-Jean-Baptiste-Nicolas d'Aine, вольнослушатель в 3-й ступени¹⁰.

⁹ Обладатель награды – вероятно, представитель семьи экюйе из Нормандии Шарль-Луи Делахайя. См.: Ibid. Paris, 1777. Т. 7. P. 728.

¹⁰ Обладатель награды, Мариус-Жан-Батист-Никола д'Эн, будущий королевский советник и докладчик прошений, был приёмным сыном просветителя Пауля-Анри-Тири барона Гольбаха, сподвижника Дени Дидро; об истории экземпляра см.: Королёв С. В. Книги-ученические награды лиц из окружения Дени Дидро. С. 315–317.

К: «*alterum sermonis Graeci in Latinum versi Praemium*» (печат. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: Thomas-Gilles Asselin (1682–1767) (принципал коллегии).

*Vergilius Maro, Publius.

Pub. Virgilii Maronis Bucolicorum, elogae X; Georgicorum, libri III; Aeneidos, libri XII. Et in ea, Mauri Servii Honorati Grammatici Commentarii, ex antiquiss. exemplaribus longe meliores et auctiores. Ex Bibliotheca Petri Danielis I.C. <...> Cum certissimo ac copiosissimo indice. Coloniae Allobrogum: Apud Petrum & Iacobum Chouët, 1620. 4°. [xxx], 732, 62 p.; index.

Переплёт телячьей кожи; корешок украшен позолоченным тиснением королевских лилий. Крышки снабжены тиснением позолоченной монограммы коллегии: «СН» под королевской короной.

И.: Фёкла Чацкая, польский библиофил середины XIX в. (мастичный штамп на титульном листе).

РНБ: 7.9.2.118.

23. Коллегия Четырёх Наций (Коллегия Мазарини, Collegium Mazarinaeum), 1746 г.

(не заполненная печатная форма; печать коллегии на кустодии)

Э: De Braille (принципал коллегии).

*Noüet, le R. P. Jacques.

La Devotion envers Nostre Seigneur Jésus-Christ. <...> Pt. II. Paris: François Muguet, <s. a.>. 4°. [xvi], 566 p.

Переплёт телячьей кожи, корешок украшен позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента. Крышки снабжены тиснением суперэкслибриса коллегии, рисунок которого повторяет герб кардинала Мазарини.

И: собрание Залуских.

РНБ: 16.7.2.13.

24. Иезуитская коллегия Людовика Великого (Collegium Claeromontanum), 31 октября 1749 г.

У: Jacques-Mathieu de La Mole, 5-й класс.

К: «*2dum orationis latinae praemium*» (печат. форма; печать коллегии на кустодии).

Э: Simon <?> de La Tour (1697–1766) (принципал коллегии).

*[Renaudot, Eusèbe jr.]

Historia patriarcharum Alexandrinorum Jacobitarum a D. Marco usque ad finem daeculi XIII. <...> Parisiis: Apud Franciscum Fournier, 1713. 4°. [xliv], 612, [12] p.

Переплёт телячьей кожи; крышки снабжены позолоченным тиснением и монограммой Общества Иисуса (I.H.S.).

РНБ: 16.23.2.12.

25. Коллегия Дорман-Бовэ (Collegium Dormans-Beauvais), 12 августа 1750 г.

У: Achille-Pierre Chaboville de Brumiere <?> (статус: «*in Rhetorica veteranum*»).

К «*graeca interpretatione praemiae*» (рукоп. форма).

Э: Paul Hamelin (ректор коллегии).

*[Boyer de Saint-Gervais, Jacques].

Conseils d'un gouverneur à un jeune seigneur. Paris: Alexis Mesnier, 1727. 8°. 247, [4] p.

Переплёт телячьей кожи.

И: собрание Залуских.

РНБ: 36.39.8.33.

26. Военная школа в Тироне (департамент Эры и Луары) (Scholae militaris Tyroniensis), 1778 г.

У: Dominique de Chambon (статус не указан).

К: «*alemanniae linguae alumnus*» (рукоп. форма).

Э: Casaux (директор школы).

*Gobinet, Charles.

Instruction sur la manière de bien étudier. Paris: Le Clerc, 1746. 12°. [xvi], 316, [3] p.

Современный переплёт телячьей кожи.

РНБ: 36.41.6.11.

П. В. Пичугин (РГСУ)

К вопросу комплектования библиотечного фонда Троицкой лаврской духовной семинарии в XVIII в. (по материалам НИОР РГБ)

В 1721 г. был издан Духовный регламент, в соответствии с которым подготовка духовенства возлагалась на архиерейские школы и духовные семинарии¹. По подсчётам С. П. Луппова: «Общее число учащихся в учебных заведениях духовного ведомства в конце 20-х гг. XVIII в. составляло около 3 тысяч...»², а уже в 30-е гг. XVIII в. большинство архиерейских школ в России было преобразовано в семинарии. И если в XVIII в. светские учебные заведения только зарождались, то роль и значение духовных семинарий в развитии социального образования существенно возрастают.

По замечанию историка XIX в. П. В. Знаменского: «Распоряжения правительства об устройстве семинарий были действительно очень энергичны, но как только дело доходило до денег, так сейчас же и затягивалось или вовсе останавливалось, и деятельная, практическая энергия появлялась после этого на стороне одних только исполнителей строгих распоряжений, епархиальных архиереев»³. Семинарии имели скромные возможности для покупки книг. Современный исследователь С. П. Фунтикова также считает, что: «Все духовные школы испытывали постоянную нужду в учебной литературе, поскольку на покупку книг ведомство выделяло небольшую денежную сумму, которой не хватало»⁴.

Только Троицкая лаврская духовная семинария, находясь на содержании богатой Троице-Сергиевой лавры, имела возможность регулярно приобретать книги для своей библиотеки. Вопросы комплектования библиотечного фонда Троицкой лаврской духовной семинарии частично рассмотрены в трудах С. К. Смирнова⁵ и П. И. Хотеева⁶.

¹ Жуков В. И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований: в 3 т. 2-е изд. М., 2007. Т. 3: Философия и социология образования и культуры. С. 35.

² Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976. С. 28.

³ Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 175.

⁴ Фунтикова С. П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2002. С. 48.

⁵ Смирнов С. К. История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867.

⁶ Хотеев П. И. Книга в России в середине XVIII века. Библиотеки общественного пользования. СПб., 1993.

В этой статье, на основе архивных материалов НИОР РГБ, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, исследуется вопрос комплектования крупнейшей семинарской библиотеки XVIII столетия⁷.

Первое приобретение учебников для семинарской библиотеки относится к 1744 г. Тогда в Москве купили «... у иноземца алмазных дел мастера Карла Табеева грамматики на латинском языке в переплете пя[ть]десят семь книжек за книжку по рублю по две копейки...»⁸. Преосвященный Арсений Могилянский особо заботился о пополнении фондов семинарской библиотеки. По его распоряжению в 1744 г., в Москве были приобретены два издания: св. Иоанна Златоуста (*S. Chrysostomi opera*) в 13 томах и История Византии (*Historia Bysantina variorum scriptorum Bysantinorum*) в 34 томах; было потрачено 370 рублей⁹.

В 1745 г., при посредничестве комиссионера Ольдекопа были выписаны из Амстердама десятки томов: теологические трактаты, патристика, сочинения по истории Церкви. Среди книг: «*Beveregii Pandectae canonum* в двух томах, *S. Damasceni opera*, *Cornelii a Lapide commentarii* в XII томах изд. 1714 г., *Concordantiae sacrorum librorum*, *Evsepii Historia Ecclesiastica*, *Historia Synodi Florentinae*, *Corderii expositio Patrum Graecorum in Psalmos*, три тома, *Thesaurus Labatae* и другая»¹⁰. В 1746–1747 гг. Ольдекоп содействовал приобретению семинарией книг на сумму в 414 руб. В знак благодарности за книжные поставки Ольдекоп получил два тулупа¹¹.

Для лаврской семинарии были куплены три книги и рукопись из библиотеки А. Д. Кантемира – поэта и дипломата: два печатных издания – труды св. Афанасия, в двух томах, и сборник трудов французского богослова Жана Дайе (*Iohannis Dallaei opera*), а также рукопись – богословское сочинение Д. К. Кантемира «*Sacrosanctae scientiae indepugibilis imago. Avthore Demetrio, Principe Moldavo*»¹².

⁷ В статье приведена лишь небольшая часть документов НИОР РГБ, которые характеризуют комплектование библиотеки путём покупки книг. Вопрос комплектования семинарской библиотеки путём безвозмездной передачи частично уже рассмотрен автором. См.: *Пичугин П. В.* Просветительская деятельность Митрополита Московского Платона (Левшина) // *Румянцевские чтения-2010: материалы междунар. науч. конф. 20–22 апр. 2010 г.: в 2 ч.* М., 2010. Ч. 2. С. 57.

⁸ НИОР РГБ. Ф.757 (Троицкая Лаврская духовная семинария). К. 2. Ед. хр. 14. Л. 1.

⁹ Там же. К. 2. Ед. хр. 15. Л. 1.

¹⁰ *Смирнов С. К.* Указ. соч. С. 55; *Хотеев П. И.* Указ. соч. С. 47.

¹¹ Там же.

¹² *Смирнов С. К.* Указ. соч. С. 55. Здесь С. К. Смирнов делает примечание, что рукопись хранится в Московской Духовной Академии под № 256.

В 1746–1752 гг. книги поступали в семинарию – из Академической книжной лавки в Петербурге и от аукциониста Сутова. В 1751 г. граф Воронцов в Амстердаме купил для библиотеки: «девять томов *criticorum sacrorum, Origenis opera, Petavii etc.* Всего 38 книг»¹³. Это в большинстве была литература религиозной тематики.

В 1752 г. преосвященный Арсений Могилянский заказал из Лондона и Амстердама для библиотеки 109 книг. Среди книг: «*Nourri apparatus ad bibliothecam maximam Patrum, Canisii thesaurus in 4 volum., Binghami origines, Wolfii curae Philologicae in N. T. 5 vol., Natalis Alexandri Historia Ecclesiastica 8 volum., Biblia poliglotta 8 tom., Baronii annals*, сочинения бл. Иеронима, Ксенофонта, Платона, Плиния, Ливия, Овидия и др.»¹⁴. Полный реестр купленных 9–13 января 1752 г. книг на латинском¹⁵ и русском¹⁶ языках сохранился в НИОР РГБ. Реестр на русском языке составлен некорректно, фамилии авторов указаны с искажением, но благодаря реестру на латинском языке можно внести ясность. Например, в русскоязычном списке числится «валтгера Согласие библическое в лист»¹⁷, а в реестре на латинском – «*Waltheri harmonia Biblica 1. vol.*»¹⁸ или «кеттена Символы 2. тома в осмуху»¹⁹ на латинском языке, соответственно «*Van Berketen Apelle Symbolicus 2. vol.*»²⁰.

В 1758 г. была закуплена на 1701 руб. для библиотеки в Англии и Голландии крупная партия «древних авторов исторических книг»²¹. По данным П. И. Хотеева: «в период с 1744 по 1759 г., семинарская библиотека пополнилась приблизительно тысячью томов, за которые были заплачены огромные по тем временам деньги – не менее чем три тысячи рублей»²². Уже к началу 60-х гг. XVIII в. библиотека семинарии располагала обширными книжными фондами²³. В 1762 г. фонд библиотеки, по подсчётам П. И. Хотеева, составлял 2186 книг²⁴. С. К. Смирнов приводит другие данные: «В каталоге семинарском, составленном в конце рассматриваемого периода (1762 г.), поименовано 2655 книг»²⁵.

¹³ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 55; Хотеев П. И. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 55.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 757. К. 7. Ед. хр. 4. Л. 2–3.

¹⁶ Там же. Л. 4–5 об.

¹⁷ Там же. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 5 об.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 55–56.

²² Хотеев П. И. Указ. соч. С. 49.

²³ Там же. С. 45.

²⁴ Там же. С. 53.

²⁵ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 56.

Летом 1769 г. в Санкт-Петербурге было куплено 200 азбук. Сохранилось «Дело о покупке в Санктпетербурге и о присылке в семинарию дву сот азбук. 1769 года № 6»²⁶. Архимандрит Платон писал Михаилу Ильинскому: «Г[оспо]дин префект. Послано при сем в Лаврскую семинарию покупных здесь в Санкт петербурге из императорской академии наук латинских с рускими прописями в тетратех двести азбук, кои получа запишите семинарской библиотеки в каталог, и переплетя зделайте из них надлежащее для семинаристов употребление, о каковом в предисловии сих тетраток изъяснено; или для обучения вокабулов в нижшем классе. А присоединенное нравоучение неотменно чтоб все семинаристы умели наизусть. А как за оные азбуки за каждую по девяти копеек а обще за все осмнатцать рублей, да на обвяску их за парусину дватца[ть] четыре копейки, и за пересылку их на почтовом дворе с сорока фунтов два рубли, а всего дватцать рублей дватцать четыре копейки заплачено из Лаврских дворовых д[е]н[е]г, то оное ж число вам из Семинарской суммы для возвращения передать при okazji[и] в Санкт петербург без замедления. А. Платон. 1769 июля 28 дня. Получено августа 7 дня»²⁷.

Префект Михаил Ильинский рапортовал о получении приказания: «В[а]шего высокопреподобия писменное приказание отправленное минувшаго Июля от 28 под № 223-м о посылке в лаврскую семинарию покупных в Санктпетербурге из Императорской академи[и] наук латинских с рускими прописями в тетратех дву сот азбук и о присылке за них денег всего дватцети рублей 24-х копеек в Санктпетербург И о прочем мною... сего августа 7 ... 1769 года... и по силе ... Его высокопреподобия приказания означенные полученные ... двести азбук отданы в переплет и по исправлении того для надлежащаго семинаристам употребления... и обучения вокабулам в нижшем классе и присоединеннаго нравоучения наизусть умения розданы будут ... и об явленные д[е]нги для возвращения в лаврскую дворовую сумму чрез случившуюся оказию в Санктпетербург из семинарско[и] суммы присланы быть имеют беззамедления. Переписан и послан августа 31 дня 1769 года»²⁸. Далее он докладывал об исполнении приказания: «Минувшаго августа 7 дня сего 1769 года в[а]шего высокопреподобия писменным приказанием велено за покупные в Санктпетербурге ... в Императорской академии наук в лаврскую семинарию латинские с рускими прописями в тетратех двести азбук д[е]нги всего 20 рублей 24 копейки из семинарской суммы для возвращения в лаврскую дворовую сумму переслать при okazji[и] в Санктпетербург И по силе того вашего высокопреподобия приказания за об явленные латинские двести азбук означенное число д[е]нги 20 рублей

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 757. К. 23. Ед. хр. 5. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 3–3 об.

24 копейки для возвращения в дворовую сумму посланы с отезжавшим в санктпетербург подм[о]н[ас]т[ы]рного села клементьева бобылем Дмитрием Тарбинским которые и выданы ему по записанию в расходные книги с роспискою о чем в[а]шему высокопреподобию сим репортом всепочтенно и представляю. Переписан и послан декабря 27 дня 1769 года»²⁹. Данный документ свидетельствует, что: во-первых, полученные книги сразу записывались в библиотечный каталог, во-вторых, переплетались, в-третьих, строго и чётко прописан механизм возврата денег, потраченных на покупку, упаковку и транспортировку книг.

В 1772 г. в Академии наук преосвященным Платоном была приобретена партия книг для библиотеки на сумму 244 руб. Среди книг были: «Orosii adversus paganos libri VII; Gratiani canones; Liebnitii Theodicaea; histoire generale de l'Amerique, par Touron 14 томов; Буало сочинения в 8 томах; Корнеля в 6 томах; Олеария voyages faits en Moscovie, Tartarie et Perse (цена 15 р.); oeuvres de Montesquieu et Voltaire и др.»³⁰

В 1772 г. были куплены книги: «Calvini Opera in 9 Volum.: – 12 ру[б]., Nouvelle Bibliothèq[ue] des Auteurs Ecclesiastiques du Pin 10 volum. – 8 [руб.]; Opera Melanchtonis 4 vol. – 8 [руб]. ...Summa 32 р[уб].»³¹

Другой документ «Дело о книгах, купленных для семинарской библиотеки в Москве и С.-Петербурге и каталоги книг, находящихся в продаже (1773 июля 2 – 1774 октября)», кроме факта покупки книг свидетельствует о том, что преподаватели предварительно просматривали газеты, где публиковались списки книг, составляли реэстры и подавали их на утверждение преосвященному Платону (Левшину). Префект семинарии Михаил Ильинский рапортовал: «Прошлаго 1773 года августа 4 дня от находящагося в доме в[а]шего преосвященства отца Економа Иеромонаха Николая присланном ко мне писме предписано: 1: чтоб на покупку в семинарскую библиотеку книг прислано было д[е]н[е]г в санктпетербург пятьдесят рублей: 2: чтоб справится по газетам прошедшаго и н[ы]нешняго годов все ли в библиотеке имеются книги которые во оных газетах продажными написаны. И естли каковых не имеется то чтоб об оных представить вашему преосвященству; И во исполнение прописанных в том писме в[а]шего преосвященства приказаний: 1:го о посылке помянутых на покупку книг д[е]н[е]г пятидесяти рублей всевозможное имел я старание, точию никого к отвозу оных д[е]н[е]г отыскать не мог, разве не приказано ли будет у бывшего клементьевскаго бобыля а н[ы]не санктпетербургскаго купца василья кусова взять, а вместо их отдать здесь живущему при лавре отцу Ево или кому он велит, а более онаго способу к переводу тех д[е]н[е]г другаго учинить незнаю: 2:го по газетам прошлых 1772 и 1773 годов справливо... И сколько каких по справке не оказалось в покупке и

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 378.

³¹ НИОР РГБ. Ф. 757. К. 27. Ед. хр. 13. Л. 9.

неимеющими в семинарской библиотеке тем при сем вашему преосвященству представляю реэстры, а как из оных книг многие имеются в продаже в Москве санктпетербургской академии в лавке и в других местах с некоторыми толко небольшими процентами, то не приказано ли будет для избежания как в пересылке книг так и в переводе за оные д[е]н[е]г купить потребные книги здесь в Москве или же по крайнеи мере печатанные при университете, которых в тех реэстрах имеется немалое число, и которые в Петербурге продаются с процентами: более же полагаю вволю и главное вашего преосвященства благоразсмотрение вашего преосвященства всенижаишии послушник Префект Михайло Ильинский. январь 22 дня 1774 год. получено февраля 16 дня»³². Резолюция Платона была такой: «Купить в Москве, какие там отискаться могут, кроме отмеченных Замаркою книг, и по покупке записав в расход и переплетши, что денег на все то будет издержано, отрепортовать»³³. В данном случае преосвященный Платон решил, какие книги следует приобретать для обучения семинаристов, а какие нет, также он был согласен с Михаилом Ильинским, что покупать книги надо в Москве.

В 1774 г. были куплены книги на сумму 133 руб. в Московском университете и у издателя Ридигера, при этом отбор книг был осуществлён префектом семинарии. В реестре приобретённых книг были: «...географический лексикон Российскаго государства; история российская Татищева; записки Сюлли в 3 томах; повсядневныя дворцовыя записки; опыт российской географии 9 томов; но между книгами приобретено много и пустых, наприм. забавныя, печальныя и любовныя истории для увеселения женскаго пола; Флорикурт развращенный; истолкование снов и др. Пересмотрев реэстр купленных книг, ... Платон дал резолюцию: “стараться впредь покупать такія книги, которыя бы содержали в себе материю нужную, или полезную, а не пустую и ветреную”»³⁴.

В НИОР РГБ сохранилось «Дело о приобретении книг для семинарской библиотеки (1777 января 9 – ноября 3)»³⁵. В нём читаем: «Из духовной Святейшаго правительствующаго Синода члена преосвященнаго Платона архиепископа московскаго и калужскаго и Свято-троицкой Сергиевы лавры Священноархимандрита консистории оной лавры в семинарию Полученным Ея Императорскаго величества из Святейшаго правительствующаго Синода Его преосвященством указам, по словесному Его преосвященства предложению велено для семинарий отпустить московской типографской канторе Книжиц разсудка человеческого три ста экземпляров в здешнюю Консисторию приняв за каждой экземпляр по три копейки, и надписанною на том указе Его преосвященства резолюциею

³² Там же. К. 31. Ед. хр. 13. Л. 26–26 об.

³³ Там же. К. 32. Ед. хр. 13. Л. 26.

³⁴ *Смирнов С. К.* Указ. соч. С. 378–379.

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 757. К. 37. Ед. хр. 16.

велено, по получении из оных книжиц консистории отпустить в академию сто, да на другие семинарии перервинскую калужскую и звенигородскую сто академий ректору, и в троицкую семинарию сто с тем чтоб оные книжицы нижних школ учениками изучены были наизусть с толкованием учителя, а денги за оные книжицы взять из тех училищ и заплатить в типографскую Кантору того ради по Указу Ея Императорскаго величества во исполнение вышеписанной Его преосвященства резолюции в московской д[у]ховной Консистории определено как уже означенные триста экземпляров Книжицы ис той типографской канторы в консисторию приняты то из оных как в московскую академию так и в семинарии перервинскую калужскую и звенигородскую в силу Его преосвященства резолюций двесте экземпляров отослать (и отослано) оной академии к ректору отцу архимандриту Амвросию, а достальные сто во оную троицкую семинарию которые при сем и посылаются с тем чтоб за оные Книжицы подлежащее денег число для отсылки в типографскую кантору прислано было в консисторию немедленно генваря 9 Дня 1777 года...»³⁶.

Деньги за книги для библиотеки Троицкой лаврской семинарии были отосланы, о чём свидетельствует: «Промемория Св[я]то тр[ои]цкия Сергиевы лавры из семинарской Канторы в московскую духовную консисторию сего генваря 11 дня 1777 года из числа полученных из московской типографской канторы книжиц разсудка человеческого в силу св[я]теишаго правительствующаго синода члена преосвященнейшаго Платона архиепископа московскаго и калужскаго и оныя лавры священноархимандрита резолюции при письменном сообщении сто Экземпляров в лаврскую семинарию для изучения нижших школ учениками с толкованием учителя получены за которые подлежащее число денги три рубли для отсылки в помянутую [в типографскую] кантору посылается при сем и о получении оных денег московская духовная консистория до благоволит уведомить письменно. Переписанная промемория И при ней денги три рубли посланы с олексеем селецким генваря 31 дня 1777 года»³⁷, и получены: «1777 года февраля 7 дня в московской духовной консистории присланныя Святотроицкой Сергиевой лавры при промемории из семинарской Канторы за отосланныя ис консистории в ту Семинарию Книжицы разсудка человеческого за сто Экземпляров за каждой по три копейки всего три рубли приняты троицкой лавры от стряпчего дорофея Соина все сполна»³⁸.

Из Доношения семинарской канторы на имя преосвященного Платона известно, что: «Для обучающихся оныяж лавры в семинарии французскому и немецкому языку студентов в грамматиках французских и немецких так же и для новопринимаемых семинаристов в грамматиках же

³⁶ Там же. Л. 2 .

³⁷ Там же. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 6.

латинских переводу Лебедева и первоначальных латинских словах с русским переводом состоит к учению их недостаток того ради не соблаговолено ли будет приказать грамматик французских и немецких купить где надлежит числом каждых по десети да в московско[и] типографии латинских грамматик (кроме купленных пятнатцати) переводу Лебедева с первоначальными словами по тритцети да еще правил пиитических напечатанных в московской академии для употребления Юношества учащагося пять Экземпляров семинарская Кантора сим всепочтенно представляя ожидать Имеет от вашего преосвященства повеления. Переписано и послано марта 15 дня 1777 года»³⁹. Резолюция была такой: «Купить дозволяется 1777: май: 30:»⁴⁰.

В том же 1777 г. преосвященный Платон распорядился: «Купить ... новоизданной Системы философской для Троицкой Семинарии 35 Экземпляров, да для Перервинской 12, и денги оттуду взять, и о том дать знать ректору Аполлосу с префектом, и перервинскому Игумену Получено Октяб. 24 дня 1777 г.»⁴¹. Из семинарской конторы преосвященному Платону рапортовали: «Вашего преосвященства писменным приказанием велено купить новоизданной системы философской для Троицкой Семинарии 35 Экземпляров И денги оттуду взять и о том дать знать ректору с префектом по которому приказанию те покупные Экземпляры в лавре сего октября 28 дня получены за них денги за каждой Экземпляр по рублю по 25 ко[п] Итого 43 р. 75 ко[п] Из семинарской суммы. ...от Вашего преосвященства семинарская кантора ожидать имеет повеления. Переписано и послано ноября 3 дня 1777 года».⁴²

Среди документов Ф. 1204 «Троице-Сергиевская лавра», хранящихся в РГАДА, находится «Дело о приходе и расходе денежных сумм по Семинарской конторе за 1781 г.»⁴³. При его детальном изучении можно сделать вывод, что из общей суммы на содержание семинарии – «всего четырех тысяч девяти сот одного рубля шестидесяти дву[х] копеек с половиной и на столко по цене в нынешней 1781 год на содержание семинарии подлежательно купить...»⁴⁴ предполагалось потратить «... на покупку книг также на переплет оных и на напечатание сочинений ...80 руб...» рядом с записью сделана приписка «В докладу особливаго»⁴⁵. На деле же средства были потрачены «в покупке книг, в даче переплетчику

³⁹ Там же. Л. 8–8 об.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же. Л. 11.

⁴² Там же. Л. 12–12 об.

⁴³ РГАДА. Ф. 1204 (Троице-Сергиева лавра). Оп. 1. Д. 24030.

⁴⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁵ Там же. Л. 8 об.

за переплет и в покупке...александрискаи бумаги и за расписание живописцам... 79 руб. 96 коп.»⁴⁶.

Следует отметить, что «Дело о расходах на содержание семинарии» (1785 января 8 – марта 13), содержит «Росписание учиненное в силу присланного в прошлом 1770 году мая 12 дня ис канторы святейшаго правительствующаго синода члена преосвященнейшаго Платона, архиепископа московскаго и калужскаго, и с[вя]тотроицкия Сергиевы лавры с[вя]щенно-архимандрита Указа, сколко чего имянно из производимой от статнаго казначейства на содержание семинарии суммы четырех тысяч девети сот одного рубля шестидесяти двух копеек с половиною, и на сколько по цене в нынешней 1785 год на содержание семинарии подлежательно купить; а притом коликое число суммы произвести в выдачу, и затем сколько оной может быть в остатке: о том значить ниже сего...».⁴⁷ А планировалось потратить «...на покупку книг, так же на переплет оных, и на напечатание сочинений 30 рублеи»⁴⁸, но рядом приписано: «уменьшено дватцать рублеи»⁴⁹.

Из Доношения семинарской канторы (март 1796) на имя митрополита Платона известно «о приходе и расходе семинарской суммы по апробованному вашим высокопреосвященством розписанию за прошлой 1795 год. ... на покупку книг и переплет оных назначено 30, [руб.] издержано 27[руб.] в остатке 3 [руб.]»⁵⁰. В «Деле о посылке митрополиту Платону ведомостей о приходе и расходе семинарской суммы за 1796 г.» (март 1797), указано, что: «на покупку книг и переплет оных назначено 30 [руб.] оное число денег издержано»⁵¹. Наконец, в «Ведомости прихода и расходов за 1798 г.» (март 1799) читаем, что: «на покупку книг и переплет оных назначено 30: оное число денег издержано»⁵².

Всё это свидетельствует, что библиотека Троицкой лаврской духовной семинарии по составу фонда была лучшей среди семинарских библиотек XVIII в. Фонд библиотеки был универсальным. Забота о семинарской библиотеке проявлялась в систематическом предоставлении денежных средств на покупку и переплёт книг. Покупка книг осуществлялась регулярно, книги приобретались по согласованию с архипастырем.

⁴⁶ Там же. Л. 36 об.–37.

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 757. К. 46. Ед. хр. 1. Л. 3.

⁴⁸ Там же. Л. 10.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. К. 65. Ед. хр. 12. Л. 1, 4.

⁵¹ Там же. К. 67. Ед. хр. 14. Л. 4 об.

⁵² Там же. К. 72. Ед. хр. 14. Л. 4.

Князь Б. И. Куракин и формирование светской книжной культуры в России начала XVIII в.

На завершающем этапе переходного процесса к культуре Нового времени (с конца XVII – в начале XVIII в.) в России постепенно распространяется новая культурная парадигма, подчиняя рациональному началу вопросы иррациональной религиозной сферы, создавая механизмы освоения новой культуры в разных социальных слоях и видоизменяя социокультурные нормы «благородного» поведения и рамки приличий. Страна, на пути от Московского царства к Империи Нового времени, мучительно преодолевая последствия социальных и культурных «вызовов» эпохи, находилась в состоянии творческого поиска новой психосоциальной, национальной и культурной идентичности. В переходное время разум отделяется от души и объявляется «царем естества – и души и тела», который располагается «между лбом и затылком в мождьяных хлевинах» (мозговых извилинах)¹. Антропоцентризм культуры познающего разума прослеживался буквально во всём, поскольку окружающий мир предстал в сознании людей того времени как сумма объектов познания, а человек – в качестве субъекта, нацеленного на постижение Бога через познание мира.

Между тем проводимые реформы в области культуры, начиная от бритья бород и замены платья, и заканчивая введением нового гражданского шрифта и открытия бесплатной публичной библиотеки, являлись далеко не случайными атрибутами эпохи преобразований, а должны были помочь утвердить новую концепцию государственной власти. И это на фоне неопределённых и неустоявшихся ценностных ориентиров, моральных и духовных норм. «Птенцы гнезда Петрова» оказывались в парадоксальной, двойственной ситуации, когда они могли получить как традиционное духовное, так и новое европейское светское образование. Реализуемая в столь сложных условиях книжно-языковая деятельность осуществлялась, прежде всего, «единственным в своём роде поколением, подобным Янусу с двумя лицами: одно обращённое в прошлое, другое в будущее»². Именно отсюда проистекают новые формы и идеи, постепенно заполнившие ментальное пространство эпохи. Появляется новая единица измерения координат восприятия окружающего

¹ Цит. по: Черная Л. А. Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. М., 1999. С. 91.

² Хютль-Фольтер Г. Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского читательского языка нового типа // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1987. Bd. 33. S. 8.

мира – человек, принципы новизны и открытости начинают превалировать в культуре. Однако воплощение новых идей, рождённых в постоянном поиске, «методом проб и ошибок», часто оставляло желать лучшего, а подчас отпугивало и вызывало неприязнь даже у «поколения Януса», порождая некий кризис мировоззрения. К тому же оппозиция «старое–новое» всё больше тяготеет к оппозиции «своё–чужое», так как новизна постоянно ассоциируется со всем тем, что ранее было запретно, в особенности с заграничным, считавшимся «поганым» и отвергавшимся православным сознанием³. Новое и старое, европейское и традиционное, светское и конфессиональное – рамки этих дихотомий предоставляют человеку довольно ограниченный набор знаков, определяющих его семиотическое поведение, которое поэтому всё более двоится.

Неудивительно, что герой нашего исследования довольно часто оказывался в нетипичных и даже пограничных ситуациях, когда за неимением образца ему приходилось самостоятельно находить решение и определять дальнейшие способы действия, опираясь при этом на личный опыт и творческое начало, и часто своей общественной практикой противореча принятой поведенческой традиции. Речь идёт об одном из наиболее талантливых и профессиональных русских дипломатов и государственных деятелей петровского времени, который во многом стоял у истоков всей системы дипломатических представительств России за рубежом и часто исполнял функции заместителя канцлера за границей, князе Б. И. Куракине (1676–1727)⁴.

В российской историографии сложился несколько двойственный и противоречивый образ этого неординарного человека, иногда довольно далёкий от реальности начала века Просвещения. Обычно его рассматривали как классического русского аристократа новой формации, убеждённого «западника» по культурным навыкам, полученным, прежде всего, во время обучения за границей (в Венеции). С другой стороны, по политическим убеждениям князь являлся видным представителем консервативного крыла родовитой российской аристократии, чрезвычайно недовольной продолжающейся практикой отмены местничества и дальнейшим возвышением дворянства при Петре Великом.

³ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 414. С. 7–8.

⁴ Автобиографию и несколько различных вариантов его биографий см.: *Куракин Б. И. Семейная хроника и воспоминания* // Киевская старина. 1884. Сентябрь–декабрь; Архив князя Ф. А. Куракина / под ред. М. М. Семевского. СПб.; Саратов, 1890–1895. Т. 1–4; *Брикнер А. Г. Русский турист в Западной Европе в начале XVIII в.* // Русское обозрение. 1892. Т. 1. № 1. С. 5–38; РБС: Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 572–579; *Карпов Г. М. Борис Иванович Куракин* // ВИ. 2007. № 5. С. 18–32.

Представляется, что в реальности личность Бориса Ивановича представляла собой более сложное сочетание и переплетение различных качеств, свойственных представителю его профессии, рода занятий и происхождения, большую часть жизни проведшего за границей, в многочисленных странах Западной Европы в столь непростое время, как первые десятилетия XVIII в.

Помимо обширной корреспонденции и разного вида бумаг: протоколы посольств и переговоров, заметки о европейских странах с характеристиками владетельных особ и министров (в личном княжеском архиве усадьбы Надеждино хранилось около 80 переплетённых томов), князь являлся автором произведений историко-биографической прозы главным образом мемуарного характера: «Автобиография или Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная 1676–1709» (1709), «Путевые записки» (1705–1710), «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (1727). Именно в них он нередко предстаёт не просто нарушителем традиций и вольнодумцем, а первым русским автором петровского времени, привносящим личный элемент в свою общественную практику, причём как частное лицо с собственной судьбой и биографией, а не как государственное или церковное. Вместе с тем, Куракин пытался обосновать право на подобное светское «житие», ссылаясь на опыт мемуарной практики других народов. А это уже было непосредственное воздействие на систему мировоззрения и мироощущения русского человека начала века Просвещения. В XVIII в. появляются новые формулы творчества: эмансипация личности писателя приводит к тому, что он перестаёт воспринимать себя полностью зависимым от сакральных сил, происходит усиление чувства авторской собственности, яркой индивидуальности и неповторимости созданных им произведений⁵.

Даже такие основополагающие категории для человека, как время и пространство, Борис Иванович воспринимал более лично, вводя в своих записках новое летосчисление – со дня своего рождения. Реально-исторический пространственно-временной план выходит у него на одно из первых мест. Он старается с большой географической точностью, объёмностью пространства и строгой соотнесённостью с картой мира описывать места пребывания во время путешествий. «...А путь от Дрездена до Теплица трудный великими горами каменистыми, и от Дрездена до Карзбата есть две дороги: одна прямая, чрез великия горы, и будет 15 миль, а другая чрез город Теплиц и будет 18 миль или 16». Совершенно особое отношение князь высказывает к теме болезней и их лечения, иногда довольно подробно останавливаясь на проблемах

⁵ Ясинская М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность (на материале историко-биографической прозы князя Б. И. Куракина): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 27.

человеческого организма, что также до этого представлялось некоей «запретной» тематикой для русских людей: «...И первой тот день таких стаканчиков (лечебной воды. – *К. Д.*) 15 пил и вельми было противно, с великим трудом то учинил и было раз 5 – позывалося рвотою, только тянуло мокроту, а рвало только один раз и на низ было один раз, и в то время, как воду пил, вспотел»⁶.

Ещё одной своеобразной «новацией» и одновременно переходом в пограничную область ментальных запретов русского человека – очень личностное и романтическое признание князя в своей любви к одной римской сеньоре Франческе Роте, с которой он познакомился во время обучения в Венеции в 1697–1699 гг. Строки, посвящённые истории этой любви, необыкновенно лиричны и пронизаны ещё не остывшей болью: «И так был *inamato* (*inamare* – влюбиться. – *К. Д.*), что не мог ни часу без нея быть... И разстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот амок не может выдти и, чаю, не выдет. И взял на меморию ея персону, и обещал к ней опять возвратиться...»⁷. Следует отметить, что такое сильное чувство он пронёс через всю свою жизнь и позднее несколько раз встречался с ней во время более поздних путешествий за границу (в 1708 г. и др.).

Очень много князь сделал и для видоизменения и развития русского литературного языка нового типа. Известно, что именно в Петровскую эпоху в результате проведения сознательной языковой политики происходил процесс унификации и универсализации русского национального языка, который одновременно являлся важнейшим аспектом модернизации и рационализации общества и культуры в России. Кроме того, указанная радикальная трансформация не только воплощала происходящие в данный момент социокультурные преобразования, но и создавала для них определённые условия, когда унифицированный литературный язык выступал как формальная основа нового государственного дискурса⁸. Неудивительно, что авторы мемуарно-автобиографической литературы того периода обращаются главным образом к традициям «делового языка», а также приёмам живого, образного описания. Обладая ценным качеством легкого усвоения иностранных языков, князь пытался осваивать и изучать новые языки самыми различными способами. От классических занятий с учителем (так он, например, изучал английский) до чтения книг на незнакомом ему языке во время длительных многочасовых переездов. В итоге, став уже к

⁶ Архив князя Ф. А. Куракина. Т. 1. С. 120.

⁷ Там же. С. 248. Цит. по: *Соломеина В. Н.* Мемуары петровской эпохи: самоопределение личности // Известия Уральского гос. ун-та. Гум. науки. Вып. 14. № 53. С. 19–20.

⁸ *Ясинская М. Б.* Указ. соч. С. 21.

середине второго десятилетия XVIII в. полиглотом, Борис Иванович говорил на многих языках Европы, отдавая особое предпочтение итальянскому и французскому, которые он освоил в совершенстве. Вместе с тем князь часто присылал самую различную информацию, обычно в виде статей и заметок о европейских событиях не только лично царю и в Посольский приказ, но также для первой петербургской газеты «Ведомости». Между тем, даже слово «газета» впервые встречается именно у князя Куракина, а затем и в «Письмах и бумагах Петра Великого» в 1707 г.⁹

Поэтому, конечно, совсем не удивительно наличие многочисленных иноязычных заимствований в его текстах: экзотизмов, этнографизмов и варваризмов. Их использование в языке князя было связано с заграничными впечатлениями и особенностями быта и культуры некоторых стран и народов Европы, а также с сугубо профессиональной дипломатической, агентурной и кораблестроительной деятельностью. Отсюда в русском языке появляются, например, такие выражения как: алектор, амбасадор, принцип (принчипе), гран-мушкетеры, парламент, пинсионариус, разыдент, жентильомы, миссионеры, шпиталь, осомлея, конгрегация, апартомент, пропоганда, почталион, курьер, putana, шкоуты, купе и др. Наряду с заимствованиями часто встречаются разнообразные сочетания разговорных слов и оборотов речи, архаизмы, галантно-книжный стиль, канцеляризмы и уже вполне европейская манера повествования: «...Шпиталь горазд хорош, где приют старых баб, которых обычайно держат – 900 человек»¹⁰.

Хотя некоторые отечественные исследователи середины XX столетия (В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский и др.) упрекали князя за использование «смешанного жаргона» или даже называли его «варваризатором» русского языка. Но к началу нынешнего века появилась иная точка зрения (М. Б. Ясинская, Е. В. Анисимов и др.), представители которой считают, что проблема здесь значительно более глубокая и князь использовал многочисленные иноязычные заимствования в различных контекстах, прежде всего потому, что не находил адекватного выражения им в русском языке, обладая многоязычным языковым сознанием и определёнными стереотипами «другой» культуры.

Об отношении князя к книгам и процессу их подбора свидетельствует тот факт, что когда для разработки закона о единонаследии Петру I потребовались все существовавшие в Англии законы о правах наследства и его разделах, Куракин собрал такую

⁹ Подробнее об этом см.: *Смирнов Н.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.

¹⁰ Записки князя Б. И. Куракина // Архив князя Ф. А. Куракина. Т. 3. С. 131, 314, 307.

«посылку», что её из-за тяжести не приняли на почте, и тюки пришлось отправлять в Архангельск на кораблях¹¹. Однако о его литературных предпочтениях и начитанности можно судить как исходя из профессиональной склонности, так и по более поздним историко-литературным опытам. Кроме того, помимо всего цикла гуманитарных и части технических дисциплин князь неплохо разбирался в вопросах образования, особенно знатных молодых людей. На это указывают многочисленные примеры получения образования за границей многих потомков представителей русской аристократии (в том числе и его собственного сына), когда Борис Иванович подолгу подбирал нужные пансионы или наставников для обучения молодёжи за границей. Наконец, его «благосклонность» к чтению демонстрировала богатая библиотека в родовом имении Надеждино, которую он собирал всю жизнь, и которую продолжили собирать шесть поколений его потомков. На начало XX в., по самым скромным подсчётам, она насчитывала около 10 тысяч томов, но, к сожалению, между двумя русскими революциями была почти полностью утрачена. Сперва она была брошена, а затем по большей части сожжена или расхищена в годы Октябрьской революции. Только менее тысячи уцелевших томов позднее поступили в библиотеку Саратовского пединститута. Хотя, ещё в 1908 и 1910 гг. исследователь усадеб В. А. Муровский и историк А. А. Гоздаво-Голомбиевский вспоминали, что уже тогда дворец в Надеждино представлял собой картину полного запустения¹².

Таким образом, учитывая, что именно в первой половине XVIII в. в России, как ранее в Европе, происходит постепенный «тройной» переход в практиках чтения: от чтения вслух к чтению глазами, от публичного к приватному, от медленного или интенсивного к быстрому или «экстенсивному», а также появляется прямая перспектива и новый гражданский шрифт, видоизменяется языковая ситуация – всё это в той или иной степени повлияло на формирование светской книжной культуры века раннего Просвещения. И такие типичные представители «поколения Януса» как князь Б. И. Куракин (причём и как автор, и как читатель) являлись первопроходцами в данном сложном и многоступенчатом процессе, который растянулся в стране на долгие годы.

¹¹ *Кедров С. И.* Русь Петра Великого за границую. Посольство князя Б. И. Куракина в Лондон 1710–1711 гг. // Русский архив. 1906. Кн. 1. Вып. 4. С. 549–550.

¹² *Голомбиевский А. А.* Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных // Старые годы. СПб., 1911. Январь. С. 22–23.

Ректор Юрьевского университета Антон Будилович и его исследование о средневековом Юрьеве-Дерпте

В 1901 г. в сборнике Учёно-литературного общества при Юрьевском университете, а затем и отдельным изданием появилось исследование А. С. Будиловича «Историческая заметка о русском Юрьеве старого времени в связи с житием св. Исидора и 72 юрьевских мучеников»¹.

Антон Семёнович Будилович (1846–1908) родился в Гродненской губернии в семье сельского священника. Обучался в Жировецком духовном училище, затем в Литовской духовной семинарии в Вильне, обретя в них, кроме навыка чтения древнеславянских текстов, знание польского, немецкого, французского, еврейского, греческого языка и латыни. Карьера священника молодого человека не привлекала, и он поступает в Петербургский университет, посвятив себя изучению славянской филологии под руководством таких светил тогдашней российской славистики, как И. И. Срезневский, В. И. Ламанский и М. И. Сухомлинов. В 1871 г. он защитил магистерскую диссертацию «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова»², в которой попытался дать критико-палеографический анализ сохранившейся новгородской рукописи 1276 г. После защиты диссертации Будилович отправился в командировку по славянским странам и по возвращении в 1875 г. занимает место ординарного профессора Нежинского Историко-филологического института, где им была подготовлена докторская диссертация³. После её защиты в 1881 г. он переходит в Варшавский университет и становится ординарным профессором русского и церковнославянского языка.

¹ Будилович А. Историческая заметка о русском Юрьеве старого времени в связи с житием св. Исидора и 72 юрьевских мучеников. Юрьев, 1901.

² Будилович А. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской Публичной Библиотеки XI века. СПб., 1871. По-видимому, ошибка в заглавии, так как речь идёт о рукописи XIII в.

³ Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. СПб., 1879. Подробнее см.: Евстратова С. Б. Отражение представлений первобытных славян о природе в работах А. С. Будиловича и в современной этнолингвистике // 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. *Slavica Tartuensia V* / ред. А. Д. Дуличенко. Tartu, 2003. Lk. 274–284.

В 1892 г. Будилович получает назначение в Дерпт⁴, переименованный на следующий год в Юрьев. В качестве нового ректора он должен был возглавить процесс превращения немецкого Дерптского университета в российский Юрьевский университет. Здесь он пробыл чуть менее 10 лет, начав свою деятельность с традиционной публичной лекции «Образование литературных языков и их значение в истории». Процесс перехода, как теперь говорят, на государственный язык обучения в Дерпте-Юрьеве-Тарту проходил весьма болезненно. Требование чтения лекций на русском языке вызвало протест как со стороны профессуры, так и студентов-остзейцев. За все нестроения, возникавшие в ходе этого процесса, должен был отвечать ректор. Нововведениями были недовольны и представители местного образованного общества, привыкшие на научных собраниях общаться на немецком языке. Белорус Будилович, прошедший в Жировицах и Вильне основательный курс подготовки кадров по присоединению униатского населения западного края к Православию, должен был учесть поликонфессиональную и многоязычную социальную структуру балтийских губерний. Длительная стажировка в Австро-Венгрии и Германии могла бы помочь ему найти контакт с немецкой профессурой, тем более, что сам он активно использовал немецкие научные труды по истории и славистике. Это явствует из текстов диссертаций, а также последней крупной работы юрьевского периода – исследования жития св. Исидора Юрьевского, поставившей точку в его карьере в Тарту.

По легенде 8 января 1472 г. пресвитер Юрьевской Никольской церкви Исидор вместе со своими 72-мя прихожанами был утоплен в проруби в реке Омовже (нем. Embach, эст. Emaļõgi) по решению епископского и городского суда за отказ примириться с католической верой⁵. Весной их нетленные тела вместе со священником в полном облачении были найдены на берегу русскими купцами. Тела пострадавших были якобы погребены около Никольской церкви. Между 1555–1563 гг. в эпоху Ливонских войн житие св. Исидора Юрьевского по заказу митрополита Макария было написано псковским священником Василием (в иночестве Варлаамом). По смерти Макария св. Исидор в число главных

⁴ И. В. Чуркина в статье о Будиловиче ошибочно пишет, что 27 сентября 1892 г. он был назначен ректором Юрьевского университета. См.: Чуркина И. В. А. С. Будилович // 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Slavica Tartuensia V. С. 269. Ср.: ИАЭ. Ф. 402. Оп. 3. Д. 195. Л. 90–111.

⁵ Ср.: «И не губите себе, будьте нам присная братия и многому добру нашему и богатству наследницы будьте. А восхощете, и вы свою веру держите: мы вам не возбраняем о сем. Токмо ныне *повинитесь предо мною и пред судиями и пред многими немцы*» (Другой вариант: «*повинитесь пред многими немцы и чюдию*»). См.: Будилович А. Историческая заметка о русском Юрьеве... С. 13).

общерусских священномучеников не вошёл, а чтился на правах местного в сонме Псковских святых. Знаменательно, что в конце XIX в. в связи с политикой русификации остзейских провинций забытая была легенда, связанная с русским Юрьевом, вновь возродилась, и Исидор был канонизирован. О том, что публикация и многоуровневое исследование текста о юрьевских мучениках, предпринятые Будиловичем, актуальны и поныне, свидетельствуют все авторы, так или иначе обращавшиеся к этому сюжету⁶, что явилось стимулом осветить исторический контекст и научный метод, использованный автором при исследовании памятника славянского письма.

В Тарту в собрании рукописей дерптского Эстонского учёного общества список со «Страдания» св. Исидора появился во второй половине XIX в.⁷ Возможно, он был сделан профессором православного богословия П. П. Алексеевым, состоявшим членом общества⁸. Бывший синдик Дерптского университета, знаток местной истории Т. Бейзе, сопоставив данную рукопись и легенду о первом настоятеле Псково-Печерского монастыря Ионе (в миру священнике Иоанне Шестнике), в январе 1876 г. прочёл доклад «События в Дерпте 8 января 1472 г. и как результат этого – основание Печерского монастыря на ливонской границе»⁹. Он же заметил, что ни в местных хрониках, ни в русских летописях упоминаний о дерптской расправе нет, и для восстановления истины необходим поиск и критическое изучение источников. Чуть ранее, в начале 70-х гг. XIX в.

⁶ См.: *Рогов А. И.* «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // *Славяно-германские культурные связи и отношения.* М., 1969. С. 313–317; *Костромин К. А.* Исидор и Иоанн – православные священники г. Тарту во второй половине XV века // *Провинциальное духовенство дореволюционной России.* Тверь, 2008. Вып. 3. С. 295–304.

⁷ В настоящее время этот список находится в рукописном отделе Литературного музея Эстонии, куда после ликвидации Эстонского учёного общества в 1953 г. поступили рукописи библиотеки общества. См.: *Литературный музей Эстонии: EKLA ÕES M. B. 6:37. Püha Isidori kannatuselugu (Страдание святых новоявленных мучеников и исповедник, святого священномученика Исидора, и еже с ним 72-ю в Юрьеве граде).* 14 л.

⁸ Алексеев Павел Петрович (1822–1884), выпускник Псковской духовной семинарии, имевший постоянное сношение с псковскими краеведами. После окончания Санкт-Петербургской духовной академии работал в Литовском и Рижском духовных училищах, с 1850 г. профессор богословия и философии для студентов православного вероисповедания Дерптского университета.

⁹ *Beise Th.* Das Ereigniss in Dorpat am 8. Januar 1472 und die Gründung des Klosters Petschur an der livländischen Grenze als Folge desselben. Dorpat, 1876. Доклад был прочитан на 429 заседании Эстонского учёного общества 17(29) января 1872 г. См.: ИАЭ. Ф. 2569. Оп. 1. Д. 13. Л. 66 об.

критикой текста о юрьевском мученике занимался В. О. Ключевский, указав на малую историческую достоверность жития св. Исидора, составленного Варлаамом¹⁰. Видимо, этим обусловлен тот факт, что в начале 90-х гг. XIX в. профессор П. А. Висковатов, также член Эстонского учёного общества, безусловно, с легендой знакомый, работая над докладом «Юрьев (Дерпт) и его историческое прошлое», где он всячески стремился подчеркнуть древность русского элемента на основе археологических и других свидетельств, пространно описывает посещение митрополитом Исидором Дерпта в 1437 г., городские церкви и монастыри XV в., но ни слова не говорит о событиях 1472 г.¹¹

В 1895 г. в Юрьев на место умершего настоятеля Успенского собора прибыл протоиерей П. М. Долговский¹². До перевода в Юрьев он был настоятелем Псковского кафедрального собора, преподавал в Псковской семинарии, изучал историю края и был цензором Псковских епархиальных ведомостей. В сан его посвящал епископ псковский Павел, автор одной из ранних публикаций текста о св. Исидоре, вероятно всего, что именно из его рук и была получена редакция, лёгшая в основу исследования Будиловича. Не исключено, что Долговский подал идею епископу Рижскому и Митавскому Арсению, бывшему до своего назначения в Ригу ректором Петербургской духовной академии, начать строительство в городе Валке со смешанным эстонско-латышским населением церкви св. Исидора¹³. В Риге Долговский опубликовал брошюру «Слово в честь святых Юрьевских мучеников», разрешённую цензурой 27 декабря 1897 г.¹⁴ В основу был положен текст синодальной типографии «Страдания священномученика Исидора при службе» (СПб. Синод. тип., 1897) и текст копии XVIII в. из собрания графа Уварова, о котором упоминает Будилович.

В начале 1898 г. в эстонской газете «Олевик» появляется заметка А. Ньу «Юрьевские страдальцы»¹⁵. В ней сообщалось, что в 1876 г. д-р Бейзе познакомил местную публику с сюжетом о страдании Исидора. Ещё

¹⁰ Ключевский В. О. Русская история: в 5 т. М., 2001. Т. 4. С. 517.

¹¹ Висковатов П. А. Юрьев (Дерпт) и его историческое прошлое. Юрьев, 1894. С. 14–15. Заметим, что авторитетный знаток ливонской истории Н. А. Казакова также не упоминает об этом эпизоде в своей монографии. См.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV – начало XVI вв. Л., 1975.

¹² Долговский П. М. (1843–1901), уроженец погоста Мезги Устюжского уезда Новгородской губернии. Окончил Новгородскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. См.: ИАЭ. Ф. 1979. Оп. 1. Д. 78.

¹³ Закладка храма состоялась 16 мая 1896 г.

¹⁴ Долговский П. Слово в честь святых Юрьевских мучеников. Рига, 1897.

¹⁵ Nõu A. Jurjewi martrid // Olevik. 1898. 13. jaanuar. №. 2. Lk. 32.

ранее к 400-летию со дня гибели священника его житие, составленное Печерским (так! – *Т. III.*) монахом Варлаамом, было опубликовано епископом Псковским Павлом¹⁶. В конце статьи говорилось, что в день поминовения св. Исидора 8 января 1898 г. в город прибыли недавно заступивший в должность лифляндского губернатора В. Д. Суровцов¹⁷, новый епископ Рижский Агафангел¹⁸ и многие другие, среди них, надо полагать, вся юрьевская профессура и местный клир. Перед древней ратушей при большом стечении народа была проведена поминальная служба в честь св. Исидора. История священномученика и с ним сопострадавших широко освещалась и в остзейской печати¹⁹. Ф. фон Кейслер, автор многих работ по истории края, сверился с делами Посольского приказа, но снова ничего не нашёл в подтверждение истинности данного события²⁰. К этому следует добавить, что тогда же в Петербурге эстонским священником Павлом Кульбушем²¹ и протоиереем Философом Орнатским²² создается Эстонское православное Исидоровское братство²³.

¹⁶ Имеется в виду работа первого ректора Рижской духовной семинарии, епископа Павла, в миру Доброхотов Прокопий Нилович (1814–1900), «Кое-что из прежних занятий» (Псков, 1872), изданная им в бытность епископом Псковским (1869–1882).

¹⁷ Владимир Дмитриевич Суровцев, генерал-майор, Лифляндский и Рижский губернатор в 1896–1900 гг.

¹⁸ Агафангел, в миру Александр Лаврентьевич Преображенский (1854–1928), в 1897–1910 гг. епископ/архиепископ (1904) Рижский и Митавский; митрополит Ярославский и Ростовский. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников в 2000 г.

¹⁹ Eine Ueberlieferung der griechisch-orthodoxen Kirche berichtet von dem am 8. Januar 1472 erfolgten Martyrium des einstigen Dorpater griechisch-orthodoxen Presbyter Isidor, wonach dieser nebst 72 Glaubensgenossen auf Geheiss des katholischen Bischofs von Dorpat im Embach ertränkt worden sei // Revalischer Beobachter. 1898. № 5; Dasselbe // Nordlivländische Zeitung. 1898. № 8.

²⁰ *Keussler Fr. von.* Die Aufzeichnungen über den Märtyrertod des heiligen Isidor und seiner 72 Genossen // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1898. Riga, 1899. S. 139–141.

²¹ Первый викарный *епископ* Ревельский *Платон (Кульбуш)* вместе с пресвитерами М. Блейве и Н. Бежаницким мученически погибли в Тарту в январе 1919 г. от рук большевиков. Подробнее см.: *Кумыш В.* Жизнеописание священномученика Платона, епископа Ревельского (1869–1919). СПб., 1999.

²² Уроженец Новгородской губернии Ф. Н. Орнатский (1860–1918), протоиерей. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви в 2000 г.

²³ Санкт-Петербургская Свято-Исидоровская церковь, предназначалась для эстонской православной диаспоры. Первый взнос на её строительство сделал Иоанн Кронштадтский (Сергеев), позднее присутствовавший при закладке храма.

Как видим, обращение Будиловича к тексту об Исидоре было далеко не случайно. Своё исследование он предваряет словами: «В старину было в обычае не только по монастырям и церквам, где отчасти это сохранилось и доньше, но и в благочестивых семействах вообще, читать по праздникам жития святых того дня. Нередко это было делается пред братскою трапезою или во время ея, как органическая часть чествования святых. [...] Храня заветы предков, и мы сегодня, после службы Юрьевским мученикам и перед братскою трапезою в их поминовение, посвятим несколько времени той отдалённой местной стороне, которая невольно оживает именно здесь, в старорусском Юрьеве, при чествовании 73 юрьевских мучеников»²⁴. Из текста явствует, что доклад был подготовлен к началу января 1900 г., а сама работа по сличению текстов и критико-историческому комментарию началась ещё в 1898 г.

Структурно труд состоит из 13 глав (на самом деле 14, VIII глава отмечается дважды), из которых первая посвящена аналитической публикации текста «Страдания». В последующих главах рассматриваются различные содержательные аспекты, направленные на доказательство исторической достоверности данного сюжета, призванного пропагандировать идею возвращения в лоно Православия через жертвенность не только славян-униатов, но и российских инородцев²⁵.

В ходе работы, помимо списка Долговского, автор изучил не совсем точную копию из Московской Синодальной библиотеки (I), сделанную профессором богословия Юрьевского университета Арсением Царевским; списки XVII в. из Троицко-Сергиева монастыря (II) и из коллекции кн. Оболенского в библиотеке Министерства иностранных дел (III); список XVIII из собрания графа Уварова по описанию архимандрита Леонида (IV), а также известные публикации текстов XIX в. – митрополита Макария (V) и упомянутого выше епископа Псковского Павла (VI). Наконец, Будилович указывает и на рукописную копию середины XIX в. «с неизвестного списка из собрания Эстонского учёного общества», о которой мы уже говорили²⁶. При публикации основного текста в подстрочных примечаниях учитывались и комментировались все разночтения между списками. Существенно, что Будилович именуется текст Варлаама «Страдание», а не житие, что позволяло применить к нему метод исторической критики. По этой причине службу юрьевским мученикам Будилович опустил, считая, что она «не включает никаких новых данных», а финальная запись с указанием автора и заказчика текста публиковалась в таком виде: «Творение священноинока Варлаама мниха. По благославлению святейшего Макария, митрополита всея Руси [...]». В самом конце службы сказано: «На литургии служба святым марта

²⁴ См.: Будилович А. Историческая заметка о русском Юрьеве... С. 3.

²⁵ Это была одна из любимых идей слависта из Австро-Венгрии, единомышленника и тестя Будиловича А. И. Добрянского-Сачурова (1817–1901).

²⁶ См.: Будилович А. Историческая заметка о русском Юрьеве... С. 4.

в 9-й день». К последней календарной записи текста присовокуплено интересное замечание Будиловича: «Тогда же празднуется память 40-мучеников Севастийских»²⁷.

Это важно, так как недвусмысленно указывает на печерское происхождение списка Долговского²⁸. Дело в том, что в Псково-Печерском монастыре в конце XV в. был освящён пещерный храм Воскресения Христова в Иерусалиме и 40 мучеников Севастийских. Подобное имя, в котором заключены числовой и мученический символы, не характерно для русских церквей. Вполне возможно, что такое посвящение инспирировано дерптскими событиями XV в., и библейская легенда вдохновляла Варлаама не только в сюжетном отношении, но и в части обозначения числа сострадавших с Исидором. Ведь сколько было мучеников, никаких свидетельств нет. Истинное событие, о котором ко времени создания жития уже точно никто поведать не мог, агиограф разукрасил на манер библейской притчи, число мучеников возвысил до 72, что может символизировать связь с 72 ангельскими чинами. На это, как одну из гипотез, указывает Будилович.

После комментированной публикации текста «Страдания» автор переходит к ступенчатому анализу разных его аспектов, начиная с проблемы достоверности, связанной с поиском и критикой источников. Сопоставляя политический и бытовой фон времени гибели Исидора и эпохи его канонизации, Будилович подводит читателей к мысли о правомерности возвращения Дерпту старого русского имени и торжестве Православия не только над идеей униатства, но и другими конфессиями. Для большей убедительности он внимательно изучал все исследования по истории Ливонии этого периода, например, синхронистические таблицы А. Рихтера, упомянутые работы Т. Х. Бейзе, Ф. Кейслера, профессора Р. Гаусмана, архивариуса В. Тремера и др.²⁹

²⁷ Там же. С. 17. 9 (22) марта совершается поминовение 40 мучеников севастийских. В этот день по обычаю пекутся «жаворонки» – печенье, напоминающее по форме жаворонков. Около 320 г. в городе Севастии, в Армении, стояло римское войско, в котором было 40 воинов-христиан. Их арестовали за отказ принести жертву идолам и заставили войти в покрытую льдом воду. На берегу озера стояла теплая баня и, кто хотел спастись, должен был отречься от Христа. Утром один из воинов не выдержал и поспешил к бане, но только теплый воздух коснулся его тела, он упал мёртвым. Тюремный сторож Аглай, увидев над мучениками неземной свет, был потрясён чудом, объявил себя христианином и присоединился к 39 мученикам. Тогда у всех христиан молотами перебили голени, побросали в огонь, а потом обугленные их кости бросили в реку.

²⁸ В варианте XVII в., хранящемся в ГИМ (см.: ГИМ. Синод. собр. № 850) и опубликованном А. И. Роговым, этой заметки нет.

²⁹ Поскольку в своих ссылках в наименованиях работ Будилович не очень точен, мы приводим здесь круг его немецких источников: Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch / hrsg. von F. G. von Bunge, H. Hildebrand. Reval, 1889. Bd. 9. 1436–1443; Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverlebten deutschen

Обращаясь к анализу Псковской летописи и договорных грамот 1448 и 1463 гг. (глава VIII), автор поясняет, что псковские и новгородские власти не касались внутренних дел Ливонского ордена, поскольку дело велось законным порядком, да и «род казни – пускание под лед – по тем временам не мог представляться чем-либо необычным»³⁰. Молчание немецких актов Будилович объясняет, во-первых, стремлением местных властей не распространять неудобную для себя информацию, а, во-вторых, «гибелью юрьевских городских актов XV в. при пожаре архива во время Ливонской войны Грозного»³¹.

Последние главы посвящены разбору причин и последствий флорентийской церковной унии, при этом, по словам Будиловича, епископство Дерптское «было как бы аванпостом Рима и германизма на берегах Чудского озера, а вместе связующим звеном между северными и южными областями латинонемецкой Прибалтики. Специально же целью немецкого Юрьева было – парализовать влияние в этих и смежных краях нашего старого, заветного Пскова»³². К вопросу о путях распространения в российских пределах слухов о казни юрьевских мучеников примыкает пространно разобранный эпизод проезда через Ливонию и Псков греческой царевны Софии Палеолог в октябре 1472 г.³³

В заключительной главе автор подводит читателей к мысли, что юрьевцы погибли не за второстепенные догматические разногласия, а за высшие идеалы, нравственную устойчивость, составляющую основу и «будущность всей грекославянской образованности, всего христианского человечества»³⁴.

Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. Th. 1. Die Zeiten der reingermanischen Entwicklung 1158–1562. Bd. 2. Die Blüte und der Anfang des Verfalls 1347–1494. Die Kirchenreform und die Auflösung 1494–1562 / hrsg. von A. von Richter. Riga, 1858; *Hausmann R. von*. Aus der Geschichte Dorpats. Dorpat, 1872; *Thrämer W. von*. Geschichtlicher Nachweis der zwölf Kirchen des alten Dorpat: zum theil aus noch unbenutzten archivalischen Quellen. Dorpat, 1855.

³⁰ Например, в 1428 г. в итоге спора Ордена с рижским архиепископом была ограблена и утоплена под Либавой посланная в Рим делегация из 16 человек. В 1375 г. по приговору Новгородского веча были сброшены с Волховского моста иересиархи стригольники со ссылкой на Евангелие: «...аще кто соблазнит от малых сих, уне есть ему, да обесится жернов на выи его и да ввержен будет в море». См.: Будилович А. Историческая заметка о русском Юрьеве... С. 39–41. Да и в XIX в. Будиловичу лично были известны случаи самоказни в воде за веру. Униатский священник Гродненского уезда М. Боцяновский носил с собою в кармане яд на случай, если его вызовут в Жировичи для обучения православному обряду. Однажды в порыве исступления, отслужив обедню, он в униатском облачении бросился в реку и утонул.

³¹ См.: Будилович А. Историческая заметка о русском Юрьеве... С. 44.

³² Там же. С. 53.

³³ Там же. С. 63.

³⁴ Там же. С. 69.

Цензорские списки как исторический источник по книгоизданию (1890–1906)

Библиотека Российской академии наук, как известно, комплектовалась, главным образом, за счёт обязательного экземпляра, поступавшего на основании закона о печати и цензуре.

В соответствии с Цензурным уставом (1865 и 1876 гг.) во главе общей цензуры стояло Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Ему подчинялись Комитеты внутренней цензуры в Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе; Комитеты иностранной цензуры в Петербурге, Риге и Одессе, отдельные цензоры в Риге, Одессе, Киеве, Вильно и других больших городах России. Духовная цензура сосредоточивалась в духовных цензорских комитетах в Петербурге, Москве, Киеве и Казани и подчинялась Св. Синоду. Цензуру также осуществляли губернаторы и различные учреждения, занимающиеся издательской деятельностью.

Ввиду множественности цензорских организаций книги и другая печатная продукция поступали в БАН практически со всей территории России. Так, только в 1892 г. с мая по декабрь библиотека получила 205 тюков от 30 учреждений, 41 губернии, 7 цензоров повременных изданий на местах (газет), 17 редакций Епархиальных ведомостей. Каждое поступление, как правило, сопровождалось письмом с подробным перечислением отправляемых изданий, либо к сопроводительному письму прилагался отдельный список. Эти документы и получили в БАН название «Цензорские списки». Так чем же они интересны для исследователя?

Во-первых, по цензорским спискам можно составить представление об издательской деятельности в отдельном регионе в конкретный временной период. В них перечисляют название печатной продукции (книги, открытки, брошюры и др.), год издания, иногда издательство, тираж или формат. В БАН при получении делали на цензорских списках пометки напротив названий поступивших книг (газет).

Во-вторых, некоторые списки периодических (повременных) изданий имели трафаретную, отпечатанную в типографиях форму. Так, например, Список Кавказского края содержит наименования изданий на русском, грузинском, армянском, французском, арабском, персидском и татарском языках. При этом указана периодичность и место издания.

В-третьих, в сопроводительных письмах поясняется причина отсутствия (не издания) отдельных книг (газет), что освободит исследователя от поиска отсутствующего номера газеты или книги.

В-четвертых, цензорские списки дают представление о круге учреждений и организаций, издающих ту или иную печатную продукцию.

Так, с БАН активно сотрудничали Дерптский и Томский университеты, Русское географическое общество и его отделения, Археологические общества, редакции ряда губернских газет, статистические комитеты, духовные академии и др.

В-пятых, в цензорских списках можно найти информацию о каталогах и реестрах книг, продающихся в магазинах Москвы и Петербурга (например, у Андрея Глазунова), описания книжных выставок (например, «Описание выставки произведений Владимирской губернии» М., 1837), собрания книг в библиотеках для чтения (например, библиотека Волынского и др.)

На основе цензорских списков в БАН велись регистрационные списки книг (инвентарные книги), в которые вносились все поступающие издания: научная, художественная литература, в том числе переводы с английского и французского языков, инструкции, учебники, памятки, отчёты, открытки – всё, что печаталось и поступало через цензорские комитеты, отдельных цензоров или научных и учебных заведений, не имевших цензуры.

Инвентарные книги учёта поступающей литературы в библиотеке имеют первостепенное значение, и в обиходе БАН они получили название «Книги приращений», «Инвентари». Из имеющихся непосредственно в архивном фонде БАН самые старые книги (под названием «книги приращений») датированы 1832 г. Эта и последующие книги представляют собой подённую валовую запись поступающих книг в пределах календарного года. Помимо названия указаны место и год издания, а также количество полученных экземпляров.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что цензорские списки, хранящиеся в архиве БАН, могут помочь исследователям в воссоздании истории регионального книгоиздания.

О печатях и штампах на книгах из фонда редкой книги НБ НовГУ

Сектор редкой и ценной книги НБ НовГУ создан в 1994 г. с целью сбора, хранения и научной обработки редких и ценных изданий. Основу фонда составляет коллекция книг библиотеки НГУИ, которая является не только частью культурного наследия прошлого, но в первую очередь – информационным ресурсом и объектом научного исследования. По своему репертуару фонд универсален, но большая часть его – это сочинения по истории, языкознанию, литературоведению, художественная литература на русском и иностранных языках, а также энциклопедии и различные словари.

В коллекцию собраны книги конца XVIII – первой половины XX в. (до 1945 г.). Гордостью библиотеки являются 63 *книжных памятника*, изданных до 1830 г. Это: «Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061», напечатанный в 1769 г. при Императорской Академии наук; «Летописец Новгородский, начинающийся от 6255 (1017) году, и кончающийся 6850 (1352) годом», изданный в московской Синодальной типографии в 1819 г.; эпическая поэма М. М. Хераскова «Россияда», выпущенная в свет в 1786 г. Н. Н. Новиковым и другие издания.

Уникальность фонда не только в том, что в его составе имеются книжные памятники. Другая, не менее важная особенность – наличие на книгах большого числа книжных знаков: печатей, штампов (как владельческих, так и библиотечных), экслибрисов и автографов (владельческих и читательских). Всего выявлено 167 библиотечных и 25 личных печатей и штампов¹.

На протяжении своей истории библиотека института неуклонно пополнялась, несмотря на неоднократные «чистки». Книги поступали из разных мест: из Государственного книжного фонда, из библиотек Ленинграда, Феодосии, Твери, Вышнего Волочка, Вологды, Боровичей. Конечно, многое приобреталось в букинистических магазинах или прямо в издательствах, но чаще всего, прежде чем попасть в Новгород, книги проходили долгий путь. Об этом свидетельствуют книжные знаки на их страницах. После выхода из печати издания, как правило, попадали в библиотеки: частные, военные, учебные и ведомственные. Большей частью

¹ На конец мая 2010 г.

книги несут по 3–4, некоторые до 6 печатей и штампов. Один из самых редких – штамп библиотеки кают-компания броненосца «Наварин»².

Многие владельцы домашних библиотек ставили на книгах личные штампы и наклеивали экслибрисы. Например: Пётр Владимирович Гейцыг, действительный статский советник, чиновник департамента общих дел Министерства внутренних дел. В его библиотеке имелось более 1000 томов. После 1918 г. она была распродана владельцем³. Другой известный библиофилам владелец книжного собрания – Дмитрий Модестович Остафьев, действительный статский советник, камергер, чиновник департамента Духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел, член попечительского совета Александровской общины сестёр милосердия Красного Креста. Жил в Петербурге. Библиотека заключала в себе свыше 7000 томов. После 1918 г. была распродана⁴.

В Российской империи во многих городах имелись библиотеки-читальни. Так, одну из частных публичных библиотек в Петербурге содержала Татьяна Андреевна Великанова. Публичную платную библиотеку содержал также Александр Александрович Черкесов (1838–1911). С 1862 г. он был членом тайного революционного общества «Земля и воля», преследовался властями, был в эмиграции. За границей в своей типографии издавал книги по естествознанию, медицине, социологии. Впоследствии он занимался книготорговлей в Петербурге и Москве. Его библиотека в 1919 г. была национализирована и преобразована в Центральную городскую библиотеку⁵.

Многие государственные предприятия, общественные организации и клубы имели свои библиотеки. Из общественных дореволюционных библиотек можно назвать библиотеки Социалистического клуба, Министерства финансов, Собрания экономистов, Санкт-Петербургского железнодорожного клуба, Служащих Юго-Западной железной дороги и др. Распространены были городские читальни, например: Городская читальня в память А. В. Кольцова, 1-я городская читальня в память А. С. Пушкина, Городская читальня в память М. Ю. Лермонтова (см. приложение к данной статье).

Поскольку библиотека НГУИ носила в первую очередь учебный характер, то неудивительно, что в неё поступали книги из различных расформированных учебных заведений: гимназий, кадетских корпусов, училищ, институтов, духовных и учительских семинарий. Среди них –

² Фактически начат постройкой 1 июля 1889 г., официально заложен 21 мая 1890 г., спущен на воду 8 октября 1891 г. Реально вступил в строй к лету 1896 г. Затонул в сражении 14–15 мая 1905 г. у о. Цусима. Из экипажа спаслись трое матросов. Всего погибло 643 моряка.

³ См.: *Богомолов С. И.* Российский книжный знак 1700–1918. М., 2010. С. 199.

⁴ Там же. С. 603.

⁵ Там же. С. 894.

Ларинская гимназия, гимназия и реальное училище доктора Видемана, Императорская гимназия в Царском Селе, реальное училище Цесаревича Николая, Санкт-Петербургская Земская учительская школа, Мариинский институт, Московский учительский институт, 2-й кадетский корпус и др. (см. приложение к данной статье).

Октябрьский переворот 1917 года привёл к массовому перемещению библиотечных фондов. Сформированные десятилетиями, а то и веками библиотеки в связи с военными (эвакуация, реэвакуация) и политическими событиями переводились на новые места хранения. Национализировались библиотечные фонды ликвидируемых и эвакуируемых учреждений и организаций. Реквизировались книжные склады и частные библиотеки. Правда, крупным учёным и общественным деятелям выдавались «охранные грамоты» на их библиотеки, но при этом количество книг, достаточных для удовлетворения профессиональных потребностей в книжных собраниях их владельцев, определялось произвольно⁶.

Реквизированные книги распродавались или передавались в библиотеки вновь организованных советских учреждений, таких как, например: Областком союза торфопромышленников; Ленинградский областной комитет союза работников связи; завод «Красный треугольник» (Петроград); Ленинградский облотдел союза медсантруда; библиотека имени В. И. Ленина при фабрике «Красный ткач»; Завком завода Электроаппарат (Ленинград).

Часть книг передавались в библиотеки вновь организованных учебных заведений – школ, техникумов, институтов, таких как Ленинградский индустриально-педагогический институт, 22 советская школа при детском доме (Фонтанка, 36), Советская единая трудовая школа № 40 и др. Широко известная по фильму «Республика ШКИД» школа им. Ф. М. Достоевского тоже имела свою библиотеку, о чём свидетельствует печать на сборнике стихотворений С. Я. Надсона.

Чтобы объяснить, каким образом удалось собрать такую уникальную коллекцию книг, нужно обратиться к истории самого учебного заведения. В Новгородской губернии в начале 1919 г. работало шесть учительских семинарий (в Новгороде, Старой Руссе, Боровичах, Валдае, Малой Вишере) и один Новгородский (б. Седлецкий) учительский институт. В результате реорганизации был учреждён Новгородский губернский институт народного образования. Учительская семинария в Малой Вишере была закрыта, её помещение передано общеобразовательной школе 2-й ступени, 1-я и 2-я Новгородские учительские семинарии, работавшие соответственно с 1901 и 1912 гг. и Новгородский (б. Седлецкий)

⁶ См.: Декреты Совета народных комиссаров «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» от 26 ноября 1918 г., «О национализации запасов книг и иных печатных произведений» от 20 апреля 1920 г., «Инструкцию о порядке реквизиции частных библиотек» от 27 декабря 1918 г.

учительский институт стали отделениями новообразованного института, а библиотеки этих учебных заведений были слиты в единый фонд. Остальные учительские семинарии перешли в разряд 3-х годичных курсов для подготовки учителей школ 1-й ступени⁷. Первоначально институт имел четыре отделения: 1 и 2 отделения – по подготовке учителей школ I и II ступени с четырёхгодичным сроком обучения, 3-е отделение – по подготовке работников дошкольного образования (срок обучения 3 года), 4-е отделение – политико-просветительное. Вскоре дошкольное отделение было упразднено, появилось отделение общеобразовательное. Пока в здании, отведённом институту, делали ремонт, отделения располагались на своих старых площадках⁸. Первыми студентами института были учащиеся прежних базовых учебных заведений и 45 человек, командированных Уездными отделами народного образования. Всего было 332 слушателя, из них 116 мужчин. Обучение было бесплатным, 238 студентов получали стипендии, иногородние жили в общежитии⁹. При приёме в институт строго соблюдался классовый принцип. Приоритет отдавался выходцам из рабочих и крестьян. Имевшие слабую общеобразовательную подготовку, они не готовы были усваивать программу института. Пришлось создать подготовительную группу.

В 1922 г. Новгородский губернский институт народного образования был переименован в Практический институт народного образования и назывался так до 1923 г. Основное внимание в подготовке будущих учителей уделялось практической направленности. Кроме основной специальности, педагоги получали базовые знания по сельскому хозяйству. Их знакомили с животноводством, полеводством, пчеловодством. Они ухаживали за животными, выращивали зерновые и овощи для своего стола. С июля 1923 г. институт был преобразован в Новгородский губернский агропедагогический техникум.

В 1930-х гг., в связи с очередной реформой образования, выявилась нехватка педагогических кадров для средних школ. Поскольку в педтехникуме готовили преподавателей только начальной школы, возникла необходимость в создании института. В сентябре 1932 г. начал работу НГПИ им. М. Н. Покровского¹⁰ с факультетами: историческим, русского языка и литературы, физико-математическим, естественно-географическим. В то же время был открыт и рабфак – вечернее отделение

⁷ ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 160. Л. 19–20.

⁸ Там же. Л. 53.

⁹ Великий Новгород: школьное и педагогическое образование. Великий Новгород, 1999. С. 100, 102.

¹⁰ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – советский историк, партийный и государственный деятель, академик. С 1918 г. заместитель наркома просвещения (А. В. Луначарского), по вопросам библиотечного строительства зачастую высказывал радикальные взгляды.

института. Комплекс учебных заведений в составе педтехникума (выпускные курсы), института и рабфака называли «педкомбинат».

В 1934 г., после очередной реорганизации, институту был присвоен статус учительского и он стал называться НГУИ. В нём остались факультеты истории и русского языка и литературы. Физико-математический факультет был переведён в Псков, естественно-географический – в Ленинград. Нужно отметить, что перед Великой Отечественной войной НГУИ имел хорошо налаженные связи с Ленинградским педагогическим институтом имени М. Н. Покровского, было даже организовано, в духе времени, социалистическое соревнование между ними. Судя по наличию штампов на книгах редкого фонда, Ленинградский институт неоднократно помогал своему подшефному литературой из фондов своей библиотеки. На начало сентября 1936 г. фонд библиотеки НГУИ насчитывал 12,5 тыс. томов. К 1938 г. количество книг увеличилось до 19 тыс., тогда же были оборудованы 4 новых, заново отремонтированных помещения.

В годы войны институт не работал. Учебное оборудование, ценное имущество, библиотека в августе 1941 г. были вывезены в Вологду. Документальным свидетельством того, в какой обстановке проходила эвакуация, является одна находка. В декабре 1974 г. в библиотеку тогда НГПИИ пришла посылка с книгой из г. Горького. В сопроводительном письме отправитель, старый солдат С. Моисеев, написал: «Возвращаю эту книгу 3-й т. соч. Н. А. Добролюбова – Вам по принадлежности...». На самой книге имеется автограф отправителя: «...Эту книгу я подобрал на улице в городе Новгороде, в августе 1941 г., числа не помню. Был ясный, солнечный день, ветрено. То и дело налетали вражеские самолёты – бомбили жилые кварталы города. Ветер и взрывные волны перебрасывали книгу, перелистывали её. Повстречавшись с ней, я решил её защитить – поднял и пронёс потом до конца войны». Кроме данного, 3-го тома, в библиотеке сохранились и два предыдущих, которые, побывав в эвакуации, вернулись в библиотеку. Все тома были переплетены когда-то владельцем. На чёрном кожаном корешке есть тиснение золотом: «С. У.» На книге два библиотечных штампа: «Библиотека Новгородского педагогического института имени М. Н. Покровского»¹¹ и «Библиотека новгородского гос. пединститута»¹².

НГУИ возобновил свою работу, прерванную войной; 10 октября 1945 г. Новгород лежал в руинах, и постановлением Обкома ВКП(б) и Облисполкома Новгородской области в распоряжение института было передано здание 3-й неполной средней школы на 880 человек, располагавшейся в доме № 14 по Ленинградской улице в районном центре г. Боровичи¹³. Однако в здании продолжали работать и 3-я школа, и

¹¹ 1932–1934 гг.

¹² 1953–1995 гг.

¹³ В настоящее время в этом здании располагаются Центр внешкольной работы и вечерняя школа.

институт усовершенствования учителей. Таким образом, учительский институт (учебные аудитории, библиотека, администрация, общежитие) поначалу разместился на 1-м и 2-м этажах. Во время войны здание находилось без присмотра и потому было частично разрушено. Из строя вышла канализационная система, водопровод, паровое отопление; значительная часть стёкол была либо побита, либо украдена, крыша не ремонтировалась. Пострадали также оконные переплёты, двери, полы¹⁴.

На первый 1945/46 учебный год планировалось принять: 120 студентов на физико-математическое и историко-филологическое отделения, на подготовительное ещё 60 студентов. Но поступили всего 75 человек на два основных отделения и 62 человека на подготовительное, причём многие студенты имели весьма слабую подготовку. Институт был очень беден инвентарём; в аудиториях имелись только столы, но и тех не доставало, табуретов было так мало, что студенты переносили их из класса в класс. В кабинете директора, в учебной части, учительской, в комнате для подготовки занятий табуретки отсутствовали. В общежитиях студенты вынуждены были сидеть на кроватях. Шкафов разных размеров, приобретённых в комиссионном магазине, во всем институте стояло всего несколько штук. Учебных пособий не было никаких. Учебных кабинетов институт не имел и к их организации поначалу даже не приступали.

С этого времени начинается активная переписка руководства института с Вологдой по поводу реэвакуации имущества института. Процесс возвращения растянулся на несколько месяцев, до марта 1946 г. К сожалению, библиотека вернулась не полностью. Известно упоминание в отчёте института за 1947–1948 учебный год¹⁵ о том, что из Вологды привезли 10 тыс. книг, которые хранились на складе Табактреста. Были утрачены все каталоги и инвентарные книги¹⁶.

За время войны пострадали тысячи библиотек, были разграблены миллионы томов. Для восстановления библиотечных фондов в 1943 г. был создан Государственный фонд литературы. Он имел задание собирать и перераспределять книжные собрания. Всего было направлено в библиотеки более 13 миллионов томов. НГУИ остро нуждался в учебной литературе. Судя по библиотечным штампам, его библиотека получала книги из разных мест, в том числе из Ленинградского педагогического института им. Герцена. Благодаря такой поддержке, уже в 1949 г. фонд библиотеки института составил более 19 тыс. книг. В августе 1953 г. НГУИ был реорганизован в НГПИ, переведён из Боровичей в Новгород и размещён в восстановленном учебном корпусе в Антоново. Книжный фонд библиотеки к 1954 г. насчитывал уже более 33 тыс. томов.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

¹⁵ Архив НовГУ.

¹⁶ Самые ранние сохранившиеся инвентарные книги датируются 1953 г.

Список библиотечных печатей и штампов, выявленных на книгах
из редкого фонда НБ НовГУ до 31 мая 2010 года¹⁷

1. [...] союз универмаг Союза торговли Библиотека¹⁸
2. [...] Библиотека [...] Молодой гвардии
3. [...] ская общественная библиотека
4. 12-я Советская школа г. Ленинград Библиотека
5. 1940 г. Р. Акт № ц-33 29
6. 19-я Вспомог. школа Петр. Р-на Библиотека
7. 1-я городская читальня в память А. С. Пушкина Разр. за № 142, 12 дек. 1897.
8. Ученическая библиотека 2 го К. К.
9. Библиотека 4 классн. Городского училища в Казанской части С.-Петербурга
10. Библиотека гимназии и реального училища д-ра Видемана
11. REFORMIRTE BIBLIOTHEK KLEACHENSCHULE
12. Агропедкомбинат им. Н. К. Крупской Библиотека
13. Библиотека гірничого інституту
14. Банк для внешней торговли СССР Ленинградское отделение
15. Бесплатная городская читальня в память М. Ю. Лермонтова
16. Бесплатная городская читальня в память А. В. Кольцова
17. Бесплатная городская читальня имени Пржевальского [...]ская ул. 16
18. Библиотека Ларинской гимназии
19. Библиотека Введенской гимназии. С.-Петербург
20. Библиотека Феодосийского учительского института
21. Библиотека имени т. В. И. Ленина при фабрике «Красный ткач»
22. Библиотека [...] при рев [...] ском о-ве
23. Библиотека [...] им. А. И. Герцена II пункт
24. Библиотека 113-й Сов. школы
25. Библиотека 193 труд. школы. Пр. К. Либкнехта
26. Библиотека 211 школы им. [...]ва
27. Библиотека 3-го П. Т. Г. Р. Педагогического института
28. Библиотека 40-й школы
29. Библиотека Богородицкого сельско-хозяйственного училища
30. Библиотека В. О. Социалистического клуба «Новая заря»
31. Библиотека Вечернего педагогического института.
32. Библиотека Вышневолоцкого педагогического техникума
33. Библиотека гимназии д-ра Видемана
34. Библиотека Дома Просвещения им. А. И. Герцена Кирилловская, 19

¹⁷ Все тексты даны в современной транскрипции.

¹⁸ Знаком [...] обозначены нечитаемые фрагменты текста.

35. Библиотека завкома завода Электроаппарат. Ленинград, В. О., 24 Линия
36. Библиотека им. К. Либкнехта
37. Библиотека Л. В. Ш. П. Д.
38. Библиотека Лейб-гвардии Финляндского полка
39. Библиотека Лен. Гор. Педагогического ин-та
40. Библиотека Лен. Гос. Пед. ин-та, Малая Посадская, 26
41. Библиотека Ленинградского Латышского педагог. техникума
42. Библиотека Ленинградского областного пед. техникума
43. Библиотека Новгородского городского клуба Союза Советских торгслужащих
44. Библиотека Новгородского педагогического института им. М. Н. Покровского.
45. Библиотека Первой Советской школы
46. Библиотека рабочего факультета им. Краснознаменного Балт. Флота
47. Библиотека рабочего факультета Ленинградского Педагогического ин-та им. Герцена.
48. Библиотека служащих в министерстве финансов
49. Библиотека Советской 178 труд. школы
50. Библиотека социалистического клуба
51. Библиотека СПб. 12 гимназии
52. Библиотека СПб. Земской учительской школы
53. Библиотека трудящихся завода «Красный треугольник» Петроград
54. Библиотека Центр. Дома Просвещ. В.-О. Р.
55. Библиотека Эстонского Пролетарского университета
56. Библиотека 22 Советской школы при 23 д. Доме. Фонтанка, 36
57. Библиотека 2-го Лен. ...яз.
58. Библиотека двенадцатой СПб гимназии
59. Библиотека ДЛК
60. Библиотека Ларинской гимназии
61. Библиотека Лен. Гос. Пед. Ин-та М. Посадская, 26
62. Библиотека Рем. Уч. Цесар. Николая 1914 г.
63. Библиотека СПб железнодорожного клуба
64. Библиотека Новгородского гос. пединстит-а
65. Библиотека-читальня народного Дома Рождественского Совдепа
66. Библиотеки Его Величества Стрелкового батальона
67. Библиотечный фонд Союза Комжилстроительства Крюков канал, 12 тел. 110-07
68. Библиотечный фонд Союза промжилком строительства Крюков канал, 12 Тел. 587-40
69. Боровичская центральная библиотека
70. Вечерний сектор Пед. Ин-та им. Герцена Библиотека
71. Городская читальня в память А. В. Кольцова

72. Городская читальня в память Н. В. Гоголя
73. Городская читальня в память И. А. Крылова
74. Городская читальня в память М. Ю. Лермонтова
75. Гос. Пед. Ин-т имени А. И. Герцена Библиотека общественно-экономического отделения
76. Гос. Публичная б-ка в Ленинграде
77. Гос. Учительский институт Библиотека г. Вышний-Волочек
78. Госуд. Педагогический ин-т им. А. И. Герцена. Кабинет литературы
79. Госуд. Педагогический ин-т им. А. И. Герцена. Кабинет методики родного языка и литературы
80. Губотдел Союза Совторгслужащих
81. Двинское 2 городское училище
82. Дом отдыха Подгорное
83. З. У. Ш.
84. Императорская Николаевская гимназия в Царском Селе. Фундаментальная библиотека
85. Институт дошкольного образования. Студенческая библиотека
86. Кабинет библиотековедения
87. Кабинет математики НГПИ
88. Кабинет рус. яз. НГПИ 1964 г.
89. Кают-компания броненосца «Наварин»
90. Коммунистическ. ин-т журналист. им. Воровского
91. К-т ин. яз. НГПИ
92. К-т истор. НГПИ
93. К-т литер. НГПИ
94. Культурно-Просветител. отдел Союза Железнодорожников Районная Приморская Петроgrado-Сестрорецкая жел. дор.
95. Курсы по подготовке преподавателей школ 1-й ступени при педаг. институт. им. А. И. Герцена
96. Ларинск. Гимн. Учен. Библиот.
97. Л-гр. Обл. комит. Союза работников связи Библиотека передвижного фонда тел. 444-31
98. Лен. Обл. Пед. Училище Библиотека
99. Лен. Гос. Пед. Ин-т им. М. Н. Покровского Библиотека
100. Лен. Обл. педагогический институт им. А. С. Бубнова Библиотека
101. Лен. Обл. упр. Связи. Адм.-хоз. отд. ул. Герцена, 61 Тел. Нач. 57-05 Бухг. 11-56
102. Лен. Областной педагогический институт Библиотека
103. Ленингр. Индустриально-педагогический Институт Фундаментальная библиотека
104. Ленингр. Облотдела Союза Медсантруда. Библиотека
105. Ленинградская Центральная библиотека площ. Лассалья, 3

106. Ленинградский областной отдел народного образования Вечерний педагогический институт
107. Ленинградский институт по подготовке преподавателей Семилетка Библиотека
108. Ленинградский Областной педагогический институт. Мал. Посадская, 26 Библиотека
109. Ленинградский Областной педагогический институт. Сектор заочного обучения. Библиотека
110. ЛПИ им. А. И. Герцена Фундаментальная библиотека
111. Мариинский институт 1894
112. Межсоюзный объединённый местком «Дворец труда»
113. Музей СПб Учительского института
114. Новгородская женская учительская семинария
115. Новгородский Государственный учительский институт. Библиотека
116. Новгородский союз потребительских обществ Новгородское 8-ми классное [...]
117. Обл. пед. Ин-т им. Бубнова Библиотека Сектор заочного обучения. Л-д М. Посадская № 26
118. Областком союза торфопромышленн. Передвижной бибфонд
119. Отдел народного просвещения II городского района Единая трудовая школа № 37
120. П. П. И. им. А. И. Герцена. Библиотечн. пункт литературного ф-та
121. Пед. Ин-т им. А. И. Герцена IV библ. пункт отделение языка и литературы
122. Пед. Ин-т им. Герцена Учебная библиотека № 2
123. Педагогические курсы при СПб. учебн. округе. Библиотека
124. Педагогический институт дошкольного образования Фундаментальная библиотека
125. Педагогический институт им. А. И. Герцена. Кабинет литературы
126. Педагогический институт им. А. И. Герцена. Кабинет нацмен №
127. Педагогический техникум им. К. Д. Ушинского
128. Передвижной Библ. фонд Союза метало-изд.
129. Передвижной фонд Д. М. Р. Инженерная, 9
130. Петроградский губернский институт Нар. Образования Библиотека
131. Печ. Новгородской учительской семинарии
132. Полковая библиотека 3-го Финляндского стрелкового полка
133. Библиотека Преподавателей СПб Земской Учительской школы
134. Проф. Союз раб. Связи Центральная библиотека тел. 4-44-31 Ленинград, пер. Годбельский
135. Р.С.Ф.С.Р. Коммунальная библиотека читальня имени А. С. Грибоедова
136. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика 2-й Ленинградский педагогический институт

137. Российская Социалистич. Федерат. Советск. Респ. Центр. библиотека Выборгского района
138. Российский союз работников связи Рабочий комитет [...] округа связи
139. РСФСР Н.К.П. Новгородский агропедагогический техникум «__»__193_ № Новгород – Антоново Тел. 230
140. РСФСР Народный Комиссариат Просвещения Новгородский Государственный учительский институт «__»__ № Библиотека г. Боровичи, Ленинградская, 14. Тел. 4-69
141. Русская Библиотека училища при реформатской церкви № 3 старший возраст
142. С.П.Б. Владимирское 4-х кл. городск. Училище
143. С.П.Б. Общество народных университетов. Библиотека-читальня имени Н. В. Гоголя
144. С.-Петербургская Земская Учительская школа Кабинетская, д. № 18
145. Собрание экономистов Библиотека
146. Советская 173 школа
147. Советская единая трудовая школа 215
148. Советская единая трудовая школа 40 РСФСР
149. Советская единая трудовая школа 53
150. СПб Мариинская женская гимназия
151. СПб Учительский институт
152. С-Петербургский институт Императора Николая I-го
153. С-Петербургское реальное училище Библиотека
154. Тверской педагогический техникум
155. Управление Дворца труда Библиотека Ленинград, Дворец Труда, к. 104
156. Учебное заведение 1-го разряда. Новая Василеостровская школа
157. Ученическая библиотека СПб. Введенской гимназии
158. Ученическая Библиотека Новгор. Дух. семинарии
159. Библиотека Училища при реформатских церквях
160. Фундаментальная библиотека Седлецкого Учительского института
161. Фундаментальная библиотека Санкт-Петербургской Духовной семинарии
162. Фундаментальная библиотека Спб. Коломенского гор. учил. № хран. 268 сист.
163. Центр. библиотека Выборгского района при ГОСДОМПРОСВЕТЕ им. Г. В. Плеханова
164. Центральная библиотека им. Коминтерна В.-О. района
165. Центральная городская библиотека Д.О. [...]
166. Центральная коммунистическая библиотека г. Петрограда
167. Школа им. Достоевского (ШКИД)

Список личных штампов из фонда редкой книги НБ НовГУ¹⁹

1. Библиотека Александра Ивановича Иванова № 223
2. Александр Иванов
3. Из книг Д. М. Остафьева № С. 2
4. Библиотека Остафьева
5. Библиотека Новосёлова
6. Домашняя библиотека Филиппа Григорьевича Сердюка
7. Из книг и журналов Д. С. Нестеров
8. Г. Максимовъ
9. Бородин
10. Biblioteka
11. Библиотека П. В. Гейцыга
12. Библиотека Г. Я. Вейнберга
13. Библиотека для чтения Н. Быстрова
14. Библиотека Т. А. Белова
15. Т. А. Белов
16. Из книг С. С. Антонова
17. Сергей Николаевич Барышев
18. Библиотека Т. А. Великановой
19. Константин Николаевич Колобов Петроград, ...
20. Библиотека Некрасовых
21. Михаил Иванович Афанасьев
22. В. Верховской
23. Из книг П. П. Азбелева
24. Черкесов в СПбурге
25. Фёдор Васильевич Бодухин / Михаил Васильевич Бодухин

¹⁹ Кроме штампов с нераспознанным и частично нераспознанным текстом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лидия Грот (Люлео, Швеция)

Проблемы исследования российского политогенеза и критика норманистской концепции «Князя по найму»

Изучение процессов возникновения и развития древнерусского государства отягощено грузом нескольких утопий. К этому выводу автор данной статьи пришёл в ходе своих исследований, краткие результаты которых и будут представлены в данной статье.

Начну с пояснения термина «Князь по найму». Я ввела его несколько лет тому назад в своих работах по генезису древнерусского института княжеской власти для характеристики доминирующей в отечественной науке концепции, трактующей летописное Сказание о призвании Рюрика и его братьев на княжение к предкам новгородцев как приглашение безродного наёмника из Скандинавии (чаще всего называют Среднюю Швецию), который по договору (так однозначно толкуется слово «ряд») стал князем¹. В этих работах я стараюсь раскрыть, что данная концепция – реликт теории Общественного договора XVII–XVIII вв., согласно которой государство и королевская или княжеская власть возникали немедленно из первобытного хаоса «народоправства» на основе сознательно заключённого между людьми договора.

¹ Грот Л. П. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки. 2006. Историографический вестник. М., 2007. С. 72–118; Грот Л. П. Имена древнерусских князей: к проблеме сакрального и династийного принципов именословов // Древняя столица: история и современность. Владимирские чтения. Владимир, 2006. С. 17–41; 2-е изд., 2007. С. 21–49; Грот Л. П. Начальный период российской истории и западно-европейские утопии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. 2006–2007 гг. Великий Новгород, 2007. С. 12–22; Грот Л. П. Рюрик и традиции наследования власти в догосударственных обществах // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв.: материалы междунар. науч. конф. 31 окт. – 1 нояб. 2008 г. Липецк, 2009. С. 33–72; Грот Л. П. Алгебра родства и практика призвания правителя со стороны // Алгебра родства. СПб., 2009. С. 132–194; Грот Л. П. Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2009. Вып. XLIX. С. 132–154.

Эти новинки французской и английской мысли были в XVIII в. привезены в Петербург немецкими академиками и легли в основу того взгляда на Сказание, которое я и назвала концепцией «Князя по найму». Как известно, сама теория Общественного договора давно отошла в прошлое как утопическое учение. Проблематика генезиса института королевской/княжеской власти, а также связанные с ней вопросы политогенеза рассматриваются сейчас на базе совершенно иных теорий, в частности, на базе концепции вождества – социополитической организации, характеризующей поэтапную эволюцию позднепервобытного/предгосударственного общества. Данный подход появился как в отечественной, так и в западной науке с 60–80-х гг. прошлого века². Но концепция вождества развивается сама по себе, а изучение древнерусского института княжеской власти идёт (или скорее стоит на месте) – само по себе: здесь восемнадцатый век сохранился во всей первозданности – древнерусский институт княжеской власти возникает у нас только благодаря сознательно заключённому между людьми договору.

Однако теория Общественного договора – не единственная утопия минувших времён, повлиявшая и продолжающая влиять на исследования по генезису института княжеской власти и вообще, – по древнерусскому политогенезу. Здесь надо назвать и другие утопии, в частности, готицизм и рудбекианизм, которыми я начала заниматься в последнее время³.

Готицизм – это течение, распространившееся с XVI в. в западноевропейской исторической мысли и стремившееся реконструировать историю древнего народа готов, на родство с которыми претендовали многие западноевропейские народы, в том числе, – народы стран Скандинавского полуострова. Данное идейно-политическое течение сложилось в Германии и скандинавских странах как реакция на антиготскую пропаганду итальянских гуманистов, которые, начиная с конца XIV в., всячески чернили историческое прошлое североевропейских народов в форме поругания готского начала – разрушителя великой

² Историография изучения феномена вождества в 60–80-е гг. с подробной библиографией см.: *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995. С. 11–61.

³ Об этом см.: *Грот Л. П.* Начальный период российской истории... С. 12–22; *Грот Л. П.* Гносеологические корни норманизма // ВИ. 2008. № 8. С. 111–117; *Грот Л. П.* Алгебра родства и практика призвания... С. 132–194; *Грот Л. П.* Рюрик и традиции наследования власти... С. 33–72; *Грот Л. П.* Утопические истоки норманизма: мифы о гипреборях и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории / сост. и ред. В. В. Фомина. М., 2010. С. 321–338; *Грот Л. П.* Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии: сб. ст. и монографий / сост. и ред. В. В. Фомина. М., 2010. С. 103–202.

античной культуры Рима⁴. В этой обстановке с конца XV – начала XVI в. в североевропейских странах и стало формироваться интеллектуальное движение протеста, в русле историко-филологической мысли оформившееся как *готицизм*⁵.

В силу того, что в готицизме основополагающей стала идея отождествления юга Швеции – Гёталандии с прародиной готы, то шведские представители готицизма изначально играли авторитетную роль в развитии этого направления. Особенно известной фигурой стал шведский писатель XVI в. Иоанн Магнус. Поскольку готицизм сложился как реакция на антиготское «оплёвывание» со стороны итальянских гуманистов, то это определило стремление готицистов всячески возвеличить историческое прошлое готы – великих европейских завоевателей, что вызвало пышный расцвет мифотворчества на базе исторического материала, в частности, практику приписывания к своей истории событий и источников из истории других народов.

Например, И. Магнус, воссоздавая якобы забытую со временем историю готы-шведских королей, приписал к древнешведской истории историю многих народов Европы в древности, конкретно, не только историю готы Причерноморья или фракийских и тракийских народов, называемых греками общим именем гетов, но и историю скифов. И уже шведы, а не скифы, под пером Магнуса выступали как покорители Азии, как соперники египетских фараонов и пр.⁶ Помимо скифской истории,

⁴ См., например: *Вольфрам Х.* Готы. СПб., 2003. С. 11–16; *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1978; *Макиавелли Н.* История Флоренции / пер. с ит. Н. Я. Рыковой. 2-е изд. М., 1987; *Соколов В. В.* Европейская философия XV–XVII вв. М., 1984; Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / сост., общ. ред. Л. М. Брагиной. М., 1985; *Haslag J.* «Gotic» im 17. und 18. Jahrhundert. Köln, 1963; *Johannesson K.* Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982; *Kristeller P. O.* Renaissance thought. The classic, scholastic and humanist strains // Cultural aspects of Italian Renaissance. Assays in honor Paul Oskar Kristeller. Manchester, 1961; *Latvakangas A.* Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 95–111; *Lindroth S.* Göticismen // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid. Malmö, 1961. Bd. VI. S. 35–36; *Nordström J.* De yverbörnes ö. Sextomhundredstudies. Stockholm, 1934. 55–76; *Idem.* Goter och spanjorer. Till spanska goticismens historia // Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets årsbok. Stockholm, 1971. S. 171–180; *Idem.* Johannes Magnus och den götiska romantiken. Stockholm, 1975; *Svennung J.* Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967.

⁵ *Haslag J.* Op. cit. S. 113–190; *Svennung J.* Op. cit. 62–67, 97–103.

⁶ *Johannesson J.* Op. cit. S. 40, 80, 120–122, 134, 145; *Latvakangas A.* Op. cit. S. 96–97; *Lindroth S.* Op. cit. S. 38; *Nordström J.* De yverbörnas... S. 95–101; *Idem.* Johannes Magnus...; *Westin G.* Johannes Magnus och Miechovitas brevväxling om goternas ursprung // Kyrkohistorisk årsskrift. Fyrtionde årgången. Uppsala och Stockholm, 1949. S. 185–186.

И. Магнус свободно использовал древнегреческие источники как материал для истории древнешведских королей и причислял к последним, например, героя сказаний о Троянской войне Телефа, на основе того, что имя Телеф было признано им за древнешведское имя Елефф, искажённое греками. Не избежала поползновений Магнуса и древнеримская мифология. Так, он убеждал своего читателя, что древнешведские религиозные традиции оказали влияние на древнеримские и что под именем бога войны Марса скрывался древнешведский Один⁷.

Шведский готицизм развивался рука об руку с немецкоязычным готицизмом, в русле которого стало оформляться понятие «германцы» как народ/группа народов, объединённых общими предками и общими высокими моральными качествами. «Германцы» провозглашались не разрушителями, а законными молодыми и сильными наследниками одряхлевшей Римской империи, завоевания которых вели к созданию европейской государственности. Именно в это время оформилась концепция, согласно которой германцы были отождествлены с готами, а настояниями немецких историков В. Пиркхаймера (1470–1530) и Ф. Иреника (1494/1495–1553) к германцам были причислены и шведы как один из народов «на германских островах», что послужило важным стимулом для развития шведского готицизма⁸.

В дополнение к этим течениям североевропейской общественной мысли XVI–XVII вв. сложился и так называемый германо-славянский спор, изначально занятый вопросом о том, чьи предки были старше и, соответственно, благороднее. Немецкоязычная историософия этого периода стала развивать мысль о некоем имманентном славянском народоправстве. Поскольку в этот период и вплоть до эпохи Просвещения народоправство связывалось с первобытным хаосом и дикостью, а монархия – с утверждением порядка и цивилизации, то германо-славянский спор в русле новых просвещённых взглядов автоматически разрешался следующим постулатом: истории всех народов, принадлежавших к славянской языковой семье (включая, естественно, и русскую историю), наделялись первородной народоправной дикостью, а носители германских языков становились монопольными обладателями монархического начала и порядка⁹.

Методика, рождённая мифотворчеством готицизма, со всей полнотой проявилась в родственном готицизму *рудбекианизме* – феномене

⁷ Nordström J. De yverbornas... S. 101, 181; *Idem.* Johannes Magnus... S. 160–164, 174.

⁸ Johannesson K. Op. cit. S. 118.

⁹ См., например: Гром Л. Рюрик и традиции наследования власти... С. 54–55; Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С. 194, 234; Hartknoch Ch. Alt- und neues Preussen oder Preussischer Historien zwey Theile. Frankfurt; Leipzig, 1684. S. 232–233.

западноевропейской исторической мысли XVII–XVIII вв., зародившемся в шведском обществе и названном по имени шведского литератора XVII в. Олафа Рудбека (1630–1702). Рудбекианизм сохранял место влиятельного течения западноевропейской исторической мысли до середины XVIII в. Дань поклонения Рудбеку отдали Монтескье, Вольтер, Руссо, Шатобриан. Под влиянием рудбекианизма воспитывался Байер, в силу чего рудбекианизм должно считать одним из истоков норманизма¹⁰.

Рудбек придал дальнейшее ускорение развитию фантазий готицизма и выказал стремление «обосновать» основоположничество шведов с древнейших времён в историях уже большинства европейских народов, а Швецию представить колыбелью общеевропейской культуры, в том числе, древнегреческой, скифской и древнерусской. Для этого он использовал не только Иоанна Магнуса, но и фантазии своих старших предшественников – шведских литераторов Буре, Штэрнъельма, Верелиуса и др., проникнувшихся верой в то, что под именем древнего народа гипербореев также скрывались предки шведов, а Гиперборея находилась на территории Средней Швеции, столь любимой впоследствии норманистам. В русле этих фантазий «реконструировался», например, путь предков свеев из Средней Швеции через всю Восточную Европу к Чёрному морю и далее – в Грецию и утверждался образ свеев, под именем гипербореев путешествовавших с древности по рекам Восточной Европы до Чёрного моря и обратно¹¹. В основном своём труде «Атлантида» Рудбек уверял, что за именами многих народов и стран у античных и других древних авторов скрываются прямые предки шведов, но что это с течением времени забылось, оказалось утерянным, искажённым и т. д. И он «восстанавливал» забытую шведскую историю через отождествление со Швецией платоновской Атлантиды, острова гипербореев, Скифии, Варягии и др.¹² Именно ссылаясь на Магнуса и на Рудбека, постулировал Байер шведское происхождение летописных варягов¹³. Но дело в том, что ни сочинения Магнуса, ни Рудбека наукой никогда не были, следовательно, и мысль о шведском происхождении летописных варягов, Рюрика и его братьев, проистекает из мифотворческого, а не научного источника.

¹⁰ См. Прим. 3.

¹¹ *Грот Л. П.* Гносеологические корни... С. 111–113; *Грот Л. П.* Утопические истоки... С. 321–326; *Latvakangas A.* Op. cit. S. 145; *Nordström J.* De yverbornas... S. 101–103, 113–134; 181–184, 193; *Idem.* Johannes Magnus... S. 160–164, 174; *Wiselgren P.* Sveriges sköna litteratur, en öfverblick vid Akademiska föreläsningar. Andra delen. Lund, 1835. S. 200

¹² *Rudbeck O.* Atland eller Manheim. Uppsala och Stockholm, 1937. Första delen. S. 191, 228, 265, 293, 324–325. Tredje delen. S. 174–191, 196–199.

¹³ *Байер Г. З.* О варягах // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 353–354.

Что показывает предложенный здесь очень краткий экскурс в историю западноевропейских утопий и исторического мифотворчества? Он показывает, что многое в современных концепциях норманизма о возникновении древнерусской государственности обнаруживает родство с фантазиями и утопиями XVI–XVIII вв., в частности, с фантазиями готицизма и рудбекианизма или с их образами гото-германоскандинавских завоеваний, несущих другим народам Европы государственность и монархический порядок, а также – с постулатом теории Общественного договора о возникновении монархии немедленно из первобытного хаоса «народоправства» на основе добровольно заключённого договора. Подкреплю этот вывод примерами из некоторых публикаций российских авторов, непосредственно посвящённых рассмотрению вопроса возникновения древнерусского государства и появления княжеской власти на Руси.

Использую для этой цели работы Е. А. Мельниковой, поскольку у этого автора более чётко, чем у других сторонников концепции «Князя по найму», обнаруживаются следы реликтов отживших идейных систем: теории Общественного договора, готицизма, рудбекианизма. Вот примеры из её работ «Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах» и «Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI – начала XII в.»¹⁴. В центре этих работ – рассмотрение знаменитого события из русской истории, а именно – призвания варягов на правление в княженье Словен, трактуемого в традициях концепции «Князя по найму»¹⁵.

¹⁴ Мельникова Е. А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 12–26; Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI – начала XII в. // ДГВЕ. 2005. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 47–75.

¹⁵ См. также работы: Дубов И. В., Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189–194; Кирпичников А. Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 7–15; Кирпичников А. Н. Сказание о призвании варягов: Легенды и действительность // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 31–38; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГВЕ. 1998. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 143, 152–154, 158; Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГВЕ. 2001. М., 2003. С. 62–63; Мельникова Е. А.

В вышеназванных работах Мельниковой смысл призвания князя Рюрика на княжеский престол в Словенском княжестве толкуется как акт «интегрирования норманнов в инокультурное общество», в результате которого Рюрик стал «...первым легитимным князем Руси...», и что «...Древнерусское государство (Русь, Русская земля) возникает тогда, когда в Киеве утверждается легитимная княжеская династия»¹⁶. Правда, последний вывод приписывается Мельниковой составителю ПВЛ, но это уже чистый домысел автора: ни ПВЛ, ни другие летописные источники, упоминая летописных князей, не делят их на легитимных и нелегитимных. Подобные формулировки созданы сторонниками концепции «Князя по найму». Её аналогию можно увидеть, например, в опубликованной более десяти лет тому назад работе Н. Ф. Котляра, который уверял, что «...источники, западные и древнерусские (Sic! – Л. Г.), постоянно называют князьями племенных вождей, но это вовсе не означало, что они ими были. Князь в **подлинном значении этого термина** (выделено мной. – Л. Г.) появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнёт рождаться государственность»¹⁷.

Приведённые примеры показывают, что сторонники концепции «Князя по найму» сидят в тупике XVIII в., не будучи в состоянии отказаться от взгляда, что государственность и институт княжеской/королевской власти возникают одновременно. В моих работах, касающихся генезиса

«Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке» // Родина. 2009. № 3. С. 56–58; 2009. № 5. С. 55–57; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 г. М., 1991. С. 219–229; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57; Носов Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне. С. 65–66; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 116–128; Петрухин В. Я. Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // ДГВЕ. 2005 г. М., 2008. С. 76–83; Петрухин В. Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст // Там же. С. 33–46; Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 41–46; Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 257, 263 и др. Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С. 43–60; Свердлов М. Б. Дополнения // ПВЛ / подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачёва; под ред. В. П. Адриановой-Перец. 2-е изд. испр. и доп., подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 596; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.

¹⁶ Мельникова Е. А. Укрощение неукротимых... С. 12; Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение... С. 3, 47.

¹⁷ Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 35.

древнерусского института княжеской власти¹⁸, я напоминала, что концепция «Князя по найму» идёт полностью вразрез с мировой династической практикой человечества: верховные правители у любого народа в любые времена не нанимались по договору, а избирались в рамках правоотношения, отличного от отношения, возникающего при найме каких-либо услуг. Не соответствует концепция «Князя по найму» и выводам современных теоретических исследований, выявивших, что институт наследственной власти возникает в архаических обществах задолго до появления государственности: это одно из важнейших открытий в рамках концепции вождества¹⁹. Но продолжу рассмотрение фрагментов из работ Мельниковой.

Вразрез со всеми имеющими свидетельствами источников о том, что Рюрика призывали князем в силу его прав на княжеский престол согласно матрилиатеральной традиции, мы у Мельниковой встречаем постоянно только образ безродного наёмника, невесть как ставшего князем: «...Рюрик – предводитель одного из многих военных отрядов скандинавов...», или: «Заклучение договора... между князем – “наёмником” и новгородской знатью превращается со временем в норму...» и др.²⁰ Трактовка Мельниковой поражает своей аномальностью, поскольку она ставит Словенское княжество не только вне всяких традиций родовой организации, но придаёт ему даже постмодернистские черты: рынок свободной покупки – продажи услуг между двумя партнёрами, не отягчёнными никакими родовыми традициями.

Чем иным, как не неизменным тиражированием матрицы теории Общественного договора, можно объяснить тот странный факт, что сторонники концепции «Князя по найму» идут параллельным курсом как к

¹⁸ См. Прим. 1.

¹⁹ *Баум Р.* Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград, 2006. С. 244–266; *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения... С. 11–61; *Крадин Н. Н.* Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вождества // *Ранние формы социальной организации.* СПб., 2000. С. 200–203, 207–213; *Скальник П., Фейнман Г. М., Чэбел П.* По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград, 2006; *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997; *Service E.* *Origins of the State and Civilization.* N. Y., 1975; *Cohen R.* *State Origins: A Reappraisal // The Early State.* The Hague, 1978; *Claessen H. J. M.* *The Internal Dynamics of the Early State // Current Anthropology.* Chicago, 1984. Vol. 25. № 4; *Ideologi and the Formation of Early States / Eds. H. J. M. Claessen, J. G. Oosten.* Leiden, 1996; *Grinin L. E., Carneiro R. L., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V.* (eds.). *Early State, Its Alternatives and Analogues.* 2004, Volgograd.

²⁰ *Мельникова Е. А.* Рюрик и возникновение... С. 60, 65; *Мельникова Е. А.* Укрощение... С. 24.

свидетельствам источников, так и к достижениям современной теоретической мысли, никогда с ними не пересекаясь?

Здесь своевременно отметить, что сложность признать наличие института наследной верховной власти в архаичных обществах существует для этих авторов только относительно древнерусской истории, т. е. их догматизм весьма селективен. В статье «Укрощение неукротимых...» Мельникова рассматривает события, связанные с историей дипломатических отношений между правителями Южной Ютландии и Франкским государством, а также – с набегами викингов на атлантическом побережье и на Британских островах, что сопровождается оценками и социально-политического развития южнодатских конунгств с конца VIII в. В контексте этих событий она без запинки использует такие понятия, как «собственные династии правителей в Южной Дании», «конунги Хедебю», приводя данную титулатуру без особых разъяснений и не разделяя конунгов на легитимных и нелегитимных.

Но как быть читателю? Читатель уже попал под обаяние идеи, что институт наследной власти возникает из пепла хаоса межплеменных усобиц великой силой договора, и поэтому задаётся законным вопросом: а как возникли, в таком случае, институты королевской власти в тех же южнодатских социально-политических организациях, упоминаемых в статье? Поскольку Мельникова в своей статье соединяет в одних рамках историю взаимоотношений Южной Ютландии с Франкской империей, историю викингских походов на запад и политогенетические процессы в древнерусской истории IX в., это даёт нам право предположить, что, например, институт конунгов Хедебю возник также как институт княжеской власти в Приильменье, т. е. как результат договоров южноютландских правителей с Карлом Великим.

Но только напрасно мы будем утруждать себя такими предположениями: Мельникова не касается тайны возникновения института конунгов Хедебю. И тут мы вспоминаем, что сторонники концепции «Князя по найму» подвержены влиянию другой утопии – готицизма, где вместе с верой в благодетельное влияние гото-германско-скандинавских завоеваний существует и вера в то, что гото-германское начало просто из себя породило феномен королевской (княжеской) власти и, соответственно, институт верховной власти. Но ведь идеалы готицизма зародились более пятисот лет тому назад, в то время, когда люди ещё верили, что земля плоская. Другое дело, что часть этих идеалов пустила очень цепкие корни в западноевропейском сознании и влияла на западноевропейскую мысль в течение длительных периодов, причём не только на западноевропейскую мысль.

Важно знать, что укоренению среди советских исследователей идеи приоритета гото-германского или норманского фактора при образовании государств сильно содействовала статья К. Маркса «Тайная дипломатия

XVIII в.», написанная в конце 50-х гг. XIX в., однако, в полном виде опубликованная лишь после его смерти, в 1899 г., но так и не включённая ни в одно из собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изданных в советское время. В этой статье К. Маркс предпринял краткий экскурс в историческое прошлое России, и единственным автором, на работы которого он при этом опирался, был Шлёцер. Статья К. Маркса, в которой он рассматривал возникновение русского государства как «естественный результат примитивной организации норманского завоевания...»²¹ – типичный образчик исторического наследия готицизма в XIX в., продолжавшего держаться за веру в то, что готско-германские завоевания заложили основы европейской государственности.

А статья Мельниковой – точный сколок взглядов, изложенных в «Тайной дипломатии XVIII в.». У Маркса мы видим рассуждение о древнерусской государственности как результате норманского завоевания в форме «примитивной организации», и Мельникова в унисон этому убеждает нас в том, что события летописного сказания о Рюрике происходят «на фоне скандинавского присутствия в Ладожско-Ильменском регионе» и отражают факт обращения к «одному из сильных викингских отрядов, возможно, уже обосновавшемся в округе...» как средству «...формирования властных институтов...»; Маркс выражает уверенность в том, что «...как в России, так и в Нормандии... походы первых Рюриковичей и их завоевательная организация ни в чём не отличалась от норманнов в других частях Европы...» и что «...образование государства в империи Рюриковичей носило исключительно готский характер...». Также и Мельникова не видит разницы между Русью и Нормандией, проводя, например, прямые параллели между призванием Рюрика в князья на словенский престол и договорным урегулированием отношений короля франков Карла Простоватого в X в. с Роллоном (Хрольвом), ставшим основателем герцогства Нормандия²².

Если мы обратимся к фактам, то увидим, что не имеется ни малейших данных ни в русских, ни в западных источниках, которые позволяли бы проводить аналогии между призванием Рюрика и договорами с викингскими отрядами из французской истории (или английской, примеры из которой также используются Мельниковой), но Мельникова полагает, что материала западноевропейской истории с избытком хватает и для анализа русской истории. Договор с Роллоном первой четверти X в., также как и другие подобные документы из истории Франции или Англии, приводимые ею, ни в одном пункте не совпадают с фактами призвания варяжских князей в Новгород в 862 г. Подобные договоры заключались с предводителями военных отрядов данов или

²¹ *Marx K.* 1700-talets hemliga diplomati. Värnamo, 1990. S. 6, 131–133.

²² *Мельникова Е. А.* Укрощение... С. 12–13, 17, 23–24; *Marx K.* Op. cit. S. 131–132.

выходцев из будущей Норвегии, что бесспорно подтверждается множеством источников. Но согласно источникам, эти викинги ниоткуда не призывались, поскольку ко времени заключения договоров уже довольно длительное время находились на территории Англии и Франции, осев там в результате завоевательных походов. Договоры регулировали границы их расселения, даровали земельные пожалования, возглашали мир и вассальные отношения между отрядами викингов и, соответственно, королями франков или королями Англии, однако ни один из договоров не пытался наделить вожаков военных отрядов судебными или какими-либо другими функциями, являющимися прерогативами верховного правителя.

Сказание о призвании князей в русских летописях повествует о поисках кандидатуры князя как верховного правителя и, таким образом, представляет правоотношение, отличное от возникающего при найме каких-либо услуг. Призвание правителя «со стороны» отражало выбор родовича за пределами родовой территории, но – из системы генеалогических связей. Наём иноземных отрядов, наверняка пёстрой этнической принадлежности, осуществлялся и великими киевскими князьями, например, Владимиром Святым и Ярославом Мудрым, примерно, в тот же исторический период, что и в Западной Европе – самое благое дело было бы для Мельникова взять эти факты для сравнительно-исторического анализа. Но Мельникова не видит разницы между призыванием правителя со стороны – явлением, распространённым в политической и династической практике европейских стран, – и между наделением ленами мелких предводителей из североевропейских стран со стороны существующей верховной власти.

Интересно посмотреть на примере её статьи «Укрощение неукротимых...», какими доводами руководствуются сторонники концепции «Князя по найму», чтобы прийти к выводам, не подтверждаемым с помощью источников.

Первое, что бросается в глаза – это стремление автора, с одной стороны, архаизировать эволюционную ступень, на которой находилось княжение Словен, а с другой стороны, – повысить социально-политический уровень развития политий на Ютландском полуострове, и всё это без приведения в статье малейших доказательств. Так, в начале статьи она декларирует, что уже «...со второй трети VIII в. на юге Ютландского п-ва формируется раннегосударственное образование с центром в Хедебю [...] в IX и на протяжении значительной части X в. существовало несколько раннегосударственных объединений со своими собственными династиями правителей: в Южной Дании с центром в Хедебю, в западной Ютландии с центром в Риббе, на о. Зеландии и др. ...», но через несколько страниц, а хронологически – по истечении всего полувека – Мельникова определяет южнодатские владения уже как «государственные образования» и тоже без выделения критериев

государственности, т. е. под её пером переход к более высокой стадии политогенеза в южноютландских конунгствах происходит со стремительной скоростью. Более того, она подаёт читателю надежду, что нижняя хронологическая граница этих процессов может быть ещё больше занижена: «Ныне начало эпохи викингов, которая рассматривается как время не только викингских походов, но и зарождения и становления ранних государств, отодвигается к первой трети VIII в.»²³, не приводя при этом ни одной ссылки на соответствующую литературу: кем, какими учёными рассматривается, с какого времени и на каком основании, оставляя читателя в полном недоумении.

Дело в том, что в скандинавской медиевистике уже давно утвердился вполне определённый взгляд на викингскую эпоху (от 790-х до 1100-х гг.) как догосударственный период в скандинавских странах. Ранее, в первой половине XX в., действительно, доминировало представление о развитии государственности в этих странах чуть ли не с VI в., но постепенно от этих взглядов отказались²⁴.

Поскольку Мельникова не называет ни одного критерия или признака, согласно которым она небольшую территорию с центром в Хедебю уже со второй трети VIII в. выделяет как «раннегосударственное образование»²⁵, а не как более архаичную социально-политическую

²³ Мельникова Е. А. Укрощение... С. 12–13, 17.

²⁴ См. об этом: *Lindkvist Th. Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid.* Uppsala, 1995. S. 1–13; *Lindkvist Th. Det svenska samhället 800–1720. Klerkernas och adelns tid. Andra upplaga. Studentlitteratur / Th. Lindkvist, M. Sjöberg.* 2008. S. 15–42; *Harrison D. Sveriges historia.* Stockholm, 2009. S. 13–74, 119–130.

²⁵ На конференции «Третьи Лихудовские чтения» (Великий Новгород, 2010) мне было высказано возражение, что критерии раннего государства даны Е. А. Мельниковой в её статье «К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе. (Постановка проблемы)» // ДГВЕ. 1992–1993. М., 1995. С. 16–30. Однако статья, написанная более 15 лет тому назад, не избавляет автора от обязанности давать определения тех же категорий в своих последних работах, тем более, что за пятнадцать лет, например, концепция раннего государства получила значительное развитие, хотя по-прежнему остаётся дискуссионной. (См. об этом: *Thirty years of Early State research // Social Evolution&History. Vol. 7. № 1 / March 2008; The Early State in Anthropological Theory // Ibid. Vol. 8. № 1 / March 2009*). Кроме того, в упомянутой статье автор как раз демонстрирует довольно путаные представления и о предгосударственных политиях, и о раннегосударственных. Так, Мельникова выделяет «догосударственные потестарно-политические структуры», отождествляемые ею с термином *chiefdom*, переводимом ею весьма оригинально как «вождийство» (см. её статью, с. 21). Однако почему-то термин

организацию, например, как догосударственное образование типа вождества, то позволю себе высказать догадку, что в своём анализе она и здесь исходит из внутреннего убеждения, питаемого вышеперечисленными утопиями: раз в западноевропейских источниках упоминаются титулы «гех Дапогум», то это – государственность, пусть хоть и ранняя, чтобы отдать дань современным концепциям о раннем государстве. Но ведь в русских летописях также говорится о древнерусских князьях до прихода Рюрика?! А их сторонники концепции «Князя по найму» объявляют «неподлинными» или «нелигитимными». Нет государственности – нет и князей, согласно их убеждению. Для того, очевидно, и подтягивается до ранней государственности уровень южношведских конунгов.

Краткий экскурс в историю западноевропейских утопий XVI–XVIII вв. (готицизма, рудбекианизма, теории Общественного договора и др.) и сравнительный анализ их традиций с существующей концепцией возникновения древнерусского института княжеской власти, которую я назвала концепцией «Князя по найму», а также – тесно связанной с ней концепцией древнерусского политогенеза, показывает, что исследования по древнерусской истории продолжают находиться под влиянием упомянутых утопий, что негативно сказывается на процессе изучения проблематики древнерусской государственности и, по моему убеждению, мешает использовать достижения современных теоретических исследований в области политогенеза, что в конечном итоге может привести к стагнации.

Пробным камнем для достоверности сделанного вывода служит как раз концепция вождества, а также другие теории о путях движения к государственности, которые разрабатываются современной теоретической мыслью, и отношение к ним части отечественных историков – специалистов в области древнерусского политогенеза. Если более десяти лет тому назад

«предгосударственная структура», что, на наш взгляд, является синонимом догосударственной, у неё уже тождественна раннегосударственной. Так, говоря о Северо-Западе Восточной Европы в IX в. или будущей Новгородской земле, Мельникова замечает: «...здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию» (с. 26). Она уверена, что основными особенностями раннего государства (в её определении «зарождающегося») являются военная организация – дружина и торговля. Но это совершенно не соответствует исторической действительности, так как торговля и военная элита присутствуют и в политических системах кочевников евразийских степей, но их «кочевые империи» по своему устройству являлись суперсложными вождествами (см., например, работы Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой).

термин *вождество* встречался в работах по проблематике древнерусского политогенеза²⁶, то в течение последующих лет он или стусевался и исчез, или стал подвергаться завуалированным, но достаточно резким нападкам, что мы видим, например, в работах М. Б. Свердлова по историографии и истории Руси домонгольского периода: «Для националистов разных партийных направлений, сторонников цивилизационных, антропологических и культурологических методов – это одна из форм отрицания единства культурно-исторического развития России в пространстве стран европейского континента»²⁷. Слова эти направлены, прежде всего, против исследователей, отстаивающих идею о дофеодальном периоде истории Руси, но косвенно они задевают и тех, кто занимается исследованием процессов политической эволюции архаических обществ в рамках таких новых дисциплин, как политическая антропология, которая ориентируется на изучение проблем власти и управления.

Для тех же российских историков, которые стремятся продолжать разрабатывать концепцию вождества, заповедной темой, по-прежнему, является институт наследной власти в вождествах. Примером служат работы Е. А. Шинакова, который, рассматривая в одной из статей «механизмы» древнерусского политогенеза, практически, избегает касаться анализа института княжеской власти в летописных княжениях (см. ПВЛ, Новгородские летописи и др.) до призвания Рюрика, по старинке апеллируя к идее появления этого института из договора²⁸. В результате из исследований либо изымается, либо беспомощно истолковывается сама тема летописных дорюриковских князей, например, у полян и др.²⁹, что никак не способствует воссозданию цельной картины древнерусского политогенеза. До тех пор, пока не будет осознано, что договоры с князьями/королями (чему имеется множество примеров) – это не то же самое, что возникновение княжеской/королевской власти по договору (чему аналогов нет, с тех пор как

²⁶ См., например, *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе. (Постановка проблемы) // ДГВЕ. 1992–1993. М., 1995. С. 16–30; *Котляр Н. Ф.* Указ. соч. С. 33–40; *Шинаков Е. А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 316–334.

²⁷ *Свердлов М. Б.* Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. Саратов, 2002. С. 35; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 26–27, 33–36.

²⁸ *Shinakov Evgeniy A.* The Mechanisms of Old Russian State Genesis // *Social Evolution&History*. Vol. 6. № 2 / Sept. 2007. P. 128–129.

²⁹ См., например, *Мельникова Е. А.* Рюрик и возникновение... С. 47–53, включая и список литературы к статье.

теория Общественного договора признана утопией), исследования по древнерусскому политогенезу будут топтаться на месте.

Моя мысль о том, что учёные, разделяющие взгляд на призвание Рюрика как на наём безродного предводителя скандинавских отрядов, не в состоянии осваивать всё многообразие новых форм развития общетеоретической мысли, касающихся анализа архаичных обществ, обсуждающихся в современной науке, находит подтверждение в словах известного археолога Е. Н. Носова, высказанных в «Послесловии» к книге Л. С. Клейна «Спор о варягах». Путь для создания новой общетеоретической базы при решении «многих ключевых проблем русской истории» Носов видит только в возврате к началу XX в.: «Проступающие контуры новой концепции истории Руси во многом восходят ... к русской исторической мысли начала столетия – В. О. Ключевскому, С. Ф. Платонову, А. Е. Преснякову...»³⁰. Вот спасибо за такой путь: ни шагу вперёд, только – назад.

Лишь освобождение от вышеперечисленных утопий может вырвать отечественную историческую мысль из блуждания по кругу или методологического тупика.

³⁰ Носов Е. Н. Послесловие // Клейн Л. С. Спор о варягах. СПб., 2009. С. 350–355.

Лидия Грот (Люлео, Швеция)

О древнерусском институте княжеской власти, новгородских «замках»-цилиндрах и ирландских *toggles*

В своих работах, посвящённых генезису древнерусского института княжеской власти, я показываю, что существующие в исторической науке концепции о возникновении и развитии древнерусского института княжеской власти сложились под влиянием нескольких западноевропейских утопий XVI–XVIII вв. В частности, доминирующая в отечественной науке концепция, трактующая летописное Сказание о призвании Рюрика и его братьев на княжение к предкам новгородцев как приглашение безродного наёмника из Скандинавии (чаще всего называют Среднюю Швецию), который по договору (так однозначно толкуется слово «ряд») стал князем, является реликтом теории Общественного договора, согласно которой государство и королевская или княжеская власть возникали немедленно из первобытного хаоса «народоправства» на основе сознательно заключённого между людьми договора¹.

Кроме теории Общественного договора на исследование генезиса древнерусского института княжеской власти (как, впрочем, и на изучение всей проблематики древнерусского политогенеза), оказали влияние такие западноевропейские утопии, как готицизм и рудбекианизм, результаты исследований которых представлены в ряде моих последних работ. В основе готицизма и рудбекианизма – фантазии, наполненные образами

¹ Грот Л. П. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки. 2006. Историографический вестник. М., 2007. С. 72–118; Грот Л. П. Имена древнерусских князей: к проблеме сакрального и династийного принципов именословов // Древняя столица: история и современность. Владимирские чтения. Владимир, 2006. С. 17–41; 2-е изд., 2007 г. С. 21–49; Грот Л. П. Начальный период российской истории и западно-европейские утопии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. 2006–2007 гг. Великий Новгород, 2007. С. 12–22; Грот Л. П. Рюрик и традиции наследования власти в догосударственных обществах // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв.: материалы междунар. науч. конф. 31 окт. – 1 нояб. 2008 г. Липецк, 2009. С. 33–72; Грот Л. П. Алгебра родства и практика призвания правителя со стороны // Алгебра родства. СПб., 2009. С. 132–194; Грот Л. П. Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2009. Вып. XLIX. С. 132–154.

гото-германо-скандинавских завоеваний, несущих другим народам Европы государственность и монархический порядок².

Утопический балласт в российской исторической мысли привёл к тому, что теоретическая мысль при исследовании, например, генезиса древнерусского института княжеской власти замерла на отметке «XVIII век», что загнало исследования по данной проблематике в методологический тупик. Застой проявляется не только в том, что при изучении возникновения и развития древнерусского института княжеской власти стало невозможным использовать современные достижения теоретической мысли в исследовании института верховной власти в архаичных обществах, но и в том, что новые интересные находки, касающиеся данной проблематики, вместо объективного анализа, подкладываются в гнездо «наседки» – утопии, которая ничего живого высидеть не может.

Это подтвердила полемика во время «Третьих Лихудовских чтений» с К. Г. Самойловым, который, отстаивая норманистскую идею возникновения княжеской власти из договора, в качестве аргумента сослался на найденные в ходе раскопок Новгорода в слоях конца X – первой четверти XII в. «замки»-пломбы или цилиндры, датируемые концом X в. Об этих интереснейших находках рассказывается в работах В. Л. Янина³.

В средневековом Новгороде такие «замки», представлявшие собой обрезки берёзового или ольхового стволов, использовались для «пломбирования» мешков с собранными в виде пушнины государственными доходами, поскольку, отмечает В. Л. Янин, на поверхности они содержали надписи, указывающие принадлежность содержащегося в мешке князю или сборщикам налогов, а сами «...ценности распределялись на месте их сбора между получателями (князь, церковь, вирник) и опечатывались... Цилиндры – замки служили верной гарантией против подмены шкурок менее качественными по пути в Новгород»⁴. Анализ комплексов цилиндров позволил В. Л. Янину сделать

² Об этом см.: Грот Л. П. Начальный период российской истории... С. 12–22; Грот Л. П. Гносеологические корни норманизма // ВИ. 2008. № 8. С. 111–117; Грот Л. П. Алгебра родства и практика призвания... С. 132–194; Грот Л. П. Рюрик и традиции наследования власти... С. 33–72; Грот Л. П. Утопические истоки норманизма: мифы о гипребореях и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории / сост. и ред. В. В. Фомина. М., 2010. С. 321–338; Грот Л. П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии: сб. ст. и монографий / сост. и ред. В. В. Фомина. М., 2010. С. 103–202.

³ Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001; Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

⁴ Янин В. Л. У истоков... С. 46; Янин В. Л. Очерки истории... С. 30–33.

важный вывод о деятельности княжеского фискального аппарата в Новгороде и поставить вопрос об его истоках: «От будущих находок... зависит правильное решение, восходит ли участие новгородской аристократии в контроле за государственными доходами к пожалованиям Ярослава Мудрого, или оно уже было сформулировано в исходном договоре призвания князя в Новгородскую землю в середине IX в. ... оставаясь в рамках гипотезы, представляется более вероятным восхождение рассматриваемой особенности новгородского государственного устройства ко времени призвания князя в середине IX в.»⁵.

Предположение В. Л. Янина о том, что традиция ограничения княжеской власти в Новгороде может восходить «...к прецедентному договору с Рюриком, заключённому в момент его приглашения союзом северо-западных племён», вполне закономерно. Договоры с представителями княжеской/королевской власти и обсуждения разного рода «кондиций» – феномен известный в разные времена и у разных народов. Однако путать договоры с кандидатами в князья и князей по договору всё равно, что путать «божий дар с яичницей». Опираясь на весь известный исторический опыт, есть основание утверждать, что как «замки»-пломбы, так и любые другие находки, могут подтверждать, в лучшем случае, начало новой княжеской династии, но не возникновение самого института княжеской власти.

Собственно, с этим можно было бы посчитать вышеупомянутую полемику исчерпанной, если бы в ней в качестве «весомой» аргументации в пользу концепции о возникновении древнерусского института княжеской власти из договора с безродными наёмниками не использовались находки сходных по устройству деревянных цилиндров в слоях X в. в Волине, а также – деревянных *toggles* – цилиндрических пуговиц из коллекций Дублина, и на этих археологических материалах необходимо остановиться подробнее. Анализ материалов по польскому Волину я для данной статьи не успела подготовить, а вот с ирландскими материалами, как в связи с описанием упомянутых археологических находок, так и в плане более широкой проблематики раннесредневековой истории Ирландии, я ознакомилась достаточно подробно.

Упомянутые деревянные «цилиндры» из Дублина представлены в работе ирландского учёного Джеймса Ланга, посвящённой резным орнаментам на деревянных предметах, найденным при раскопках Дублина⁶. Следует сразу сказать, что дублинские *toggles* и новгородские «замки» разнятся по очень многим параметрам. В дублинской коллекции

⁵ Янин В. Л. У истоков... С. 61–62.

⁶ Lang James T. Viking – Age Decorated Wood. A Study of its Ornament and Style. Medieval Dublin Excavations 1962–81. Ser. B. Vol. 1 (1988). Dublin, 1988.

представлены три вида «цилиндров»: два из них DW29 и DW30 носят название «пуговица» – *toggle*, т. е. цилиндрических деревянных пуговиц или застёжек. Размеры этих изделий вполне соответствуют своему названию: DW29 – L. 2.9 cm; W. 2.0 cm; D. 1.9 cm. DW30: H. 2.7cm, W. 2.7 cm and 2.1 cm. Третий вид DW42 так и называется «цилиндр» – «*cylinder*», или предмет неопределённого назначения, но, по мнению Ланга, это изделие также сравнимо с пуговицей DW29. Его размеры: H. 3.2 cm, W. 2.5 cm⁷. Как было упомянуто выше, Ланга интересовала собственно резьба на деревянных бытовых предметах, найденных при археологических исследованиях Дублина. Анализируя различные стили резных орнаментов, Ланг пытался их классифицировать и разбить на группы с определением этнических истоков и хронологии, что было, как он заметил, совсем нелёгкой задачей в том конгломерате стилей и культур, которые отличали средневековую Ирландию.

Известный ирландский археолог Патрик Ф. Уоллес отмечал, что археологические комплексы, обнаруженные при раскопках средневекового Дублина, могут быть отождествлены с тремя основными этническими группами: английской (English Contribution), скандинавской (Scandinavian Contribution) и ирландской или автохтонной (Irish or Indigenous Contribution), а также – с гибридной, рождённой взаимодействием различных культур⁸. Ланг постарался выделить значительно большее количество типов деревянной резьбы и определить их этнические и хронологические характеристики. *Toggles* и *Cylinder* из Дублина, которые приводятся также и в работах В. Л. Янина с пояснением, что указание на них получено от Р. Ковалёва, Ланг относит к так называемой «The Dublin School». Предметы этого типа, согласно Лангу, по своим мотивам, композиции и другим свойствам обнаруживают большее родство с поздне-саксонским стилем из южной Англии, а также с собственно ирландскими традициями прикладного искусства. И хотя в орнаментах «The Dublin School» прослеживается близость с так называемым стилем «Scandinavian Ringerike»⁹, предметы «дублинской группы» обладают многими чертами, нехарактерными для прикладного искусства из Рингерики, в частности, как отмечает Ланг, они обладают более сжатым декором, наличием характерно переплетающихся завитков – манеры, восходящей к островной ирландской традиции, и др. Свой вывод о том, что декор предметов «дублинской группы» связан с традициями народов

⁷ *Ibid.* P. 22, 24–25, 60, 66

⁸ Wallace Patrick F. Irish Archaeology and the Recognition of Ethnic Difference in Viking Dublin // Evaluating Multiple Narratives / ed. Junko Habu, Clare Fawcett, John M. Matsunaga. N. Y., 2008. P. 166–183.

⁹ Ringeriki – имя исторической области Норвегии (сейчас – название муниципального округа в юго-восточной части страны, неподалёку от Осло), а также название декоративного стиля конца X–XI вв., образцы которого встречались преимущественно в Норвегии, в Южной Англии, в Ирландии.

Ирландии и Британии, Ланг подкреплял высказыванием П. Уоллеса, который также предостерегал от излишней готовности искать скандинавские истоки для данного стиля¹⁰.

Важно, помимо этого, отметить, что все предметы, объединяемые Лангом в «дублинскую группу», относятся к XI в.¹¹, а не к X в., как цилиндры из Волина или как новгородские замки (конец X в.). Но самое главное, дублинские цилиндрические пуговицы-застёжки никак не связываются с институтом королевской власти в Ирландии и уж тем более – с его генезисом. Это были, судя по всему, обычные бытовые предметы, использовавшиеся как декоративные элементы одежды или как какой-то другой декор.

Таким образом, у дублинских «цилиндров» и новгородских «замков» нет ничего общего как хронологически, так и функционально. «Замки» из Новгорода использовались для «запирания» мешков с данью. Пуговицы из Дублина, скорее всего, должны были использоваться как элемент одежды, на что указывает и их явная декоративность. Первые – связаны с традицией севера Восточной Европы, вторые, согласно анализу их декора, – с ирландской и британской традициями. Единственное, что их роднит, это цилиндрическая форма и то, что для крепления к поверхности они имели просверленное отверстие, в которое продёргивалась верёвка или нить. Но кто возьмётся утверждать, чья «инженерная» мысль одарила человечество этой конструкционной идеей? И самое главное, как данные археологические находки могут повлиять на мой вывод о том, что институт наследной власти, как на Руси, так и в других странах, не возникает по договору?

Однако совершенно очевидно, что в вышеупомянутой полемике пример с археологическими находками из Дублина и стремление увязать их с новгородскими «замками», да ещё в контексте дискуссии о генезисе древнерусского института княжеской власти, были наведены на легко узнаваемую цель. Хочу напомнить, что большое место в событиях ирландской истории конца VIII–X вв. занимали нападения на Ирландию тех, кого ирландские хронисты называли *Genti* или *Gentiles*, т. е. *язычники, нехристиане*, а современная наука окрестила обобщённым именем *скандинавов*, они же *норманны* (в англоязычной литературе часто как *the Norse* или *Northmen*), они же *викинги*¹². Полагаю, есть основание

¹⁰ Lang J. T. Op. cit. P. 3; Wallace P. F. The English presence in Viking Dublin // Anglo-Saxon monetary history / ed. M. A. Blackburn. Leicester, 1986. P. 216–217.

¹¹ Lang J. T. Op. cit. P. 3, 20, 22–23, 46.

¹² Здесь следует напомнить, что прямая подмена *nordmannos* (или вышеупомянутых *the Norse*) – «северян» из средневековых хроник на *скандинавов* началась ещё в рамках шведского готицизма, с Олауса Петри (об этом см. мои статьи, например, «Генезис древнерусского института...» и др.), но окончательно оформилась уже в рудбекианизме. В XVIII–XIX вв. к этой паре в качестве синонима добавились и *викинги*. Эта череда подмен привела к

возникновению ряда очевидных несостыковок в концепциях, сложившихся по «норманской» проблематике.

Приведу несколько примеров из ирландской и российской историографии. Ирландская медиевистика унаследовала традиции готицизма, развиваясь долгое время в лоне английской историографии. С провозглашением республики Ирландии после Второй Мировой войны, начался новый период в развитии этой области науки. Активное исследование периода ирландской истории, традиционно называемого «The Viking Age» (начиная с 794–836 гг., с первых нападений *gentiles* на Ирландию), включая и его археологию, получило развитие, согласно П. Уоллесу, с 1960 г. В ходе этого процесса ирландские учёные столкнулись с вопросами, традиционные ответы на которые более не удовлетворяли, а поиски новых ответов рождали острые дискуссии. Если отвести от них всё производное, то на первый план начинает выступать ряд сомнений, которые подводят к вопросу о том, а кто же, в действительности, были те *gentiles-northmen-ostmanni/ostmen*, принёсшие в Ирландию основы городской цивилизации и заложившие первые ирландские города? Дело в том, что, с одной стороны, результаты современного изучения истории города в скандинавских странах, а с другой стороны, сравнительный анализ истории ирландского города с историей поселений выходцев из скандинавских стран на остальных Британских островах или в Исландии обнаружили существенные несоответствия с укоренившимся представлением о том, что первые города в Ирландии были основаны викингами (так формулируется мысль, например, у П. Уоллеса). «Часто вызывает удивление, – пишет известный ирландский историк Френсис Д. Бирн, – что “варвары”-викинги смогли принести “городскую цивилизацию” в Ирландию. ... Даны, которые заселили большую часть северной и восточной Англии, не строили городов, хотя они оккупировали Йорк и приложили немало усилий для захвата Лондона – два главных города в римских провинциях Британии, которые продолжали существовать и в англо-саксонский период. На Фарерских островах, Шетландских островах, на Оркнейских островах, в Сатерленде, на Гебридах и даже в Исландии, где они заселили пустынные местности или захватили заселённые местным населением территории, города не появились» (*Byrne F. J. The Viking age // A New History of Ireland. I. Prehistoric and early Ireland / Ed. Dáibhí Ó Cróinín. Oxford, 2005. P. 620–621*).

Для общего понимания всей исторической проблематики о так называемой «роли» скандинавов в европейской истории, стереотипы которой восходят к готицизму, отмеченные несоответствия между реальной историей и историей книжной очень важны. В этом плане был бы интересен основанный на современных данных сравнительный анализ по истории города в скандинавских странах и в Ирландии. Но такой анализ – задача отдельной работы. Здесь же мне хочется заметить, что всякие видимые несоответствия в историческом повествовании возникают тогда, когда из него выпадает часть материала. Как мне представляется, из описанных выше событий «выпала» история народа варинов – древнего народа на южнобалтийском побережье, обладавшего развитыми традициями градостроительства, мореходства и торговли и в качестве постоянного союзника англо-саксов участвовавшего в заселении Британских островов

(см. мою статью: *Грот Л. П.* Тема «варины – варяги – вэринги» в историографии // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX–XXI вв. Липецк, 2009. С. 5–13.)

Имеются и другие несоответствия, которые начинают расшатывать устои классики «викингской» темы. Так, Ф. Бирн напомнил в одной из своих работ, что этимология слова «viking» – предмет длительных дискуссий. Этот термин, как он отметил, известен только в Западной Европе и в средневековых хрониках упоминается в связи с описаниями походов *northmen* или *gentiles*. Однако само слово, напоминает Бирн, старше, чем эпоха «The Viking Age», поскольку оно встречается уже в староанглийском языке в VIII в., где *uicingsceade* было обнаружено в значении *nipam* (*uitsing* в старофризском), а в старонемецком того же периода слово *Wiching* было найдено как имя личное. И явно от этого личного имени, а не от нарицательного имени, убеждён Бирн, произошло название *Wicklōw* (*Vikingal`o* или викингская луговина), так же, как и ирландское имя *Uiginn*. Толкование *vik-king* или *король фьорда*, по мнению Бирна, (так же, как и по мнению многих других учёных), невозможно чисто лингвистически, поскольку в старонорвежском слово «king» существовало в форме *konungr*, более того, не все викинги были «seakings». Давно отвергнута, напоминает Бирн, как лингвистически невозможная мысль о том, что слово произошло от гидронима Вик (название фьорда Осло на юге Норвегии) как название местных жителей, которые известны в источниках как *vikverjar* (*Byrne F. J. Op. cit. P. 618*).

Аналогичное мнение высказывается и Т. Н. Джаксон. Она кроме того, напоминает, что была попытка производить термин *vikingr* от да. *wic*, восходящего к лат. *vicus* и обозначающего укреплённый лагерь. Но эта попытка, поясняет, Т. Н. Джаксон, была отвергнута, поскольку маловероятно, чтобы воинственные скандинавы получили имя от обозначения своих или чьих бы то ни было лагерей в Англии. Заметным, напоминает Джаксон, стало толкование Ф. Аскеберга, производящего термин *vikingr* от глагола *vikja* – «поворачивать, отклоняться» и понимающего *викинга* как человека, изменившего свой образ жизни, ушедшего из дома, покинувшего родину. Это мнение, согласно Джаксон, признано наиболее авторитетным. Однако, комментирует она, уход из дома – не самое главное в характеристике викинга. Поэтому, полагает Джаксон, интересным является мнение Пера Торсона, возводящего дисл. *vikingr* к прагерм. корню **wig* со значением «битва, убийство», встречающемуся в существительных – дисл. *vig*, да. *wig* и др. – и в родственных глаголах – дисл. *vega* «убивать» *wigan* «бороться» (*Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времён до 1000 г.). М., 1993. С. 82). Ознакомившись с историей поисков этимологии слова *викинг*, начинаешь приходить к мысли, что слово-то *викинг*, похоже, является заимствованным в скандинавских языках, т. е. оно пришло в эти языки с континента, где уже в раннее Средневековье было известно как обозначение для «пирата» и имело достаточно прозрачную связь и с латинской лексической традицией, и с фризской, и с верхненемецкой. Далее очень логично предположить, что оно было перенесено носителями упомянутых языков на Британские острова, откуда уже было заимствовано данами и поселенцами в Исландии.

И только с началом изучения исландских саг слово *викинг* получило статус «общескандинавского» силой чисто книжной умозрительности и стало дрейфовать в волнах фантазий готицизма и последующих утопий. Представляется, что потому-то и отвергается очень, на мой взгляд, убедительная этимология *викинг*, восходящая к лат. *vicus* – *укреплённый лагерь*, поскольку она подкладывает мину под всю привычную конструкцию *викинги* как *скандинавы*. Хотя можно заметить, что в скандинавской традиции был и безусловно свой термин для обозначений грабительских, т. е. пиратских походов. Г. В. Глазырина приводит слово «*hernaðr*» – «грабительский поход» (обычно в выражениях *fara í hernaðr*) и поясняет, что этим словом в исландских сагах обычно обозначается кратковременный военный поход, предпринятый с целью быстрой и лёгкой наживы, сопровождавшийся разбойным грабежом и опустошением территории, на которой происходит данная акция. В древнеисландском судебнике *Grágás*, продолжает Глазырина, слово *hernaðr* использовано как юридический термин (Глазырина Г. В. Исландские саги. М., 1996. С. 95).

Согласно вышеприведённым словам Ф. Бирна, слово *викинг* применялось при описании походов *northmen* или *gentiles*. Термин *gentiles* – не этноним, а конфессиональная характеристика – нехристиане, язычники. Под этим именем могли скрываться разноэтничные группы, но объединённые одним языческим культом. *Northmen* или лат. *Nordmannos* – тоже необычное название в качестве этнонима. Согласно свидетельствам историка X в. Лиутпранда, имя *Nordmannos* происходит от тевтонских слов *nord* – *север* и *man* – *человек*: *Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man auter dicitur homo, unde et Nordmannos aquilonares hominis dicere possumus....*». Таким образом, слово это, в общей сложности, означает «*северяне*». Как уже было сказано, шведский историк Олаус Петри совершенно декларативно заявил, что *nordmannos*, были, скорее всего, выходцами из трёх скандинавских стран. И эта декларация в XVIII–XIX вв. трансформировалась в прописную истину. В исландских сагах используется топоним *Нордлэнд* (*Norðlond*) или *Северные страны*, естественно связанный с *Nordmannos*.

В работе Глазыриной находим разъяснение, что данный топоним имеет собирательное значение и обозначает, по преимуществу, скандинавские страны, но может также относиться и к северной части Германии, при этом даётся ссылка на следующую работу: *Metzentin E. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schriftum. Pennsylvania, 1941*. Убеждённость Глазыриной в том, что топоним *Нордлэнд* преимущественно относится к скандинавским странам, понятна, поскольку данная мысль, как было сказано выше, начала декларироваться ещё с XVI в. Но, как серьёзный учёный, она не может замолчать и тот факт, что территория, отмеченная данным топонимом, была намного шире, включая и северную часть европейского континента. Сейчас пора по-новому поставить вопрос о связях современной северной Германии, т. е. южнобалтийского побережья с более северными пределами Европы, конкретно, со Скандинавией в раннее Средневековье. Но для этого надо выйти за рамки жёсткого этнического противопоставления германцев и славян. Южнобалтийское население не только в раннем Средневековье, но и много позднее сохраняло дославянские, реликтовые индоевропейские черты, а

предположить, что вот эти-то нападения вкупе с дублинскими цилиндрическими *toggles* оказались соблазнительным сочетанием, которое захотелось подтянуть к событиям новгородской истории и с его помощью попытаться намекнуть, что если, с одной стороны, взглянуть на институт княжеской власти в Новгороде, а с другой стороны, порассуждать о нападениях *the Norse* в Ирландии, то можно каким-то образом подкрепить утверждение норманистов о том, что древнерусский институт княжеской власти возник благодаря безродным скандинавским наёмникам.

Но только как ни подводи упомянутые сюжеты, как тонко ни натягивай, решительно ничего нельзя извлечь из указанного периода истории Ирландии в связи с княжеской властью в Новгороде. *Gentiles* из ирландских источников, согласно данным ирландских учёных, не выказывали намерений вмешиваться в систему королевской власти Ирландии или как-то воздействовать на неё¹³. Кроме того, невзирая ни на какие археологические находки в Ирландии или бурные события раннесредневековой ирландской истории, никому до сих пор не приходило в голову уверять просвещённое человечество в том, что институт королевской власти в Ирландии возник по договору с какими-то безродными пришельцами со стороны.

Вывод из вышеприведённого, на мой взгляд, очевиден: до тех пор, пока не будет осознано, что договоры с князьями/королями (чему имеется множество примеров) – это не то же самое, что возникновение княжеской/королевской власти по договору (чему аналогов нет, с тех пор как теория Общественного договора признана утопией), исследования по генезису древнерусского института княжеской власти будут топтаться на месте, не покидая затхлого методологического тупика.

Германия Тацита была территориальным полиэтническим образованием, населённым разноязычными народами, возможно, в какие-то периоды объединённых неким конфессиональным единством. Онемечивание (или, если позволено будет так выразиться, «огерманоязычивание») населения Германии Тацита произошло тоже в XVI в., на волне немецкого готицизма, в трудах немецких гуманистов Ф. Иреника, В. Пиркхаймера и др. Если мы сумеем освободиться от оков утопий того периода и более объективно проанализируем известные источники, то не вызывает сомнений, что мы найдём более логичные ответы на вопросы, по которым сейчас концы с концами пока не сходятся.

Полагаю, вышеприведённых данных достаточно для того, чтобы пробудить сомнения в общепринятом отождествлении исключительно скандинавов с викингами, *northmen/nordmannos* или *gentiles* средневековых западноевропейских хроник. Реальная картина раннесредневековой истории, где действовали вышеперечисленные персонажи, может оказаться намного сложнее и многозначнее. Восстановление этой реальной картины – вопрос очень насущный для историй многих стран, и в первую очередь, для истории России.

¹³ *Byrne F. J. Op. cit. P. 609–634; Wallace P. F. Irish Archaeology... P. 171–172.*

Список сокращений

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи (Москва)
БАН	– Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург)
БелГУ	– Белгородский государственный университет
ВГИК	– Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва)
ВИ	– Вопросы истории
ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (С.-Петербург)
ГАКО	– Государственный архив Костромской области
ГАНО	– Государственный архив Новгородской области
ГАСПИТО	– Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАХО	– Государственный архив Харьковской области
ГИМ	– Государственный исторический музей (Москва)
ГУ ВПЦ «Дзержинец»	– Государственное учреждение Военно-патриотический центр «Дзержинец» (С.-Петербург)
ДГВЕ	– Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917
ИАИ	– Историко-архивный институт РГГУ (Москва)
ИАЭ	– Исторический архив Эстонии (Тарту)
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории РАН (Москва)
ИР НБУВ	– Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского
КГТУ	– Костромской государственный технологический университет
КОИАХМЗ	– Костромской объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
ЛОКА	– Ленинградское отделение коммунистической Академии
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
НАЭ	– Национальный архив Эстонии
НБ	– Научная библиотека
НГОМЗ	– Новгородский государственный объединённый музей-заповедник
НГПИ	– Набережночелнинский государственный педагогический институт, Набережные Челны

НГПИ	– Новгородский государственный педагогический институт
НГУИ	– Новгородский государственный учительский институт
НИОР	– Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
НИС	– Новгородский исторический сборник
НовГУ	– Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
ОИ	– Отечественная история
ОНУ	– Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова
ОР	– Отдел рукописей
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПКНО	– Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник
ПСЗРИ	– Полный свод законов Российской империи
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
ПЭ	– Православная энциклопедия
РАН	– Российская Академия наук
РАХ	– Российская Академия художеств
РБС	– Русский биографический словарь
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	– Российская государственная библиотека (Москва)
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РГСУ	– Российский государственный социальный университет (Москва)
РИБ	– Русская историческая библиотека
РНБ	– Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
РО	– Рукописный отдел
РОИИ	– Российское общество интеллектуальной истории
Сб. РИО	– Сборник Русского исторического общества
СГУ	– Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
СПбГУИТМО	– Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики
СПбГУКИ	– Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПб ИИ РАН	– Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ТГПУ	– Томский государственный педагогический университет
ТГУ	– Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ТюмГУ	– Тюменский государственный университет
УРАО	– Университет Российской Академии образования (Москва)
УрГУ	– Уральский государственный университет (Екатеринбург)
ХНАУ	– Харьковский национальный аграрный университет им. В. В. Докучаева
ХНУ	– Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина
Христ. чт.	– Христианское чтение
ХТЭИ	– Харьковский торгово-экономический институт
КНТЭУ	– Киевский национальный торгово-экономический университет
ЦГИАК	– Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских
PL	– Patrologia Latina

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
ТРАДИЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ	
Фомина Т. Ю. К вопросу о подготовке приходских священников в Великом Новгороде (XII в.).....	4
Варнаев В. Н. Образование в средневековом Новгороде (XI–XV вв.): проблемы изучения	14
Деминцев М. С. Древнерусский памфлет на Михаила Палеолога	18
Вернер И. В. Отражение принципов средневековой европейской лингводидактики в церковнославянской филологической практике новгородских и московских книжников конца XV–XVII вв.....	25
Рамазанова Д. Н. Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софония Лихудов в Москве в конце XVII в.: росписи учеников	34
Суториус К. В. Курсы «Логики» и «Физики» братьев Лихудов в Московской Славяно-греко-латинской академии.....	48
Вознесенская И. А. Учётная документация Синода как источник по истории греческих школ в России начала XVIII в.	60
Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов при архиепископе Феофане (Прокоповиче)	63
Фефелова О. А. Высшие иерархи из Новгорода и Киево-Могилянской академии в Сибири в XVII–XVIII вв.....	71
Ионайтис О. Б. Философский курс Феофилакта (Лопатинского) в Славяно-греко-латинской академии.....	77
Сизинцева Л. И. Костромская духовная семинария – «окно» в эпоху Просвещения.....	84
Малкин С. А. Митрополит Новгородский Амвросий (Подобедов) как деятель духовного образования XVIII – начала XIX в.....	90
Посохова Л. Ю., Посохов С. И. На пути к университету: православные коллегіумы и местное общество (XVIII – начала XIX в.).....	103
Герд Л. А. Россия и духовные школы на христианском Востоке: Халкинская богословская школа	112
Иващенко В. Ю. Заграничные поездки молодых учёных и профессоров Харьковского университета в первой половине XIX в.	118

Павлова Т. Г. Профессора-иностранцы в императорском Харьковском университете	128
Голикова Е. М. Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства: влияние европейских традиций университетского образования на становление высшей аграрной школы (1816–1921)	135
Майборода П. А. Н. Н. Розенталь в первые послереволюционные десятилетия: неудачная попытка адаптации или столкновение двух враждующих традиций?	145
Крымская А. С., Зюзин С. А. Университетская тема в истории общественной мысли: вклад Г. А. Тишкина в её изучение	158

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТРАДИЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Блохина И. Р. Философ и его ученики (о роли наставничества Аристотеля в эллинском мире)	167
Безрогов В. Г., Баранникова Н. Б. Мудрость, знание, понимание: ученичество и высшее образование в эпоху раннего Средневековья на христианском Востоке	173
Болгова А. М., Болгов Н. Н. Ранневизантийская школа: античное и христианское (по Хорикию из Газы)	185
Гладков А. К. « <i>Omnium expetendorum prima est sapientia</i> ». Иерархия знания и классификация искусств в «Дидаскаликоне» Гуго Сен-Викторского	194
Девятайкина Н. И. Учитель, школа, ученик в пространстве раннего Ренессанса (по письмам и диалогам Петрарки)	204
Бергер Е. Е. Хирургия между двух миров: корпорация св. Косьмы и проблемы хирургического образования во Франции XV–XVI вв.	218
Бортник Л. А. Истоки университетского образования в Восточной Европе	226
Белякова Н. Ю. Альтернативные маршруты высшего образования в Англии эпохи Просвещения	234
Якубовская И. В. Высшее образование для народа: из истории университетского образования в Англии последней трети XIX в.	241
Сидорова Т. А. Традиции и проблемы университетского образования на рубеже XIX–XX вв.: Оксфорд – Кембридж	247
Григорьева И. Л. Проблема возникновения регулярной школы в Европе и сравнительно-исторический метод М. М. Ковалевского	254

ИСТОРИЯ КНИГИ И БИБЛИОТЕК

Хромов О. Р. К вопросу о формировании нового жанра в искусстве русской рукописной книги XVII–XVIII вв. (Гравюра в рукописях)	268
Королёв С. В. Книги-ученические награды XVII–XVIII вв.: учебные заведения Франции	276
Пичугин П. В. К вопросу комплектования библиотечного фонда Троицкой лаврской духовной семинарии в XVIII в. (по материалам НИОР РГБ)	288
Десятсков К. С. Князь Б. И. Куракин и формирование светской книжной культуры в России начала XVIII в.	297
Шор Татьяна. Ректор Юрьевского университета Антон Будилович и его исследование о средневековом Юрьеве-Дерпте	303
Балакина А. А. Цензорские списки как исторический источник по книгоизданию (1890–1906)	311
Рукавичникова В. В. О печатях и штампах на книгах из фонда редкой книги НБ НовГУ	313

ПРИЛОЖЕНИЕ

Грот Лидия. Проблемы исследования российского политогенеза и критика норманистской концепции «Князя по найму»	325
Грот Лидия. О древнерусском институте княжеской власти, новгородских «замках»-цилиндрах и ирландских <i>toggles</i>	340
Список сокращений	349

Научное издание

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ:
ОТ ДОУНИВЕРСИТЕТСКОЙ МОДЕЛИ
К УНИВЕРСИТЕТАМ**

Сборник статей

Составители

Грохотова Валентина Владимировна
Салоников Николай Вячеславович

Редактор *В. Г. Павлов*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 11.12.2018. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 100 экз. **Заказ №**
Издательско-полиграфический центр
Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано в ЗАО «Новгородский технопарк».
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Тел. 8 (816 2) 73-17-05.